

Центради по консерватизму

ISSN 2409-2517

[№ 4 2025]

*Война и мир
Дональда Трампа*

фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

Альманах

[Декабрь 2025 г.]

Война и мир Дональда Трампа

{ Март 2026 г. }

Тетради по консерватизму

{ № 4 2025 г. }

Москва
Некоммерческий фонд – Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2025

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям
5.5 – Политические науки, 5.6 – Исторические науки,
5.7 – Философские науки.

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет

Д.В. Бадовский, А.Д. Воскресенский, А.А. Иванов,
М.А. Маслин, Б.В. Межуев, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов (гл. редактор),
Е.Н. Мошелков, Л.В. Поляков (председатель), С.В. Перевезенцев, М.В. Ремизов,
А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников, М.М. Шевченко, А.А. Шириняц, А.В. Щипков.

Тетради по консерватизму: Альманах. – №4. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2025. – 270 с.

Очередной номер «Тетрадей по консерватизму» посвящен современному изводу американской консервативной политической мысли и практики. Трампизм стал новым явлением внутриполитической жизни США, а также международной повестки. В чем истоки и смыслы данного явления, а также насколько оно может оказаться устойчивым, – на эти вопросы мы попытались наметить ответы в данном выпуске альманаха.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 67506.

© АНО «Средство массовой информации
Альманах “Тетради по консерватизму”», 2025
© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2025

Р.В. Михайлов
От редакции
9

Л.В. Поляков
К читателю.
Интервью с Б.В. Межуевым
11

Раздел первый

Дональд Трамп – он такой один?

П.А. Киселев
Идеология Кремниевой долины: как прагматизм и неореакционизм
меняют Америку
21

А.В. Макаркин
От Монро к Донро
31

Н.И. Бубнова
Стратегия национальной безопасности второй каденции
Дональда Трампа: взрыв или хлопок?
45

Г.И. Игнатъев
Дональд Трамп и каноны консерватизма Расселла Керка
72

А.Т. Исмагилова
Национальный консерватизм как вызов американскому статус-кво
84

Раздел второй

Трампизм в идейном контексте

Д.О. Дробницкий
Почему западный либерализм проигрывает трампизму
99

В.В. Ванчугов
Философские и технологические элементы идеологии Илона Маска
периода второго президентства Трампа
107

Е.С. Холмогоров
Движение BLM в США: конструирование идеологии
117

А.В. Макаркин
Католический выбор-2024: за Трампа, против Харрис
148

А.В. Зайцева
Условия формирования американского неоконсерватизма
170

И.Н. Тяпин
Плюралистический монизм американского консерватизма и национальная
идея США: от истоков к трампистскому модифицированию
187

Раздел третий

Трампизм: проекция в прошлое и настоящее

В.Ю. Даренский
Эскапизм как американская «философия свободы»: от Г. Торо к Унабомберу
199

А.К. Камкин, М.И. Сигачёв
Трампизм как политическое явление. Идеология национал-максимализма
и борьба за величие наций
221

Р.А. Антонов
Консерватизм президентства Дональда Трампа: идеология «здорового смысла»
как основа республиканского движения в США до 2030-х годов
234

Ф.А. Щипков
Американская цензура в период Гражданской войны
242

Ф.А. Щипков
Цензура в США в период Первой мировой войны
249

Раздел четвертый

Размышления о прочитанном

В.Л. Близнеков
Идея Москва – Третий Рим: смысл и значение великой русской религиозно-
политической доктрины. Рецензия на книгу И.С. Вевюрко «Третий Рим.
500 лет русской имперской идеи»
259

А.А. Тесля
Об одной исторической публикации III отделения
266

Уважаемые читатели!

В теперь уже кажущемся очень далеко 2016 году мы выпустили номер «Тетрадей по консерватизму», посвященный всем направлениям американской консервативной социально-политической мысли и практики, которые существовали на тот момент. В том же номере авторский коллектив, по сути, предсказал первую победу Дональда Трампа на президентских выборах в США, что, не будет лишним напомнить, было совершенно не очевидно даже маститым экспертам. Возможно, десятилетие – это действительно очень большой срок в нашем слишком быстро меняющемся мире, но тот выпуск альманаха (2016, №1) стал историческим. Во многих смыслах, в том числе и потому, что уже принадлежит истории, – по нему можно изучать структуру американского консерватизма, который канул в лету, уступив новым, а порой и принципиально иным направлениям, олицетворением которых является трампизм в целом и движение MAGA в частности. Поэтому настоятельно рекомендую читателю ознакомиться с тем выпуском «Тетрадей по консерватизму», дабы, взяв в руки представляемый номер, почувствовать перелом в повестке и настроениях консервативной Америки, случившийся за прошедшее десятилетие.

Вторым пришествием на пост главы страны в 2025 году Дональд Трамп подверг ещё большей реконструкции, если не сказать деформации, партийно-политическую модель США, которая, как считают некоторые специалисты, уже никогда не станет прежней. То есть такой, какой мы ее знали после окончания Второй мировой войны. Ведь движение MAGA было создано «поверх» двухпартийной системы, а после успешного избрания Трампа обрело самостоятельную жизнь. Таким образом, возникает вопрос о возможности появления третьей сильной партии, которая завершит период «двухпартийного царства». Напомню, что прежде такие вопросы не возникали даже гипотетически.

Но еще большая череда бурных изменений в новый срок Дональда Трампа последовала во внутренней и внешней политике США. Мы столкнулись с тем, насколько непредсказуемыми и неожиданными могут оказаться витки Новейшей истории и какие невероятные, а то и разрушительные шаги может предпринять личность, взявшая на себя смелость эту историю творить по своему усмотрению. Причем бросаются в глаза различия между предвыборной повесткой Трампа и теми реальными практическими шагами, которые предприняла его администрация. Это в свою очередь привело в том числе к расколу внутри консервативного лагеря США.

Излишне рассуждать о роли США в современном политическом мире, а также о том, как личность во главе этого государства и вектор политики этой

страны могут сказаться на положении России, реализации национальных интересов нашего государства. Поэтому как исследователи мы ставили задачу понять истоки и смысл американского тремпизма и то, насколько устойчивым может оказаться данный феномен. Причем, заметим, тремпизм как явление имеет долгосрочную перспективу в том числе и без самого Дональда Трампа. Насколько мы приблизились к реализации данной задачи, судить читателю, но поскольку тема далеко не исчерпана, а объект исследования пребывает в постоянном развитии, уже зреет замысел следующего выпуска альманаха.

Главный редактор

К читателю

*Интервью с Борисом Межуевым, американистом,
преподавателем философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

«Тетради по консерватизму» свято чтити и продолжают чтить такое понятие как «традиция». Для консерваторов традиция – это основа основ мировоззрения, признание того, что мир жив и держится только потому, что нить передачи прошлого опыта в настоящее и будущее непрерывна. Прерывание этой нити, разрыв традиции, отказ от прошлого – это всегда эксперимент с непредсказуемым финалом. И все-таки мы решились на такой эксперимент.

Это рассуждение нужно воспринимать как методологическое оправдание нетрадиционного начала очередного номера наших Тетрадей. В этот раз я не предлагаю Вам, уважаемый читатель, свое персональное Слово по одной простой причине: номер посвящен настолько важной, настолько «горячей» и настолько экзистенциально для нас значимой теме, что имеет смысл послушать мнение человека, профессионально эту тему изучающего не одно десятилетие. Это Борис Вадимович Межуев, кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, преподаватель философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова – американист не по случаю, а, можно сказать, по призванию. Он согласился ответить на вопросы, которые, как мне кажется, в наибольшей степени интересуют российского читателя. И вот итог этого интервью:

Леонид Поляков: феномен Трампа – это знак перехода мира в новое «агрегатное состояние» или случайная флуктуация, которая исчерпает себя с его уходом в январе 2029 года?

Борис Межуев: Я бы начал ответ с очень давнего предсказания покойного социолога Иммануила Валлерстайна: сохранение американской гегемонии, или, точнее, того, что сам ученый называл капиталистической мир-системой (но в данном случае эти понятия можно считать взаимозаменяемыми), требует отказа от либеральной идеологии, от тех самых «свободы, равенства и братства», которые еще недавно составляли ценностный код западной цивилизации. При этом в приложении к международной системе это будет означать еще и отказ от равноправия стран и народов. Восторжествует даже не квазиуэлловское «все народы равны, но некоторые равнее», но именно четкое и вполне определенное «не все равны», точнее, что позволено Юпитеру (скажем, США или Израилю), не позволено быку (Ирану). Разумеется, число Юпитеров будет постепенно сокращаться, а число быков увеличиваться. И сразу скажу, что как бы мы ни рассчитывали на какую-то особую «дружбу» с Трампом, особые с ним отношения, нас никто никогда не примет в Юпитеры, а мы всегда будем оставаться в категории «быков» (с известными оговорками, поскольку бык с атомной бомбой все-таки не вполне бык, а чуточку Юпитер).

В этом условном новом «трампизме», конечно, есть случайные, конъюнктурные моменты, которые, думаю, будут легко устранены последующими

администрациями. Например, я бы не делал большой ставки на раскол «коллективного Запада» – мы видим, что в истории с иранским кризисом страны Европы ведут себя не в пример более покорно, чем это было в 2003 году, когда против интервенции США в Ирак солидарно выступили Франция, Германия и Бельгия. Причем тогда, как мы помним, Франция даже заявила о готовности применить право вето против американской резолюции по Ираку. Сейчас при всех разговорах о «расколе Запада», при всей этой шумной риторике о «цивилизационном стирании» Европы, при всей трамповской нетолерантности и европейской чопорности Запад прочен как никогда. Прочен уже сейчас, при этом страшном Трампе. А что будет в случае победы в 2028 году кандидата от демократов?

Иными словами, трампизм как игру на культурное и политическое отдаление США от Европы следует воспринимать не вполне серьезно. Цивилизационное единство Запада пока непоколебимо.

А вот трампизм как ставка на грубую силу в политике, как открытое отвержение национального суверенитета нелояльных США стран и как демонстративное презрение ко всему постколониальному устройству мировой системы – это, думаю, не случайная флуктуация, а как раз устойчивая стратегия, и для ее реализации понадобился такой, несколько экстравагантный политик, тефлоновый по отношению к либеральному общественному мнению и способный действовать беззастенчиво и цинично.

Леонид Поляков: А почему Трамп сделал это (напал на Иран)? Почему «хвост» (Израиль) виляет (если это так) «собакой» (США)? И кстати, не будет ли логичным «Israel-gate» по модели 2016 года – «Russia-gate»?

Борис Межуев: Ответ на первый вопрос содержится во втором. Трамп напал на Иран, потому что он сделал четкую ставку на Израиль, на реализацию приоритетов правых израильских политиков и того, что часто называется «израильским лобби». Трамп этого особенно и не скрывает.

Тут есть один тонкий момент, который все это время был скрыт от публики, но, конечно, сознавался экспертным сообществом. Весь этот конфликт Трампа с так называемым американским *deep state*, в котором русские консерваторы почему-то всегда сочувствовали Трампу и были на его стороне, в какой-то степени имел неявную подоплеку в виде борьбы «израильского лобби» с теми силами внутри разведсообщества и особенно армейских кругов, кто по своим причинам сопротивлялись окончательному торжеству этого лобби и реализации всех его приоритетов. А то, что конечной целью сторонников Израиля внутри США была война с Ираном, не вызывало ни малейших сомнений. Задача Обамы как в определенной мере ставленника «глубинного государства» отчасти состояла в том, чтобы не допустить этой войны, умиротворить центристские круги в Израиле так называемой ядерной сделкой и появлением в Иране относительно мирного руководства, готового пойти на компромисс (эти силы тогда представлял президент Рухани).

Что же делает Трамп, придя к власти? Он выходит из ядерной сделки, делая нынешнюю войну практически неизбежной. В начале первого срока Трампа в его намерении разрушить ядерный компромисс с Ираном пытается остановить группа военных, которых в его администрации называют «взрослыми», в первую очередь министр обороны Джеймс Мэттис, в тесной связке с которым действует госсекретарь Рекс Тиллерсон. Осторожную позицию по вопросу Ирана занимает и человек в других отношениях крайне «ястребиных» взглядов – советник по национальной безопасности Герберт Макмастер. Трамп убирает их всех и ставит на место Тиллерсона и Макмастера открытых

неоконсерваторов и сторонников Израиля Майка Помпео и Джона Болтона. Надо признать, что при всем при этом, выйдя из ядерной сделки, Трамп не горел желанием воевать с Ираном и в конце концов уволил и Болтона, который открыто лоббировал военный сценарий. В итоге к концу первого срока Трамп теряет поддержку сразу и «глубинного государства», то есть американских силовиков, и ставленников израильских правых. Но он возвращается в 2024 году с желанием реванша и, вероятно, с ясным пониманием того, кто будет являться его главной опорой и запросы кого он уже не сможет игнорировать. Сразу становится ясно, что главной фигурой в команде безопасности Трампа будет госсекретарь Марко Рубио как политик, исторически связанный с неоконсерваторами и пользующийся поддержкой республиканской партии, в отличие от заведомых «чужаков» Джей Ди Вэнса и Тулси Габбард.

Почему Трамп решил себя связать с израильским лобби и понесет ли он за это ответственность? Нью-Йорк – родной город Трампа – это в значительной мере еврейский город, я много раз слышал это выражение в Соединенных Штатах. Но сейчас это уже так гораздо в меньшей степени, чем раньше: многие евреи уехали в другие штаты. Конечно, появление в Нью-Йорке такого мэра, как Зохран Мамдани, стало возможно в силу изменения демографического баланса в городе. Тем не менее в агломерации Нью-Йорка проживает 3 млн лиц еврейской национальности. Во всем Израиле для сравнения 7 млн евреев, то есть лишь в два с лишним раза больше. Но еврейство Нью-Йорка – это преимущественно либеральное еврейство, оно поддерживает Израиль, но политика Нетаньяху для него все-таки экстремизм. Евреи Нью-Йорка в основном голосуют за представителей демократов, хотя в демократической партии они преимущественно поддерживают правое крыло. Условно говоря, это избиратели и спонсоры Хиллари Клинтон. Трамп и лично, и родственными узами (через Джареда Кушнера) связан с этими кругами, но он прекрасно знал, что никогда не станет для них политическим ориентиром. Клан Трампов не заменит для либерального еврейства Нью-Йорка клан Клинтонов. Поэтому, решив принять участие в политике в 2015 году, Трамп приходит к выводу, что нужно заручиться поддержкой правых еврейских кругов, спонсоров Республиканской партии, людей типа покойного миллиардера Шелдона Адельсона, одного из главных лоббистов войны в Иране.

Правые еврейские круги в США, поддерживающие политику Нетаньяху, теснейшим образом переплетены с правыми кругами Республиканской партии, причем важную роль в этой связке играет особая версия протестантизма – так называемой евангелическое христианство. Согласно людям этих взглядов, исполнение ветхозаветных обетований Господа – непременное условие исполнения пророчеств Нового Завета. Проще говоря, второе пришествие Христа произойдет только после того, как возникнет еврейское государство, причем в библейских границах, «от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата» (Быт. 15:18). Христианские сионисты верили в это еще до образования государства Израиль, но когда это государство возникло в 1948 году, они увидели в этом событии исполнение пророчеств и знак приближения второго пришествия Христа. У Соединенных Штатов, таким образом, появилась религиозная миссия – добиться победы Израиля над всеми своими противниками (а в их числе, они были убеждены, окажутся также Россия и Китай – народы Гога и Магога) и, соответственно, приблизить момент «восхищения» избранных на небеса, семь лет страданий человечества и, наконец, возвращения Христа с избранными на землю и их тысячелетнего Царства на Земле. С точки зрения православия, это все миллениаристская ересь, и так оно и есть, разумеется, но убедительность этому верованию придает, с одной стороны, точное, буквальное толкование Священного Писания,

включая Ветхий Завет, а с другой – проекция этих трактовок на актуальную политическую реальность. Конечно, еврейские, можно сказать, сионистские круги воспользовались этим, и образовался такой иудео-христианский симбиоз, который постепенно стал доминировать в консервативном крыле Республиканской партии, оттесняя на политическую периферию тех религиозных консерваторов (преимущественно католиков и греко-православных), для кого весь этот набор идей представлял собой политически опасное заблуждение.

В общем и целом христианский и иудейский сионизм переплелись до такой степени, что сейчас уже невозможно сказать, какой из них круче. Неформальным лидером этого идеологического альянса стал премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху. Вряд ли сам он как прагматичный политик верил во что-то подобное, но он понимал, что только такие идеи, если они восторжествуют в Соединенных Штатах, позволят Израилю добиться своей цели – устранения всех его противников, от Сирии до Турции. Что касается Трампа, то он понял, что только вступив в альянс с этой силой, он сможет прийти к власти и утвердить свой семейный клан в качестве главного клана Америки вровень с Клинтонами, Бушами, Рокфеллерами, Мерсерами и проч. Младший Буш действовал похожим образом, но, во-первых, он был искренне верующий человек, во-вторых, он был сыном своего отца, который стоял у истоков легализации Палестинской автономии. Поэтому младший Буш вынужден был быть немного реалистом, особенно после того, как понял, что в истории с Ираком он стал жертвой какой-то хитрой разводки: у Саддама Хуссейна не нашлось никакого оружия массового поражения, а те люди, кого неоконсерваторы упорно продвигали в лидеры демократического Ирака, оказались иранскими агентами. В отличие от Буша, Трамп, во всяком случае в 2024 году, уже исходил из простой логики: он сможет добиться политического реванша и заручиться поддержкой своей партии, только выполнив главное требование Нетаньяху – начать военную кампанию против Ирана.

К сожалению, прямо сказать о роли Израиля в успехе Трампа его демократическим оппонентам было невозможно, и роль «козла отпущения» сыграла Россия, которую обвинили во вмешательстве в американские выборы, вероятно, для того, чтобы не обвинить в этом ту страну, лояльность к которой Трамп никогда и не скрывал.

Будет ли Israel-gate? Сомневаюсь. Не в силу табу на антисемитизм, это табу постепенно снимается, причем во всем мире. И главная вина за это лежит, разумеется, на Нетаньяху и его политике. Но дело в другом. Придется политически осудить половину Америки, придется осудить почти уже всю Республиканскую партию, почти все консервативное движение, значительную часть экспертного сообщества. Нельзя исключить (и я все же очень на это надеюсь), что либеральные еврейские круги, понимая, что дело заходит слишком далеко и все может кончиться если не нацизмом, то своего рода американским черносотенством, попытаются разорвать связку между Америкой и израильскими правыми. Отметим, что самые жесткие статьи против Трампа и Нетаньяху сейчас появляются в издании “The Bloomberg” и “The New York Times”, – изданиях, в значительной мере отражающих позицию либеральных еврейских кругов Нью-Йорка. Но тут проблема: излюбленный этими кругами клан Клинтон сейчас скомпрометирован делом Эпштейна. Другой, более левый клан Кеннеди сейчас не имеет какого-то внятного лидера. Среди идеологий современного мира либерализм вообще выглядит не лучшим образом.

И еще один важный момент. Положение дел на реальном Западе отличается от представлений конспирологов о еврейском заговоре и проч. Мы видим, что в первый срок Трампа «глубинное государство» в общем смогло пресечь его деятельность, не позволив ему пойти на второй срок в 2020 году,

и никакие связи с предпринимателями типа Шелдона Адельсона Трампу не помогли. Те, кого мы называем «глобалистами», оказались тогда сильнее. Почему же они не смогли остановить Трампа в 2024 году, вероятно, понимая, чем на самом деле чревато его возвращение к власти? Что война с Ираном окажется в этом случае неминуема с самыми непредсказуемыми последствиями?

На это есть два ответа. Первый – в президентство Байдена обнажилась вся слабость либерализма, о которой я уже говорил. Идеологические пути были настолько сильны, что престарелый президент просто ничего не мог сделать для того, чтобы решить важнейшие проблемы США вне страны и внутри нее. Он не мог решить жестко проблему нелегальной миграции, не мог восстановить отношения с монархиями Залива (как можно дружить с Бин Салманом, ответственным за убийство американского журналиста?), не мог повлиять на развитие конфликта в секторе Газа, наконец, он не мог возобновить переговорный процесс по Украине, потому что не мог позволить себе оказывать давление на Киев. Иными словами, Америке нужен был человек, готовый проигнорировать либеральное общественное мнение. И таким человеком был готов стать Трамп. Что бы сейчас о нем ни говорили, как бы ни кончился иранский конфликт, именно сейчас снова возникло ощущение, что США – гегемон современного миропорядка, что самые разные страны, с разным политическим строем, с разной политической культурой, готовы подстроиться под планы Америки и подставить ей плечо в борьбе с ее соперником. Такого не наблюдалось с 2001 года.

И второй, более опасный момент: думаю, где-то в глубине «глубинного государства» начинает постепенно созревать убеждение, что ставка на равенство в политическом отношении – это ошибка Нового времени, поскольку люди не равны, народы не равны и, что еще ужаснее, расы не равны. И расизм в общем нужно постепенно выводить из нацистской тени, как в предыдущее десятилетие из той же тени вывели, скажем, евгенику, манипулирование с генным кодом человека. В свое время слово «евгеника» была почти тождественно понятию «национал-социализм», но усилиями трансгуманистов состоялась ее либеральная реабилитация. Сегодня мы все чаще слышим о так называемом Темном просвещении, а это не что иное, как научно обусловленное обоснование неравенства, и оно распространено в кругах разного рода корпораций, работающих на разведку и Пентагон. Так что, думаю, дело не только в «израильском лобби» как таковом, но и в том, что и те, кто ему противостоял внутри вашингтонской элиты, пришли к выводу, что трампизм 2.0 может быть им полезен.

Леонид Поляков: Почему Трамп стал «обезумевшим миротворцем»? Он безумен буквально – так считает, например, Джеффри Сакс? Или за этим безумием скрыта жесткая логика?

Борис Межуев: Трамп выглядит, конечно, психически не очень адекватным человеком, и его неадекватность становится все более заметной. Но я бы не преувеличивал значение этого обстоятельства. Объективно он снова сплотил мир вокруг США, вряд ли это мог сделать реально сумасшедший человек. Правильнее было бы сказать, что это «полезный сумасшедший». Да, скорее всего, победа над Ираном окажется более сложной, и, возможно, Америке придется пойти на компромисс, однако американцы с этого момента начнут активно работать над сменой режима в Тегеране, и рано или поздно их усилия увенчаются успехом. США – это машина, и она умеет работать вдолгую. Пока Трамп еще нужен этой машине, он сумел отказаться от неких либеральных

условностей, мешавших этой машине функционировать. Но когда он начнет этой машине мешать, его уберут.

Разумные военные в 2018–2020 году это понимали, они понимали, что как только отменится ядерная сделка по Ирану, у этой машины немедленно поменяется алгоритм, она будет работать на другую задачу – со всем холодным прагматизмом и расчетливостью искусственного интеллекта. Поэтому как могли они удерживали Трампа от того, чтобы он поменял этот алгоритм, но он их всех выгнал и сменил код: с этого момента машина стала работать на войну, устраняя всех, кто пытается не дать этой цели осуществиться. Сейчас, вполне вероятно, Трампу придется отступить от Ирана, потому что у него нет в кармане другого решения, кроме наземной операции, а ее успех сомнителен. Но можно быть уверенным: вне зависимости ни от чего машина не прекратит добиваться ее выполнения идти к намеченной цели – смене теократического режима в Иране. На это уйдут десятилетия, но пока задача не будет реализована, машина продолжит добиваться ее выполнения. Потому что альтернатива этому только одна – Иран с атомной бомбой. Как только и если Иран проведет первые ядерные испытания, алгоритм снова поменяется, но до тех пор цель останется прежней. Но при этом ситуативно система может пожертвовать Трампом, обвинив его в некомпетентности. Это даже очень вероятно.

Леонид Поляков: Действительно ли Трамп радикально отошел от своей предвыборной повестки – заниматься исключительно самой Америкой, а не внешним миром? Или его тарифные и настоящие войны есть способ решения внутриамериканских проблем? Способ вернуть Америке величие?

Борис Межуев: Уверяю вас, он никогда не ставил перед собой такой задачи. Это было не более, чем предвыборная риторика, традиционная для всех американских президентов после окончания холодной войны. Об этом говорили и Клинтон, и Буш, и Обама, и Байден. Все эти президенты говорили об одном и том же, правда, по-разному. О том же станет говорить и победитель президентской кампании в 2028 году. Американскому избирателю действительно все меньше и меньше нравятся войны США в интересах других стран и народов. Американский изоляционизм, совершенно маргинальный еще в 2001 году, теперь становится очень популярной идеологией в массах, у этой идеологии есть свой супервлиятельный спикер – бывший телеведущий Такер Карлсон. Но американские элиты, конечно, менее всего на свете хотят уйти из мира и заняться своей страной в том смысле, в каком об этом говорит Карлсон. Ну как Илон Маск или Питер Тиль будут уходить из мира? Да, они готовы что-то пересмотреть в политике открытых дверей, они готовы пойти на ограничение миграции, на жесткие барьеры наркотрафику, даже на какие-то протекционистские меры в экономике, но реально замыкаться на своем континенте люди, мечтающие о полетах на Марс, конечно, совершенно не готовы. Они вошли в ситуативно сложившуюся антилиберальную коалицию, но само их появление в этой коалиции означало, что старые идеи так называемого палеоконсерватизма приобрели популярность в массах и ими можно было воспользоваться как инструментом в борьбе с ветхим американским либерализмом с его культом равенства. Но после политического обнуления вице-президента Вэнса, главного выразителя этих идей в кругу Трампа, надеяться на быстрое воскрешение изоляционизма уже не приходится.

Леонид Поляков: К какому величию Америки относится лозунг MAGA? К Америке дипломатии канонеров? К Америке – победительнице во Второй мировой войне? К Америке, победившей в холодной войне?

Борис Межуев: Движение MAGA оказалось логическим продолжением палеоконсерватизма рубежа тысячелетий. Трамп сумел воспользоваться рядом рекомендаций палеоконов, в первую очередь по поводу всего, что связано с темой нелегальной миграции. Но он дал понять, что не сочувствует и войнам Буша – Обамы по идеологическим мотивам, не верит в распространение демократии и торжество либеральной идеи. Здесь он тоже следовал примеру младшего Буша, тот в свое время тоже давал понять, что не сочувствует войне с Югославией ради независимости никому не понятного автономного края Косово, фактически политического самоопределения мусульманского анклава в Сербии. Это не помешало младшему Бушу в первый срок наводнить свою администрацию так называемыми неоконсерваторами, сторонниками свержения режима Хуссейна в Ираке. Неоконсерваторы считали, что современный мир – это война демократий и автократий, и Соединенные Штаты должны демократизировать Ближний Восток. В целом это были люди, которые исходили из того, что недобитый старшим Бушем Ирак надо добивать, по той же причине, по какой теперь надо добивать Иран: если богатая природными ресурсами страна обретет оружие массового поражения, она станет неуязвима для Израиля и тем самым будет представлять угрозу его безопасности.

Трамп повторил трюк младшего Буша, убедив электорат, что он противник ненужных войн, но вместе с тем он с самого начала не скрывал, что его отношение к Израилю основывается не на вере в превосходство демократии, а на каких-то более глубоких основаниях. Тем самым он смог на какое-то время снять напряжение между антиизраильски настроенными палеоконами (типа Карлсона или Патрика Бьюкенена) и теми самыми христианскими сионистами. Теперь, очевидно, это напряжение возникло вновь, но палеоконы сами по себе очень слабы, и их неприятие войны в Иране пока не получает отклик в среде республиканцев, в целом поддерживающих войну. Как справедливо подчеркнул в недавней статье умнейший Скотт Маконнелл, они могут сыграть какую-то роль на выборах только в связке с демократами, если те сделают ставку на центристскую политику.

Леонид Поляков: MAGA это что: случайная коалиция, сложившаяся в ходе президентской кампании. Или это хорошо организованное движение – квази-партия, протопартия Трампа?

Борис Межуев: Если говорить о MAGA как о варианте американского изоляционизма или палеоконсерватизма, то сейчас это не партия, а теряющая влияние фракция внутри трамповской коалиции, своего рода правый уклон. Есть там и левый уклон – это Илон Маск, правые либертарианцы, глобалисты без климатических тревог и мальтузианских рецептов. Но, как мы помним по нашей истории, правый уклон всегда слабее левого, и в данном случае единственный шанс правого уклона нанести системный удар по трампизму – это вступить в ситуативный альянс с демократами. Смогут ли они, и будут ли готовы демократы объединиться с правым уклоном на антивоенной основе и с этой целью поменьше говорить о мигрантах и трансгендерах, – вот это открытый вопрос. Скажем так, на месте того самого либерального еврейского сообщества и в целом американских либералов я бы так и поступил из опасения, что иной альтернативой трампизму – при нынешнем развитии событий – может стать то самое американское черносотенство, о котором я говорил. А оно уже реально существует в лице движения alt-right, с его недвусмысленными симпатиями к Гитлеру. Но выбор американских либералов может быть иным.

Леонид Поляков: о наших отношениях с США: наши переговоры с Украиной при посредничестве США – какая у них перспектива в свете нашего категорического осуждения позиции Трампа по Ирану? Нет ли «опасности», что Трамп откажется от «духа Анкориджа» и перейдет в стан прямых спонсоров-союзников Украины – европейцев?

Борис Межуев: Опасений, что Трамп откажется от «духа Анкориджа», у меня, честно говоря, нет. Война в Иране затягивается, и Трамп явно заинтересован в содействии России – и для страховки в отношении нефтяных цен, и для какого-то взаимодействия с умеренными представителями в иранском руководстве. Более того, налицо все признаки того, что Трамп с большей готовностью стал оказывать давление на Украину в целях заставить ее выполнить условия Путина: отказаться от контроля над оставшейся частью Украины. Я бы не исключил и каких-то отчаянных действий в виде устранения американцами той части киевского руководства, которая препятствует соглашению на этих условиях. Все это вполне возможно.

Хуже другое: в России все более усиливаются настроения, скажем так, не в пользу этой сделки. Для одних, так называемых ультрапатриотов, это новые Минские соглашения, мы спасаем враждебный нам киевский режим, и рано или поздно этот режим нанесет нам удар. Это такая российская версия неоконсерватизма, который требовал, как мы помним, добить Хуссейна. Но если бы против сделки выступала только эта сила, это было бы не страшно. Но ведь теперь она получит поддержку со стороны тех, для кого выражение «дух Анкориджа» будет означать сомнительную сделку с глобальным агрессором, наш недвусмысленный отказ от антиколониальной политики, от солидарного сплочения с антиамериканскими силами во всем мире. И ради чего? Ради двух городов на Донбассе? Уже сейчас выражение «дух Анкориджа» в пока еще не запрещенном окончательно «Телеграме» носит исключительно пренебрежительный оттенок. Я думаю, мы все прекрасно понимаем, как это будет звучать, когда боевые действия прекратятся.

А если не прекратятся? Тогда еще хуже, тогда будет, как сейчас, Россия помогает США, а США продолжают поставлять Украине вооружения и разведданные для болезненных ударов по России.

А если отказаться от «духа Анкориджа»? Разорвать отношения с Трампом, перестать ему помогать? А тогда что мы выигрываем? Трамп просто перейдет к открытой поддержке наших противников.

В том-то и дело, что «дух Анкориджа» в настоящий момент – это тот самый цугцванг, когда любой ход ухудшает наше положение на шахматной доске. Надо прекратить одурманивать себя пропагандой и трезво взглянуть на реальность. Отказаться от мечтаний о невозможном. Выбрать из плохих вариантов наименее плохой и начать наконец серьезно работать по американскому треку, трезво оценивая реальность и не путая пропаганду с аналитикой.

Леонид Поляков: Можно ли считать, что появление на посту президента США Дональда Трампа – это для нас худший вариант в сравнении с тем, если бы выборы выиграла Камала Харрис?

Борис Межуев: Тут есть два ответа. В долгосрочном отношении Байден был нам крайне выгоден, и, соответственно, его ухудшенное продолжение – Камала Харрис – была нам выгодна еще больше. По многим причинам, но самое главное потому, что крайне идеологизированная в либеральном отношении политика ограничивала возможности США и не давала им шанса

восстановить альянс со странами так называемого глобального Юга. Никому на самом деле не нравился американский демократический фундаментализм с требованием прав геев и трансгендеров, с верой в превосходство демократии и презрением к силе и традиции. Мы смогли так удачно отразить санкционную атаку коллективного Запада в значительной степени потому, что глобальный Юг, а вместе с ним Индия, Израиль, Турция, да еще и Венгрия со Словакией были не в восторге от этих самих «правил», на котором был основан либеральный байденовский «порядок».

Но ситуативно Трамп был нам выгоден в 2025 году, потому что он обещал решить украинскую проблему на более-менее выгодных нам условиях, считаясь с нашими интересами. Если бы сделку заключили до начала иранской войны, то мы бы сейчас, ну, если не вышли бы в дамки, то, несомненно, значительно улучшили бы свое положение. Мы бы диктовали Трампу условия нашей поддержки, добивались бы отмены всех санкций и ограничивали бы вредное действие израильского лобби на его политику. Наконец, Трамп мог бы получить вожделенную им Нобелевскую премию мира, закрепиться в роли великого миротворца и не был бы склонен к самым экстремистским решениям. Однако процесс переговоров безнадежно затянулся, и мы оказались в том самом цугцванге, который я выше описал. Теперь уже не время заламывать руки, надо принять реальность и начать работать с общественным мнением, постепенно остужая завышенные внешнеполитические ожидания.

Леонид Поляков: Если республиканцы проигрывают промежуточные выборы в ноябре в Палату представителей и в Сенат, то каковы шансы у республиканского кандидата на президентских выборах в 2028 году? И кто этим кандидатом мог бы стать? Есть ли какая-либо вероятность третьего срока Трампа?

Борис Межуев: Третий срок Трампа – это из серии фантастики, и мне это не кажется серьезным вариантом. Я думаю, реально все будет так. Республиканцы все-таки проиграют промежуточные выборы, но Сенат не позволит реализоваться импичменту. Трамп досидит до конца своего срока и от политической безнадежности выдвинет Вэнса. Однако партия не согласится с этим выбором, потребует реальных праймериз, и на них главным кандидатом окажется Рубио, который и победит действующего вице-президента. Я не помню аналогов в недавней американской истории, когда бы действующий вице-президент проигрывал праймериз. Но в конце концов уже была история, когда вице-президент заранее отступал перед напором, казалось бы, более перспективного претендента: так Байден уступил место Хиллари Клинтон в 2016 году. Я думаю, Вэнс все-таки выдвинет свою кандидатуру, но довольно скоро станет ясно, что шансы Рубио сильнее, и в середине праймериз, скажем, после супервторника он выйдет из гонки. Впрочем, нельзя исключить, что Вэнс предпочтет не испытывать судьбу. Во всяком случае, сейчас фаворитом партии является Рубио, и едва ли положение изменится до 2028 года.

Леонид Поляков: Спасибо, Борис Вадимович, за столь обстоятельный и глубокий анализ феномена Трампа и того движения, которое мы называем «трампизм». Основательность этого анализа придает повышенную вероятность и вашему прогнозу относительно будущего Трампа и трампизма в перспективе президентской гонки в США в 2028 году.

А вам, уважаемый читатель, предоставляется редкая возможность оценить все вышесказанное и составить свой прогноз на основе уникальных материалов этого номера.

Приглашаю к увлекательному чтению!

Дональд Трамп – он такой один?

{ Раздел первый }

*П.А. Киселев
Идеология Кремниевой долины: как прагматизм и неореакционизм
меняют Америку*

*А.В. Макаркин
От Монро к Донро*

*Н.И. Бубнова
Стратегия национальной безопасности второй каденции
Дональда Трампа: взрыв или хлопок?*

*Г.И. Игнатьев
Дональд Трамп и каноны консерватизма Расселла Керка*

*А.Т. Исмаилова
Национальный консерватизм как вызов американскому статус-кво*

Идеология Кремниевой долины: как прагматизм и неореакционизм меняют Америку

Трансформация «трампизма»: от изгоя до героя

С 2016 года термин «трампизм», как он впервые был введен в оборот в связи с активной предвыборной кампанией Дональда Трампа, претерпел серьезные изменения. Изначально термин воспринимался как неологизм, описывающий популистское движение с ярко выраженной антиистеблишментской направленностью. Но в отличие от традиционного республиканского консерватизма, «трампизм» строился на риторике против вашингтонских элит, что можно свести к лозунгу “Drain the Swamp” («Осушить болото»), и апеллировал к разочарованию американцев в глобалистских институтах. Популистский стиль Трампа – прямое общение с электоратом через социальную сеть, митинги, простые лозунги вроде “Make America Great Again” – контрастировал с утонченными программами истеблишмента, находя отклик у сельских избирателей и рабочего класса, так называемых «синих воротничков» американского социума. При этом «трампизм» избегал идеологической строгости, сочетая элементы изоляционизма, прагматизма и эмоциональной мобилизации, что делало его скорее движением протеста, чем системной философией. Именно в таком виде «трампизм» оформился в 2016 году, заложив основу для его последующей эволюции.

Непосредственно на практике с 2017 года, начала первого срока 45-го президента США, его политика начала приобретать более конкретные черты. В отличие от республиканского «бушевского» неоконсерватизма с его акцентом на свободный рынок и интервенционизм Трамп сделал ставку на экономический национализм и протекционизм, что особенно проявилось в торговой войне с Китаем. Введение тарифов на импорт стали и алюминия в 2018 году стало символом его политики, направленной на возрождение американской промышленности. Трамп позиционировал себя как защитник «забытых людей» – рабочих «ржавого пояса» (штаты вроде Огайо, Мичигана, Пенсильвании), чьи рабочие места исчезали из-за глобализации. Обещания президента вернуть производство в США укрепляли связь с рабочим классом, хотя экономические результаты оставались предметом споров.

Эта связь не ограничивалась экономикой – она опиралась на культурный резонанс. Трамп активно использовал риторику против политкорректности и элитного либерализма, что находило отклик у рабочего класса, уставшего от демократического «болота» и культурных изменений, навязываемых с Восточного побережья. Его выступления, часто спонтанные и эмоциональные, контрастировали с отшлифованными речами традиционных политиков. Например, во время инаугурационной речи 2017 года он заявил: «Я обещаю

каждому гражданину нашей страны, что я буду президентом для всех американцев, и это очень важно для меня» [10]. Эта прямота, популистские речи на митингах, резонансные заявления на пресс-конференциях, а также сообщения в социальной сети стали основой для формирования движения “Make America Great Again” (MAGA), которое превратилось из предвыборного лозунга в полноценную идентичность для миллионов американцев.

Движение MAGA к концу первого срока Трампа вышло за рамки экономических или политических требований, став культурным и социальным феноменом. Оно объединило «синих воротничков», фермеров, ветеранов и консервативных активистов под знаменем возвращения к «старой Америке» – образу страны с сильной промышленностью, традиционными (протестантскими) ценностями и национальным суверенитетом. Красные кепки с надписью “MAGA” стали символом этого протеста, а митинги Трампа – площадкой для мобилизации сторонников. Однако «трампизм» оставался скорее реактивным, чем системным: он реагировал на недовольство глобализацией и либеральными элитами, но не предлагал четкой идеологической альтернативы. Но именно эта гибкость позволила ему эволюционировать после 2020 года, когда к движению присоединились новые силы, включая технократов Кремниевой долины, что ознаменовало следующий этап его трансформации.

В 2016 году «трампизм» воспринимался большинством элит Кремниевой долины с настороженностью или откровенным неприятием. Технократический класс США традиционно склонялся к либеральным ценностям, поддерживая демократов, таких как Хиллари Клинтон. Например, в 2016 году технологический сектор пожертвовал Клинтон около 60 млн долларов против примерно 2 млн Трампу [20]. Лидеры вроде Марка Цукерберга и Ларри Пейджа либо открыто критиковали Трампа, либо дистанцировались от него. Трамп с его антииммиграционной риторикой и протекционизмом противоречил интересам Кремниевой долины, зависящей от глобального прогресса и свободной торговли.

Исключением (едва ли не единственным) стал Питер Тиль. Венчурный капиталист, сооснователь “PayPal” и “Palantir” смело поддержал Трампа, пожертвовав 1,25 млн долл. на его кампанию и выступив на Республиканском национальном съезде в июле 2016 года. Он заявил: «Я горжусь тем, что поддерживаю Дональда Трампа... Нам нужен кто-то, кто построит будущее, а не будет цепляться за прошлое» [23]. С точки зрения либеральной идеологии Кремниевой долины этот акт представлялся его коллегам скорее авантюрой, чем надежным бизнес-планом. Однако Тиль был не простым дельцом и капиталистом, следующим за либеральными тенденциями и не разбирающимся как следует в политике: уже тогда он выражал скептицизм к демократии и глобализму и мог уверенно обосновать свою позицию [15, с. 109].

Венчурный капиталист меняет правила игры

Питер Тиль, пожалуй, уже тогда (до первого срока Трампа) представлял идеологическую альтернативу основной политической линии Кремниевой долины. В эссе 2009 года «Воспитание либертарианца» он писал: «Я больше не верю, что свобода и демократия совместимы», утверждая, что бюрократия и плебисцит тормозят инновации [26]. Тиль видит в технологиях инструмент для создания новых общественных структур, свободных от глобалистских институтов. Его бизнес-проекты – “PayPal”, революционизировавший онлайн-платежи, и “Palantir”, разрабатывающий аналитику данных для спецслужб, – воплощают эту идею: они обходят традиционные системы, предлагая более эффективные решения. Элиты, по убеждению Тили, а не массы, определяют будущее, что делает его поддержку Трампа в 2016 году не случайностью, а частью долгосрочной стратегии разрушения либерального порядка.

Если сравнивать его идеологию с традиционными обществами, то Тиль сделал выбор в пользу аристократии против демократии. Аристократии среди всех форм правления отдавал предпочтение Сократ (критикуя демократию и тиранию) в диалоге Платона «Государство» на том основании, что она наиболее полно реализует идею о справедливом обществе. Под «аристократами» Сократ и Платон понимали «правителей-философов», чьи решения основаны на разуме и стремлении к общему благу, а значит, именно они могут привести государство к процветанию [6, с. 302]. Венчурный капиталист Питер Тиль не был далек от такого понимания государства и аристократии.

Новый класс аристократов, с точки зрения Тили, – технократы. Их компетенции и контроль над технологиями делают их естественными лидерами в эпоху, где инновации важнее общественного договора. Как и Сократ, венчурный бизнесмен критикует демократию, где, по его мнению, общественный договор основан на иллюзии свободы, поэтому фраза о несовместимости свободы и демократии вполне в духе античного философа. Сократ не отвергал идею договора между гражданином и государством, но связывал ее с нравственным идеалом, то есть с идеей справедливости, понятой как объективный нравственный закон, данный высшей истиной. По мысли Сократа, проводниками такого нравственного закона служат аристократы [6, с. 301]. В его представлении об идеальном государстве эта форма правления – реализация высшей справедливости посредством воли класса «правителей-философов» – является гарантом суверенитета. Для Тили средством восстановления суверенитета и иерархического порядка становятся технологии, а элиты – технократы – играют роль носителей разума и стратегического видения, о чем бизнесмен писал в своем эссе «Против эденизма» [25].

Важно отметить, что понимание идей Сократа Тилем формировались под влиянием другого политического философа – более современного и географически близкого Тилю – американца Лео Штрауса. В название другого своего эссе Тиль включил имя любимого мыслителя – «Штрауссианский момент» [9]. В первую очередь Штраус известен как комментатор и интерпретатор философов прошлого – Спинозы, Декарта, Гоббса, Аристотеля, Ксенофонта, Платона. Своих студентов Штраус учил тому, что старые тексты нужно изучать очень внимательно, читая между строк. По мнению Штрауса, сокрытие истинного знания использовалось древними философами как веление необходимости, когда свободомыслие преследовалось по политическим причинам. Эту манеру он называл эзотерическим письмом [13, с. 14].

Штраус также считал, что существует небольшая группа избранных «благородных людей», способных заниматься политикой. По всей видимости, эти же люди обладают навыком чтения великих философов «между строк». Современные государства, по мнению Штрауса, утратили способность к обеспечению справедливых условий для граждан, в чем виновата наука Просвещения. Подтверждение своим мыслям он находит в «Политике» Аристотеля, где демократия критикуется как самая низшая форма государственного устройства. Штраус писал: «Согласно Аристотелю, именно нравственная добродетель обеспечивает здравые принципы действия, справедливые и благородные цели как действительно желанные; эти цели может разглядеть только морально достойный человек; благоразумие ищет средства для достижения этих целей. Морально достойный человек – это истинно развитый, правильно развитый человек. Политическая наука Аристотеля адресована только таким людям» [12, с. 118].

Тиль полноправно считает себя учеником Лео Штрауса, несмотря на то, что он не был и не мог быть с ним знаком. Хотя общее в их биографии, несомненно, есть: оба немцы (Штраус – немецкий еврей), родились в Германии и переехали в США. Но это, во-первых, дает нам понимание, насколько Тиль сам погружен в древнегреческую философию и какие именно идеи Платона и Аристотеля ему импонируют. А во-вторых, обращение к насле-

дию Лео Штрауса (не только для Тилья, но для многих мыслящих американцев) является первой ступенью в отрицании благ свобод и демократии современного мира. Написанное после терактов 11 сентября 2001 года эссе «Штрауссианский момент» представляет собой критику либерализма Просвещения, не способного, по мнению Тилья, противостоять экзистенциальным угрозам: «Сегодня, хотя бы из чувства самосохранения, мы должны посмотреть на мир заново, чтобы помыслить странные новые вещи, тем самым очнувшись от этого долгого и прибыльного периода интеллектуальной дремы и амнезии, который так неудачно назвали “Просвещением”» [9]. Опираясь на штрауссианскую традицию, Тилья диагностирует упадок Запада, вызванный утратой политической воли и веры в иерархию, что делает его позицию близкой к платоновскому идеалу управления.

Однако в отличие от Штрауса, который искал ответы в классической философии, Тилья видит решение в технологиях, способных заменить устаревшие институты и восстановить порядок через компетентное лидерство. “Palantir” и другие его бизнес-проекты иллюстрируют эту идею: технологии усиливают власть компетентных лидеров, обходя демократическую инерцию. Этим была обусловлена его поддержка Трампа почти десять лет назад. Именно в Трампе он видел представителя бизнес-элит, которые долгие десятилетия двигали финансовый сектор США вперед и теперь получили шанс строить государство будущего¹. Вот только в 2016 году Трамп руководствовался традиционными бизнес-стратегиями, и Тилья решил взять на себя роль проводника, указывая путь к технологическим возможностям XXI века.

“Palantir” – «царь-пушка» Америки Трампа

Во время первого срока 45-го президента США это было сделать не так просто. В 2017–2019 годах компания “Palantir Technologies” столкнулась с серьезными репутационными проблемами: контракты с ICE (Службой иммиграции и таможенного контроля) вызвали протесты из-за использования ее технологий для слежки за мигрантами. В то же время демократы, такие как сенатор Элизабет Уоррен от штата Массачусетс, обвиняли “Palantir” в нарушении прав человека. В 2018 году Тилья покинул Кремниевую долину, переехав в Лос-Анджелес, мотивируя это «нетерпимостью к консервативным взглядам» в технологической среде [24]. Антимонопольные расследования администрации Байдена в 2021–2023 годах тоже угрожали его бизнес-империи, включая попытки ограничить влияние “Palantir” и “Founders Fund”. Тилья сталкивался с публичным осуждением со стороны либеральных лидеров Кремниевой долины, таких как Марк Цукерберг, который, несмотря на защиту Тилья в 2016 году, дистанцировался от него к 2020-м из-за давления прогрессивных сотрудников “Meta”². Эти препятствия лишь укрепили решимость Тилья, который в 2024 году заявил: «Либеральные элиты потеряли связь с реальностью, и мы должны построить будущее без них» [27].

В 2020 году публичные скандалы сыграли на руку “Palantir”. 30 сентября 2020 года компания вышла на Нью-Йоркскую фондовую биржу через прямой листинг с оценкой 15 млрд долларов. Тилья усилил свое влияние, поддерживая инициативы, направленные на технологический суверенитет США. Инструменты “Palantir Technologies” нашли применение не только в военных операциях (в том числе в поддержке Украины, которой компания предоставляла технологии анализа данных для военных и стратегических задач), но и в укреплении внутренней безопасности США. Флагманский проект Тилья достиг статуса глобального лидера в области аналитики данных и искусственного интеллекта, став неотъемлемой частью американской системы.

¹ Подробно о поддержке Трампа Питером Тилем см. [22].

² Meta – американская технологическая компания, владеющая и управляющая продуктами и сервисами, как Facebook, Instagram, запрещенными в России.

К 2025 году “Palantir” получил крупные контракты с администрацией Трампа, включая проекты по оптимизации данных для инициативы DOGE (Департамент эффективности правительства), что соответствует тилевскому видению технологического суверенитета и прагматичной эффективности [21]. DOGE, с которым Трамп во время инаугурационной речи связал «возвращение к американской мечте» [11], воплощает прагматичный подход к оптимизации государства, вдохновленный бизнес-моделями Кремниевой долины, и одновременно реализует штрауссианский призыв к сильной власти перед лицом кризиса. Этот временный федеральный орган был запущен под управлением советника президента США Илона Маска с целью сократить бюджет на 2 трлн долларов через искусственный интеллект и автоматизацию процессов.

Мафия Тилья, или прагматики XXI века

Илон Маск, пожалуй, яркий пример того, как элита Кремниевой долины пришла к власти в 2025 году. Активное участие основателя “SpaceX” и “Tesla” в гонке Трампа за кресло в Овальном кабинете, а затем – в государственных процессах США связано с общим влиянием, который Тилья помог сформировать вокруг фигуры нового-старого президента. Маск стал его крупнейшим инвестором в 2024 году, вложив в предвыборный штаб 250 млн долл., а его назначение в DOGE отражает технократическое видение сокращения бюрократии через инновации. Совместная работа Маска и Тилья в “PayPal”, где они создали альтернативу традиционным финансам, заложила основу для доверия и сформировала схожие взгляды на технологический прогресс. Тилья, даже не занимая официальной роли в администрации, вдохновил Маска своим примером: в интервью 2024 года он отметил, что «Маск дал людям уверенность для поддержки Трампа» [27].

Влияние Тилья не ограничилось владельцем социальной сети “X” – оно распространилось на его ранних партнеров, чьи связи уходят корнями в совместный опыт, заложивший фундамент для их роли в политике Трампа. Тилья и Маск – самые яркие представители так называемой “PayPal” Mafia, где есть и другие теневые игроки, такие как Дэвид Сакс, который стал «царем» по ИИ и криптовалютам. В январе 2025 года Сакс занял скромный, но очень важный пост сопредседателя Совета консультантов президента США по науке и технологиям. Питер Тилья в этой команде руководителей “PayPal” сыграл роль интеллектуального лидера, чьи идеи о технологическом суверенитете и элитном управлении нашли отклик у Маска, Сакса, Рамасвами и других талантливых технократов-консерваторов. Например, DOGE воплощает прагматизм Маска и неореакционное видение Тилья, где технологии заменяют демократические институты.

Маск и прочие технократы используют идеи прагматизма в качестве обоснования их амбициозных планов. Например, он заявлял: «SpaceX планирует запустить около пяти беспилотных космических кораблей Starship на Марс в течение двух лет. Если все они благополучно приземлятся, то пилотируемые миссии станут возможны через четыре года. Если мы столкнемся с трудностями, то пилотируемые миссии будут отложены еще на два года» [4]. Его проекты строятся на экспериментальном подходе представителя философского прагматизма Джона Дьюи, где каждая неудача становится шагом к улучшению [16]. Этот акцент на результат делает прагматизм естественной философией для Кремниевой долины, где инновации ценятся выше идеологических догм.

Другой идеолог прагматизма, психолог Уильям Джеймс утверждал: «Идеи становятся истинными в той мере, в какой они помогают нам вступать в удовлетворительные отношения с другими частями нашего опыта» [18]. В Кремниевой долине этот принцип воплощается в культуре стартапов. Например, разработка минимально жизнеспособного продукта (MVP) Эриком Рисом в книге «Бизнес с нуля» (“Lean Startup”) отражает максиму основателя праг-

матизма Чарльза Пирса: тестировать задумки на практике и корректировать их опытным путем [8, с. 58]. Марк Цукерберг выразил это в своем знаменитом девизе “Move fast and break things”, подчеркивая приоритет действия над теорией. Но в отличие от своих коллег Тила и Маска Цукерберг не адаптировал идеи прагматизма под политические требования, а именно – отказ от либеральной демократии в пользу технологического суверенитета.

Возможно, дело здесь в неприятии брутальной фигуры Трампа. В 2017 году, после указа Трампа о временном запрете въезда граждан из ряда мусульманских стран, Цукерберг написал на своей странице в “Facebook”¹: «Мы должны держать Америку открытой для беженцев и тех, кто нуждается в помощи. Это делает нас теми, кто мы есть» [см. 28]. Цукерберг, хотя и разделяя прагматичный подход к инновациям, предпочитает фокусироваться на коммерческом успехе “Meta” и избегать радикальных политических реформ.

Консервативный поворот Илона Маска, напротив, стал заметным к середине 2020-х годов. Примером служит изменение его позиции по Украине: безусловная поддержка киевского режима в начале специальной военной операции России и нескрываемый скептицизм к постоянным вливаниям средств США и Европы в не оправдывающую надежд авантюру к 2024 году. Разочарование в администрации Байдена, особенно в регулировании ИИ и налогообложения, подтолкнуло Маска к антилиберальной риторике. В соцсети “X” он писал: «Америку душат легионы регулирующих органов, зачастую некомпетентных и политически мотивированных» [5], что отражало его стремление к свободе действий. Во-вторых, его покупка социальной сети в октябре 2022 года за 44 млрд долл. и последующая борьба с цензурой усилили анти-woke-настроения, созвучные критике Тилем либеральных институтов.

Нельзя сказать, что позицию Маска определило давнее партнерство с Тилем или их принадлежность к одному «клану». Илон Маск – талантливый управленец, техно-энтузиаст и прагматик, его пример подтверждает общую тенденцию класса технократов к антидемократическим настроениям в пользу новых решений в сфере управления. Эта тенденция не ограничивается индивидуальными предпочтениями отдельных лидеров, а отражает более широкий идеологический сдвиг в Кремниевой долине, где прагматизм начал пересекаться с радикальными идеями неореакционизма. Прагматичный подход Маска, направленный на достижение результата, нашел отклик в неореакционной критике либеральной демократии, которая, по мнению технократов, препятствует инновациям и эффективности.

Неореакционизм: «за» и «против»

Неореакционизм как интеллектуальное течение, зародившееся в блогосфере 2000-х годов, приобрел особое значение в Кремниевой долине благодаря своей апелляции к технологическим элитам, разочарованным бюрократией и либерализмом. В отличие от традиционного консерватизма, акцентирующего моральные ценности или религиозные устои, неореакционизм предлагает радикальное переосмысление общественного устройства, отвергая эгалитаризм и демократию как неэффективные системы. Его влияние в Кремниевой долине проявляется в поддержке таких фигур, как Маск и Тиль, которые хотя и не являются открытыми последователями движения, разделяют его скептицизм к современным институтам. Неореакционные идеи нашли отражение в технологических проектах, направленных на автономию – от блокчейн-систем до независимых космических инициатив “SpaceX”, – где элиты видят возможность построить альтернативные структуры управления, свободные от ограничений государства.

¹ Принадлежит “Meta”, деятельность которой признана экстремистской на территории РФ.

Ключевыми фигурами неореакционизма, чьи идеи сформировали этот дискурс, являются Кертис Ярвин и Ник Лэнд. Первый из них был удостоен внимания Тилля, который назвал его интересным и влиятельным историком [17]. Соратник и друг Тилля вице-президент США Джей Ди Вэнс также рассказывал, что вдохновился критикой Ярвина федеральной бюрократии. В 2021 году Вэнс цитировал его труды, объясняя свою идею увольнения госслужащих ради сокращения бюрократического аппарата и оптимизации государственных процессов [1]. Основной труд Ярвина, на который ссылались Тиль и Вэнс, – веб-блог “Unqualified Reservations”, который он писал в 2007–2013 годах под псевдонимом Менсиус Молдбаг [30]. Бывший программист и мыслитель Ярвин разработал концепцию «Кафедрала» – метафоры для обозначения гегемонии либеральных институтов, таких как СМИ, академии и НКО, которые, по его мнению, манипулируют общественным мнением и подавляют инакомыслие [30, с. 25]. Ярвин предлагает заменить демократию системой «неокамерализма», где управление осуществляется централизованно, подобно корпорации, с четкой иерархией и разделением зон ответственности [29, с. 270]. Эта идея нашла отклик у технократов, таких как Маск, чья работа в DOGE отражает стремление оптимизировать государство как программное обеспечение, минимизируя бюрократические издержки.

Ник Лэнд представляет более радикальное крыло неореакционизма, связанное с акселерационизмом. В эссе “The Dark Enlightenment” (2013) он описывает капитализм и технологии как неумолимые силы, разрушающие либеральные иллюзии равенства и прогресса. Лэнд пишет: «Капитал – это машина, которая пожирает старые структуры, и демократия – лишь временное препятствие на ее пути» [19]. Его видение технологической сингулярности, где искусственный интеллект и инновации делают традиционные институты устаревшими, вдохновляет Илона Маска, чьи проекты “Neuralink” и “SpaceX” стремятся ускорить человеческую эволюцию. В отличие от Ярвина Лэнд менее озабочен политическими структурами, сосредотачиваясь на неизбежности технологического доминирования, что делает его идеи привлекательными для тех, кто видит в технологиях инструмент радикальных изменений [19].

Идеи Ника Лэнда могут быть опасными, так как он считает неизбежным трансгуманистический переход к торжеству машин и искусственного интеллекта. Анализ работ Лэнда, особенно в контексте «Темного Просвещения», показывает его философию как радикальный пример постмодернистской деконструкции. Лэнд доводит логику модерна до предела, обнажая нигилистическую сущность постмодерна, где исчезает различие между человеческим и нечеловеческим. Лэнд представляет капитал неддуально: он одновременно закрепощает человека, отчуждает и репрессирует желания, но и освобождает, если понять, что это освобождение есть от него самого. Его акселерационизм предполагает, что ускорение технического прогресса, особенно в сфере социальных сетей и ИИ, приведет к переходу человечества на новый уровень – фактически к постчеловечеству. В таких статьях его периода, посвященного машинной философии, как «Машинное желание» [2] или «Сцепления» [3], эта идея развивается через концепцию «киберпозитивизма», где технологии становятся самодостаточной силой, лишённой трансцендентного измерения, а политика сводится к функции алгоритмов.

Однако Лэнд очень важный философ для понимания современного так называемого нового материализма (спекулятивный реализм, объектно ориентированная онтология), он объявляет о том, что потоки сознания будут направлены не от человека к машине, а в обратную сторону. В отличие от многих других материалистов Лэнд более футуристичен в своем понимании реализма, технологий и искусственного интеллекта; он отказывает человеку в мышлении, однако позволяет занять роль субъекта машине: «Дело больше не в том, как мы думаем о технике, – хотя бы потому, что техника все больше думает о себе» [3, с. 34]. Это и есть метафизика техники, метафизика прогресса. Теперь техника

может помыслить сама себя. Такой подход растворяет сознание человека в потоке машинного интеллекта, что приводит к «упразднению субъекта» и «свободе раскрепощенных объектов» [2]. Это делает его философию соблазнительной для технократов Кремниевой долины, но и опасной, поскольку она не предлагает позитивной альтернативы, ограничиваясь «технологическим дарвинизмом», где власть принадлежит сильнейшим машинам.

В отличие от абстрактного кибернетического нигилизма Лэнда Ярвин предлагает более конкретную модель, где элиты – инженеры и предприниматели – становятся новыми правителями, что делает его философию более применимой для Кремниевой долины. Питер Тиль в эссе «Штрауссианский момент» [9] предвосхищает критику либерализма и в дальнейшем явно симпатизирует Ярвину. Работа “Palantir” воплощает ярвинскую идею технологического контроля элит. Именно идеи Ярвина с их акцентом на прагматичную реорганизацию общества оказали более существенное влияние на Кремниевую долину, чем акселерационизм Лэнда. Лэнд хотя и вдохновляет футуристические амбиции, остается теоретиком, чьи концепции трудно перевести в конкретные действия. Ярвин же предлагает модель управления, которая созвучна культуре стартапов: минимизация бюрократии, иерархия компетенций и технологическая эффективность.

Новые аристократы

Эта модель нашла воплощение в политике «трампизма» 2025 года, где технократы типа Маска, Сакса или Марка Андриссена используют неореакционные принципы для реформ, вдохновленных прагматизмом [14]. Прагматизм, сформулированный в философии Уильяма Джеймса, с его фокусом на результат – «истина есть то, что работает» [18], – обеспечивает инструментарий для реализации этих идей, будь то сокращение бюджета через DOGE или дерегуляция для технологического суверенитета. Джей Ди Вэнс, ставший вице-президентом под покровительством Тилля, воплощает этот синтез, сочетая популистскую риторику с технократическим управлением [7].

Этот синтез прагматизма и неореакционизма трансформирует Америку и определяет идеологический ландшафт «трампизма». Если в 2016 году «трампизм» был протестом «синих воротничков», то к 2025 году он стал проектом элит, вдохновленных Ярвином и реализованных через прагматичные действия Маска, Тилля и Вэнса. Революционные инициативы, описанные в этой статье, отражают не только стремление к эффективности, но и радикальное видение корпоративного государства. Эта трансформация, однако, порождает вопросы о балансе между инновациями и свободой, элитами и массами, ставя перед Америкой выбор: станет ли она технократической державой или сохранит либеральные демократические институты. Идеология Кремниевой долины, соединившая прагматизм и неореакционизм задает глобальный вектор, где будущее определяется не общественным договором, а волей «новых аристократов» – технократов, которые строят завтрашний день.

Литература

1. Вард, Ян. Семь мыслителей и групп, сформировавших необычное мировоззрение Дж.Д. Вэнса [Электронный ресурс] // Katehon. Режим доступа: <https://katehon.com/ru/article/semy-myslitley-i-grupp-sformirovavshihneobychnoe-mirovozzrenie-dzh-d-vensa?>
2. Лэнд Н. Машинное желание / Н. Лэнд // Сочинения: в 6 т. Т. 2: Киберготика / пер. с англ. Д.Я. Хамис и др.: под науч. ред. А. Морозова. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 57–80.
3. Лэнд Н. Сцепления / Н. Лэнд // Сочинения: в 6 т. Т. 2: Киберготика / пер. с англ. Д.Я. Хамис и др.: под науч. ред. А. Морозова. Пермь: Гиле Пресс, 2018. С. 31–56.
4. Маск, Илон. Запись на личной странице в соцсети “X” от 22 сентября 2024 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://x.com/elonmusk/status/1837908705683059166>
5. Маск, Илон. Запись на личной странице в соцсети “X” от 25 сентября 2024 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://x.com/elonmusk/status/1838707868448502173>

6. Платон. Государство / Платон // Собр. соч. в 4 т. Т. 3 / пер. с древнегреч.; общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 654 с. (Филос. наследие).
7. Политическая философия Питера Тия [Электронный ресурс] // Katechon. Режим доступа: <https://katechon.com/ru/article/politicheskaya-filosofiya-pitera-tya>
8. Рис Э. Бизнес с нуля: Метод Lean Startup для быстрого тестирования идей и выбора бизнес-модели. 5-е изд. / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2016. 255 с.
9. Тиль П. Штрауссианский момент / пер. с англ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://spacemorgue.com/moment/>
10. [Трам Д.] Инаугурационная речь 45-го президента США Дональда Трампа от 20 января 2017 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/>
11. [Трам Д.] Инаугурационная речь 47-го президента США Дональда Трампа от 20 января 2025 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/01/theinaugural-address/>
12. Штраус Л. Город и человек / пер. с англ. Н. Селиверстова. СПб.: Владимир Даль, 2021. 503 с.
13. Штраус Л. Преследование и искусство письма / пер. с англ. Е. Кухарь; под ред. А.В. Павлова // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 3. С. 12–25.
14. Andreessen, Marc. The Techno-Optimist Manifesto [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://a16z.com/the-techno-optimist-manifesto/>
15. Chafkin M. The Contrarian: Peter Thiel and Silicon Valley's Pursuit of Power. New York: Penguin Press, 2021. 378 p.
16. Dewey J. Studies in logical theory. Chicago: The University of Chicago Press. 1903; [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/files/40665/40665-h/40665-h.htm>
17. Gellman B. Peter Thiel Is Taking a Break From Democracy [Электронный ресурс] // The Atlantic. 2023. 9 ноября. Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2023/11/peter-thiel-2024-election-politics-investing-life-views/675946/>
18. James W. Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking [Электронный ресурс] // Harvard University. 1907. Режим доступа: <https://www.gutenberg.org/files/5116/5116-h/5116-h.htm>
19. Land N. The Dark Enlightenment [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20130925165535/http://www.thedarkenlightenment.com/the-dark-enlightenment-bynick-land/>
20. Open Secrets [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.opensecrets.org/pres16/industries?id=N00023864>
21. Palantir Is Helping DOGE With a Massive IRS Data Project [Электронный ресурс] // Wired. 2025. 11 апреля. Режим доступа: <https://www.wired.com/story/palantir-doge-irs-mega-api-data/>
22. Peter Thiel doubles down on patriotism in the Trump era [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.economist.com/business/2025/04/20/peter-thieldoubles-down-on-patriotism-in-the-trump-era>
23. Peter Thiel goes 'big league', joining Trump's presidential transition team [Электронный ресурс] // The Guardian. 2016. 11 ноября. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/technology/2016/nov/11/peter-thiel-joins-donald-trump-transition-team>
24. Peter Thiel Is Ditching San Francisco for Los Angeles [Электронный ресурс] // Bloomberg. 2018. 15 февраля. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-02-15/peter-thiel-is-said-to-beditching-san-francisco-for-los-angeles>
25. Thiel P. Against Edenism [Электронный ресурс] // First things. 2015. 1 июня. Режим доступа: <https://firstthings.com/against-edenism/>
26. Thiel P. The Education of a Libertarian [Электронный ресурс] // Cato Unbound: a journal of debate. 2009. 13 апреля. Режим доступа: <https://www.cato-unbound.org/2009/04/13/peter-thiel/education-libertarian/>
27. Weiss B., Thiel P. Peter Thiel and the Triumph of the Counter-Elites [Электронный ресурс] // Подкаст на веб-сайте FreePress.com. Режим доступа: <https://www.thefp.com/p/peter-thiel-honestly-trump-jd-vance>
28. 'We wouldn't exist without immigration': Apple CEO Tim Cook slams Trump's executive order as Mark Zuckerberg and Google lead the outcry against the ban from Silicon Valley от 29 января 2027 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-4166914/Apple-CEO-Tim-Cook-slams-Trump-s-executive-order.html>
29. Yarvin C. (Moldbug, Mencius). An Open Letter to Open Minded Progressives. 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unqualified-reservations.org/pdfs/open_letter.pdf
30. Yarvin C. (Moldbug, Mencius). A Gentle Introduction to Unqualified Reservations. 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.unqualified-reservations.org/pdfs/gentle_introduction_to_ur.pdf

Аннотация. Статья анализирует влияние современных философских тенденций консервативной технократической элиты США в Кремниевой долине на нынешнюю идеологию президента Дональда Трампа. Исследование фокусируется на влиянии П. Тилья, И. Маска и Дж.Д. Вэнса, чьи инициативы воплощают синтез прагматизма, основанного на идеях У. Джеймса и Дж. Дьюи, и неореакционизма К. Ярвина и Н. Лэнда. Критика радикальных крайностей в неореакционизме подчеркивает потенциал движения в тенденции консервативных кругов с США к деглобализации. Статья показывает, как этот идеологический синтез перестраивает американскую политику, поднимая вопросы о балансе между технократической эффективностью и управленческими принципами Трампа, и прогнозирует его влияние на политический ландшафт США.

Ключевые слова: неореакционизм, прагматизм, трампизм, технократия, Кремниевая долина, "Palantir", DOGE, Питер Тиль, Илон Маск, Джей Ди Вэнс, Кертис Ярвин, Ник Лэнд.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Поступила в редакцию 15 сентября 2025. Принята к печати 18 сентября 2025.

Pavel A. Kiselev, Analyst, Educational and Scientific Center, "Ivan Ilyin Higher Political School", Russian State University for the Humanities. E-mail: pavelandreevich98@gmail.com

Silicon Valley Ideology: How Pragmatism and Neoreactionism Change America

Abstract. The present article examines the impact of contemporary philosophical currents of the conservative technocratic elite in Silicon Valley on the current ideology of President Donald Trump. The study centers on the contributions of Peter Thiel, Elon Musk, and J.D. Vance, whose initiatives embody a fusion of pragmatism, drawn from the ideas of William James and John Dewey, and neoreactionism of Curtis Yarvin and Nick Land. The critique of radical neoreactionary tendencies highlights the movement's potential to align with conservative U.S. trends toward deglobalization. The article demonstrates how this ideological synthesis reshapes American politics, raising the critical issues of the balance between technocratic efficiency and Trump's management principles, while forecasting its broader implications for the U.S. political landscape.

Keywords: Neoreactionarism, Pragmatism, Trumpism, Technocracy, Silicon Valley, Palantir, DOGE, Peter Thiel, Elon Musk, J.D. Vance, Curtis Yarvin, Nick Land.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Received: September 15, 2025. Accepted: September 18, 2025

От Монро к Донро

Инаугурационная речь Трампа в январе 2025 года была выдержана в духе американской исключительности. «Америка вернет себе свое законное место величайшей, самой могущественной, самой уважаемой нации на земле, которая внушает благоговение и восхищение всему миру», – заявил он [1]. И сразу же вслед за этой констатацией Трамп поднял латиноамериканскую тему в контексте как истории США, так и современной конкуренции с Китаем. Начав с обещания поменять название Мексиканского залива на Американский залив, а также вернуть горе Мак-Кинли имя «великого президента Уильяма Маккинли» (оба указа были подписаны сразу после инаугурации), он перешел к характеристике заслуг полузабытого к тому времени президента.

Начав с того, что Маккинли «сделал нашу страну очень богатой благодаря тарифам и своему таланту», Трамп заявил далее, что именно этот президент «дал Тедди Рузвельту деньги на многие великие дела, которые тот совершил, в том числе на Панамский канал, который по глупости был передан Панаме». Последствия этой «глупости» (договора Картера – Торрихоса 1977 года) Трамп охарактеризовал так: «Цель нашей сделки и дух нашего договора были полностью сведены на нет. Плата за проход американских судов сильно завышена, и с ними обращаются несправедливо во всех отношениях, во всех формах. И это относится также к кораблям военно-морского флота Соединенных Штатов». «А самое главное – Панамским каналом управляет Китай. А мы не отдавали его Китаю. Мы отдали его Панаме, и мы забираем его обратно», – резюмировал Трамп [1].

Тем самым президент США фактически вернулся к знаменитой доктрине Монро. Последующие действия Вашингтона в отношении Венесуэлы и Гренландии – при всем их внешнем различии – подтверждают этот тезис. Но вопрос заключается в том, как интерпретировать трамповское понимание доктрины Монро, которое он сам со свойственным ему эгоцентризмом назвал «доктриной Донро». «Доктрина Монро – это, конечно, важное дело, но мы значительно превзошли ее, намного превзошли. Теперь ее называют доктриной Донро» [2], – сказал Трамп сразу после того, как в Каракасе был схвачен президент Венесуэлы Николас Мадуро. Впервые о «доктрине Донро» упомянуло в заголовке на обложке прореспубликанское издание “New York Post” 8 января 2025 года [3], то есть еще до инаугурации Трампа, исходя из его тогдашних высказываний, которые затем начали превращаться в действия.

Доктрина Монро

«Доктрина Монро» изначально содержалась в нескольких абзацах послания президента Джеймса Монро Конгрессу о положении дел в стране за 1823 год. Этот документ

Макаркин Алексей Владимирович, первый вице-президент Центра политических технологий. E-mail: a_makarkin@mail.ru

не претендовал на доктринальную роль, которая остается актуальной и спустя два века, – само понятие «доктрина Монро» появилось лишь в середине XIX столетия. Он был концептуальной реакцией на вызовы, с которыми США столкнулись к этому времени, плодом усилий группы американских политиков, в которую входили Томас Джефферсон, Томас Мэдисон, Генри Клей, главный автор текста, госсекретарь и будущий президент Джон Куинси Адамс и, конечно же, президент Монро.

Сама доктрина состояла из трех принципов – отказ от колонизаторской деятельности европейских стран в Новом Свете, взаимное невмешательство государств Старого и Нового Света, противодействие переходу колониальных владений в Новом Свете в руки другой державы. Последнего положения не было в тексте послания Монро – впервые этот принцип четко выразил Адамс в конфиденциальном меморандуме, адресованном русскому посланнику барону Федору Тейлю ван Сераскеркену за несколько дней до оглашения послания (США были обеспокоены расширением русских владений в Америке, но сторонам удалось найти взаимоприемлемые решения, избежав конфликта) [4, с. 204–205].

Таким образом, все три принципа к настоящему времени уже неактуальны – первый и третий были связаны с процессом колонизации, второй подвергнут ревизии в XX веке, когда США стали одной из ведущих мировых держав. Но уже в самом тексте послания Монро прослеживалось стремление США выступать в отношении стран Латинской Америки не только в качестве защитника от европейских притязаний, но и патрона. В связи с этим Генри Киссинджер писал: «Доктрина Монро» оправдывала американское вмешательство в дела других государств не только в случае наличия реальной угрозы для страны, но и при одном лишь появлении возможности подобного вызова – точно так же, как это делалось в рамках системы европейского равновесия» [5, с. 27].

Обратим внимание на следующие формулировки из послания Монро, когда речь шла о распространении европейской «политической системы» на страны Латинской Америки. Такие действия, по мнению властей США, поставят под угрозу «наш мир и счастье», причем «никто не может поверить, что наши южные братья, предоставленные сами себе», приняли бы эту политическую систему «по собственной воле». «Поэтому также невозможно, чтобы мы безразлично относились к подобному вмешательству в любой форме», – сделан вывод в послании [6]. Возникает вопрос о том, что имелось в виду под политической системой. Сама по себе монархия в Новом Свете не воспринималась в США как недопустимое явление – можно вспомнить и Бразилию, и недолговременное императорство Августина I в Мексике (1822–1823), и опереточную монархию Фостена I на Гаити (1849–1859). Но все эти разные режимы объединяло одно – они не были «импортированы» из Европы (Бразилия отделилась от Португалии, а мексиканский и гаитянский монархи были местными генералами).

Так что для США было бы неприемлемо прибытие в Новый Свет европейского принца в качестве правителя. Но возникает вопрос: было бы такое учреждение монархии решением, обязательно противоречащим «воле южных братьев», связанным с интервенцией Священного Союза, в возможность которой верила часть американского политического класса? (Историки в XX веке пришли к заключению, что реальных планов интервенции не было, и целый ряд американских политиков не считали ее вероятной [7, с. 154–158, 176–181].)

Можно вспомнить, что незадолго до выхода послания Монро вопрос о добровольном приглашении европейского принца всерьез обсуждался в Аргентине и Перу, причем антииспанскими силами, включая такого знаменитого лидера освободительного движения, как аргентинский военачальник Хосе де Сан-Мартин, бывшего в 1821–1822 годах протектором Перу. Таким образом, «воля южных братьев» могла склониться и в сторону монархии, и США давали понять, что они с такой волей не согласятся. Похоже, это почувствовал Симон Боливар, негативно относившийся к слишком тесному сближению стран Латинской

Америки с США, – он был республиканцем, но сама возможность патронажа даже с благой целью была для него принципиально неприемлема. Боливар «решительно отвергал претензии правящей элиты США быть опекунами латиноамериканцев, осуждал ее стремление играть роль «советчика» молодых наций Латинской Америки». Тем более перспектива военно-политического союза слабых государств с могущественной державой, с его точки зрения, вела к ущемлению суверенитета [8, с. 223].

Таким образом, уже в 1823 году США демонстрировали, что им небезразлично политическое устройство стран Нового Света, хотя указания на стремление к экспансии в тексте послания и не было. Но как быть с «взаимным невмешательством» стран Европы и Америки – был ли это принципиально изоляционистский подход авторов доктрины, или же вынужденный шаг, основанный на дефиците у США ресурсов для претензий на роль мировой державы, а также печальном опыте войны с Великобританией в 1812–1815 годах, начатой американцами и приведшей к многочисленным человеческим жертвам и имущественным потерям, включая демонстративное сожжение британцами Белого дома. Изоляционизм, безусловно, присутствовал в американской политике (и остается в ней до сих пор, хотя его позиции и были резко ослаблены в результате Второй мировой войны), однако он даже в периоды своего наибольшего влияния уравнивался антиизоляционистской тенденцией.

И в 1823 году реалистичная оценка возможностей и рисков сочеталась с пристальным интересом к европейским делам – политическая элита США вовсе не стремилась отгородиться от мира. В послании Монро содержится абзац, посвященный «героической борьбе греков» за независимость от Османской империи. И хотя США не собирались вмешиваться в греческие дела (как и в любые другие европейские конфликты), но в послании содержался прогноз, что Греция вновь станет независимым государством, и констатация того, что «достижение ею этого статуса является предметом наших самых горячих желаний». В следующем абзаце фиксировалось (уже безотносительно к греческой ситуации, а применительно к Европе в целом), что «мы всегда с беспокойством и интересом наблюдали за событиями в этой части земного шара, с которой у нас не только существуют тесные взаимоотношения, но с которой связано наше происхождение. Граждане Соединенных Штатов питают самые дружеские чувства к своим братьям по ту сторону Атлантического океана, к их свободе и счастью» [6]. А раз так, то оставались возможности для того, чтобы в будущем перейти к существенно более активной внешней политике в Европе, – правда, это произошло почти через сто лет после послания Монро.

Эволюция доктрины Монро

Ревизию доктрины Монро в направлении обоснования экспансионизма произвел президент США в 1845–1849 годах Джеймс Полк, который, опираясь на ее положения, обосновал присоединение к США Техаса, Нью-Мексико и Калифорнии после выигранной войны с Мексикой. Полк цитировал слова Монро дословно, но смысл получался уже иной: не взаимное «самоограничение», а притязания на территориальную экспансию и на гегемонию США в Западном полушарии, отмечает Андрей Исэров [9]. Действительно, еще в послании 1845 года Полк со ссылкой на послание Монро заявлял, что «существующие права каждой европейской нации должны уважаться, но как для нашей безопасности, так и для наших интересов необходимо, чтобы эффективная защита наших законов распространялась на всю нашу территорию, и чтобы миру было четко заявлено о нашей устоявшейся политике, согласно которой ни одна будущая европейская колония или доминион не будет с нашего согласия основана или создан на какой-либо части североамериканского континента» [10].

Но уже спустя два года Полк в очередном послании дал оригинальное объяснение плану присоединения к США мексиканских территорий, к тому времени уже занятых американскими войсками: «Всем, кто наблюдал за фактическим положением мексиканского правительства в течение последних нескольких лет и в настоящее время, очевидно, что если Мексика сохранит эти провинции под своим контролем, она не сможет долго продолжать управлять ими». Далее Полк разъяснил, что это в первую очередь относится к Верхней Калифорнии, и смоделировал следующее развитие событий: американские войска уходят, после чего «какая-либо иностранная держава предпримет попытку завладеть ею либо путем завоевания, либо путем покупки». Но даже если этого не произойдет, то там будет создано некое «независимое революционное правительство» (здесь, видимо, Полк вспомнил о восстании американских колонистов против Мексики в Техасе), которое, однако, будет слишком слабым, и в конце концов территория тоже будет аннексирована иностранцами. Полк имел в виду неназванных им европейцев, хотя техасский сценарий предусматривал присоединение территории именно к США.

Продолжая свою мысль, президент упомянул, что США в таком случае будут просто вынуждены применить антиколониальный принцип Монро, о котором Полк говорил в своем послании 1845 года. Однако, «придерживаясь этого принципа и сопротивляясь вторжению любой иностранной державы, мы можем быть вовлечены в другие войны, более дорогостоящие и трудные, чем та, в которой мы участвуем сейчас», – сделал вывод Полк. Так что другого выхода, кроме присоединения, просто не было. Тем более что провинции «примыкают к территориям Соединенных Штатов, и если они будут подчинены управлению наших законов, их ресурсы – минеральные, сельскохозяйственные, промышленные и торговые – вскоре будут освоены», – прагматично и уже без ссылки на Монро, аргументировал Полк необходимость присоединения [11].

В США вслед за Эндрю Джексонем во власть пришла новая генерация лидеров, куда менее склонная к просвещенческой философии и в целом к рефлексии по сравнению со своими предшественниками. И Полк, провинциальный адвокат из Теннесси, выдвинул более жесткую стратегию, чем интеллектуальные представители истеблишмента из Массачусетса и Виргинии, сформулировавшие доктрину Монро.

В связи с этим можно сделать парадоксальный вывод: хотя присоединение к США мексиканских территорий осуществлялось формально под флагом доктрины Монро, но в реальности вне ее рамок, так как непосредственной конкуренции с европейскими странами в данном случае не было. А гипотетическая конкуренция была основана не на фактах, а на цепочке весьма зыбких предположений, вызывавших скепсис у немалой части американского общества. Речь шла о прямой экспансии в рамках того, что можно назвать доктриной Полка. Однако о Полке быстро забыли, тогда как имя Монро, участвовавшего еще в Войне за независимость, выглядело более солидным для обоснования экспансионистской политики.

Впрочем, отличие состояло в том, что в Европе речь шла о значительно меньших расстояниях (армиям не надо было бы преодолевать океан) и тем самым существенно большей вероятности войны. На практике доктрина Монро стала актуальной лишь в 1864 году, когда спустя четыре десятилетия после послания 1823 года императором Мексики был провозглашен австрийский эрцгерцог Максимилиан, опиравшийся на французские войска. Так как это произошло во время войны Севера и Юга, то Вашингтону тогда было не до Мексики. Но когда война в США завершилась, американцы в рамках доктрины Монро поддержали мексиканских либералов, впрочем, без применения военной силы. Политическое давление США стало важным фактором, способствовавшим вынужденному уходу французов и гибели императора Максимилиана.

Расширительное толкование доктрины Монро, позволявшее США применять силу в отношении стран Латинской Америки даже без апелляции к угрозе европейского

колониализма, появилось при Теодоре Рузвельте. Оно получило неофициальные названия «поправка Рузвельта» и «политика большой дубинки». «Рузвельт придал "доктрине Монро" наиболее интервенционистское толкование, сближающее ее с империалистическими доктринами того времени», – констатировал Киссинджер [5, с. 29]. Однако такая политика просуществовала около трех десятилетий – ее начал подвергать ревизии уже Герберт Гувер, а официально отказался от нее Франклин Делано Рузвельт, предложив в качестве альтернативы «политику доброго соседа». Уже в 1920-х годах стало ясно, что Америка втягивается в многолетние и обременительные конфликты типа никарагуанской гражданской войны между местными либералами и консерваторами. И это является обременением для страны и вызывает все более сильное недовольство государств Латинской Америки. На смену прямому вмешательству стало приходиться косвенное, посредством поддержки проамериканских диктаторов.

Со времени президентства Джона Кеннеди политика стала постепенно и непросто видоизменяться – предпочтение отдавалось поддержке политических режимов, в которых проходят конкурентные выборы. Но если имелась «угроза коммунизма», то можно было сделать ставку и на военную хунту, даже если та вообще не проводила выборов (как Аугусто Пиночет в Чили), или же выборы фальсифицировались.

Стимулирование демократического процесса на континенте стало приоритетом США лишь в 1980-х годах – в условиях сильнейшего кризиса военных режимов. И демократии с регулярной передачей власти стали выглядеть лучшим средством от всяких неожиданностей, чем терявшие стабильность диктатуры, которые могли свергнуть непредсказуемые повстанцы, как в Никарагуа. Из Гренады и Панамы американские войска быстро ушли после краткосрочных локальных военных операций против заведомо слабейшего противника, которые можно было легко объяснить населению США. С тех пор в этих странах не было ни одного переворота. И Джордж Буш-старший после свержения Мануэля Норьеги не стал пересматривать договор Картера – Торрихоса о Панамском канале, о котором вспомнил Трамп в 2025 году [12]. К XXI веку для политического класса США упоминать о доктрине Монро как об актуальном рецепте в отношениях со странами Латинской Америки стало некорректным.

Добавим к этому, что еще в разгар Первой мировой войны, 22 января 1917 года, в обращении к Сенату президент Вудро Вильсон придал изначальному варианту доктрины Монро характер ориентира для всего мира. Он выступил за то, «чтобы нации единодушно приняли доктрину президента Монро как мировую доктрину: что ни одна нация не должна стремиться распространить свою власть на какую-либо другую нацию или народ, но что каждому народу должна быть предоставлена свобода определять свою собственную политику, свой собственный путь развития, без препятствий, угроз, страха, где малые страны соседствуют с великими и могущественными» [13]. Впрочем, по мнению такого видного сторонника *realpolitik*, как Киссинджер, то, что Вильсон постоянно представлял доктрину Монро в качестве модели нового международного порядка, вызывало беспокойство одного из главных союзников США, Франции, ибо Америка, следуя этой доктрине, никогда не останавливалась перед применением силы [5, с. 209].

Таким образом, доктрина Монро является настолько эластичной, что могла быть использована для обоснования самых разных внешнеполитических решений. «Доктрина Монро на рубеже веков из обороны от интервенций чуждых пространству сил стала агрессивным, империалистически истолкованным принципом экспансии, чтобы потом с 1934 года, по крайней мере официально, опять ограничить этот империалистический характер. Из принципа отказа от интервенции и отказа от иностранных вмешательств она стала оправданием империалистических интервенций Соединенных Штатов в другие американские государства. Ее хотели использовать как для политики строжайшего изоляци-

онизма и нейтралитета Соединенных Штатов, так и для во все вмешивающейся мировой политики и политики мировой войны» [14, с. 501], – писал Карл Шмитт. «В 1823 году “доктрина Монро” предупредила европейские державы, что им следует держаться подальше от Западного полушария. К столетнему юбилею “доктрины Монро” смысл ее постепенно расширялся, и в итоге она превратилась в оправдание американской гегемонии в Западном полушарии» [5, с. 26–27], – описывал эволюцию доктрины Киссинджер.

Доктрина Донро: случай Панамы

Доктрина Донро – трамповский вариант доктрины Монро – отбрасывает политкорректность. Трамп настаивает на возвращении к доминированию США в Новом Свете. Он начал реализовывать свой курс с Панамы, упомянутой в его послании 2025 года. Еще в 1997 году Панама предоставила “Hutchison Ports PPC”, подразделению гонконгской компании “Hutchison Whampoa”, на 25 лет концессию на управление портом Бальбоа на тихоокеанской стороне и портом Кристобаль на атлантическом входе в канал. В 2015 году “Hutchison-Whampoa” стала называться “СК Hutchison Holdings”. Как раз в 1997 году Гонконг только перешел под юрисдикцию КНР, но на условиях сохранения автономии на 50 лет (а дальше никто не смотрел) и капиталистической системы. Фирма “Hutchison” основана еще в 1877 году английским бизнесменом Джоном Хатчинсоном, а поглощенная ею компания “Whampoa” – в 1863-м Джоном Купером, тоже англичанином.

Впрочем, в 1970-х годах яркий представитель британско-гонконгской элиты сэра Дуглас Клэг, бывший главой “Hutchison Whampoa”, переоценил свои возможности в ходе агрессивной экспансии, и потерял контроль над компанией, перешедший к банку HSBC. А тот в 1979 году продал фирму гонконгско-китайскому бизнесмену сэру Ли Ка-шингу, имеющему серьезные связи в Пекине. Под его руководством компания выросла в крупнейшего в мире частного оператора портов, а также в крупную торговую, строительную, телекоммуникационную и энергетическую транснациональную корпорацию. В 2018 году в возрасте 90 лет Ли Ка-шинг передал пост главы компании своему сыну Виктору Ли, но остался его старшим советником (он занимает эту должность и сейчас в свои 97 лет), сохраняющим реальный контроль над “СК Hutchison”.

Так что, несмотря на свой британский титул, Ли Ка-шинг воспринимался как «человек Пекина». И хотя его отношения с Си Цзиньпином носят непростой характер (Ли не был в восторге от того, что Пекин при нем фактически установил контроль над Гонконгом, не дожидаясь окончания 50-летнего срока), но связи с Пекином от этого никуда не исчезли. В 1997 году США довольно спокойно отнеслись к панамской сделке гонконгской компании – тогда были надежды на политическую либерализацию в КНР, а сам Китай не претендовал на роль соперника Вашингтона. Но сейчас ситуация принципиально изменилась.

Чем дальше, тем больше присутствие “СК Hutchison” в портах Бальбоа и Кристобаль стало восприниматься в США как угроза их интересам. К тому же Китай во втором десятилетии XXI века инициировал в зоне канала новые инвестиционные проекты, которым американцы начали противодействовать. И небезуспешно: в 2020 году, еще в ходе первого срока президентства Трампа, Панама отказалась от строительства четвертого моста через канал, которым должны были заниматься китайцы. А в 2021 году, уже в президентство Джо Байдена, Панама отозвала у китайцев лицензию на строительство порта в провинции Колон при входе в Панамский канал со стороны Карибского моря. Но противостояние США и КНР в Панаме проходило с переменным успехом. В 2021 году Панама продлила концессию с “Hutchison Ports PPC” по управлению Бальбоа и Кристобалем еще на 25 лет.

Вскоре после инаугурационной речи Трампа, в начале февраля 2025 года, Панама заявила, что не будет продлевать действие меморандума о взаимопонимании с Китаем

по инициативе «Пояс и путь». А через месяц, в начале марта, консорциум инвесторов во главе с американской инвестиционной компанией “BlackRock” договорился о приобретении контрольного пакета акций компании по управлению портами по обе стороны Панамского канала у “CK Hutchison Holdings”. Консорциум также согласился выкупить контрольный пакет “CK Hutchison” в 43 портах в 23 странах. Цена вопроса составляла 22,8 млрд долларов. “CK Hutchison” сначала рассматривала возможность оспорить в судебном порядке любые попытки вывести портовый бизнес из-под своего контроля. Однако предложение от “BlackRock” оказалось очень выгодным и «элегантным», так что Ли Ка-шинг, за которым оставалось последнее слово, решил пойти на сделку [15].

Трампа расценил это как свой личный успех по вытеснению Китая. Стороны согласовали 27 июля крайним сроком заключения сделки для окончательного согласования деталей покупки активов. Однако против такой сделки выступил Пекин – он настаивал на участии в консорциуме с правом вето китайской судоходной группы “Cosco”. 27 июля сделка не состоялась, а уже 30 июля генеральный контролер Панамы Анель Флорес объявил о том, что подал два иска в Верховный суд страны против “Panama Ports Company”. Он утверждал, что компания не выплатила правительству достаточных роялти, а продление концессии сроком на 25 лет, подписанное в 2023 году, было осуществлено без получения необходимых разрешений. Один иск, поданный в Верховный суд, был направлен на признание контракта недействительным, другой – на признание его неконституционным [16].

30 января 2026 года Верховный суд Панамы признал неконституционными условия лицензии, предоставленной “CK Hutchison” на управление портами [17]. Как сообщило морское управление Панамы 30 января, временное управление этими гаванями на себя возьмет датская судоходная компания “Maersk” (ее оператор – “APM Terminals”). Китай назвал это решение «юридически абсурдным и нелепым», заявив, что «панамским властям следует осознать ситуацию и скорректировать курс. Если они будут упорствовать и оставаться непреклонными, они неизбежно заплатят высокую политическую и экономическую цену» [18].

Венесуэла: силовая политика Трампа

Чавистский режим в Венесуэле с самого начала был серьезным раздражителем для США, причем не только как центр «боливарианского» движения, включавшего в себя ряд стран Латинской Америки. Истоки современного «боливарианства» связаны с кубинским режимом Фиделя Кастро и его последователей и с никарагуанским сандинизмом. «Боливарианцы» возглавляли Боливию и Эквадор, к «боливарианству» были близки Гондурас и Парагвай при подвергнутых парламентами импичменту президентах Мануэле Селайе и Фернандо Луго (левые силы в Латинской Америке посчитали их смещение государственными переворотами). Селайе успел включить Гондурас в основанный Чавесом Боливарианский альянс для Америк (АЛБА), откуда страна вышла после его смещения с поста президента; позиции Луго были слишком слабы для того, чтобы принимать столь ответственные решения. «Боливарцы» наряду с идеями единства Латинской Америки и социальной справедливости воспринимают США как империалистическую страну, а доктрина Монро для них в духе заветов Симона Боливара является символом американского империализма.

Во время своего первого президентского срока Трамп сделал ставку на расшатывание режима преемника Чавеса Николаса Мадуро, который выглядел значительно более слабой политической фигурой. Однако попытка противопоставить ему оппозиционного председателя парламента Хуана Гуайдо закончилась неудачей, несмотря на то что США при Трампе признали Гуайдо законным президентом Венесуэлы. Мадуро, опираясь на вооруженные силы, правящую партию и парамилитарные формирования «коллективос», смог сохранить власть, несмотря на американские санкции и многолетний экономический кризис. Многие

сторонники оппозиции предпочитали эмиграцию безнадежной борьбе – благо границы были открыты. При Джо Байдене США не признали итогов президентских выборов 2024 года, победителем которых был объявлен Мадуро, но и, учитывая неудачный опыт с Гуйадо, не считали законно избранным президентом его соперника Эдмундо Гонсалеса Уррутию.

Во время второго президентского срока Трамп сделал ставку на непосредственное военное вмешательство, обоснованием которого стали обвинения в адрес Мадуро в причастности к наркомафии. К границам Венесуэлы была направлена группировка ВМС США, которая потопила несколько лодок с предполагаемыми контрабандистами. При этом по одной из лодок был нанесен второй удар, убивший спасшихся после первого удара людей, – законность этого действия оспаривалась демократами в Конгрессе США, но Трамп полностью поддержал военных. После того как Мадуро отказался выполнить ультимативное требование покинуть страну, он был 3 января 2026 года схвачен в результате операции американского спецназа бойцами “Delta Force” и доставлен вместе с женой и соратницей Силией Флорес в США. Им вменили «заговор с целью наркотерроризма», «заговор с целью импорта кокаина», «незаконное владение автоматическим оружием и разрушительными устройствами» и «заговор с целью владения автоматическим оружием и разрушительными устройствами против Соединенных Штатов».

После этого Трамп на пресс-конференции в тот же день заявил, что «США будут управлять Венесуэлой до тех пор, пока в стране не будет обеспечен безопасный, надежный и разумный переходный период», а крупнейшие нефтяные компании США инвестируют в Венесуэлу, восстановят серьезно поврежденную инфраструктуру, нефтяную инфраструктуру и начнут приносить прибыль стране. Однако прямое управление Венесуэлой не входило в планы США. Сценарий Гренады 1983 года – оккупация территории, формирование под эгидой США переходного правительства и проведение выборов – в администрации Трампа не рассматривался. Венесуэла – это не маленькое государство, режим которого был дезорганизован еще до вторжения США, а армия никогда не являлась серьезной силой. Кроме того, опыт Афганистана и Ирака показал все многочисленные проблемы «конструирования демократии».

Сценарий Панамы 1989 года, казалось бы, более походил на венесуэльскую ситуацию. В обоих случаях лидер страны обвинен в участии в деятельности наркомафии, захвачен и отправлен в США. Но есть принципиальные различия. В Панаме, как и на Гренаде, американские военные установили контроль над территорией страны. В стране в том же 1989 году прошли президентские выборы, которые, по многочисленным данным, выиграл противник Мануэля Норьеги Гильермо Эндара. Норьега отказался признавать его победу, и тот не мог вступить в должность. После вторжения США Эндара возглавил страну. В Венесуэле же США не стали официально признавать президентом Гонсалеса не только при Байдене, но и при Трампе, который, похоже, весьма критично относится к оппозиции, не сумевшей самостоятельно прийти к власти.

В Венесуэле США сделали ставку на сотрудничество с вице-президентом Делси Родригес, которая вступила в исполнение обязанностей президента после захвата Мадуро. Еще за несколько недель до захвата Мадуро американские чиновники определили Родригес в качестве приемлемой временной замены, сообщила “The New York Times” [19]. Администрация Трампа дала понять, что готова признать Родригес временным лидером Венесуэлы, рассматривая ее как более приемлемый вариант, чем оппозиционный лидер Мария Корина Мачадо, получившая Нобелевскую премию мира за 2025 год.

Родригес считалась прагматичным экономическим менеджером с опытом стабилизации страны и контроля над добычей нефти, в то время как Мачадо была охарактеризована Трампом как личность, не обладающая авторитетом и поддержкой, необходимыми для управления страной. Похоже, именно это, а не «обида» Трампа на Мачадо за получение

премии, которую президент США считал «своей», стало решающим фактором для ставки на Родригес, – по крайней мере на переходный период. Новыми властями очень быстро было заключено соглашение о поставке в США 50 млн тонн нефти.

По данным издания “Politico”, администрация Трампа предъявила Родригес ультиматум с требованием предпринять ряд жестких шагов в интересах Вашингтона [20]. Согласно информации издания, США требуют от Родригес усилить борьбу с нарко-трафиком, выслать из страны «враждебных агентов» (включая иранских и кубинских), а также прекратить поставки венесуэльской нефти противникам Америки. В дальнейшем Вашингтон ожидает содействия в организации свободных выборов, по итогам которых временный лидер должна будет уйти в отставку. Таким образом, тактическая ставка на взаимодействие с Родригес не исключает стратегической ставки на победу оппозиции в среднесрочной перспективе. Другое дело, что оппозиция настаивала на скорейшем проведении выборов, но в данном случае для США приоритетом на ближайшее время стала стабильность режима, который согласился на сотрудничество, в том числе в нефтяной сфере.

В вульгарно-марксистском понимании экономика всегда находится впереди политики, а государственная политика определяется интересами бизнеса. В Венесуэле ситуация сложнее. С одной стороны, Трамп, как отмечала “The Wall Street Journal”, намерен контролировать нефтяную отрасль страны, что, по его мнению, позволит снизить цены на нефть до 50 долларов за баррель [21] и дать импульс развитию американской экономики. С другой стороны, когда 9 января Трамп заявил на встрече с руководителями крупнейших мировых нефтяных компаний, что хочет, чтобы они инвестировали в страну 100 млрд долл. для увеличения добычи нефти, то генеральный директор “Exxon Mobil” Даррен Вудс заявил, что компания считает Венесуэлу в настоящее время «непривлекательной для инвестиций» и полагает, что для возвращения в страну необходимы значительные изменения [22]. А компания “Chevron” работала в Венесуэле и при Мадуро. Таким образом, инициатором операции против Мадуро был Трамп (и госсекретарь Марио Рубио), а нефтяники настроены куда более осторожно, оценивая риски для своего бизнеса.

Планы присоединения Гренландии

Ситуация с Гренландией выглядит иначе, хотя конфликт тоже восходил к первому сроку Трампа. Еще в 2019 году Трамп выразил желание купить Гренландию, но получил отказ – эта история была названа премьер-министром Дании Метте Фредериксен абсурдной дискуссией. Трамп назвал свое желание купить страну «по сути, сделкой с недвижимостью». С момента вторичного вступления в должность в январе 2025 года Трамп неоднократно угрожал вторжением или аннексией Гренландии после отказов Гренландии и Дании продать территорию, что спровоцировало гренландский кризис.

Впрочем, планы США присоединить остров имеют давнюю историю – так что речь идет не о капризе Трампа. Еще 9 апреля 1941 года, во время оккупации Дании нацистской Германией, но до вступления США во Вторую мировую войну, госсекретарь США Корделл Халл и посол Дании в США Хенрик Кауфман подписали «Соглашение об обороне Гренландии», уполномочивающее США защищать Гренландию от немецкой агрессии. Халл тогда заявил, что защита Гренландии соответствует доктрине Монро. В июле 1941 года армия США начала строительство первой из нескольких своих военных баз на острове. Кауфман действовал без согласия своего правительства, которое сочло соглашение недействительным и отозвало его. Но Кауфман проигнорировал этот протест, сославшись на то, что Дания оккупирована враждебной державой; следовательно, он считал правительство неспособным защитить датские интересы. Правительство ответило обвинением Кауфма-

на в государственной измене и лишением его звания. После освобождения Германии от нацистов он был реабилитирован.

После окончания войны США предложили Дании за Гренландию 100 млн долл. (1 млрд долл. сегодня) в золотых слитках. Госсекретарь Джеймс Бирнс сделал это предложение 14 декабря 1946 года в меморандуме, переданном министру иностранных дел Дании Густаву Расмуссену во время его визита в США. Это конфиденциальное предложение шокировало датчан, которые с ним не согласились. Вместо этого в апреле 1951 года Дания и Соединенные Штаты подписали соглашение об обороне Гренландии. Заменяя соглашение 1941 года, оно позволяло США сохранять свои военные базы в Гренландии и создавать новые базы или «оборонительные зоны», если это будет сочтено необходимым НАТО, куда США и Дания вступили в 1949 году.

Стратегическое командование ВВС в 1953 году разместило на острове авиабазу «Туле» (ныне «Питуфик»), которая стала американским форпостом в стратегическом противостоянии с СССР. Также на территории Гренландии была создана база «Camp Century» – пилотное поселение для проекта «Ледяной червь», конечной целью которого было создание сети стартовых площадок для ядерных ракет, способных выдержать первый ядерный удар. Впрочем, ракеты так и не были поставлены на вооружение – правительство Дании не дало это согласия. «Camp Century» просуществовала недолго, так как смещавшийся ледник угрожал снести базу (сейчас заброшенный объект погребен под этим ледником) [23].

В 2004 году США и Дания подписали соглашение, модернизирующее соглашение 1951 года об обороне Гренландии. В первую очередь речь шла о модернизации американской базы «Туле» в рамках создаваемой США системы противоракетной обороны. Но к тому времени появился новый фактор – Гренландия получила автономию, в ней были созданы парламент и правительство с широкими полномочиями.

Вскоре после своего избрания на второй срок, 4 марта 2025 года, Трамп выступил с речью перед Конгрессом США, где заявил: «Так или иначе, мы получим Гренландию». Но после того как первые требования Трампа были отвергнуты как Данией, так и правительством Гренландии, а на парламентских выборах в Гренландии 11 марта победили противники присоединения к США, Трамп взял паузу.

Однако 22 декабря 2025 года Трамп объявил, что назначил губернатора Луизианы Джеффа Лэндри специальным посланником для аннексии территории, заявив, что «нам это необходимо» для национальной безопасности. После того, как США захватили Николаса Мадуро, Трамп вновь заявил о своем желании приобрести Гренландию, утверждая, что США нуждаются в Гренландии для «национальной безопасности» [24]. В это же время заместитель главы администрации Белого дома Стивен Миллер заявил, что США имеют право захватить Гренландию [25]. Он считается главным лоббистом присоединения Гренландии в администрации Трампа. 6 января 2026 года газета «The New York Times» опубликовала интервью с Трампом, в котором он заявил, что «возможно, перед нами стоит выбор», что важнее: приобретение Гренландии или сохранение НАТО» [26].

Впрочем, планы Трампа вызвали протесты не только в Дании и Гренландии, но и в политическом классе США, причем как у демократов (что вполне ожидаемо), так и у части республиканцев. Сопредседатели группы наблюдателей НАТО в Сенате, сенатор-республиканец США Том Тиллис и сенатор-демократка Жанна Шахин, заявили, что «Соединенные Штаты должны соблюдать свои договорные обязательства и уважать суверенитет и территориальную целостность Гренландии и Дании» [27]. Не только скептически настроенная по отношению к президенту сенатор-республиканка Сьюзан Коллинз, но даже близкий союзник Трампа, спикер Палаты представителей Майк Джонсон назвали угрозы и возможные военные действия США «совершенно неуместными». Сенаторы-демократы

и республиканцы внесли двухпартийный закон, который запрещает использование федеральных средств для вторжения в любое государство – член НАТО или на территорию, находящуюся под защитой НАТО.

Представители обеих партий выразили опасения, что Трамп может без согласования с Конгрессом провести в Гренландии аналогичную Венесуэле военную операцию. Позицией по этому поводу законодатели поделились с госсекретарем Рубио и другими чиновниками Белого дома. Республиканцы, уточняет “Reuters”, предупредили администрацию Трампа о том, что в случае военного вторжения США в Гренландию могут объявить ему импичмент [28].

Американский политический класс опасается подрыва сплоченности НАТО в результате гренландского кризиса. В то же время для Трампа планы присоединения Гренландии стали частью его самоутверждения как мирового лидера и восстановления доминирования США в мире. Но дело не только в его амбициях, а и в вопросе, на котором политиками внимание не акцентируется. Если несколько десятков тысяч гренландцев проголосуют за независимость от Дании, то одним из реалистичных вариантов дальнейшего развития может стать сближение с Китаем, а в условиях глобальной конкуренции Вашингтона и Пекина это совершенно неприемлемо для США. Другое дело, что США также рассчитывают на поддержку сторонников независимости от Дании и поэтому не делают заявлений, которые могли бы их оскорбить и оттолкнуть.

В условиях широкого противодействия Трамп отступил. После переговоров с генеральным секретарем НАТО Марком Рютте на Всемирном экономическом форуме в Давосе он заявил, что основа для будущей сделки в отношении Гренландии и «по сути, всего Арктического региона» согласована. Эта сделка, по словам Трампа, будет включать право США на добычу полезных ископаемых и участие острова в системе противоракетной обороны «Золотой купол». Ключевой вопрос суверенитета Дании над Гренландией вообще не обсуждался, заявил Рютте [29]. Впрочем, Трамп и при таком раскладе может получить существенно больше, чем его предшественники

Особенности доктрины Донро

Действия Трампа вызвали беспокойство у обозревателей мировых медиа – они задавали вопрос, не желают ли США вернуться к миру, где они претендуют на доминирование в Латинской Америке, признавая свои сферы влияния за Россией и Китаем. «Провозглашение “доктрины Донро” в сочетании с шагами Трампа в сторону сближения с Россией и Китаем указывает на его симпатию к мировому порядку, организованному вокруг сфер влияния великих держав», – писал Гидеон Рахман в “The Financial Times” [30]. «Вопрос, который задают себе противники и союзники США после рейда в Каракасе, заключается в том, означает ли это возвращение к имперскому мышлению XIX века также и отход от остального мира, – что, в свою очередь, дало бы Китаю и России больше влияния в их собственных регионах. <...> Хотя форма зарождающейся международной системы далеко не ясна, во многом она напоминает далекое прошлое – с другим составом основных игроков», – отмечал Ярослав Трофимов в “The Wall Street Journal” [31].

Действительно, операция Трампа по захвату Мадуро продемонстрировала, что США при нынешнем президенте действуют в логике империализма, казалось бы, ушедшего в историю. Мир для Трампа однополярен, что он и демонстрирует и своим мировоззрением, и силовыми акциями. Президент США не только не скрывает, но всячески подчеркивает, что заинтересован в контроле над природными ресурсами, будь то нефть (как в Венесуэле) или редкоземельные металлы, месторождения которых США намерены разрабатывать в Гренландии, хотя эти планы могут столкнуться с существенными техническими трудностями. Международное право его не интересует.

В Латинской Америке Трамп воскрешает доктрину Монро в ее наиболее радикальном варианте «большой дубинки», выдвинутом Теодором Рузвельтом. Но в отличие от начала XX века амбиции США распространяются далеко за пределы западного полушария. Трамп создает «Совет мира» для управления сектором Газа и намерен распространить этот опыт на другие конфликты. Одна из задач этого совета – фактическая эрозия БРИКС, «подтягивание» к США стран Глобального Юга, которые были приглашены в совет. Трамп демонстрирует, что интересы США распространяются на весь мир, хотя и в разной степени. Приоритет Латинской Америки не отменяет глобальные амбиции США, и остается вопрос, в какой мере США готовы учитывать интересы и сферы влияния других основных игроков.

Глобальная активность США вызывает раздражение изоляционистской части трамповского электората. Но Трамп, видимо, исходит из того, что эти избиратели все равно проголосуют за республиканцев, – демократы для них совершенно неприемлемы, а партийный проект Илона Маска так и не был реализован.

Венесуэла, Гренландия и Панама – самые яркие, но не единственные примеры «доктрины Донро». В 2025 году Трамп вмешивался в политические процессы в Аргентине и Гондурасе, заявляя о желательном для него исходе выборов и угрожая прекратить финансовую помощь, если он окажется иным. В прежние времена такая прямолинейность привела бы к массовым протестам – сейчас ничего подобного нет. И в обоих случаях он добился успеха (в Аргентине довольно неожиданного). Если в прошлые годы молодежь шла бунтовать на площади, то сейчас она «сидит в телефонах», а немалая часть населения не прочь получить небольшую долю от тех преференций, которые обещает Трамп.

Видимо, эти обстоятельства сыграли свою роль в принятии Трампом решения о захвате Мадуро, после которого он начал давить на Кубу, требуя от нее масштабных уступок. В феврале “The New York Times” напоминала, что долгое время Венесуэла обеспечивала Кубу 35 тысячами баррелями нефти в день в обмен на медицинские услуги кубинских врачей. Наряду с захватом Мадуро Трамп объявил о введении пошлин против любой страны, поставляющей нефть на Кубу. В совокупности эти меры фактически отрезали Кубу от двух стран, обеспечивающих поставки нефти, – Венесуэлы и Мексики – как раз в тот момент, когда Куба переживает масштабные перебои с электроснабжением [32].

Как говорится, продолжение следует. Возникает вопрос: не перенапряжется ли Америка, выдержит ли она трамповские амбиции по переустройству мира? Ответ на него может быть дан уже в ближайшем будущем.

Литература

1. *Trump, Donald*. Inaugural Address [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/inaugural-address-54>
2. Трамп заявил, что доктрину Монро теперь в честь него называют Донро [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20260103/tramp-2066282859.html>
3. *New York Post*. 2025. 8.01 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nypost.com/cover/january-8-2025/>
4. *Исэров А.А.* США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815–1830. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2011. 478 с.
5. *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: НИЦ «Падомир», 1997. 848 с.
6. *Monroe, James*. Annual Message to Congress (1823): The Monroe Doctrine. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://teachingamericanhistory.org/document/seventh-annual-message-to-congress-1823/>
7. *Болховитинов Н.Н.* Доктрина Монро (происхождение и характер). М.: Изд-во ИМО, 1959. 336 с.
8. *Гликин А.Н.* Дипломатия Симона Боливара. М.: Международные отношения, 1991. 352 с.
9. *Исэров А.А.* Доктрина Монро, или Власть слова: Будущий мир может быть похож на эпоху классической доктрины Монро [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2023. № 6. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/doktrina-monro-ili-vlast-slova/>
10. *Polk, James K.* Annual Message to Congress (1845). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://teachingamericanhistory.org/document/state-of-the-union-address-54/>
11. *Polk, James K.* Annual Message to Congress (1847) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://teachingamericanhistory.org/document/state-of-the-union-address-55/>
12. Угрозы Дональда Трампа Венесуэле напоминают внешне-политический курс США первой трети XX века. Который доволь-

- но быстро закончился [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://t.me/BuninCo/4836>
13. *Wilson, Woodrow*. Address of the President of the United States to the Senate. 1917. 22 January [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www-personal.umd.umich.edu/~ppennock/doc-Wilsonpeace.htm>
 14. *Шмитт К.* Нотос Земли в праве народов *jus publicum europaeum*. СПб.: Владимир Даль, 2008. 669 с.
 15. Консорциум инвесторов во главе с американской инвестиционной компанией BlackRock договорился о приобретении контрольного пакета акций компании по управлению портами по обе стороны Панамского канала у гонконгской СК Hutchison Holdings [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://t.me/BuninCo/4573>
 16. Дональд Трамп, Ларри Эллисон и Китай [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://t.me/BuninCo/4760>
 17. The Wall Street Journal. 2026. 30.01 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wsj.com/business/logistics/panamas-high-court-rules-against-hong-kong-firm-running-canal-ports-714c23c8>
 18. Китай призвал власти Панамы изменить позицию по концессии портов на Панамском канале [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/1070971>
 19. The New York Times. 2026. 4.01 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2026/01/04/world/americas/trump-venezuela-leader-rodriguez-machado.html>
 20. Politico. 2026. 5.01 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.politico.com/news/2026/01/05/trump-demands-venezuela-leader-00711728>
 21. The Wall Street Journal. 2026. 7.01 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wsj.com/business/energy-oil/trump-venezuela-oil-us-control-plan-265a39c1>
 22. Trump urges US oil giants to repair Venezuela's 'rotting' energy industry [Электронный ресурс]. Режим доступа: [reuters.com/business/energy/us-oil-firms-juggle-venezuela-opportunity-investor-concern-ahead-white-house-2026-01-09/](https://www.reuters.com/business/energy/us-oil-firms-juggle-venezuela-opportunity-investor-concern-ahead-white-house-2026-01-09/)
 23. Как Гарри Трумэн хотел купить Гренландию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://t.me/BuninCo/4856>
 24. Trump says United States needs Greenland "from the standpoint of national security". [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://edition.cnn.com/world/live-news/venezuela-trump-maduro-01-04-26?post-id=cmk0gixlg0003b6ohshs2jg>
 25. Stephen Miller says US is using military threat to maintain control of Venezuela. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://edition.cnn.com/2026/01/05/politics/video/senior-white-house-aide-stephen-miller-says-us-military-threat-to-maintain-control-of-venezuela-digvid>
 26. The New York Times. 2026. 8.01 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/live/2026/01/08/us/trump-nyt-interview>
 27. The New York Times. 2026. 6.01 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2026/01/06/us/politics/rubio-trump-greenland.html>
 28. From Greenland to Ukraine, Trump's centralized diplomacy creates whiplash for allies. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/europe/greenland-ukraine-trumps-centralized-diplomacy-creates-whiplash-allies-2026-01-24/>
 29. Коммерсант. 2026. 22.01 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/8364636>
 30. The Financial Times. 2026. 5.01 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ft.com/content/dcd8aa7d-630b-45b0-889c-07c3e8052804>
 31. The Wall Street Journal. 2026. 7.01 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wsj.com/world/trumps-plan-to-run-the-hemisphere-scares-friends-and-puzzles-foes-819a1841>
 32. The New York Times. 2026. 8.02 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2026/02/08/world/americas/cuba-communist-government-trump.html>

Аннотация. В Латинской Америке Трамп реализует доктрину Монро в ее наиболее радикальном варианте, выдвинутом Теодором Рузвельтом. Но в отличие от начала XX века амбиции США распространяются далеко за пределы Западного полушария. Операция по захвату президента Венесуэлы Николаса Мадуро продемонстрировала, что США при Трампе действуют в логике империализма, казалось бы, ушедшего в историю. Венесуэла, Гренландия и Панама – самые яркие, но не единственные примеры трамповской «доктрины Донро». В 2025 году Трамп вмешивался в политические процессы в Аргентине и Гондурасе, угрожая прекратить финансовую помощь, если исход выборов окажется для него нежелательным. Отсутствие массовых протестов, видимо, повлияло на решение о захвате Мадуро, после которого Трамп начал оказывать давление на Кубу, требуя от нее масштабных уступок.

Ключевые слова: Дональд Трамп, доктрина Монро, внешняя политика США, Латинская Америка, Николас Мадуро.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Поступила в редакцию 26 февраля 2026. Принята к печати 27 февраля 2026.

Alexey V. Makarkin, First Vice President, Center for Political Technologies. E-mail: a_makarkin@mail.ru

The Catholic Choice – 2024: Pro Trump and Con Harris

Abstract. The Catholic electorate in the United States waver between Democrats and Republicans. In 2024, the majority of Catholic electors voted for Donald Trump. This is due to both socio-economic issues and the moral and ethical choices common to the Catholics regularly attending the Mass. Kamala Harris's personality and program were strongly dissonant with the political demand of frequent (at least once a month) church-going Catholics. The abortion banning issue is important for the faithful, and the conservative majority of U.S. Catholic bishops insisted that it should officially be a priority for the Catholics' attitude towards politicians beginning with 2019. This position is at odds with the point of view of both the liberal part of the episcopate and Popes Francis and Leo XIV, who insisted on the equivalent significance of anti-abortion and sympathy for immigrants issues when making political choice. Donald Trump and Pope Leo XIV are ideological antagonists, which could be an important factor for Trump's second presidential term.

Keywords: Elections in the USA, Catholicism, Abortions, Migration, Donald Trump, Kamala Harris. Pope Francis.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Received: February 26, 2026. Accepted: February 27, 2026

© Алексей Макаркин, 2026

Стратегия национальной безопасности второй каденции Дональда Трампа: взрыв или хлопок?

В начале декабря 2025 года в Вашингтоне администрацией Трампа была опубликована датированная ноябрем новая «Стратегия национальной безопасности» (СНБ). Условно считающаяся главным американским военно-политическим документом и выходящая за подписью президента страны, она вызвала широкое удивление. В отличие от великодержавно-интеллектуальных документов прежних президентств, новая «Стратегия» написана совсем другим языком: каким в США любят учить в школе. «Что такое стратегия?», «Чего Соединенные Штаты *должны* хотеть?», «Какие у нас имеются в распоряжении средства, чтобы это получить?», «Как мы можем соединить вместе цели и средства и получить жизнеспособную Стратегию национальной безопасности?» – почти по-детски задаются вопросы во введении к документу – так же соответственно названы и главы «Стратегии национальной безопасности». И дальше следует критика предыдущей политики и похвалы президенту Дональду Трампу. Во вступительном письме к СНБ за его собственной подписью говорится: «Ни одна администрация за всю историю не достигла такого впечатляющего улучшения положения за такой короткий срок» [1, р. I]. Далее в документе указывается, что Трамп добился мира между Камбоджей и Таиландом, Косово и Сербией, ДРК и Руандой, Пакистаном и Индией, Израилем и Ираном, Египтом и Эфиопией, Арменией и Азербайджаном и остановил войну в Газе, обеспечив возвратившиеся всех заложников. Хотя заметим, что конфликты даже не во всех перечисленных случаях были военными.

В документе имеются нестыковки, упущения, противоречия – на отдельные из них будет указано в данном материале. Но в не меньшем количестве имелись они и ранее – в СНБ Байдена. Прокомментировали опубликованный текст – как в экспертно-журналистской среде говорят, «отписались» – многие политики и ведущие политологи в США и других странах: Майкл Карпентер в “Survival” [8], Александра Белл в “Bulletin of the Atomic Scientists” [32], Энн Эпплбаум в “The Atlantic”, Стэйси Годдард в “Foreign Affairs” [2], а среди отечественных экспертов: Алексей Пушкин, Андрей Сушенцов, Дмитрий Саймс, Павел Кошкин, Максим Сучков и многие другие – их мнения публиковались в научных статьях, приводились в газете «Ведомости», на ресурсе «Новости» в Mail.ru, в Telegram, в программе «Большая игра» на Первом канале Российского телевидения.

Некоторые специалисты в США и других странах на момент публикации сочли данный текст практически пустословием. Сомневались, насколько он будет коррелировать с реальной политикой американской администрации, учитывая противоречия внутри самого документа, да и постоянную переменчивость Трампа. Но иные расценили его как революцию, знаменующую собой смену миропорядка и роли США в нем. В данном материале предлагается анализ релевантности положений СНБ как с точки зрения теории и практики

Бубнова Наталья Игоревна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. E-mail: nataliaibubnova@gmail.com

американской политики в области национальной безопасности, так и в контексте последующих событий. Для этого рассмотрим стратегию национальной безопасности США и как вышеупомянутый одноименный документ, публикуемый каждым американским президентом, и с точки зрения практического курса, осуществлявшегося с момента прихода республиканского руководства к власти, и выясним, чем в первую очередь отличаются установки новой СНБ от положений основополагающих военно-политических документов предыдущей администрации Байдена и от аналогичных документов первого президентского правления Трампа.

Достаточно ли всех этих различий, чтобы считать данную СНБ более прорывной, чем предыдущие аналогичные документы? Являются ли заявленные изменения более радикальными, чем те, которые содержались в СНБ, опубликованной при Обаме, где декларировался отказ от политики силы? Или когда при нем же анонсировался «Разворот на Восток» – переориентация приоритетного внимания в сторону Китая? Или же когда в первую каденцию Трампа основным противоборством современности вместо войны с терроризмом была объявлена конкуренция великих держав? Или когда вследствие развития энергодобычи в самих США Ближний Восток переместили из перечня главных региональных приоритетов американской политики с последующим выводом войск США из Сирии и Афганистана? В этом плане заявленные в СНБ Трампа корректировки курса по совокупности предлагаемых ею изменений ставят ее в первый ряд по инновационности, но необязательно делают самой лидирующей по соответствующим критериям по сравнению с аналогичными документами предыдущих администраций. Насколько оправдан взгляд на нее как на революционную, и применим ли к ней этот эпитет, будет рассмотрено в предлагаемом исследовании.

Ограничителем анализа, безусловно, является незавершенность многих происходящих событий и процессов, усугубляемая непоследовательностью и противоречивостью заявлений и действий американского лидера, а также то обстоятельство, что некоторые основополагающие военно-политические документы администрации Трампа еще только будут опубликованы. Несомненно и то, что на дальнейшее развитие американского военно-политического курса будут оказывать влияние политические изменения после промежуточных выборов в Конгресс в ноябре 2026 года и неизбежная затем корректировка стратегии национальной безопасности, а также смена вех при следующей администрации.

Нарциссизм и «Америка прежде всего» вместо глобализма

Важным нововведением опубликованной «Стратегии национальной безопасности» Трампа, безусловно, является то, что она отвергает глобализм, с его глобальной американской ответственностью – в аналогичном документе первой каденции Трампа отношение к нему формулировалось как неоднозначное. «Дни, когда Соединенные Штаты, как Атлант, подпирали плечами целый мир, прошли, – говорится в СНБ. – Среди наших многих союзников и партнеров десятки богатых, продвинутых стран, которые должны принять на себя основную ответственность за свои регионы и вносить гораздо больший вклад в нашу совместную оборону» [1, р. 15]. Уход от глобализма означает и признание существования других великих держав и их права на собственные интересы, писала проректор Колледжа Уэллсли профессор политологии Стэйси Годдард [2]. Про это не было сказано в СНБ, но упоминается в вышедшем уже после нее в январе 2026 года «Стратегическом плане Государственного департамента» [3] (ранее, до закрытия Агентства по международному развитию, известном как «Объединенный стратегический план Государственного департамента и Агентства США по международному развитию»), также являющемся одним из основополагающих американских документов, регулярно подготавливаемых при каждой аме-

риканской администрации). Однако другие итерации слова «доминирование» (*dominance, preeminence, prevalence*) более дюжины раз встречаются в СНБ [1, р. 15].

При этом, как и в документах предыдущей каденции Трампа [4], но с еще большим подчеркиванием говорится о принципе «Америка прежде всего», сформулированном в конце XIX века приверженцами мнения о приоритетности национальных интересов над зарубежными обязательствами. Он использовался с позиций изоляционизма в период Первой мировой войны президентом Вудро Вильсоном, а потом получил широкое распространение накануне и в начале Второй мировой войны с подачи американского писателя правых взглядов Джорджа Вирека [подробнее об этом см. 5], ратовавшего за антиинтервенционизм в отношении Германии (за действия, направленные против вступления Америки в войну, Вирек был затем осужден и вышел из тюрьмы только в 1947 году). В 1990-х годах данный лозунг использовался Патриком Бьюкененом в избирательную кампанию, которую тот вел с позиций национализма. Во вступительном, предваряющем «Стратегию национальной безопасности» письме за подписью Трампа говорится: «Во всем, что мы делаем, мы ставим Америку прежде всего» [1, р. ii]. «В самом факте упоминания этого словосочетания много символического», – считает доцент философского факультета МГУ Борис Межуев [6, с. 58], задаваясь вопросом: «Как Трамп мог решиться на такое?». А он решился, и в СНБ неоднократно говорится не только о том, что «Америка прежде всего», но и о том, что она лучше всех. Перечисляются даже соответствующие параметры – от «компетенций» до «добродетели».

Анонсирован взамен прежнего новый подход, базирующийся на «сфокусированном определении национального интереса» (все слова в данном словосочетании даны в СНБ с большой буквы – *Focused Definition of the National Interest*, – то есть речь идет о названии новой выдвигаемой концепции). «Не всякая страна, регион, проблема или дело – каким бы важным оно ни было, может быть предметом приложения американской стратегии, – говорится и неоднократно повторяется в документе. – Целью внешней политики является защита коренных национальных интересов; это единственное, на чем она фокусируется» [1, р. 1]. Указывается, что совсем воздержаться от интервенций у Соединенных Штатов с их «многими и разнообразными национальными интересами» не получится, однако для принятия решения об осуществлении подобных операций будет установлен высокий барьер.

Кроме того, неоднократно повторяется, что не следует извиняться в связи с предыдущей историей американской внешней политики (раз за разом используются слова *aparologetic, aparologetically* [1, р. 4]). Но при этом – такое противоречие – резкой критике подвергается прежняя политика – и не только Байдена, но и предшествующих десятилетий. Встречается с десяток случаев соответствующих ниспровергающих пассажей: «Американская стратегия со времени конца холодной войны не справлялась с задачей – она была списком благопожеланий (*laundry list*) и искомых задумок; но *четко не обозначала, чего мы хотим*, а вместо этого излагала пустые банальности; и зачастую неверно оценивала, чего мы должны хотеть» [1, р. 1, 8]. И на той же странице про американские элиты говорится: «Они делали неоправданно большие и разрушительные ставки на глобализм и на так называемую свободную торговлю, которая выхолащивала тот самый средний класс и индустриальную основу, на которой зиждется американское экономическое и военное превалирование» [1, р. 1].

Подвергается критике деятельность американских элит в рамках международных организаций: «Они передоверили американскую политику сети международных институтов, часть которых были движимы неприкрытым антиамериканизмом, а многие транснационализмом, непосредственно нацеленным на то, чтобы размывать суверенитет независимых государств» [1, р. 2], – говорится в СНБ. Подобная критика звучала органично в рамках предпринятой администрацией Трампа кампании по уменьшению

финансирования международных организаций и выходу из многих из них. Вместо этого по предложению Вашингтона действие Совета мира, первоначально созданного Трампом для сектора Газа, было расширено с охватом других горячих точек Земли. Он должен был работать с участием президентов и премьер-министров различных стран, но под председательством того же Трампа.

При этом в СНБ всячески и тоже неоднократно подчеркиваются достижения первого президентского срока и новых девяти месяцев второй каденции Трампа. В предваряющем «Стратегию национальной безопасности» вступительном письме за подписью президента Трампа говорится, что за девять месяцев его пребывания у власти американская «нация и мир сдвинулись назад от черты, отделявшей их от катастрофы и бедствия» [1, р. i]. А про первое его президентство сказано, что оно «доказало, что правильное руководство способно делать правильные выборы, и всего предыдущего можно было избежать и многого другого можно было достичь. Он и его команда успешно собрали воедино великие возможности Америки, для того чтобы исправить курс и привести к новому золотому веку для страны. Продолжить движение Соединенных Штатов по этому пути – главная цель второй администрации президента Трампа и данного документа» [1, р. 2].

Отказ от продвижения демократии, но не интересов

В «Стратегии национальной безопасности» Байдена конкуренция великих держав представлялась как противоборство демократий с автократиями. В таком же контексте преподносился и украинский конфликт, включая помощь западных стран Украине. Однако уже тогда, при Байдене, и даже еще раньше, при Обаме, в США провозглашался отказ от того, чтобы силой насаждать западные ценности. «Мы завершили самую долгую в американской истории войну в Афганистане, и с ней эпоху крупных военных операций по переделке других обществ» [7, р. 20], – декларировалось в документе. В нем также говорилось об отказе от смены режимов в зарубежных странах: «Правительства и общества не должны везде переделываться по американскому образцу, с целью чтобы мы были в безопасности» [7, р. 8].

Однако при этом в «Стратегии национальной безопасности», принятой при Байдене, декларировалось, что поддержка демократии и защита прав человека за рубежом критически важны для Соединенных Штатов не только потому, что согласуются с их ценностями, но и потому что они необходимы для поддержания мира, безопасности и процветания. «Мы постоянно обновляем спектр инструментов для продвижения демократии и противостояния авторитаризму» [7, р. 12], – говорилось в документе. То есть все же продвижение демократии при Байдене упоминалось, хотя в этих целях ставка предполагалась на дипломатию, политические и экономические меры, но не на силовое вмешательство [7, р. 12].

Теперешняя республиканская администрация отказалась от представления о мире как об арене противоборства демократии и автократии. В рамках выдвинутой в СНБ Трампа концепции «Гибкого реализма» декларируется, что Соединенные Штаты «будут стремиться к хорошим отношениям и мирным коммерческим отношениям со странами мира без навязывания им демократических или других социальных изменений, сильно отличающихся от их традиций и истории» [1, р. 9]. В этой связи можно упомянуть, что буквально в тот же день, когда была опубликована «Стратегия национальной безопасности» – такая вот ирония судьбы, – вышла статья старшего сотрудника Международного института стратегических исследований, бывшего директора Центра по Европе Совета национальной безопасности в администрации Байдена, также в 2021–2024 годах являвшегося представителем США в ОБСЕ Майкла Карпентера, где в духе прежних постулатов утверждалось совершенно противоположное, соответствующее недавним представлениям: что международные

отношения определяются борьбой между авторитарными и демократическими государствами, что в последнее время эта борьба интенсифицировалась и в дальнейшем она будет нарастать [8]. Важно отметить, что Карпентер много лет был консультантом Байдена по России, – в 2018 году они даже совместно опубликовали в журнале “Foreign Affairs” статью под заголовком «Как противостоять Кремлю». А именно установки Байдена в первую очередь Трамп и взялся ниспровергать.

Некоторые из комментировавших новую американскую «Стратегию национальной безопасности» отмечали, что в ней якобы впервые декларируется отказ от защиты ценностей и она будто бы вообще «не про ценности». Интересно, что среди ведущих политологов есть считающие отказ от ценностной ориентации свидетельством признания формирующейся многополярности мира, в котором якобы невозможно сформулировать повестку в рамках борьбы «добра против зла» [9, с. 13]. Однако одновременно отметим, что и в новой «Стратегии национальной безопасности», тоже говорится о Соединенных Штатах как о силе добра, а о Трампе – как о «президенте мира». А в выпущенной вскоре вслед за ней «Стратегии национальной обороны» (СНО), хотя этот документ и был подготовлен Пентагоном и в отличие от СНБ является скорее военным, чем военно-политическим, слово *ethos* (нравственное начало, набор ценностей) является едва ли не наиболее часто употребляемым. И когда в СНБ в адрес Европейского союза высказывается осуждение за то, что он размывает суверенитет стран, ограничивает свободу слова и препятствует политической конкуренции, то эта критика тоже звучит с позиций, обусловленных ценностями, но иными, консервативными. Но в соответствии с «Проектом-2025» [10], подготовленным известным своими связями с Республиканской партией правоконсервативным экспертно-аналитическим «Фондом наследия» в преддверии возвращения Трампа в Белый дом и представлявшим собой разработку программы деятельности будущего президента, было существенно сокращено федеральное финансирование зарубежной помощи, закрыто Агентство международного развития, прекращены программы по борьбе против системного расизма и централизованного экономического планирования – как не соответствующие консервативным ценностям республиканской администрации.

А что касается прошлого, то хотя США со времени Второй мировой войны действительно позиционировали себя как лидирующую силу в борьбе с «главным злом»: сначала нацизмом, затем коммунизмом, а после этого терроризмом, но в действительности, этот посыл был, по словам датского премьер-министра Метте Фредериксен, «частично обманным» и, добавим, более чем часто служил для прикрытия империалистических, своекорыстных целей. Характерным образом во вступительном письме к «Стратегии национальной обороны» представление о «мировом порядке, основанном на правилах», названо «абстракцией из ряда воздушных замков» [11, Introduction]. Когда Трамп говорит, что международное право его не интересует, а единственным ограничителем является его собственная мораль [12], то кто-то воспринимает это как разрыв с традицией, а другие, напротив, считают признанием очевидного, своего рода «новой честностью» правого лидера.

Левoliberalные установки в СНБ подвергаются критике как применительно к другим странам, так и в том, что касается самих Соединенных Штатов. В тексте СНБ нет ничего про такие упоминавшиеся в предыдущей «Стратегии» инициативы, как программы, нацеленные на обеспечение равных прав и возможностей для женщин или же усилия по «концентрации на нуждах наиболее маргинализированных, включая ЛГБТКИА+¹, и широком продвижении инклюзивного развития» [7, р. 20]. Но сказано про вред программы «Разнообразие, равенство, инклюзивность» (Diversity, Equity, Inclusion – DEI), пагубность борьбы против изменения

¹ «Международное движение ЛГБТ» признано в РФ экстремистским.

климата и неуместность установки на нулевой выброс углеводородов. И подчеркивается значение, придаваемое увеличению числа «сильных, традиционных семей, растящих здоровых детей» [1, р. 4] – и про это в данном выпуске СНБ, в отличие от многих предыдущих, наверно, говорится впервые.

Россия больше не враг, а как?

В предыдущей «Стратегии национальной безопасности» Трампа, принятой во время его первого президентского срока, и в других основополагающих военно-политических документах той его администрации, говорилось, что теперь главная угроза не терроризм, а конкуренция великих держав [13, с. 49]. Нормализация отношений с Россией в списке выполненных обещаний первой каденции Трампа характерным образом отсутствовала. А в СНБ Байдена, более того, декларировалось, что «Россия теперь представляет непосредственную и долгосрочную угрозу международному миру и стабильности» [7, р. 25].

В нынешней же «Стратегии» Трампа про соперничество великих держав ни разу ничего не было сказано. В контексте взаимоотношений с Россией и Китаем и в американской политике на данном направлении идеологический фактор не упоминается, но и сами эти страны не называются противниками.

В предыдущей версии «Стратегии национальной безопасности» Россия упоминалась 71 раз (Китай – 9). «Россия представляет собою непосредственную опасность свободной и открытой международной системе» [7, р. 8], – декларировалось в том документе. А в новой «Стратегии национальной безопасности» Трампа Россия упоминается всего лишь в 10 случаях (Китай – 21 раз): наиболее часто – в контексте необходимости урегулирования конфликта на Украине. На пятой странице СНБ в изложенном там списке «коренных, жизненно важных американских внешнеполитических интересов» Россия не фигурирует [1, р. 5]. И в «Стратегии национальной обороны» среди основных направлений усилий в рамках стратегического подхода Пентагона она не указана [11, р. 6]. Однако России не могут быть безразличны действия Трампа, нацеленные против ее исторических союзников, таких как Венесуэла, Куба, Иран.

Хотя Россия в СНБ не называется «противником», однако само это слово нет-нет, да и проскальзывает. Например, когда, без упоминания названий стран, речь идет о развитии энергетики, где, как сказано в тексте, Соединенные Штаты не должны «давать противникам влияния» [1, р. 14]. Но главный посыл применительно к России суммируется в пунктах списка приоритетов для американской политики в целом в Европе в следующей формулировке: «Восстановление условий для стабильности в Европе и стратегической стабильности с Россией» [1, р. 27]. Показательно, что Дональд Трамп повесил в Белом доме фотографию, на которой он вместе с Владимиром Путиным в Анкоридже. В СНБ указывается, что США должны осуществлять значительную дипломатическую поддержку, «чтобы восстановить условия стратегической стабильности по евразийской территории и снизить риск конфликта между Россией и европейскими странами» [1, р. 25].

Такие формулировки особенно примечательны на фоне делавшихся в тот же период времени со стороны европейских лидеров и генерального секретаря НАТО Марка Рютте заявлений о высокой вероятности войны с Россией «в масштабах, как это было во времена отцов и дедов» [14], и необходимости готовиться к ней. «Мы являемся следующей целью России, и риск налицо» [14], – утверждал Рютте. «Президент Путин, проводя ежегодный Прямой эфир с ответами на вопросы журналистов, сказал, что в НАТО должны были бы прочитать американскую СНБ [15], где ясно обозначено, что Россия не враг [15]. Однако когда Трамп на встрече 9 января обосновывал свои действия в Венесуэле, то сказал, что «если бы не сделали этого, то там были бы Китай и Россия» [16]. А когда говорил,

что США присоединят Гренландию, то аргументировал это тем, что в противном случае «Россия и Китай будут нашими соседями» [17], подчеркивая нежелательность этого. То есть при случае Россия и Китай продолжали, по крайней мере в определенных контекстах, позиционироваться как нежеланные соседи и потенциально агрессивные страны. Тем не менее в выпущенной Пентагоном в конце января «Стратегии национальной обороны» в посвященном России абзаце о ней говорилось, пункт за пунктом, в скорее комплиментарном ключе, и лишь в самом начале этого текста констатировалось, что она на долгое время «останется как постоянная угроза восточным членам НАТО, но угроза контролируемая» [11, р. 9]. Однако при этом примечателен выбор слов. Сказано (как и в СНБ), что она является угрозой не для США, а для восточных членов Альянса. И подчеркнута, что связанные с этим риски поддаются управлению.

В СНБ отмечается негативная роль, которую европейские страны играют, фактически препятствуя, как там говорится, усилиям Трампа по урегулированию украинского конфликта. Буквально через день после выхода СНБ Трамп у себя на странице в соц-сети “Truth Social” перепостил, причем даже дважды повторив ее, цитату из вышедшей в известной правыми позициями газете “New York Post” статьи: «Импотенты-европейцы могут только пыхтеть по поводу того, что Трамп правомерно отодвигает их от Украинской сделки» [18]. И ниже строчкой, как говорится, дальше больше: «Обструкция Европой Украинской сделки Дональда Трампа – подарок Владимиру Путину» [18]. Несмотря на то, что он сам принял решение о продолжении поставок вооружений Украине, но теперь при финансировании европейских стран, осенью 2025 года впервые с начала своего второго президентского срока ввел санкции против ведущих российских компаний «Лукойл» и «Роснефть». Он также, как писала пресса, «дал зеленый свет» выдвинутому в Сенате на двухпартийной основе законопроекту о 500-процентных тарифах для товаров стран, закупающих энергоресурсы у России (хотя голосование по законопроекту до конца года не состоялось, а один из соавторов законопроекта сенатор-демократ Ричард Блюменталь в интервью на полях Мюнхенской конференции заявил, что процесс затягивается Трампом [19]). В тот же период американскими ВМС было также захвачено несколько танкеров, в том числе шедшие под российским флагом “Marinera” (Великобритания помогала), “Olina” и двигавшийся под панамским флагом, но описывавшийся в США как аффилированный с российским нефтяным экспортом “Aquila II”.

На Европу «наехали», что дальше?

Озвученное в СНБ отношение к Европе, возможно, отличалось едва ли не наиболее поразительным контрастом по сравнению с посылом предыдущего аналогичного документа Байдена, где соответствующая тематическая глава называлась «Углублять наше сотрудничество с Европой» и где говорилось о «железобетонной поддержке» Соединенными Штатами европейских союзников. Хотя смена нарратива в этом плане была не совсем нова. Достаточно вспомнить огромные пошлины, первоначально, вскоре после его вступления в должность, введенные Трампом в отношении европейских стран, или же выступление вице-президента Джей Ди Вэнса на Мюнхенской конференции, когда тот выдвинул тезис, что основная проблема для Европы «проистекает изнутри»: вследствие отхода от демократических норм и непротивления неконтролируемой массовой миграции [20]. Но тогда Вэнс говорил о проблеме для Европы, а теперь, в новой «Стратегии национальной безопасности», Европа сама представлена как проблемная зона в целом. Хотя соответствующий раздел в СНБ назван в свойственном Трампу стиле «Продвигая величие Европы», речь о Европе в документе идет в сугубо негативном ключе: сказано, что она теряет свои экономические позиции, утрачивает собственную идентичность, проходит

через «цивилизационный распад» и «может быть неузнаваема через двадцать лет или даже менее того» [1, р. 25]. Европейский Союз характеризуется как «источник ограничения суверенитета, свободы слова и политической конкуренции» [1, р. 25]. Европа также подвергается критике за неуверенность в собственных силах, «несмотря на имеющийся у нее военный потенциал» [1, р. 25].

В разделе про регионы подраздел про Европу поставлен – в порядке убывающей значимости? – на третье место после подразделов о Западном полушарии и Индо-Тихоокеанском регионе. А в «Стратегии национальной обороны» прямо говорится: «Хотя американские обязательства в Европе сохраняются, мы должны – и будем – приоритизировать защиту американской территории и сдерживание Китая» [11, р. 10]. В документе указывается, что США должны предоставлять Европе критически важную, но ограниченную поддержку (это словосочетание про «критически важную, но ограниченную поддержку» встречается в тексте семь раз, иногда по несколько раз на странице, чаще всего применительно к отношениям с Европой, но и со странами Индо-Тихоокеанского региона, и с Израилем, и с другими союзниками и партнерами).

В предыдущей СНБ – в контексте выдвигавшейся тогда стратегии «Интегрированного сдерживания» – декларировался курс на консолидацию с европейскими странами, которая должна была осуществляться через «интеграцию с союзниками и партнерами путем инвестирования в обеспечение функциональной совместимости и развития совместных вооружений, общее коллективное планирование позиционирования, координированные дипломатические и экономические подходы» [7, р. 22]. А теперь упор делается не на интеграцию, а на расхождение с Европой. Причем в СНБ даже упоминается, что Соединенные Штаты должны оказывать поддержку тем в Европе, кто выступает с альтернативных позиций. Среди перечисленных задач отдельным пунктом указана задача «вращивать в европейских нациях сопротивление теперешней европейской траектории» – *cultivating resistance to Europe's current trajectory within European nations (!)* [1, р. 27]. В этом контексте подчеркнута, что в Вашингтоне будут уделять особое внимание странам Восточной, Центральной и Южной Европы. Интересно, что с точки зрения предпочтительности в зоне американских интересов также особо выделены и две англоговорящие страны – Великобритания и Ирландия, названные в тексте *Anglosphere*. Хотя эксперты, комментировавшие СНБ, и отмечали, что целью США является не разрушение Европы, а ее «переформатирование», но неудивительно, что при таких вышеприведенных американских декларациях и на фоне поддержки Вашингтоном ультраправых в Европе реакция у многих европейских политиков была резко негативной [21].

В СНБ делается акцент на развитии связей с европейскими странами на двусторонней основе. В контексте НАТО хотя и говорится, что «оборонительный союз должен сохраняться», однако при первом же его упоминании во главу угла поставлен тезис о том, что вскоре некоторые из стран-членов будут иметь население, по большей части состоящее из неевропейцев. И указано, что когда это произойдет, неизвестно, будут ли государства, затронутые данными переменами, видеть свое место в мире и свои союзнические отношения с США в соответствии с обязательствами, под которыми подписывались когда-то при вступлении в Альянс [1, р. 27]. И на той же странице СНБ говорится, что следует закрепить установку на то, что НАТО не станет следовать курсом на расширение, тогда как в период предыдущего правления Трампа в Альянс вступили Черногория и Македония и было дано обещание принять туда Грузию, а при Байдене, уже после начала СВО, к Альянсу присоединились Швеция и Финляндия.

Как на достижение в СНБ указывается на согласованную по инициативе Трампа Гаагскую договоренность об обязательстве стран – членов Альянса выделять на военные расходы не менее 5% ВВП (про нее говорится, что это «глобальный стандарт», то есть, по-

видимому, имеются в виду и союзники в других регионах). И сообщается, что взятый президентом Трампом курс на то, чтобы союзники брали на себя основную ответственность за собственную безопасность и за свои регионы, будет продолжен: «Соединенные Штаты будут организовывать сеть по распределению нагрузки (burden-sharing network), выступая в качестве учредителя и поддерживающей силы» [1, р. 12]. В дополнение к применяющемуся с момента основания НАТО принципу «распределения нагрузки» – burden-sharing, формулируется новая концепция burden-shifting – «перераспределения нагрузки».

В условиях возникших у европейских стран сомнений по поводу американских гарантий, в Старом Свете активизировалось обсуждение инициативы по созданию общих европейских вооруженных сил. Была даже выдвинута идея «европейского ядерного зонтика». Одновременно государства НАТО стали прощупывать иные возможные линии взаимодействия помимо Соединенных Штатов. Вскоре после выхода в свет СНБ и скандала вокруг Гренландии сначала канадский премьер-министр Марк Карни полетел в Китай, где был подписан пакет договоренностей, ознаменовавший, как было провозглашено, «новое стратегическое партнерство» (!). А буквально на следующий день вслед за ним британский лидер Кир Стармер тоже приехал договариваться в Пекин – тогда как ранее в столице КНР побывали председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен и верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Кая Каллас. Но государственный секретарь США Марко Рубио на Мюнхенской конференции по безопасности – через год после шокировавшего европейцев выступления Джей Ди Вэнса – попытался сгладить негативный эффект от антиевропейского тренда в Вашингтоне. Выступая в парадигме «хороший полицейский – плохой полицейский» (good cop – bad cop) в роли хорошего полицейского, он произнес речь, где главным посылом было, что США и Европа вместе, что они наследники «самой великой» и «благородной» цивилизации, что нельзя заменять национальные интересы глобальным порядком, что США идут вперед «к обновлению и возрождению» и заинтересованы в том, чтобы их союзники были сильными [22], – и вызвал аплодисменты зала. Участие Великобритании в операции по захвату шедшего под российским флагом танкера «Marinera» стало демонстрацией того, что несмотря на разногласия, Соединенные Штаты и Великобритания, когда речь доходит до дела, могут выполнять задачи вместе, даже если эти задачи могут представляться сомнительными.

Китай в преимущественно экономическом ракурсе, но с Тайванем в уме

Про Китай в «Стратегии национальной безопасности» Трампа говорится в первую очередь как про экономического конкурента, коммерческого конкурента, финансового конкурента. Хотя во введении и декларируется, что в документе пойдет речь о внешней политике, но в действительности применительно к Китаю речь по большей части идет именно об экономике. Причем характерно, что даже экономика самих США описывается в подразделе про Китай и в контексте Китая.

Если еще Обама объявил «Разворот на Восток», а в СНБ Байдена про американскую политику в Индо-Тихоокеанском регионе говорилось, что она «вступает в сущностно новый период, который потребует от Соединенных Штатов больше, чем когда-либо раньше со времени Второй мировой войны, и он будет иметь большее значение для мира и рядовых американцев, чем какой-либо другой регион мира» [7, р. 38], то теперь задачи применительно к региону, хотя он и назван «жизненно важным», в данном документе сведены к необходимости стабилизировать ситуацию, поддерживать баланс сил и не дать развязаться конфликту вокруг Тайваня. При описании почти каждой проблемы в «Стратегии национальной безопасности» Байдена в конце соответствующего отрывка текста

добавлялась отсылка к Китаю как якобы создавшему ту или иную проблему или способствующему ее усугублению. Упоминания Китая были разбросаны по всему документу. А на этот раз все они компактно уложились в три посвященных Китаю абзаца в подразделе «Азия». И если в СНБ Байдена Китай и Россия часто фигурировали в паре, то теперь они в каждом отдельном случае упоминаются поодиночке.

В «Стратегии национальной безопасности» первой каденции Трампа Китай был обозначен в качестве «стремительно развивающегося вызова» и мир был представлен как арена борьбы между демократиями и авторитарно-ревизионистскими диктатурами, а в «Стратегии национальной безопасности» Байдена речь шла о противостоянии с Китаем по многим направлениям: экономическому, политическому, военному. Там говорилось о трех основных аспектах политики США в регионе, который тогда считался для них главным: поддержке демократических институтов, свободы печати, гражданского общества; противоборстве во взаимодействии с партнерами манипулированию информацией и коррупции; обеспечении свободы судоходства, в том числе свободного доступа в Южно-Китайское море.

В СНБ Байдена подчеркивалось, что реализация этого возможна только в тесном сотрудничестве со странами региона, разделяющими ценности США, – в том числе в рамках пяти региональных военно-политических объединений, в которых участвуют Соединенные Штаты. В принятой при Байдене «Стратегии национальной безопасности» отмечались позитивные результаты деятельности QUAD и не только в сфере безопасности, но и в борьбе с ковидом, в купировании климатических изменений, углублении партнерств в области кибербезопасности, продвижении высоких стандартов в инфраструктурной сфере и в безопасности медицины. В новой СНБ Трампа про QUAD упоминается только в контексте экономического сотрудничества, хотя и указывается, что как США для себя не хотят доминирования, так и не допустят доминирования других стран, «ни в глобальном, ни в некоторых случаях и в региональном масштабе» [1, р. 10], предотвращая это с помощью союзников и альянсов. А в подготовленной Пентагоном СНО говорилось, что «союзы и партнерства Америки представляют собою оборонительный периметр вокруг Евразии» [11, р. 13]. В этом контексте намерение Трампа сконцентрироваться на Западном полушарии вызвало критику. «Это эпоха, в которой снова преимущество достанется тем, кто может действовать с размахом. Китай обладает размахом, а Соединенные Штаты – нет, по крайней мере сами по себе, – писали в опубликованной в “Foreign Affairs” статье председатель экспертно-аналитической организации «Азиатская группа», бывший заместитель государственного секретаря при Байдене Курт М. Кэмпбелл и директор Китайской стратегической инициативы, преподающий в Джорджтаунском университете, Руш Доши. – Поскольку единственным действенным путем для него является коалиция с другими, для Вашингтона было бы особенно неразумно действовать в одиночку в ситуации сложной глобальной конкуренции» [23].

Про наращивание китайских МБР, так беспокоившее США на протяжении ряда последних лет, в СНБ ничего не говорится. Хотя в СНБ и в целом мало сказано о военных аспектах политики США применительно к Китаю. Однако очень скоро, менее чем через месяц, 23 декабря 2025 года, вышел подготовленный Пентагоном ежегодный Доклад Конгрессу о военной политике и состоянии вооруженных сил Китая [24], где подчеркивалось наличие у последнего потенциала самых больших в мире военно-морских сил и возможные угрозы в этой связи для Тайваня, быстрое наращивание Китаем ядерных боеголовок, происходящая модернизация китайских МБР, противокорабельных дальнобойных баллистических ракет “DF-27” и противударных систем раннего предупреждения, его увеличивающиеся возможности в киберсфере, космосе и глобальной логистике. А в опубликованной через месяц «Стратегии национальной обороны» ракетно-ядерному строительству в Китае было уделено

большое внимание, причем его военное наращивание было названо «историческим» и было продекларировано, что Соединенные Штаты не дадут Китаю или какой-либо державе «доминировать в этом обширном и жизненно важном регионе» [11, р. 10]. Когда Трамп вознамерился увеличить военный бюджет вдвое – до полутора триллионов долларов, то некоторые эксперты расценили это в первую очередь в контексте его попыток спровоцировать Китай на неподъемные военные расходы. Считали, что, как и в свое время Рейган с затеянной им в противостоянии с СССР гонкой вооружений, Трамп рассчитывал на то, что Китай не имеет достаточно средств и не выдержит конкуренции в военном строительстве в условиях снижения темпов роста экономики, трудной ситуации на рынке недвижимости, вывода капиталов, демографического спада. Тогда как в самом Китае утверждали, что «соперничество великих держав не отвечает духу времени» и что Китай «не собирается бросать вызов США или заменять собой Америку» [25]. Известный американский политолог, автор концепции «мягкой силы» Джозеф Най (1937–2025), в 1990-х возглавлявший американский Совет по национальной разведке и являвшийся заместителем министра обороны, в одной из последних своих статей призывал к сдержанности и указывал на то, что в отличие от Советского Союза Китай при Си Цзиньпине (не так как при Мао) не стремится к экспорту своей идеологии и не оспаривает американское глобальное военное присутствие [26].

Выстраивавшаяся на протяжении трех предыдущих десятилетий американская политика в «Стратегии национальной безопасности» подвергается критике за то, что она строилась, исходя из расчетов, что экономическое развитие в том числе в ходе расширявшихся двусторонних торговых отношений, стимулирования американских инвестиций в китайские предприятия, открытия рынка США для китайских товаров, аутсорсинг производства, приведет к подключению Китая к «международному порядку, основанному на правилах» [1, р. 5]. «Этого не произошло, – констатируется в СНБ. – Китай стал богатым и влиятельным и использовал свое богатство и мощь для получения значительного преимущества. Американские элиты на протяжении деятельности четырех поочередно сменявших друг друга администраций то одной, то другой партии стали либо добровольными фасилитаторами китайской стратегии, либо находились в отрицании, не желая признавать происходящее» [1, р. 5]. Теперь же упор делается на то, чтобы воссоздать баланс в торговых отношениях США с Китаем, приоритизировать взаимную выгоду и справедливость «с целью восстановить американскую экономическую независимость» [1, р. 20] – про «независимость» так прямо и сказано. При этом в СНБ подчеркивается, что торговые отношения должны быть не только сбалансированными, но и строиться таким образом, чтобы это не касалось чувствительных сфер: имеются в виду, по-видимому, полупроводники, используемые для производства вооружений материалы и компоненты, компьютерные технологии и т.п.

В отличие от своего первого срока, Трамп обозначал заинтересованность в выработке широкоформатного урегулирования с Китаем. Он говорил об улучшившемся взаимодействии с Китаем, принял приглашение посетить Пекин в апреле 2026 года (визит был потом перенесён) и написал в социальной сети “Truth Social”, что «отношения с Китаем чрезвычайно сильны и теперь можно нацеливаться на бóльшую картину» [27]. Однако это его намерение нашло мало отражения в его СНБ. «Вместо того чтобы конкурировать с Китаем и Россией, он теперь хочет работать с ними, стремясь к заключению сделок, которые показались бы в антитезе с американскими интересами во время его первого срока» [2], – отмечала в уже цитированной выше статье профессор Стэйси Годдард. Что из этого может получиться и не получится ли «как всегда», особенно учитывая импульсивный, непредсказуемый характер действий Трампа и сразу же по приходе в Белый дом учиненные им огромные пошлости против Китая (в дальнейшем скорректированные), покажет время, но подобные намерения в любом случае являются индикатором перемен в подходах Белого дома, а возможно, и в дальнейшей его политике.

Что касается военно-политического противостояния с Китаем, то вопрос Тайваня указывался в СНБ в качестве приоритетного предмета озабоченности для американского руководства. В СНБ подчеркивалась заинтересованность США в предотвращении конфликта по поводу Тайваня, «в идеале за счет поддержания преобладающего военного потенциала», и приоритетность этой задачи. «Правильно, что Тайваню уделяется много внимания, частично поскольку он доминирует в производстве полупроводников, но и главное потому что Тайвань обеспечивает прямой доступ ко Второй цепи островов¹ [второй линии островных цепей в Западной части Тихого океана – Н.Б.] и разделяет Юго-Восточную Азию на два отчетливо дифференцированных театра», – говорилось в СНБ Трампа. Третью мировую торговую перевозку осуществляется через Южно-Китайское море, и это имеет большое значение для американской экономики. Также подтверждалась американская установка относительно статуса Тайваня, а именно, что существующий в Тайваньском проливе статус-кво не подлежит изменению в одностороннем порядке [1, р. 23]. Хотя при предыдущей администрации и ранее, в том числе и самим Трампом в его первую каденцию, по крайней мере на словах обозначалась поддержка политики «Одного Китая», однако в Вашингтоне пытаются интерпретировать ее как совместимую с их гарантиями Тайваню.

Ближний Восток: «переложить [на других] тяготы, строить мир»

Применительно к Ближнему Востоку в «Стратегии национальной безопасности» сформулирована задача переложить на других тяжесть излишних забот и укреплять мир. Указывается, что в течение по крайней мере полувека в американской внешней политике Ближневосточный регион занимал самое приоритетное место по сравнению с другими регионами (по-видимому, имеется в виду период до анонсированного в 2011 году «Разворота на Восток»²). Но подчеркивается, что это осталось в прошлом.

Снижение внимания к Ближнему Востоку в этом плане объяснялось в первую очередь тем обстоятельством, что раньше на протяжении десятилетий он оставался главным поставщиком энергоресурсов, являлся основным театром разворачивавшейся конкуренции великих держав и при этом был чреват конфликтами, грозившими перекинуться за пределы региона и даже затронуть Америку. С тех пор значительно диверсифицировался энергетический рынок, возросло число экспортеров нефти и газа, и в самих Соединенных Штатах экспорт углеводородного сырья превысил импорт, уменьшив их зависимость в этом плане от ближневосточных поставок. В СНБ также подчеркивается значение партнерских отношений со странами Персидского залива, арабскими государствами и Израилем. Выдвигается тезис об ослаблении представляемой Ираном угрозы вследствие военных действий Израиля с последующими ударами Соединенных Штатов, нанесенными по его ядерным объектам в ходе операции «Полуночный молот» (в одном месте СНБ говорится, что их уничтожили, в другом – что повредили). Констатация, что Иран на начало 2026 года не представлял собой особой угрозы для США, совпадала с позицией американского военного истеблишмента, где выступали против вскоре начавшейся масштабной военной операции, получившей название «Эпическая ярость». Об Иранской ядерной сделке, из

¹ «Концепция цепей островов» (First Island Chain и Second Island Chain) сформировалась в США в период холодной войны в рамках стратегии сдерживания потенциальных угроз со стороны СССР и КНР. В соответствии с этой концепцией, вторая цепь островов начинается от Японских островов, включает Марианские острова, западные Каролинские острова (в том числе Гуам) и простирается до западной Новой Гвинеи.

² В действительности, с 1950-х и до начала 1990-х годов главное место в американской внешней политике вследствие биполярного противостояния занимала Европа, что было закреплено в «Доктрине Трумэна», «Плане Маршалла» и из чего исходили при создании НАТО.

которой США вышли при предыдущей администрации Трампа и которую так стремился возобновить Байден, не упоминается.

«Конфликтogenность остается вызывающей наибольшее беспокойство проблемой Ближнего Востока, – указывается в СНБ. – Но сегодня оснований для подобного беспокойства меньше, чем заставляют думать заголовки публикаций» [1, р. 28]: это констатировалось за месяц до начала протестов в Иране, которых на момент публикации СНБ очевидно не предвидели, и за три месяца до начала масштабной американо-израильской военной операции против Ирана, коренным образом меняющей ситуацию в регионе. В СНБ неоднократно подчеркиваются другие успехи Трампа в регионе, в частности его содействие в достижении мира между Ираном, Египтом и Эфиопией, подписание Соглашения между Израилем и ХАМАС о прекращении огня и возвращении заложников. Об имевших место нарушениях Соглашения в тексте документа не упоминается, но сказано, что благодаря Трампу был достигнут прогресс «в направлении более постоянного мира», а поддерживающие ХАМАС основные акторы «ослаблены или отступились» [1, р. 28]. Кроме упоминания ХАМАС, в подразделе про Ближний Восток нет ничего про проблему терроризма, и само это слово там не фигурирует. Хотя в действительности в перечне задач, которые должны выполнять размещенные в регионе военные силы США, находящиеся в распоряжении Центрального командования (CENTCOM), борьба с терроризмом считается приоритетной.

В СНБ говорится, что Сирия, которая упоминается в тексте многостраничного документа только один-единственный раз, «остается потенциальной проблемой», но при содействии США, арабских государств, Израиля, Турции «может стабилизироваться и вернуть свое заслуженное место достойного позитивного игрока в регионе» [1, р. 28]. То есть американских интересов в Сирии больше не фиксируется и про американские войска речи не ведется, несмотря на то, что там, как известно, сохраняется, хотя и уменьшенный вдвое, контингент около тысячи человек, базирующийся в контролируемом курдами северо-восточном районе и на базе Эт-Танф в сирийской провинции Хомс у границы с Ираком и Иорданией и используемый в операциях против ИГИЛ¹.

Отмечается, что по мере отмены или смягчения действующей американской администрацией ограничительных установок в энергетике в США будет возрастать добыча углеводородов, и в еще большей степени будут уменьшаться основания для былой заикленности на Ближнем Востоке. Вместо этого, как подчеркивается в документе, регион будет во все возрастающей мере становиться источником и сферой приложения международного инвестирования и не только в нефте- и газодобычу, а и в другие отрасли, включая ядерную энергетику, ИИ, военные технологии. Отмечается, что сотрудничество с ближневосточными партнерами открывает возможности и для продвижения экономических интересов США в различных сферах: от организации цепочек поставок до развития возможностей по обеспечению открытых, благоприятных рынков в других регионах мира, таких как Африка.

Подчеркивается положительное значение того, что ближневосточные партнеры США проявляют приверженность борьбе с радикализмом, и отмечается, что Соединенные Штаты должны всячески приветствовать данную тенденцию. «Но чтобы делать это, – признается в СНБ, – Америке следует отказаться от своего никому не приносящего блага эксперимента, заключающегося в том, чтобы строить эти нации, – а особенно монархии Залива, – пытаясь заставить их отвергнуть свои традиции и исторически сформировавшиеся формы управления» [1, р. 28]. «Реформы следует поддерживать и приветствовать, когда они являются следствием внутреннего развития, но не навязывать извне, – подчеркивается в документе. – Ключ к продуктивным отношениям с Ближним Востоком – приятие региона, его лидеров и его наций такими, каковы они есть, и совместная работа в

¹ Международная исламистская террористическая организация, запрещенная в России.

областях, представляющих общий интерес» [1, р. 28]. В таком подходе – ключ к пониманию сложностей, которые представляло для Трампа принятие решения о том, предпринимать ли вмешательство в Иране, хотя он давно воспринимался в США как безусловный враг.

Что касается конкретных вопросов, представляющих интерес для США, то в СНБ указывается, что «Америка будет всегда коренным образом заинтересована в обеспечении того, чтобы энергетические запасы региона не попали в руки откровенного врага, чтобы Ормузский пролив оставался открытым, чтобы в Красном море было свободное судоходство, чтобы регион не был рассадником терроризма, направленного против американских интересов и американской территории, и чтобы Израиль оставался в безопасности» [1, р. 28]. Подчеркивается, что эти цели должны быть обеспечены как идеологическими, так и военными усилиями, но «без десятилетий безрезультатных войн за нациестроительство» [1, р. 29]. Говорится о заинтересованности Вашингтона в подключении новых государств региона к «Соглашениям Авраама». «В действительности то, что президент Трамп способен объединить арабский мир в Шарм-аль-Шейхе на пути к миру и нормализации, позволит Соединенным Штатам наконец приоритизировать американские интересы» [1, р. 29]. Впрочем, все эти перспективы были поставлены на паузу и под вопрос после начала масштабной американо-израильской операции в Иране, хотя в Вашингтоне и надеялись на быструю и громкую победу.

Про вооружения мало, но без контроля, а с «Золотым куполом»

В СНБ Трампа, как это ни парадоксально и в отличие от аналогичных документов предыдущих администраций, мало места уделено вооружениям. Конечно, следует учитывать, что сразу же следом за СНБ вышла «Стратегия национальной обороны», а впереди были еще обязательные «Стратегия противоракетной обороны», «Обзор противоракетной обороны», «Киберстратегия», которые по определению должны быть посвящены вооружениям. Однако намеренно это произошло или случайно, но можно констатировать, что в большей степени, чем это бывало в прошлом, в данном случае оказались разведены основные базовые нормоустановочные документы: выпущенный Белым домом военно-политический и опубликованный Пентагоном военный. А может быть, это явилось результатом возраставшего с начала десятилетия большего засекречивания документов – ведь обнародована была только открытая версия СНБ – или же многократно подвергавшегося критике недостатка координации между различными американскими ведомствами, который предыдущая администрация пыталась преодолеть в рамках своей концепции «Интегрированного сдерживания»: интегрировали, интегрировали, да не выинтегрировали.

Но когда в СНБ говорится о военной силе, то подчеркивается, что США должны быть самыми сильными: политически, экономически и в военном отношении. Снова декларируется принцип «мира посредством силы» и утверждается, что именно за счет американской военной мощи обеспечивается стабильность и мир на планете. Этот подход, основанный на принципе «мир посредством силы», вернулся в американскую политику в середине предыдущего десятилетия в первый президентский срок Трампа, причем с упором на представление о применимости вооруженной силы: не случайно уже во вторую его каденцию Министерство обороны было переименовано в «Министерство войны» (хотя военное вмешательство и противоречило предвыборным обещаниям Трампа отказаться от интервенций в другие страны).

В СНБ декларируется, что для реализации такого подхода нужен весь спектр вооружений: от дешевых, способных обеспечить победу над большинством противников, до самых боеспособных, продвинутых вооружений, необходимых для ведения боевых действий

с «передовой вражеской державой». При этом говорится о необходимости «изменяться и адаптироваться» [1, р. 14]. Дана отсылка к опыту «недавних конфликтов», выявившему, как указано в тексте документа, огромный разрыв между дешевыми дронами и ракетами и требующимися для защиты от них дорогими системами – поэтому делается вывод о целесообразности малобюджетных программ (хотя это и не означает, что дорогих вооружений станет меньше, тем более учитывая, что Трамп вскоре сообщил, что собирается увеличить военные расходы в 2027 году в полтора раза до 1½ трлн долларов).

Вскоре после того, как он вновь занял президентское кресло, Трамп, выступая на пресс-конференции в Белом доме, заявил, что Соединенным Штатам «нет причин строить совершенно новые ядерные вооружения. У нас их и так уже много» [28]. Однако буквально через несколько недель он торжественно анонсировал новые многоцелевые истребители шестого поколения “F-47”, предназначенные для несения ядерного оружия, представив их как свой собственный, без упоминания Байдена, проект, и сказав при этом, что США не хотят войны с Китаем, но более чем подготовлены к ней.

Но в СНБ не была упомянута анонсированная меньше чем через месяц после выхода документа программа строительства так называемого «Золотого флота» – линкоров, которые до того времени в течение долгого периода не спускались с американских верфей и которые теперь, водоизмещением 30–40 тыс. тонн класса «Трамп», собираются построить «сначала в количестве двух, потом пяти, потом десяти, а затем 20 или 25» [29] с оснащением самым современным вооружением: гиперзвуковыми ракетами, беспилотниками и, возможно, ядерными установками [30]. Все это будет происходить в рамках программы увеличения размера флота (которая тоже была инициирована еще раньше – при Байдене, но это опять же не афишируется). В пресс-релизе ВМФ, вышедшем в конце того же месяца, что и СНБ, говорилось со ссылкой на выступление президента, что они «будут самыми смертоносными из когда-либо построенных надводных кораблей... и станут однозначной заявкой на американскую приверженность превосходству на море – с возможностью распределять огневую силу более равномерно по флоту, чем в случае с каким бы то ни было классом кораблей за предыдущую историю» [1, р. 17].

Но и про вооружения на новых физических принципах в СНБ только лишь бегло упоминается: про кибервооружения лишь четыре раза (в предыдущей СНБ – 32!). Тогда как раньше им посвящались целые разделы, и именно применительно к кибервооружениям Россия в одном-единственном месте в предыдущей СНБ Трампа была названа «противником» [31, р. 14]. Но сейчас, может статься, после того, как было доказано, что не было российского вмешательства в американские выборы 2016 года, к этой теме, по-видимому, больше не хотят привлекать внимания. Хотя, как и в СНБ Байдена, речь идет о кибервооружениях в контексте наступательных операций: тогда как до предыдущей СНБ говорилось только об обороне от киберопераций.

В СНБ особо выделена установка на то, что для обеспечения сильных, эффективных вооруженных сил необходима сильная, производительная военная промышленность. Подчеркивается, что для реализации видения Трампа относительно «мира посредством силы» этот потенциал следует нарастить скорейшими темпами. И сообщается, что Соединенные Штаты «будут побуждать своих союзников и партнеров возрождать их собственную промышленную базу, чтобы усиливать коллективную оборону» [1, р. 17]. И даже когда речь идет об оружии, то снова настойчиво повторяется тезис об экономическом интересе, о продажах вооружений и военной техники: «Мы будем приоритизировать коммерческую дипломатию, мы будем работать над укреплением наших партнерств в области безопасности: от продажи вооружений до обмена разведывательными данными и совместных маневров» [1, р. 17].

Однако хотя в новой СНБ и говорится о необходимости полного спектра вооружений, там нет даже упоминания о межконтинентальных баллистических ракетах, как, впрочем,

и о ракетах вообще, о подводных лодках, крылатых ракетах, бомбардировщиках и пр. О связанных с ними перспективах и проблемах было подробно рассказано в вышедшей через два месяца после СНБ «Стратегии национальной обороны». Однако раньше о них всегда подробно говорилось и в «Стратегии национальной безопасности».

Хотя тема стратегических наступательных вооружений на этот раз практически опущена в СНБ, однако про стратегические оборонительные вооружения в документе говорится сполна в контексте выдвинутой идеи строительства «Золотого купола» – как и в предыдущей «Стратегии» было много про системы противоракетной обороны. В СНБ утверждается, что ПРО – включая «Золотой купол» для обороны территории страны – будет защищать американский народ, американские активы за рубежом и американских союзников. Однако эксперты и политики напоминали о взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями и предупреждали, что развитие последних приведет к гонке вооружений и ослаблению американского потенциала сдерживания. Положение США может «быть подорвано, если администрация и Конгресс погонятся за взвинчивающей бюджет расточительной иллюзорной затеей, которой, похоже, обернется “Золотой щит”», – говорится в посвященной СНБ статье Александры Белл, президента и исполнительного директора «Бюллетеня ученых-ядерщиков», публикуемого известной американской экспертно-аналитической организацией «Союз обеспокоенных ученых» [32]. В «Обзоре противоракетной обороны» администрации Байдена не отвергалась возможность диалога по ПРО, подчеркивалась связь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями и признавалось, что «укрепление взаимной прозрачности и предсказуемости применительно к этим системам поможет снизить вероятность конфликта» [33, р. 6]. Но по контрасту с этим, хотя в СНБ первой каденции Трампа и указывалось, что американская система противоракетной обороны сфокусирована на Иране и Северной Корее» [31, р. 8], – тогда еще речь о «Золотом куполе» официально не велась, – однако в «Обзоре противоракетной обороны» 2019 года, выпущенном в первую каденцию Трампа, говорилось о неприемлемости «каких бы то ни было ограничений в разработке и развертывании противоракетной обороны, необходимой для защиты национальной территории от угроз стран-изгоев» [34, р. 31]. А в «Стратегии национальной безопасности» второй каденции Трампа взят курс на неограниченную разработку и развертывание широкомасштабной противоракетной обороны, включая «Золотой купол» с космическими эшелонами.

Хотя в СНБ трижды говорится о необходимости «восстановить стратегическую стабильность с Россией», контроль над вооружениями в тексте не упоминается ни разу. В аналогичном документе Байдена содержалось 12 отсылок к контролю над вооружениями и в нем имелся специальный раздел, посвященный контролю над вооружениями и нераспространению. Хотя сам Трамп в своих выступлениях, в частности в речи на Генеральной Ассамблее ООН, говорил о ядерных рисках [35], но его послужной список в данной области негативен: в его первую каденцию США вышли из трех основополагающих соглашений по контролю над вооружениями. Однако он неоднократно упоминал в своих выступлениях о желательности «денуклеаризации» с Россией и Китаем [28], хотя и не уточнял, что имеется в виду. В материале «Союза обеспокоенных ученых» отмечается, что текст СНБ – с его умолчаниями по поводу контроля над вооружениями – отражает расхождения между президентом и его собственным аппаратом. Не исключено, что отсутствие упоминания контроля над вооружениями в СНБ связано и с тем, что, как считал и говорил ранее Трамп, переговоры с Россией по контролю над вооружениями могут состояться только после завершения украинского конфликта [36], – тогда как весной в Эр-Рияде, как раз в период подготовки СНБ, происходили крутые повороты со сближениями и расхождениями в позициях на переговорах США с российскими, а также с европейскими и украинскими участниками.

В СНБ говорится, что президент Трамп использует «неконвенциональную дипломатию», военные возможности и экономические рычаги, чтобы «хирургическим путем уничтожить тлеющие угли раздора между странами, имеющими ядерное оружие или способными получить доступ к нему» [1, р. 8]. Однако еще раз подчеркнем, что соответствующая стратегия в СНБ Трампа отсутствует, тогда как в такой важной сфере, как контроль над вооружениями, осуществляемые усилия должны носить продуманный и последовательный характер [37].

Роуз Геттемюллер, когда-то возглавлявшая американскую делегацию при подписании Договора СНВ-3 и являвшаяся заместителем государственного секретаря по контролю над вооружениями, а потом заместителем генерального секретаря НАТО, сказала на слушаниях в сенатском Комитете по вооруженным силам, что обозначение в СНБ восстановления стратегической стабильности в качестве коренного интереса США, а президента Трампа – как «президента мира с готовностью осуществлять президентскую дипломатию» являются релевантными с точки зрения контроля над вооружениями [38, р. 14]. «Цель стратегической стабильности – позитивный знак для тех, кто хочет, чтобы две страны с крупнейшими ядерными арсеналами работали вместе над тем, чтобы сократить напряженность в ядерной области», – говорится в цитируемой выше статье Александры Белл. Но там также отмечается, что «еще более позитивным знаком было бы немедленно приступить к диалогу между Вашингтоном и Москвой» относительно того, что придет на смену после завершения срока действия Договора СНВ-3 [32, р. 4], который, как известно, истек 5 февраля 2026 года, став последним ушедшим в небытие соглашением между Россией и США по контролю над ядерными вооружениями.

«Доктрина Донро» второй каденции Трампа: новый разворот

Уже в инаугурационной речи Дональд Трамп говорил о той важной роли, которую его администрация отводит в своей политике Западному полушарию [39]. А в «Стратегии национальной безопасности» описание политики в отношении Западного полушария помещено в тексте впереди подразделов про другие регионы: раньше Европы и даже Индо-Тихоокеанского региона, который теперь поставлен на второе место.

Этот посыл СНБ Трампа явился фундаментальным сдвигом, отличаясь от установок его первого президентского срока, когда политика США в отношении Латинской Америки была отмечена снижением внимания к региону. В «Стратегии национальной безопасности» первой каденции Трампа Западному полушарию было посвящено полстраницы текста, сейчас – четыре: редкий среди прочих случаев увеличения текста в документе, почти в два раза меньшем по сравнению с его вышедшей при Байдене версией.

Усиление внимания к Латинской Америке (Канада в СНБ упоминалась только через запятую с другими странами в контексте экономических отношений с Китаем, как, впрочем, и Гренландия не упоминалась ни разу) было связано и с его стремлением из соображений выгоды – по принципу «Америка прежде всего» – по возможности уменьшить американские затраты в других регионах. В какой-то мере это было и вынужденным последствием увеличения роли в своих регионах и в мировой политике в целом государств других регионов. Но это была и заявка, или, точнее, напоминание об установке на доминирующую роль США в своем регионе. Некоторые политологи даже усмотрели в этом не уход в собственный регион, а, наоборот, своего рода гигантизм, когда делается заявка на единоличный контроль над целым полушарием, и это якобы происходит впервые [40], – с чем, впрочем, можно поспорить, учитывая историческую коннотацию и XIX, и XX века.

Этот новый разворот в американской политике некоторые поименовали «Доктриной Донро», отталкиваясь от принятой когда-то в 1823 году «Доктрины Монро», но с обыгрыванием имени теперешнего президента. В СНБ использовано труднопереводимое на русский

язык словосочетание «трамповское развитие Доктрины Монро» (Trump Corollary) – отсылка к «поправке Рузвельта» (тогда использовалось то же самое слово corollary) – доктрине президента США Теодора Рузвельта, расширившей на рубеже XIX и XX веков действие «Доктрины Монро» для обоснования интервенций в страны Латинской Америки – как тогда говорилось, чтобы предотвратить вмешательство европейских держав или загасить внутривосточную нестабильность, способную спровоцировать его. Но и сам Трамп уже не преминул воспользоваться словосочетанием «Доктрина Донро».

«После многих лет небрежения США вновь утверждают и усилят действие Доктрины Монро, чтобы восстановить американское преобладание в Западном полушарии, защитить нашу родину и доступ к ключевым районам по всему региону» [1, р. 15], – подчеркивается в документе. «Мы хотим обеспечить, чтобы Западное полушарие оставалось достаточно стабильным и хорошо управляемым, чтобы предотвратить и упредить массовую миграцию в Соединенные Штаты, – говорится в СНБ. – Мы хотим полушарие, где правительства сотрудничают с нами против наркотеррористов, картелей и других транснациональных преступных группировок; мы хотим полушарие, остающееся свободным от враждебных зарубежных вторжений или приобретений ключевых активов; которое поддерживает критически важные цепочки поставок; и мы хотим обеспечить себе устойчивый доступ к основным стратегическим локациям» [1, р. 5].

В СНБ пишут теперь о Западном полушарии так, как раньше писали о мире: о необходимости превалирования США и обеспечении их определяющей роли. В Западное полушарие обещают передислоцировать часть военного контингента из других регионов мира. Если когда-то в первую каденцию Трампа во время поездки американского вице-президента Майка Помпео по странам Латинской Америки, от него ожидали, что он пообещает, что США больше не будут вторгаться туда, то сейчас больше речи о таком пожелании не ведется. В Вашингтоне считают, что они вправе диктовать соседним государствам свою волю. И характерным образом вскоре после выхода СНБ, хотя Венесуэла и не упоминалась в тексте документа, последовала американская военная акция с похищением Мадуро. А вскоре была объявлена блокада Кубы.

Трамп сообщил, что США будут управлять Венесуэлой, пока она не пройдет переходный период. В Вашингтоне было объявлено, что управление Венесуэлой возглавит (на это время?) Марко Рубио. Одновременно США за счет того, что прибрали к рукам венесуэльские нефтяные месторождения, собираются увеличить свой вес в качестве ведущего игрока на мировом энергетическом рынке и уменьшить зависимость от последствий эскалации ситуации с Ираном и осложнений с судоходством на Ближнем Востоке. Но при этом в СНБ даже еще говорится о том, что Соединенные Штаты должны постараться не пускать в латиноамериканские страны инвесторов и торговые компании из других регионов, что стало дополнительно новым моментом по сравнению с исторической интерпретацией «Доктрины Монро». Так, по словам российского министра иностранных дел Сергея Лаврова, вслед за событиями в Венесуэле российские компании стали «откровенно вытесняться из Венесуэлы» [41].

В США сделали ставку на замену неугодного Вашингтону правителя без смены режима, длительной американской военной операции и военного присутствия, хотя флотилия США и оставалась у берегов Венесуэлы. В экспертно-политическом сообществе имелись различные оценки того, было ли нападение на Венесуэлу осуществлено в отсутствие большой стратегии, или же, как считают некоторые эксперты, являлось частью целостного плана покончить с антиамериканской унией, состоящей из трех стран: Никарагуа, Кубы и Венесуэлы, в которой последняя рассматривалась Вашингтоном как движитель, сочетающий и соединяющий антиамериканизм, наркотрафик и ресурсную базу.

В Вашингтоне упоминали, что подобные акции не исключены против Колумбии и даже Мексики. В списке мер, которые надлежит проводить, в СНБ были указаны «таргетированные

развертывания» [1, р. 16], причем подчеркивалось, что будет «при необходимости» использоваться и военная сила, и подвергалась критике «практиковавшаяся на протяжении нескольких десятилетий и провалившаяся политика, нацеленная только на то, чтобы добиваться выполнения закона» [1, р. 16]. Говорилось об усилении присутствия американской Береговой охраны и Флота, «чтобы контролировать морские пути, совладать с незаконной и иной нежелательной миграцией, уменьшить перевозки людей и наркотрафик, контролировать в случае кризиса основные транзитные артерии» [1, р. 16]. А 30 января 2026 года Трамп принял решение о блокаде Кубы, подписав президентский указ, позволяющий вводить дополнительные импортные пошлины на товары из стран, поставляющих ей нефть, и объявил чрезвычайное положение из-за «представляемой ею необычной и чрезвычайной угрозы» [42].

Однако хотя в СНБ и говорится, что США «будут вознаграждать и поощрять правительства стран, политические партии и движения, разделяющие исповедуемые Соединенными Штатами принципы и стратегию» [1, р. 16], там также констатируется, что «не следует игнорировать правительства с другими взглядами, с которыми тем не менее имеются общие интересы и которые хотят совместно работать» [1, р. 17]. Подобное постулировалось и в предыдущей СНБ Байдена [1, р. 12]. Теперь подвижка в сторону деидеологизации стала еще более отчетливой.

Хотя про миграцию в СНБ говорится и применительно к Европе, но для Соединенных Штатов в документе объявляется наиболее важным противодействие миграции в первую очередь из стран Латинской Америки. В отличие от многих документов нулевых и первой половины второго десятилетия века, когда именно терроризм считался главной угрозой национальной безопасности США, сейчас в списке глобальных угроз в СНБ первым номером поставлена миграция. Новое толкование «Доктрины Монро» предусматривается не только в значении права США повелевать в своем, как сказал Питер Хегсет, neighborhood, но еще и в требовании оставить сами Соединенные Штаты их законным жителям. «Доктрина Монро» гласила: «Америка для американцев», а в заявке «Доктрины Донро» предусмотрено, что Соединенные Штаты предназначены только для тех, кто уже там живет, а уж они, в соответствии с предложенной трактовкой новой «Доктрины», по определению главные и для своих южных соседей.

В сопроводительном письме к «Стратегии национальной безопасности» за подписью Дональда Трампа говорится, что «уже в первый день его пребывания в должности были восстановлены границы Соединенных Штатов и развернуты американские военные, чтобы остановить вторжение в страну» [1, р. i]. Сразу же после своей инаугурации Трамп в числе сотен подписанных им тогда исполнительных указов, принял те, которые ввели чрезвычайное положение на южной границе, предписали высылку нелегальных иммигрантов, инициировали решение об отмене гражданства по праву рождения на территории США применительно как к детям нелегальных иммигрантов, так и к тем, чьи родители находятся или находились в США по легальным визам – рабочим, студенческим, туристическим, отменили программу помощи беженцам по всему миру. Указ Трампа об отмене права на гражданство по факту рождения в США был сразу же оспорен в судах. Как и указ о вводе в ряд штатов подразделений Национальной гвардии для депортаций и борьбы с преступностью, решение по которому по иску Иллинойса было отменено Федеральным судом. Но эффект демонстрации решительных действий был безусловно достигнут, и вектор развития был задан. «Мы хотим полного контроля над нашими границами, над нашей системой иммиграции, над транспортными сетями, через которые люди попадают в нашу страну – легально или нелегально, – провозглашалось в СНБ. – Мы хотим такого мира, где миграция будет не просто “упорядоченной”, а где суверенные страны будут работать вместе, чтобы прекратить, а не облегчить дестабилизирующие потоки населения, и имеют полный контроль над тем, кого они впускают или не впускают» [1, р. 3].

Во вторую каденцию Трампа вновь стал акцентироваться тезис о «наркотерроризме», с которым американский лидер призвал покончить. «Мы хотим [Западное] полушарие, где правительства сотрудничают с нами [в борьбе] против наркотеррористов, картелей и других транснациональных криминальных организаций» [1, р. 5], – провозглашалось в СНБ-2025. Впервые тезис о «наркотерроризме» был введен в оборот после нападения 11 сентября 2001 года на Башни-близнецы, когда Вашингтон расширил параметры военного сотрудничества с Колумбией и помимо конкретно контрнаркотической миссии была сформулирована «Совмещенная стратегия противодействия наркотерроризму», в результате реализации которой было увеличено участие американских военных в операциях против колумбийских наркодилеров и террористических организаций. В «Стратегии национальной обороны» подчеркивается и значимость привлечения наркотеррористов к судебной ответственности. Впоследствии в этом контексте в американской экспертно-политической среде в попытках обоснования данной операции упоминалось похищение Николаса Мадуро. А затем Трамп объявил наркокартели и действующие в регионе наркогруппы «иностранными террористическими организациями». Задачами борьбы с наркотерроризмом в Вашингтоне объясняли происходившие в 2025–2026 годах у побережий Латинской Америки обстрелы американскими военными судов, подозреваемых в перевозке кокаина и гашиша, в результате которых было потоплено несколько десятков венесуэльских и колумбийских лодок, катеров, мини-субмарин.

Действия Трампа на протяжении первых девяти месяцев его пребывания на посту были представлены в СНБ как нанешие сокрушительный удар по терроризму. И там было подчеркнуто, что меры по противодействию терроризму будут касаться в первую очередь Западного полушария, «где правительства сотрудничают с нами [США] против наркотеррористов, картелей и других транснациональных криминальных организаций» [1, р. 5]. Указывается, что террористическая деятельность в «любом менее значимом [для США] в ином отношении месте» может потребовать экстренного внимания, «но переключаться от этой срочной необходимости к устойчивому вниманию к периферии является ошибкой» [1, р. 15]. Тем не менее, как указывалось выше, применительно к Ближнему Востоку, а также к Африке, задача борьбы с терроризмом тоже упоминается.

Африка: торговать и добывать – не значит содействовать

В подразделе СНБ, посвященном Африке, написано, что США будут нацеливаться на взаимовыгодную торговлю и переходить от парадигмы, основанной на помощи, к ставке на инвестиции и участие в разработке природных ископаемых и экономическим проектам «со способными [к сотрудничеству] и надежными государствами, приверженными тому, чтобы открыть свои рынки для американских товаров и услуг» [1, р. 29]. В качестве приоритетных направлений для «немедленных» американских усилий, «с хорошими доходами по инвестициям», указаны энергетический сектор и добыча критически важных минералов, а также развитие атомной промышленности при поддержке США, производство сжиженного газа и технологий его изготовления. В СНБ не упоминается, как это делалось в нормоустановочных документах предыдущих администраций, что для развития стран региона необходима помощь в решении их исконных проблем, усугубленных историей колониальной зависимости и влияющих на современное их положение. Как не говорится и про содействие в реализации программ в области экономики, здравоохранения, цифровизации. В прошлой СНБ Байдена Африка упоминалась 34 раза – преимущественно в контексте осуществлявшихся там проектов развития, тогда как теперь – только 10.

Предпринятое во вторую каденцию Трампа сокращение штата занимавшихся африканским направлением подразделений Государственного департамента, резкое

уменьшение финансирования и переформатирование Агентства международного развития, Института мира, Национального фонда за демократию и других осуществлявших программы в Африке американских и международных организаций привело к существенному уменьшению объема помощи африканским странам, американского участия в поддержке местных институтов и усилий по укреплению стабильности в регионе. Из десяти посольств США, которые было решено закрыть¹, четыре находились в Африке: в таких государствах, как Лесото, Республика Конго, Центрально-Африканская Республика, Южный Судан. А в других странах континента, например в Сомали, был значительно сокращен штат американских посольств и представительств.

В СНБ Трампа декларируется, что Соединенные Штаты больше не будут стремиться продвигать в Африке либеральную идеологию, что, как указывается в документе, происходило на протяжении слишком долгого времени. А вместо этого на основе партнерских отношений будет оказываться помощь «избранным странам» в преодолении идущих там конфликтов (как между ДРК и Руандой или в гражданском противостоянии в Судане) и содействие в предотвращении новых конфликтов, например между Эфиопией, Эритреей и Сомали.

Несмотря на предпринимавшиеся предыдущей администрацией США совместно с Саудовской Аравией попытки добиться прекращения огня в Судане и на вклад Вашингтона в деятельность занимавшейся там гуманитарной помощью Международной группы, Джо Байден, как писали, «покинул свое кресло, так и не внося материальной разницы в жизнь суданцев» [44]. В Эфиопии, Эритрее, Сомали Соединенные Штаты на протяжении многих десятилетий осуществляли программы зарубежного военного финансирования, противоповстанческих и контртеррористических операций, некоторые при сотрудничестве с Африканским Союзом, ООН, Европейским Союзом. На территории Сомали в первую каденцию Трампа проводились тайные рейды против боевиков Аль-Шабаб. В Эфиопии с американской базы в Арба-Минча запускались беспилотники “MQ-9 Reaper”. После имевшего место в первую каденцию Трампа уменьшения американского военного присутствия в Африке, затем – при администрации Джо Байдена – в Сомали в 2022 году были направлены дополнительно 500 американских военных. ВВС США наносили воздушные удары и уничтожали беспилотники в Сомали, рассматривавшемся в качестве основного форпоста контртеррористических усилий на континенте. Более тысячи американских военнослужащих Сил специального назначения непосредственно участвовали в боевых действиях против ячеек Аль-Каиды и ее сторонников в Восточной Африке: Джибути, Эритрее, Эфиопии, Кении, Сомали, Судане, а также в Йемене.

Теперь в СНБ Трампа указывается на необходимость уделять внимание предотвращению террористических рисков, но «избегая длительного американского военного присутствия или обязательств» [1, р. 29], – так это сформулировано в СНБ. Однако если в «Стратегии национальной безопасности» предыдущего президентского срока Трампа говорилось о необходимости международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, то теперь об этом больше не упоминается. Ничего не говорится об «Исламском государстве» (ИГИЛ), «Аль-Каиде» или «Хизбалле» (ХАМАС в подразделе про Ближний Восток упоминается практически мимоходом один раз). В то время как уменьшение финансирования бюджета миротворческих операций ООН подрывает соответствующие возможности Африкома (AFRICOM) и создает сложности для выполнения Резолюции 2719 Совета Безопасности, предусматривающей финансирование руководимых Африканским Союзом операций по поддержанию мира.

¹ Этот предназначенный для служебного пользования список был подготовлен Государственным департаментом и оказался в распоряжении CNN [см. 43].

* * *

«Стратегия национальной безопасности» второй каденции Трампа, безусловно, принесла новое в американскую политику. Не лишены основания доводы тех, кто увидел в ней смену вех, даже множественную: заявку на конец глобализма и американоцентричного мира, если, конечно, верить, что он имел место; перевод фокусировки на другие системы вооружений: в области тактических – включая беспилотники, в стратегических – на широкомасштабную ПРО с космическим эшелонном; в приоритизации регионов – перенос внимания прочь от Европы и Азии в сторону Западного полушария. Было однозначно постулировано, что вмешиваться во все конфликты – не в интересах Соединенных Штатов, а нациестроительство не должно входить в задачи Вашингтона и отменяется. Также во всех регионах и по всем направлениям политики заявлен приоритет обеспечения американских экономических интересов и торговой выгоды. Экономика обозначена в качестве стового хребта американской силы – выведена на уровень непосредственной сферы обеспечения национальной безопасности. Сделана заявка на превалирование США в энергетической области.

Какие-то задачи, связанные с защитой прав человека, демократических установок, фундаментальных принципов свободы, в СНБ отсутствуют. Но считать, что с приходом Трампа и формулированием его администрацией своих военно-политических установок мир радикально поменялся, можно лишь с учетом оговорки, что в предыдущий период Соединенные Штаты тоже руководствовались собственными интересами и зачастую трудно было отличить, когда они действовали, принимая во внимание цели поддержания мира и развития, а когда преследовали только собственные, зачастую своекорыстные, задачи. Однако в самом деле право сильного, особые прерогативы сверхдержав при Трампе стали провозглашаться с большей отчетливостью, без стеснения, а силовой подход стал преподноситься как более предпочтительный и зачастую единственно возможный.

То ли из-за рассинхронизации в работе американских ведомств (к существовавшим проблемам добавились связанные с авторитарным стилем лидера), то ли из-за того, что опубликована была только несекретная версия СНБ, но в текст документа «не попали» многие системы вооружений, о которых речь шла в предыдущих аналогичных публикациях. Поэтому в том, что касается темы вооружений, следует уделять дополнительное повышенное внимание не только СНБ, но и другим основополагающим военно-политическим документам американской администрации: и тем, которые вышли вслед за ней, и тем, которые еще только будут опубликованы, а также конкретным осуществляемым программам, соответствующим пресс-релизам и заявлениям Белого дома, Государственного департамента, Пентагона. Но тем не менее в СНБ сделана заявка на полный спектр вооружений – как продвинутых, так и малобюджетных. И особо подчеркнута необходимость того, что там названо «мобилизацией», – обеспечения военно-промышленной базы для масштабного производства оружия, при налаживании промышленных технологических процессов и локализации цепочек поставки.

В зафиксированном в СНБ негативном восприятии Европы прослеживается наиболее разительный контраст по сравнению с попыткой консолидации НАТО, предпринятой администрацией Байдена и отразившейся в тогдашней ее «Стратегии национальной безопасности». Ключевой месседж СНБ и СНО – перекладывание большой доли забот и расходов на другие страны при «критически важной», но «ограниченной» поддержке союзникам и партнерам. США в определенной мере дистанцируются от европейской безопасности. И хотя в СНБ говорится о приверженности укреплению НАТО, многие в Европе восприняли содержащуюся в документе негативную оценку Европы как разрушительную для союзнических отношений, а американские притязания в отношении Гренландии, Канады, давление на Данию, Панаму, Колумбию, Мексику как недопустимый фронт в попытках навязать союзникам положение вассалов. НАТО будет неизбежно

трансформироваться – со смещением центра принятия решений, касающихся действий Альянса, в сторону европейских стран.

Но, конечно, заявленные в новой СНБ установки не только призваны предопределять американский военно-политический курс, но и в значительной мере зависят от того, как он реализуется на практике, учитывая не только переменчивость Трампа и его настроений, но и наблюдающееся расхождение позиций внутри его администрации и в Конгрессе и необходимость для них учитывать флуктуации настроений избирателей. Операция в Венесуэле с захватом и вывозом из страны президента Мадуро и его жены, а затем волонтеристские эскапады Трампа в отношении Гренландии и блокада Кубы, как ни относиться к этим действиям, несомненно, подхлестнули интерес к СНБ Трампа, поскольку происшедшие события продемонстрировали на практике, что подразумевается под «Доктриной Донро». А потом разразилась война в Иране. В контексте провозглашаемого СНБ своеволия и своекорыстия, эти события показали, что речь идет не только о громких заявлениях, но и о действиях, даже если некоторыми они воспринимались как осуществляемые вне большой стратегии. Причем эти события и сопровождавшие их акции и заявления самого Трампа оказывались зачастую более радикальными, чем установки, сформулированные в его СНБ: характерно, что ни Венесуэла, ни Гренландия, ни Куба в СНБ даже не упоминались. Но как бы то ни было, похищение президента Венесуэлы и американо-израильская военная операция в Иране будут иметь непредсказуемые последствия как для самих этих стран, так и безусловно негативное влияние на международно-правовую систему и международные отношения в целом. Волонтеристские действия администрации Трампа в отношении Венесуэлы, Ирана, Кубы имеют особое значение для России, учитывая ее исторические связи с этими странами.

При этом, однако, несомненной чертой и существенным отличием политики Трампа от курсов некоторых предыдущих президентов стало намерение не давать втягивать США в длительные конфликты, что было зафиксировано в СНБ и проявилось и во время акции в Венесуэле, и применительно к конфликту в Иране, да и в отношении Гренландии. Но одновременно при отсутствии должного разъяснения его внешнеполитических эскапад, большинство населения США склонно трактовать установку «Америка прежде всего» с позиций изоляционизма и не поддерживает Трампа в этих вопросах, будь то Гренландия или же Иран, что ведет к падению рейтинга президента. Это довольно неожиданный тренд, поскольку исторически всегда было так, что после начала военной акции США за рубежом, по крайней мере в первое время, подавляющее большинство американцев – обычно около 80% и более – поддерживали ее.

В СНБ не делается ставка на противоборство с Россией и тем более на вооруженный конфликт с ней. Подчеркивается важность урегулирования украинского конфликта. Указывается, что Соединенные Штаты должны сыграть активную дипломатическую роль, помогая этому. В основополагающих американских военно-политических документах больше не упоминается идеологическое противостояние демократии и авторитаризма как двух антагонистических общественно-политических систем. В СНБ говорится о необходимости стабилизации ситуации в Европе и развития экономических отношений с Россией и Китаем. Пресс-секретарь российского президента Дмитрий Песков прокомментировал данную стратегию, сказав, что изложенный в СНБ «подход нам импонирует» [45], что она «про выстраивание диалога» и что в случае ее реализации может открыться перспектива для реставрации отношений.

Выведение проблемы защиты границы и предотвращения миграции на высший уровень с точки зрения обеспечения национальной безопасности тоже явилось инновацией в СНБ. Но обозначенные в СНБ требования Вашингтона в отношении Латинской Америки, заявка на право диктовать свою волю соседним странам, в частности намерение

препятствовать торговой деятельности на континенте государств из других регионов, встретили негативную реакцию со стороны многих политиков и политологов, в том числе на Западе. Но неверной представляется интерпретация «Доктрины Донро», будто бы она ограничивает интересы США Западным полушарием. Притом что она действительно является подтверждением истинной – со времен президента Джеймса Монро – заявки на главенство и доминирование США в этом регионе, она отнюдь не исключает что США могут вмешаться, когда сочтут это для себя выгодным, в конфликты в более далеких горячих точках планеты. Трамп продемонстрировал, что решения об этом могут приниматься спонтанно, в одностороннем порядке, не считаясь с нормами права и даже без соблюдения американского законодательства, фактически авторитарно.

Главной задачей США в Индо-Тихоокеанском регионе названо обеспечение стабильности и предотвращение конфликта. Если при предыдущих трех администрациях он считался самым важным для американской внешней политики, то теперь о нем говорится с точки зрения поддержания условий для свободной и открытой экономической деятельности, а в контексте проблем безопасности регион упоминается наиболее часто применительно к ситуации вокруг Тайваня. В документе ни разу не сказано про Северную Корею, о необходимости денуклеаризации которой столько говорилось прежде, – хотя ей потом был посвящен большой раздел в вышедшей в конце января 2026 года «Стратегии национальной обороны», где было сказано, что ее ядерные силы растут и совершенствуются, и где она была представлена чуть ли не как самая большая угроза.

Терроризм в основном ушел с радаров американской политики. Когда в СНБ упоминается про проблему терроризма, то это делается либо в контексте предотвращения рисков, но не подразумевая длительную вовлеченность со стороны американских ведомств, либо применительно к внутренним леворадикальным тенденциям. Ближний Восток в СНБ охарактеризован как менее конфликтный, чем раньше, регион и уже не столь важный с точки зрения обеспечения национальных интересов США и конкуренции великих держав. Про Сирию в СНБ упоминается только один раз. В документе указывается, что Соединенные Штаты собираются переложить на другие государства связанные с этим регионом заботы, а сами будут содействовать инвестированию в экономику и обеспечению конкретных задач. Про Иран говорится буквально в одной фразе. СНБ вышла за месяц до протестов в Иране и не соотносится с произошедшими вскоре событиями. Предпринятая США и Израилем масштабная военная операция противоречила заявке на установление высокого порога для решений о зарубежных вторжениях и содержащейся в СНБ декларации о намерении отказаться от насильственного навязывания странам региона форм управления и реформ. Характеристика Ближнего Востока как региона со снизившейся конфликтностью после начала этих событий тоже уже нерелевантна.

С сугубо практических позиций в СНБ описаны задачи, связанные с Африкой. Там, как и в Латинской Америке, собираются сотрудничать из соображений выгоды со странами вне зависимости от их «ориентации», без того чтобы «продвигать и распространять либеральную идеологию» [1, р. 29]. Произошло уменьшение не только американской гуманитарной вовлеченности, но и дипломатического присутствия в Африке. Усилия там будут концентрироваться на торговле и добыче природных ископаемых.

Удивительно отсутствие в СНБ упоминаний о контроле над вооружениями: не только учитывая заявления Трампа о стремлении к денуклеаризации, но и в свете неоднократно высказывавшихся им аргументов в пользу выдвижения его на Нобелевскую премию мира – впрочем, уже утративших актуальность после нападения на Иран. «Стратегией без стратегии противодействия экзистенциальным угрозам» [32] назвала этот документ Александра Белл, отметив, что там также не содержится описания путей преодоления климатического кризиса. «Текущий авторитарный тренд затрудняет международное

сотрудничество, снижает ответственность и подхлестывает опасности, делая ядерную, климатическую и технологическую угрозы более трудно обратимыми» [46], – говорится в заявлении «Союза обеспокоенных ученых». Из подобной ситуации необходимо искать выход на путях интенсификации диалога, восстановления механизма антикризисного регулирования, прямых контактов между военными, возобновления процесса контроля над вооружениями, укрепления международных институтов и подтверждения норм международного права [13, с. 68].

Литература

1. National Security Strategy of the United States of America (NSS 2025). The White House, Washington. November 2025. iii+29 p.
2. *Goddard S.E.* The Rise and Fall of Great-Power Competition. Trump's New Spheres of Influence // *Foreign Affairs*. 2025. May/June [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/rise-and-fall-great-power-competition>
3. Agency Strategic Plan Fiscal Years 2026–2030 U.S. Department of State. January 2026. 19 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2026/01/Agency-Strategic-Plan-for-Fiscal-Years-2026-2030.pdf>
4. "America First Foreign Policy", posted by the US Embassy and Consulates in Saudi Arabia. 2017. January 23 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sa.usembassy.gov/america-first-foreign-policy/>
5. *Молодяков В.* Джордж Сильвестр Ирек: больше чем одна жизнь. М.: Кругъ 2015.
6. *Межуев Б.В.* «Америка прежде всего» и декадент из «пятой колонны» // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 57–59.
7. National Security Strategy of the United States of America. October 2022. The White House. Washington, 2022.
8. *Carpenter M.* The Geopolitics of Governance // *Survival*. 2025. December 5 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.iiss.org/online-analysis/survival-online/2025/12/the-geopolitics-of-governance/>
9. *Грэм, Томас.* Американские элиты перестали понимать свое общество [Интервью]. Беседовал: Борис Межуев // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 11–14.
10. Mandate for Leadership 2025. The Conservative Promise. Project 2025. The Heritage Foundation. Washington, 2023. 920 p.
11. National Defense Strategy 2026 // Department of War. 2026. 34 p.
12. Trump says he does not need international law // TASS. 2026. January 8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.com/world/2069309>
13. *Бубнова Н.И.* Новая стратегия национальной безопасности администрации Д. Трампа // *Россия и современный мир*. 2019. № 1. С. 48–71.
14. Keynote speech by NATO Secretary General Mark Rutte and moderated discussion with Minister for Foreign Affairs of Germany Johann Wadephul. NATO. 2025. December 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nato.int/en/news-and-events/events/transcripts/2025/12/11/keynote-speech-by-nato-secretary-general-mark-rutte-and-moderated-discussion-with-the-minister-for-foreign-affairs-of-germany-johann-wadephul>
15. Итоги года с Владимиром Путиным // Президент России. Kremlin.ru. 2025. 19 декабря [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78815>
16. "China And Russia Would Have Been There If We Didn't Do This": Trump Touts Actions in Venezuela // *Forbes Breaking News*. 2026. January 11, [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://m.youtube.com/watch?v=1SwKxglDLKc&pp=4gcMEgpwZXJwbGV4aXR5#bottom-sheet>
17. *Colton E.* Trump says US is making moves to acquire Greenland "whether they like it or not". // *Fox News*. 2026. January 9 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.google.com/url?q=https://www.foxnews.com/politics/trump-says-us-making-moves-acquire-greenland-whether-like-not?utm>
18. *Green, Dominic.* Impotent Europeans can only fume as Trump rightly sidelines them from Ukraine deal // *New York Post*. 2025. December 7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nypost.com/2025/12/07/opinion/impotent-europeans-can-only-fume-as-trump-tries-for-ukraine-deal/>
19. Blumenthal Asked About Bill Putting 500% Tariffs On Russia: How Confident Are You It Will Pass? // *Forbes Breaking News*. 2026. February 13 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=UggEU8FAypA>
20. Munich Security Conference 2025 Speech by JD Vance and Selected Reactions. Vol. II of the Series "Selected Speeches held at the Munich Security Conference" / ed. by Benedikt Franke. Hamburg: Mittler, 2025. 115 p.
21. Президент Германии об администрации Трампа: «Логово разбойников» [Электронный ресурс] // *Minval Politika*. 2026. 8 января. Режим доступа: https://minval.az/news/124509945VK;https://vk.com/wall-31371206_2148919
22. «Мир без границ – глупость»: Полный текст выступления Рубио на Мюнхенской конференции [Электронный ресурс] // *ИноСМИ*. 2026. 14 февраля. Режим доступа: <https://inosmi.ru/20260214/rubio-277100481.html>
23. *Campbell K.M., Doshi R.* Why America Needs a New Strategy of Allied Scale to Offset Beijing's Enduring Advantages // *Foreign Affairs*. 2025. May/June. Published on April 10, 2025 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/china/underestimating-china>
24. Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. U.S. Department of Defense. 2025. 100 p.
25. 习近平会见美国国务卿布林肯. 2023年6月19日4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202306/t20230619_11099942.shtml
26. *Kim P.M., Turpin M., Nye Jr. J.S., Chen W.J., Jo A.E., Hass R., Kimball E.* Should the US pursue a new Cold War with China? // *Brookings*. 2023. 1 September [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.brookings.edu/articles/should-the-us-pursue-a-new-cold-war-with-china/>
27. *Noury T.* China's military buildup makes US increasingly vulnerable, DOD says // *Military Times*. 2025. December 24 [Электронный

- ресурс]. Режим доступа: <https://www.militarytimes.com/news/pentagon-congress/2025/12/24/chinas-military-buildup-makes-us-increasingly-vulnerable-dod-says/?utm>
28. *English E.* Trump wants to initiate denuclearization talks with Russia and China // Bulletin of the Atomic Scientists. 2025. February 14 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://thebulletin.org/2025/02/trump-wants-to-initiate-denuclearization-talks-with-russia-and-china/>
 29. *Olay M.* Trump Announces New Class of Battleship. U.S. Department of War. 2025. December 22 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.war.gov/News/News-Stories/Article/Article/4366852/trump-announces-new-class-of-battleship/>
 30. President Trump Announces New Battleship. America's Navy. 2025. December 22 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.navy.mil/Press-Office/Press-Releases/display-pressreleases/Article/4366856/president-trump-announces-new-battleship/>
 31. National Security Strategy of the United States of America. December 2017. The White House, Washington D.C.
 32. *Bell A.* A National Security Strategy with no strategy for managing existential risks // Bulletin of the Atomic Scientists. 2025. December 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://thebulletin.org/2025/12/a-national-security-strategy-with-no-strategy-for-managing-existential-risks/>
 33. 2022 Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. 2022.
 34. 2019 Missile Defense Review. U.S. Department of Defense. 2019.
 35. Trump says nuclear arms pose gravest threat to planet // TASS. UN General Assembly. 2025. September 23 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.com/world/2020225>
 36. *Kimball D.G.* The Deal That Trump Can Secure With Russia // Arms Control Today [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.armscontrol.org/act/2025-09/focus/deal-trump-can-secure-russia>
 37. *Бубнова Н.И.* Ядерная политика США в сравнительной перспективе // Сравнительная политика. 2025. № 16 (2). С. 97–123.
 38. To Receive Testimony on Strategic Competition in an Unconstrained, Post-New Start Treaty Environment. U.S. Senate Committee on Armed Services. Washington, D.C. 2026. February 3.
 39. *Trump D.* The Inaugural Address. The White House. 2025. January 20 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/01/the-inaugural-address/>
 40. Operation Absolute Resolve: Hemispheric Dominance under the Monroe Doctrine. 2025. January 16 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://peacediplomacy.org/2026/01/16/operation-absolute-resolve-hemispheric-dominance-under-the-monroe-doctrine/?utm>
 41. Лавров: слова США об инвестиционном сотрудничестве с Россией «не вяжутся» с их шагами // RT. 2026. 5 февраля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.rt.com/y4ac>
 42. Addressing Threats to the United States by the Government of Cuba. Executive Order // The White House. 2026. January 29 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2026/01/addressing-threats-to-the-united-states-by-the-government-of-cuba/?utm_source=perplexity
 43. *Hansler J.* Trump administration looking at closing nearly 30 overseas embassies and consulates // CNN. 2025. April 15 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://amp.cnn.com/cnn/2025/04/15/politics/closing-embassies-consulates-document>
 44. *Hixon K., Togun K.* A Roadmap for Sudan in Trump's First 100 Days // Center for International Policy. 2025. January 21 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://internationalpolicy.org/publications/a-roadmap-for-sudan-in-trumps-first-100-days/?utm>
 45. Песков: опасения насчет смены нацстратегии США при других администрациях есть // ТАСС. 2026. 8 декабря [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/25844559>
 46. It is now 85 seconds to midnight 2026 Doomsday Clock Statement / ed. John Mecklin // Bulletin of the Atomic Scientists. 2026. January 27 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://thebulletin.org/wp-content/uploads/2026/01/2026-Doomsday-Clock-Statement.pdf>

Аннотация. В статье ставится вопрос, является ли «Стратегия национальной безопасности» Трампа кардинально меняющей миропорядок и парадигму американской внешней политики, или же представление о ее инновационном характере преувеличено, и она останется в тени более радикальных заявлений и действий Трампа. Новизна СНБ связана в первую очередь с отказом от глобализма и глобальной ответственности США и с переориентацией внимания на Западное полушарие. Предлагается принцип «перераспределения нагрузки», чтобы союзники и партнеры США в большей мере брали на себя ответственность за собственную безопасность и свои регионы. Ставка на противоборство с Россией и тем более на вооруженный конфликт с ней не делается, а подчеркивается важность укрепления стабильности, развития экономических связей и урегулирования украинского конфликта. Отношения с Китаем названы более приоритетными, чем с Европой, а Ближний Восток представлен на момент до начала кризиса в Иране, не превосхищенного в СНБ. В вопросах «мобилизации» и трансформации военно-промышленной базы страны особо выделена перспектива создания национальной системы противоракетной обороны «Золотой купол», тогда как вопросы контроля над вооружениями опущены.

Ключевые слова: «Стратегия национальной безопасности», «Стратегия национальной обороны», Дональд Трамп, российско-американские отношения, «Доктрина Донро», «Америка прежде всего», изоляционизм, гибкий реализм, «Золотой купол».

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Поступила в редакцию 11 марта 2026. Принята к печати 13 марта 2026.

Natalia Bubnova, PhD in History, Leading Researcher, Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences. E-mail: nataliaibubnova@gmail.com

Trump's Second Term National Security Strategy: Fireworks or a Damp Squib?

Abstract. The article investigates whether the recently published National Security Strategy constitutes a dramatic change to the perception of the world order and the role the United States plays in it, or whether its revolutionary potential is exaggerated and it will stay largely on paper or remain in the shadow of Donald Trump's other more radical declarations and endeavors. The novelty of the National Security Strategy is primarily connected with the rejection of globalism and global U.S. commitments, and with attention re-orientation to the Western Hemisphere. In addition to the traditional burden-sharing principle Washington has put forward a new burden-shifting concept, according to which the U.S. allies and partners are expected to assume more responsibility for their own protection and their regions' security. Trump's National Security Strategy no longer proceeds from the assumption of confrontation and even less armed conflict with Russia, but the importance of economic relations, stability and the resolution of the conflict in Ukraine are emphasized. The National Security Strategy stipulates that the relations with China are of higher priority than those with Europe. Published on the eve of events in Iran, the National Security Strategy did not foretell the development of the situation. As for the issues of "mobilization" and transformation of the country military and industrial base, special attention is devoted to the prospect of the Golden Dome ballistic missile defense development, while the issues of arms control are all but omitted.

Keywords: National Security Strategy, National Defense Strategy, Donald Trump, U.S.-Russia Relations, the Trump Corollary to the Monroe Doctrine, America First, Isolationism, Flexible Realism, Golden Dome.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Received: March 11, 2026. Accepted: March 13, 2026

© Наталия Бубнова, 2026

Дональд Трамп и каноны консерватизма Расселла Керка

Поляризация и консерватизм

В современной политической науке существуют три исследуемые формы поляризации, с помощью которых авторы описывают этот феномен: позиционная (идеологическая), аффективная и структурная. В данном тексте будут упомянуты позиционная и аффективная формы, а третья – структурная поляризация – отсутствует по причине связывания ее только с социальными и политическими структурами, а не с одной персоной. Позиционная поляризация понимается как изменение мнений по поляризующим вопросам [3]. Это означает, что находящиеся в состоянии поляризации индивиды сдвигаются на более крайние и отдаленные друг от друга позиции по политическим вопросам [4]. Расширенная форма позиционного подхода может включать социальные и культурные характеристики, ценности людей, которые изменились в долгосрочной перспективе. Объектом исследований в этом подходе является политическая позиция индивида, в основном существующая без связи с другими людьми, которые могут разделять ту же позицию или ценности.

Альтернативный подход к поляризации, ее аффективная форма, пытается объяснить поляризацию через анализ общества и связей в нем. Эта форма определяется как «процесс усиления эмоциональных различий и антагонизма между политическими группами или индивидами» [10]. Анализ аффективной поляризации подразумевает фокус на эмоциях участвующих в политической жизни акторов, в первую очередь на страхе и антипатии по отношению к противоположной группе (партии). Таким образом, у нас есть две формы поляризации, которые могут появиться, развиваться и измениться под воздействием тех или иных факторов, например, персоны президента США.

Поляризация по своей сути динамична, она подразумевает, что в какой-то конкретный момент времени общество становится более поляризованным, чем раньше. Ряд исследований анализируют динамическое изменение поляризации, в основном приходя к выводу, что происходит только рост аффективной поляризации, а у идеологической формы такого динамического изменения нет [4, 12, 23]. В то же время существуют работы, исследующие идеологическую поляризацию и на актуальных данных подтверждающие ее наличие [21, 24]. Данное исследование становится на позицию второй группы и предполагает, что позиционная форма политической поляризации существует наравне с аффективной. Благодаря такому подходу мы сможем увидеть потенциальные изменения в идеологии из-за действий или риторики Дональда Трампа, а не только в отношениях избирателей друг к другу. Концепт поляризации находится за пределами стандартного поля теоретических и политологических исследований, но реальное проявление изменения политических пози-

Игнатъев Глеб Игоревич, аспирант школы по политическим наукам, преподаватель НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: gignatjev@hse.ru

ций или увеличение ненависти между социальными группами не может происходить без тех идей, которые разделяют общество. Поэтому поляризация и соединяется с понятием консерватизма.

Важнейшей теоретической деталью для оценки проявления консерватизма в идеологии политика является выстраивание критериев того, что является *консервативным*. Консервативная идея очень разнообразна как в теории, где к консерваторам могут относиться авторы от Алексиса де Токвилля до Александра Дугина, так и на практике, где к консерваторам относят одновременно Конрада Аденауэра и Хавьера Милея. Что же их объединяет? Для того чтобы определить природу *консервативного*, стоит обратиться к шести канонам консерватизма Расселла Керка. Керк выделяет следующие пункты [здесь и далее 13]:

- а) вера в трансцендентный порядок;
- б) заинтересованность в «тайне» человеческого существования;
- в) убеждение в необходимости социальных порядков и классов, отражающих объективные различия;
- г) вера в связь собственности и свободы;
- д) вера в обычаи, традиции и предписания.
- е) убеждение в том, что изменения должны быть постепенными и осторожными.

Расселл Керк, который сам являлся консерватором, жил в соответствии с этими канонами. Его постановка себя на второстепенную позицию, что особенно связано со вторым канонам, лучше всего отражена в том факте, что Керк написал свою автобиографию от третьего лица, так как его понимание консерватизма требовало приоритизации благодарности и счастья, а не значимости собственной личности [7]. В этих канонах и их применении для оценки Дональда Трампа необходимо проанализировать то, что именно ставит в приоритет президент США, когда он что-то делает или говорит. Это имеет значение, так как рассмотрение самой сути действий, местами схожих с политикой других республиканских президентов, может разойтись с рассмотрением персональной роли Трампа, которую он хочет добавить в каждое свое достижение. Помимо этого при обсуждении канон Керка важно обратить внимание на контекст, в котором его рамка оценки консерватизма была составлена. Этот контекст может быть описан как момент активного противостояния западного мира коммунистическому, причем не только в форме СССР и других стран Восточного блока, но и в форме сочувствующих левым идеям граждан самих западных государств [18]. Процесс написания текста Керка совпал с феноменом маккартизма в Америке, который был жестким ответом коммунистической угрозе, а подход Керка можно изобразить как более мягкую альтернативу, предлагающую положительные стороны консерватизма, а не только негативные стороны его оппонентов.

Также перед переходом к обсуждению конкретной политики Дональда Трампа мы не можем не обратить внимание на предыдущие исследования, оценивавшие консерватизм и упоминавшие каноны Расселла Керка. Предшественники Трампа из Республиканской партии, два президента из семьи Бушей, тоже анализировались с помощью этих канон, но с явным упором на их агрессивную внешнюю политику. Пол Готтфрид критикует Бушей за то, что они используют разные моральные стандарты для разных случаев в международной политике и не верят в естественные права других государств [6]. Для Готтфрида неоконсерватизм, к которому относились предыдущие поколения Республиканской партии, был более либеральным политическим течением, чем консерватизм. В нашей работе агрессия во внешней политике Трампа будет представлена как консервативное действие, так как она является продолжением традиций его партии, хотя с более метафизической точки зрения такой подход к роли США в мире не подошел бы под понимание Керка. Сам Трамп тоже не в первый раз появляется в одном предложении с Расселлом Керком.

Предыдущие авторы приходили к выводу о том, что агрессивность и желание разделять общество на «своих» и «чужих» в поведении Трампа автоматически противоречит тому, что закладывал в свои каноны Керк [22, 17]. Мы попробуем вернуться к данному вопросу и увидеть те стороны политики и риторики Трампа, в которых он близок к классическому пониманию консерватизма, и те стороны, где он действительно выстраивает новую идеологию, не сочетающуюся с идеями Расселла Керка.

Дональд Трамп как консерватор

Феномен Дональда Трампа, движение его последователей и группы его противников существенно размывают стандартные представления об идеологии, более привычные для американского контекста. Посмотрите на эти коалиции: на съезде Республиканской партии в первый день закрывающую программную речь произносит глава профсоюза дальнотойщиков Америки, а кампания Камалы Харрис выбирает гостем для заключительных дней избирательной кампании дочь вице-президента при Джордже Буше-младшем Лиз Чейни. Союзы и аффилиации, описывавшие американскую политику (в данном случае – профсоюзы с демократами и военно-промышленный комплекс с республиканцами) многие десятилетия, изменились из-за персоны Трампа, нарушившего привычный строй американской политики. По этой причине логично задаться вопросом: насколько справедливо говорить о Дональде Трампе как о консерваторе и относили ли его к этой идеологической группе предыдущие исследования идеологии американского президента?

Эра Трампа заставляет задуматься о том, насколько само понятие «консерватизм» начинает сдвигаться со своих предыдущих позиций. По мнению Хопкинса и Ноэла, из-за Трампа термин «консерватор» в американском контексте стал означать «сторонник Трампа», а любой противник деятельности президента начал автоматически быть «либералом», даже если либеральной идеологии не придерживался [8]. Этот вывод делается на основе опросных данных партийных активистов и сторонников Республиканской партии, которые решают, относится человек к «настоящим» консерваторам или нет, исходя из совместной работы этого человека с Трампом. Идеологическая идентификация может быть завязана на позитивном или негативном отношении к конкретным персонам, а не к политическим позициям, которые обычно ассоциируются с консерватизмом, утверждают авторы. Соответственно, Трамп – консерватор, потому что он сам является мерилем консерватизма. Это не единственная позиция в отношении идеологии Трампа. Его не помещают в категорию консерваторов из-за сомнений в стабильности его убеждений. По мнению Ли, единственное, во что верит американский президент, – это то, что поможет ему выиграть выборы [15], о чем свидетельствует и предпочитаемый Трампом способ общения с избирателями – на многочисленных встречах, называемых «ралли» (rallies), где целью общения является не передача идей, а выстраивание посыла избирателям, причем часто завязанного на создании образа конфликта между своими сторонниками и разнообразными элитами. Также в качестве аргумента против консерватизма Трампа использовалось противопоставление Республиканской партии и консервативной идеологии в целом. Барбер и Поуп доказывают в своем исследовании, что избиратели чаще реагируют на привязку определенной фразы к партии или личности, чем на суть фразы, поэтому республиканцы готовы поддерживать либеральные заявления, если их произносил Дональд Трамп [1].

Существует ли мнение, что Трамп действительно консерватор? Да, но оно больше выделяет те стороны консерватизма, которые в предыдущие эры, например, при Рональде Рейгане, играли второстепенную роль. В первую очередь речь про национальную идентичность американцев, к которой апеллирует Трамп. Консерваторы до 45-го и 47-го президента предпочитали выстраивать идентичность вокруг определенного поведения

людей: соблюдение законов, уважение иудео-христианских моральных норм, признание существующих социальных укладов. Трамп предпочитает более объективные идентичности, например, противостояние миграции, в особенности из мусульманских стран [19]. Проявление антиисламских настроений в качестве защиты существующей социальной структуры нашло отражение как в указах Трампа (изданный в первый срок и повторенный во второй срок запрет на въезд гражданам определенных стран), так и в риторике, где президент предупреждает своих сторонников о приходе «джихада» на американскую территорию.

Помимо антииммигрантской и антиисламской политики, консерватизм американского президента в его первый срок отмечали в международной политике. Хотя Трамп менял институциональную рамку и спорил с существующими игроками на международной арене, в первую очередь с НАТО, он все равно руководствовался консервативными и привычными для Республиканской партии принципами национальных интересов [20]. В своем давлении на КНДР и Иран в первый срок Трамп был схож со своими предшественниками, которые считали эти страны оппонентами США, а фокус на Китае как главном сопернике продолжает тенденцию геополитической борьбы с левыми силами, как это было во времена холодной войны. Второй срок Трампа, кажется, еще больше соответствует такому классическому представлению о консервативной американской внешней политике: в дни написания этого текста администрация Трампа выполняет мечту многих неоконсерваторов, например, сенатора Джона Маккейна, – бомбит Иран.

Вне зависимости от того, как конкретный исследователь оценивает консерватизм Трампа, все они соглашаются с мыслью о гибкости понимания своей идеологии 45-м и 47-м президентом США. Американский лидер не ставит себя в жесткие рамки, так как обладает существенным уровнем поддержки среди своих однопартийцев и может сам влиять на то, что подходит под «правильное» понимание консерватизма, а что нет. В рамках данной статьи будет предпринята попытка создать эти рамки за самого президента, чтобы подвергнуть консерватизм Трампа реальному анализу, а также соединить его действия с концепцией поляризации в США.

Трамп и каноны Керка

Проанализируем действия и слова Дональда Трампа в рамках канона Расселла Керка, а также в контексте проблемы поляризации. Первый канон Керка описывает веру в трансцендентный порядок со стороны консервативного политика или мыслителя. Хотя такой порядок, как описано выше, может принимать разные формы, стоит в первую очередь рассмотреть религиозную сторону вопроса. Дональд Трамп не известен как набожный христианин: он редко посещает богослужения и не замечен в крупных дотациях религиозным организациям. При этом Трамп еще во время своей избирательной кампании в 2024 году строил вокруг себя образ защитника христианства и сторонника увеличения роли религии в американском обществе. Ярким моментом кампании в религиозном отношении стало одно из выступлений оппонента Трампа, Камалы Харрис. Во время ее речи человек из толпы выкрикнул: “Jesus is Lord!” («Иисус есть Бог!») – на что Харрис ответила, что человек пришел на «неправильное мероприятие». Хотя это событие не подразумевало присутствие Трампа, он сам и его кампания активно использовали образ Харрис, отвергающей христиан, для создания противоположного образа Трампа, защищающего религиозных людей. Сам Трамп посещал церкви, в том числе афроамериканские приходы, собирал пасторов, которые молились с ним, а кандидат в вице-президенты Джей Ди Вэнс, услышав на своем выступлении ту же фразу “Jesus is Lord!”, ответил на нее словами «все верно, Иисус действительно Бог». Все это показало, что вера в трансцендентный порядок

играла важную роль в выстраивании позиций кампании Трампа. Более того, уже во время второго президентского срока, Трамп комментировал религиозные вопросы, выражая мнение о своей жизни после смерти. Когда речь заходила о его миротворческих амбициях, президент упоминал желание «попасть в рай» как мотивацию для завершения войн между разными странами, но в одном из разговоров с журналистами он сказал, что не верит, что может оказаться в раю, и это вызвало поддерживающую реакцию христиан – сторонников Трампа. Вера в трансцендентный порядок здесь совершенно очевидна.

Трансцендентный порядок выражается не только в форме религиозных убеждений, но и в форме веры в естественное право, упомянутое в предыдущей части данной статьи. В случае с Дональдом Трампом это убеждение работает намного хуже, чем убеждение в религиозном откровении, так как президент США не руководствуется правовыми нормами при принятии политических решений. Это выражается даже в его цитатах, в том числе в публикации изречения Наполеона Бонапарта: «Тот, кто спасает свою страну, не нарушает ни одного закона». Трамп обратился к этой цитате на фоне целого ряда решений американских федеральных судов, направленных против политики его администрации, в том числе по делу о праве детей нелегальных мигрантов на американское гражданство. Это право, данное 14-й поправкой к Конституции США, можно рассматривать через призму естественного права, так как оно было выдано афроамериканцам после многолетней дискриминации в период рабовладельчества на Юге США. По мнению северян и фракции Радикальных республиканцев, писавших поправки в послевоенные годы, право на гражданство является естественным для каждого, родившегося в Америке, но Трамп это рассматривает иначе, исключая детей нелегальных мигрантов и детей туристов, родившихся на территории США. Другие идеи американского президента, направленные против определенных прав человека, не были преобразованы в указы или законы, но остались в виде его постов в социальных сетях или цитат из его выступлений. Например, президент выступил против членов Конгресса из Демократической партии после их обращения к американским военным с призывом «не исполнять нелегальные приказы». Трамп посчитал это обращение подстрекательством к мятежу и написал в соцсетях, что наказанием может быть расстрел. Здесь есть явное противостояние позиции президента по конкретной ситуации с верой в свободу слова как неотъемлемое естественное человеческое право.

Связана ли вера (или ее отсутствие) в трансцендентный порядок с поляризацией? Да, потому что противники этой веры воспринимаются и подаются как противники базовых основ американского общества, особенно в контексте религиозной веры. Не зря ситуация с восклицанием «Иисус есть Бог!» началась как прямое противостояние с Камалой Харрис, не поддержавшей эту фразу. Сама кандидат Демократической партии и ее сторонники были объявлены кампанией Трампа противниками христианства и особенно католичества, которое исповедует вице-президент Вэнс. Такое выстраивание противоречия между религиозными и более секулярными сообществами уже увеличивает поляризацию, привязывая метафизическое значение к партийной аффилиации. Обратная взаимосвязь тоже возможна: уже существующая поляризация между последователями разных отношений к значению религии в американском обществе привела к тому, что Республиканская партия и ее кандидат вынуждены вставать на позицию сторонников веры в трансцендентный порядок для получения необходимой поддержки со стороны своего базового электората.

Вторым каноном Керка является заинтересованность в «тайне» человеческого существования. Данный подход противопоставляется униформному подходу к человеческому бытию и превозносит разнообразие личностей. Хотя слово «разнообразие» в контексте политики и идеологии Дональда Трампа обычно несет негативную окраску, так как президент противостоит продвижению расового и гендерного разнообразия на рабочих местах и в учебных заведениях. Приверженность Трампа и его окружения разнообразию

человеческого существования сохраняется и выражается в борьбе с глобализмом, который воспринимается как унифицирующий и «бездушный» подход к личности. При этом о полном совпадении с Трампа со вторым каноном говорить сложно, так как вместо фокуса на «тайне» человеческого существования президента больше интересует практическая реализация своей политики.

Борьба с «глобалистскими элитами» является важной фигурой речи как во внутренней, так и во внешней политике Дональда Трампа. Для внутренней политики эта борьба выражается как критика экономического интернационализма, негативно повлиявшего на состояние рабочего класса в США. Первый срок Трампа оставил интересное наследие в виде обновления договора с Мексикой и Канадой вместо NAFTA, после принятия которого в 1990-х годах американская промышленность переместилась в соседние, более дешевые страны. NAFTA можно отнести к униформному отношению к человеческому существованию, как будто свободная международная торговля одинаково положительно повлияет на всех людей. Альтернатива Трампа под названием USMCA имела незначительный эффект для мануфактур в США в сравнении со всем потерянным за предыдущие 25 лет, но президент подал эту сделку как большой успех своей торговой политики. Для нас важен эффект противопоставления «глобалистского» NAFTA и «национального» USMCA, причем эффект проецируется на внутреннюю аудиторию в виде рабочего класса, который должен поддержать Трампа и его действия. Во внешней политике та же самая борьба с униформным отношением к людям ведется через противостояние с крупными международными институтами, такими как ВОЗ, ЮНЕСКО и Совет по правам человека ООН. Трамп был несогласен с глобальной политикой этих организаций, поэтому вывел из них США и в свой первый срок, и в самом начале второго срока. Это тоже может свидетельствовать о его заинтересованности в разнообразии человеческого бытия, которому противостояли эти организации.

Полное совпадение политики Дональда Трампа со вторым каноном Керка не происходит из-за отдаления президента от концепта «тайны», понимаемого Керком в виде духовного и культурного разнообразия людей. Для Трампа это разнообразие достигается материальными параметрами: разными доходами, рабочими местами и условиями жизни. По сути, идеология Трампа сокращает человеческое бытие до экономических транзакций, которые должны быть «выгодными» и «победными» для США и сторонников президента. Вероятно, такое сокращение может быть связано с поляризацией по экономическим показателям, которая появляется на фоне глобализации. Разделение между «победителями» и «проигравшими» в выстраивании международной экономики XXI века может заменять «хозяев» и «рабочих» [12] в классических социальных размежеваниях С.М. Липсета и С. Роккана [14]. Трамп занимает сторону «проигравших» и пытается улучшить их положение в этой борьбе с «победителями», что автоматически увеличивает поляризацию между двумя группами. Так как в других размежеваниях, более связанных с духовной стороной бытия, президент не занимает такую явную позицию, то и второму канону соответствует скорее косвенно, чем напрямую.

Третий канон консерватизма, по Керку, заключается в убеждении о необходимости существования социальных классов, выражающих объективную разницу между группами людей. Этот канон, возможно, наилучшим образом соответствует консерватизму Трампа, хотя и здесь есть существенные различия, о которых будет сказано далее. Для демонстрации соответствия политики Трампа этому канону необходимо вернуться к его борьбе с «разнообразием» в формате DEI-инициатив. Выдача рабочих мест и квот в образовательных учреждениях представителям меньшинств в целях уравнивания классов противоречит консервативному убеждению в необходимости существования этих разделенных классов, поэтому указы Дональда Трампа, запрещающие DEI-политику, поддерживают консервативную позицию по этому вопросу. Также Трамп выступает за сохранение экономической иерархии,

критикуя социалистические инициативы своих политических оппонентов. Сокращение налогов, которое президент подписывал в оба свои срока, касалось всех американцев, но было наиболее выгодным для самых богатых, равно как и уменьшение регуляций бизнесов, что тоже выгодно для хозяев и топ-менеджеров в большей степени, чем для работников.

Наконец, сохранение существующих классов с объективной разницей отражается в миграционной политике Дональда Трампа, направленной на защиту американского общества от влияния со стороны иностранных социальных групп, меняющих жизнь американцев. Консервативной, с точки зрения этого канона, может быть даже нашумевшая фраза на тот момент кандидата Трампа о том, что мигранты из Гаити «едят кошек и собак». Хотя случаев употребления домашних животных в пищу не было отмечено, эта фраза в первую очередь связана с изменением социальной структуры небольшого города Спрингфилда в Огайо, где среди 50 тысяч белых американцев появились 15 тысяч чернокожих гаитян, не знающих английского языка.

В чем заключается расхождение Дональда Трампа с третьим канонам по Керку? Трамп использует риторическую критику «элит», представляя себя в качестве защитника рабочего класса, что демонстрирует его неполное согласие с необходимостью защиты традиционной иерархии. Эта критика реализуется в определенной политике президента, особенно во второй срок, когда он специально начинал конфликты с историческими институтами американского общества. Ярче всего это демонстрируется на конфликтах администрации президента с образовательными учреждениями, которых Трамп обвинял в расизме по отношению к белым и в антисемитизме. Вместо Гарварда, Йеля или Колумбийского университета, студентами которых часто являются представители богатых семей и самых успешных классов в американском обществе, администрация президента начала отдавать предпочтение новым образовательным учреждениям, более соответствующим требованиям Трампа. Это можно заметить в том, откуда президент берет федеральных судей в свой второй срок. Вместо юридических школ все тех же Гарварда и Йеля на первое место по количеству выпускников, назначенных президентом на высокие позиции, вышел университет Джорджа Мейсона, чья юридическая школа появилась в недалеком 1979 году. У Лиги плюща даты основания в XIX, а иногда и в XVIII веке. Здесь же можно отметить и борьбу Трампа с многолетними элитными фамилиями американской политики. Всю семью Бушей президент регулярно критиковал во время первой избирательной кампании и в первый срок, и в рамках своей кампании против Хилари Клинтон он упоминал выстраивание политической династии вслед за ее мужем, бывшим президентом Биллом Клинтоном.

Убежденность в необходимости сохранения порядков и классов неизбежно связана с поляризацией, так как вынуждает встать на ту или иную сторону в социальных конфликтах. В отношении экономического размежевания эта логика работает аналогично с той, что была описана в контексте второго канона, но здесь можно посмотреть и на размежевание между расами в США. Дональд Трамп борется против DEI-политики, чем сохраняет определенное разделение в возможностях белых и небелых американцев, например, при получении высшего образования. Уменьшение контактов между группами в образовательной среде, а также сам факт разницы в возможностях приводят к увеличению негативного отношения друг к другу между этими самыми группами. С точки зрения поляризации, это отрицательное последствие, но с точки зрения консервативной идеологии – необходимое и неизбежное. С одной стороны, Трамп противостоит резким изменениям социальной структуры американского общества, с другой – требует согласия и лояльности от классических элитных групп и классов, противостоя им в случае несогласия с самим Трампом по тем или иным политическим вопросам.

Четвертым канонам консерватизма является убежденность в связи свободы и личной собственности. Этот канон был ключевым для политики Республиканской партии

в предыдущие эпохи до Дональда Трампа: «рейганомика» 1980-х годов была построена на защите права собственности и ослаблении государственного влияния на американскую экономику, что близко связывалось с концептом свободы личности. При Трампе эта идея сохранилась, но видоизменилась, из-за чего сейчас говорить о полном соответствии «трампизма» четвертому канону было бы некорректно. При этом его экономическая политика явно рассчитана на защиту права собственности, и это вновь приводит нас к обсуждению налоговых реформ Трампа, уже упомянутых в каноне про социальные порядки и классы. Закон о сокращении налогов и рабочих местах 2017 года, как и один большой, прекрасный закон 2025 года, были рассчитаны на то, что многие американцы смогут сохранить больше заработанных денег, но при этом будут сокращены государственные выплаты тем же людям, в первую очередь в сфере здравоохранения и бесплатного продовольствия. Блага в этих сферах являются общественными в противовес деньгам, которые остаются у человека и как раз могут относиться к категории собственности. Но считает ли Трамп такую экономическую структуру путем к свободе? Да, так как он критикует обратный подход, сравнивая его с социалистическими и коммунистическими режимами, где уровень свободы в обществе ниже, чем в капиталистических Соединенных Штатах. На основании этого Трамп спорит с самыми левыми представителями Демократической партии, такими как Зоран Мамдани, и называет их коммунистами, по сути, приравнивая к предыдущим поколениям представителей левых идей.

Противоречия между политикой Трампа и канон о собственности наблюдаются в его персональном вмешательстве в экономику, особенно когда речь идет о международной торговле. Протекционизм Трампа, выражающийся в высоких пошлинах и односторонних торговых войнах, нарушает принцип свободной торговли через государственные границы, и это не может не вредить собственности тех людей, которые зарабатывали с помощью такой торговли десятилетиями. В сравнении с Расселлом Керком, поддерживавшим мягкие законы рынка и естественное право в экономике, Трамп руководит торговлей своей «видимой» рукой и на первое место ставит принцип предпочтения национальных интересов одной страны вместо любых универсальных правил. Нельзя не сказать и о триумфализме Трампа в экономической сфере. Для него главной целью торговых переговоров всегда является не взаимная выгода, а «победа» США, которую он мог бы объявить. Это никак не соотносится с фокусом на праве собственности, так как Трамп ставит во главу угла успех всего государства, а не каждого частного участника экономических отношений в отдельности. В какой-то степени американский президент продвигает коллективистский подход, только вместо известного подхода Карла Маркса Трамп предлагает восприятие всех американцев как одного большого коллектива, побеждающего благодаря его политике.

Канон о собственности и свободе связан с поляризацией через уже упомянутое размежевание между разными экономическими группами. Сохранение и продвижение права собственности в условиях ограниченных ресурсов неизбежно отодвигает людей, собственностью не обладающих, от возможности ее приобрести. Налоговая политика Трампа, поддерживая право человека на самостоятельное распоряжение своими деньгами, уменьшает доступ к бесплатным медицинским услугам и продовольствию для малоимущих граждан, что с высокой долей вероятности увеличивает негативное восприятие противоположной социальной группы со стороны этих людей без ресурсов. Заметим, что здесь, в отличие от канона про «тайну» человеческого бытия, Дональд Трамп занимает сторону «победителей» в экономической игре, и его политика больше на руку тем, у кого уже есть какая-либо собственность. Соответственно, американский президент может одновременно увеличивать поляризацию между экономическими группами с двух сторон: одним он помогает сохранять и преумножать свою собственность, другим обещает поддержку и выстраивание справедливости после десятилетий нечестной торговли, работавшей на благо первых.

Важной стороной консерватизма Дональда Трампа является пятый канон по Керку, а именно вопрос сохранения американских традиций. Здесь нужно провести некоторое разделение между именно традициями и проявлениями патриотизма. К проявлениям патриотизма у Трампа можно отнести новые действия, придуманные президентом и его командой для восхваления Америки, а сохранение традиций проявляется во внимании президента к регулярным активностям и мероприятиям, имеющим значение для американцев. Такими традиционными мероприятиями можно считать спортивные события, на которых Дональд Трамп регулярно бывает по ходу своего второго срока. Уже спустя две недели после вступления в должность он стал первым действующим президентом, посетившим финал Национальной футбольной лиги – Супербоул, – который каждый год смотрят 120+ миллионов американцев. Также за свой первый год в должности Трамп был на автогонке «Дайтона 500», финале университетского чемпионата США по борьбе и по американскому футболу, а также в финале теннисного турнира «US Open». Все эти соревнования – определенная традиция для очень любящей просмотр спортивных состязаний Америки, но особое внимание стоит уделить университетским мероприятиям.

Поляризация сторонников Дональда Трампа происходит с помощью использования консервативных и националистических принципов. Президент и его окружение утверждают, что согласный с их идеями человек по-настоящему любит свою страну, а противник этих идей, соответственно, Америку ненавидит. Такое позиционирование приводит к повышению аффективной поляризации, так как конструируется образ оппонента как антиамериканской фигуры. Примером такого конструирования может стать обращение Дональда Трампа к Конгрессу в феврале 2026 года. Во время своей речи президент предложил встать тем политикам, которые согласны с утверждением, что они должны быть лояльны американским гражданам, а не нелегальным мигрантам. Все представители Демократической партии в зале остались сидеть, позже объяснив свое поведение нежеланием делать то, что им указывает Трамп. Но президент добился своей цели именно потому, что демократы остались сидеть, а республиканцы встали. Так он смог показать всем своим сторонникам (и независимым избирателям тоже), что демократы не любят Америку, а значит, являются теми самыми антиамериканскими фигурами, которых не будет любить настоящий патриот США. Безусловно, такой шаг в первую очередь имел под собой электоральные цели: Трампу нужна хорошая реклама перед промежуточными выборами, на которых Демократическая партия воспринимается как лидер и фаворит. Но нельзя отрицать и вероятный эффект этого момента на аффективную поляризацию: ассоциация политического оппонента с непатриотичными взглядами не может улучшить отношение к этому оппоненту.

Далеко не все обычаи, традиции и предписания уважаются Дональдом Трампом и считаются им достойными сохранения. В первую очередь это касается тех традиций, которые противоречат личным интересам президента. По ходу своего первого срока Трамп пропустил все вручения премий Центра Кеннеди, которые по традиции посещали все американские президенты до него, а также ни разу не появился на обеде Ассоциации корреспондентов Белого дома, хотя и это является традицией для занимающих его должность. Главная причина заключалась в том, что Трамп находился в конфликте с вашингтонскими элитами, особенно с медиа, во время всего своего первого срока, и его появление на таком мероприятии в основном вызвало бы критику и разговоры о его персоне. Но нельзя не отметить и противопоставление Трампом себя и других президентов, недостаточно представлявших народ. Мероприятия в Центре Кеннеди и в Ассоциации корреспондентов – вечера для тех, кто носит «костюм и галстук», а Трамп предпочитал быть с «настоящими» американцами, например, с военными. Но в свой второй срок президент уже был на вручении премий Центра Кеннеди и даже провел это вручение, а также анонсировал свое появление на обеде Ассоциации корреспондентов. То есть он возвращается

к президентским традициям, но только потому, что уже не находится в таком конфликте с медиа и другими важными деятелями американской столицы, как в первый срок. Из этого можно сделать вывод о том, что традиции и обычаи для президента не представляют ценности сами по себе, как должно быть с точки зрения консервативного канона, а полезны только тогда, когда выгодны политике президента.

Заключительный канон Расселла Керка, через который можно рассмотреть Дональда Трампа, заключается в убежденности в постепенных и осторожных изменениях, а не радикальных преобразованиях. Как и в предыдущих случаях, мы увидим здесь двух разных Трампов: один противится преобразованиям своих политических оппонентов, в том числе из-за их поспешности и радикальности, а другой сам проводит или по крайней мере поддерживает реформы, которые быстро меняют общество. В случае с критикой реформ речь больше идет о кардинальных социальных изменениях, чем о принятии меняющихся Америки законопроектов. Главная сфера, где Трамп стоит на пути резких изменений, – это миграция. Изменение национального, языкового и религиозного состава США считается в его окружении проблемным феноменом, из-за чего Трамп своим указом сделал английский язык единственным государственным языком страны, а также установил новые правила приема беженцев, по которым в США приезжают только белые граждане Южно-Африканской Республики. Весь процесс депортаций, хотя и связан с криминалом, играет роль в борьбе с резким изменением структуры американского общества, так как деятели национальных сообществ покидают страну и роль их сообществ уменьшается. Помимо политических решений, борьба с резкими переменами отражалась в риторике Трампа во время президентства Джо Байдена, который был раскритикован своим предшественником за «открытую» границу с Мексикой. Уже упомянутая фраза на дебатах с Камалой Харрис про гаитянцев и домашних животных тоже связана с этими общественными изменениями: Трамп недоволен тем фактом, что в городе Спрингфилде национальный состав уже не похож на тот, что был раньше.

Несмотря на свои позиции против определенных социальных процессов, Трамп вряд ли является сторонником сдерживания себя в ситуациях, когда какую-либо реформу проводит он сам или его сторонники. Осторожность, на которую обращает внимание Керк, не присуща Трампу: он поддерживает резкие движения и выступает за снос существующих рамок в случае, если они стоят на пути его желаний. В подтверждение этой идеи можно упомянуть хотя бы агрессивное использование американским президентом своего права издавать указы. Трамп не выбирает более длительный и постепенный путь принятия реформ, он издает всеобъемлющие указы, в том числе с резкими реформами, таким как закрытие Министерства образования США. Трамп, безусловно, не имеет возможности закрыть министерство без согласия Конгресса, но его желание уже говорит об открытости к резким реформам. Еще одним важным отличием от канона Керка является то, чем руководствуется президент при принятии решения о начале реформы. Действия Трампа завязаны на его персоне, и собственную оценку ситуации президент автоматически считает правильной. Метафизическая помощь в изменении законов США Трампу совершенно не нужна.

Поляризация близко связана с понятием реформ, так как они разделяют общество на поляризованные группы бенефициаров реформы и проигравших от ее введения. В случае с Дональдом Трампом, его выбор вводить резкие реформы без консультации с другими органами, в первую очередь Конгрессом, без сомнения, ставит многих людей в положение противников тех, кто поддерживает деятельность президента. Здесь мы приходим к максимально стандартному пониманию аффективной поляризации: это в первую очередь не столкновение между бедными и богатыми, которое проявлялось в описании предыдущих канонов, а ненависть сторонников республиканцев и демократов друг к другу. Сторонники Трампа чаще всего поддерживают его реформы и считают, что они получают блага от того,

что он вводит в американском обществе, даже если на деле это не так. Противники американского президента, чаще всего сторонники Демократической партии, считают реформы Трампа злом, хотя в каких-то ситуациях и они могут получить от этих реформ блага. Соответственно, когда Дональд Трамп и его администрация реализуют реформы, они только увеличивают поляризацию между сторонниками и противниками двух партий в США.

Заключение

Если рассматривать деятельность и риторику президента Дональда Трампа через очень конкретные параметры, заданные Расселлом Керком, то можно прийти к выводу о нестабильности соответствия канонам и о высокой свободе использования консервативных принципов в тех ситуациях, которые президенту наиболее выгодны. Он защищает существующие социальные структуры, если эти структуры его поддерживают, а те, которые не поддерживают, наоборот, разрушает или уменьшает их социальное значение. Он уважает традиции, если они могут помочь его публичной персоне, но игнорирует или критикует те традиции, которые могут ударить по его репутации. Наконец, он выстраивает антиглобалистскую политику, противясь унификации американского гражданина со всем остальным миром, но при этом рассматривает собственное население как единую группу потенциальных бенефициаров своих «побед». Получается, что Трамп – консервативный политик, но только в случае отсутствия собственных издержек от соответствия консервативным правилам. Но во всех случаях, вне зависимости от полного или частичного соответствия канонам консерватизма, деятельность Трампа добавляет новые причины для увеличения поляризации в США.

Дальнейшие исследования, связанные с вопросом идеологической идентификации президента США, могут быть сфокусированы на проявлении той или иной стороны консерватизма в конкретных сферах деятельности Трампа. Например, внешняя политика американского президента, ставшая в эти дни центром внимания мировой общественности, настолько разнообразна и нестабильна, что ее уровень консервативности можно изучать с разных сторон и прийти к разным результатам. Также можно говорить про большие общественные столкновения, в которых Трамп не занимает постоянную позицию и пытается их от себя отдалить. В первую очередь это касается вопроса абортов, который президент не комментирует и полностью передает в руки правительств штатов. Вероятно, таких спорных вопросов, где деятельность и риторика Трампа вряд ли подойдут под классическое понимание консерватизма, может быть множество, и поэтому они могут стать важным полем для изучения идеологии нынешнего президента США.

Литература

1. Barber, M., & Pope, J.C. Does Party Trump Ideology? Disentangling Party And Ideology in America // *American Political Science Review*, 2018. 113(1), P. 38–54.
2. Bekafigo M.A., Stepanova E.V., Eiler B.A., Noguchi K., Ramsey K.L. The effect of group polarization on opposition to Donald Trump // *Political Psychology*. 2019. No 40 (5). P. 1163–1178.
3. DiMaggio P., Evans J., Bryson B. Have American's social attitudes become more polarized? // *American Journal of Sociology*. 1996. No 102 (3), P. 690–755.
4. Fiorina M.P., Abrams S.J. Political polarization in the American public // *Annual Review of Political Science*, 2008. No 11 (1). P. 563–588.
4. Fiorina M.P., Abrams S.J., Pope J.C. Polarization in the American public: Misconceptions and misreading // *The Journal of Politics*. 2008. No 70 (2). P. 556–560.
6. Gottfried P. *Conservatism in America: Making sense of the American right*. New York: Springer, 2007.
7. Henrie M.C. Russell Kirk and the conservative heart // *Intercollegiate Review*, 2003. No 38 (2).
8. Hopkins, D. J., & Noel, H. Trump and the shifting meaning of "conservative": Using activists' pairwise comparisons to measure politicians' perceived ideologies // *American Political Science Review*, 2021. 116(3), P. 1133–1140.
9. Hout M., Maggio C. Immigration, race & political polarization // *Daedalus*. 2021. No 150 (2). P. 40–55.
10. Iyengar S. et al. The origins and consequences of affective polarization in the United States // *Annual Review of Political Science*. 2019. No 22 (1). P. 129–146.

11. *Jacobson G.C.* The triumph of polarized partisanship in 2016: Donald Trump's improbable victory // *Political Science Quarterly*. 2017. No 132 (1). P. 9–41.
12. *Kinder D.R., Kalmoe N.P.* Neither liberal nor conservative: Ideological innocence in the American public. Chicago: The University of Chicago Press, 2017.
13. *Kirk R.* The conservative mind. Washington, DC: H Regnery Company, 1953.
14. *Kriesi H.* The transformation of cleavage politics: The 1997 Stein Rokkan lecture // *European Journal of Political Research*. 1998. No 33 (2). P. 165–185.
15. *Lee M.J.* Considering political identity: Conservatives, republicans, and Donald Trump // *Rhetoric & Public Affairs*. 2017. No 20 (4), P. 719–730.
16. *Lipset S.M., Rokkan S.* Cleavage structures, party systems, and voter alignments: An introduction. New York City: Free Press, 1967.
17. *McCann C.* Up from Populism: Re-visiting the thought of Russell Kirk in a time of divisive politics. Windsor: Dissertation, University of Windsor, 2019.
18. *McDonald, W.W.* Russell Kirk and the age of ideology. Columbia, MO: University of Missouri Press, 2004.
19. *Pertwee E.* Donald Trump, the anti-Muslim far right and the new conservative revolution // *Ethnic and Racial Studies*. 2020. No 43 (16). P. 211–230.
20. *Popescu I.* Conservative internationalism and the Trump administration? // *Orbis*. 2018. No 62 (1), P. 91–104.
21. *Riera P., Madariaga A.G.* Overlapping polarization: On the contextual determinants of the interplay between ideological and affective polarization // *Electoral Studies*. 2023. No 84. P. 102–628.
22. *Trepanier L.* Reflections on Russell Kirk // *Humanitas*. 2019. No 32 (1/2). P. 4–13.
23. *Wagner M.* Affective polarization in Multiparty Systems // *Electoral Studies*. 2021. No 69. P. 102–154.
24. *Webster S.W., Abramowitz A.I.* The ideological foundations of affective polarization in the US electorate // *American Politics Research*, 2017. No 45 (4). P. 621–647.

Аннотация. Политическая поляризация является феноменом, неразрывно связанным с деятельностью Дональда Трампа с 2015 года. По мнению некоторых исследователей, именно поляризация стала причиной его победы на выборах. Другие считают, что поляризация выросла из-за Трампа, а до его появления на политической арене население США было куда более единым. В данном исследовании поляризация при Трампе будет связана с его деятельностью и риторикой, рассмотренными с точки зрения их соответствия консервативной идеологии. Консервативность президента оценивается с помощью канонов консерватизма Расселла Керка. В статье анализируется, насколько Трамп консерватор, с точки зрения Керка, и как поляризация сочетается с той или иной консервативной политикой американского президента.

Ключевые слова: Политическая поляризация, аффективная поляризация, консерватизм, каноны консерватизма, внутренняя политика США.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Поступила в редакцию 1 декабря 2025. Принята к печати 9 декабря 2025.

Gleb I. Ignatjev, Post-graduate Student, Political Sciences School, Instructor, National Research University "Higher School of Economics". E-mail: gignatjev@hse.ru

Donald Trump and Russell Kirk's Canons of Conservatism

Abstract. Political polarization is the phenomenon inseparably linked to Donald Trump's political activities since 2015. According to some researchers that polarization was the reason for Trump's victory in the elections. Others argue that polarization has grown because of Trump, and that the US population was much more united before his emergence on the political scene. In the present article the author links polarization under Trump to his actions and rhetoric, examining their alignment with conservative ideology. The president's conservatism will be assessed in this paper using Russell Kirk's canons of conservatism. The study will determine how conservative Trump is through Kirk's perspective and how polarization is compatible with the American president's various conservative policies.

Keywords: Political Polarization, Affective Polarization, Conservatism, Canons of Conservatism, USA Domestic Politics.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Received: December 1, 2025. Accepted: December 9, 2025

Национальный консерватизм как вызов американскому статус-кво

Американские национальные консерваторы, натконы (англ. national conservatism, natcons), представляют собой политико-интеллектуальную традицию, которая возникла в ответ на кризис либерального порядка и усталость от неолиберальной глобализации. В основе этого течения лежит стремление восстановить целостность национального государства, укрепить национальный суверенитет и культурно-религиозную идентичность, противопоставляя их универсалистским проектам и транснациональным элитам. Кристаллизация натконов началась в 2010-х годах и укрепилась с приходом к власти Дональда Трампа, благодаря которому произошел передел идеологической власти и перемонтаж американской институциональной системы [1]. Национальный консерватизм оформился как «зонтичный» феномен, объединивший националистов, постлибералов, федеральных реформаторов и конституционалистов, которые создают разветвленную сеть аналитических, медиа и кадровых центров, претендующих на роль нового ядра американской правой политики. В этих условиях национальный консерватизм все отчетливее проявляет себя как структурный вызов американскому статус-кво, одновременно полемизируя с либеральной гегемонией и пересобирая сам консерватизм за счет разрыва с фузионистским и неоконсервативным наследием.

Распад старого консенсуса

Любое идейное явление формируется через своего оппонента, то есть моделирует себя через конфликт с определенным набором практик (реальных или воображаемых), относящихся к определенной политической реальности. Подобный взгляд понуждает нас рассматривать все идеологии как реакционные или утопичные в их «подрывной» коннотации вопреки ошибочной привычке постулировать «паразитический» характер консерватизма [2]. В таком противостоянии и по мере его развития кристаллизуются противники, формируются характерные для них линии аргументации и практических действий, которые, впрочем, и сами являются не чем-то неизменным, а, скорее, той же берковской меняющейся традицией, перестраивающейся по мере изменения характера ситуаций и, следовательно, параметров и условий конфликтов, развертывание которых определяет конфликтующих оппонентов.

Это отчетливо видно в ситуации с консерватизмом, который в целях стабилизации общества и обеспечения его развития вынужден реагировать на широкий спектр догматических систем в разных исторических и культурных контекстах, тем самым порождая

Исмагилова Арина Тимуровна, аспирант департамента политики и управления, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; младший научный сотрудник Института философии РАН. E-mail: ismagilova.A.T@hse.ru

разные свои версии. Для национального консерватизма таким противником – новой проблемой, новым олицетворением губительной социальной инженерии – стал именно неолиберальный глобализм (либерализм / неолиберализм / глобализм / транснационализм / империализм / глобальная интеграция / прогрессивизм / воукизм – натконы используют данные понятия как тождественные¹). До либерализма и неолиберализма не было таких опасностей, которые под знаменем свободы стали дорогой к рабству, а под знаменем морального эталона привели к нейтрализации человеческой воли. Эту неоднозначность достаточно хорошо артикулировал в свое время Армин Молер, указывая на разницу «этики слова» и «этики ответственности» [3].

Тиражируемый в свое время «конец идеологии» американского социолога Даниела Белла или более поздний фукуямовский догмат об отсутствии жизнеспособных альтернатив либерализму стали символом консенсуса вокруг глобализации, либерализации и демократизации как «морально желательных» векторов развития всех политических систем – это касалось как архитектуры международных отношений, так и государственных систем отдельных стран. Однако «несмотря на первые успехи США и их союзников в построении либерального международного порядка, этот порядок содержал в себе семена собственного краха» [4]. Патрик Денин, теоретик постлиберализма, отмечает, что «либерализм потерпел неудачу не потому, что не оправдал ожиданий, а потому, что остался верен себе. Он потерпел неудачу, потому что преуспел. По мере того, как либерализм все больше становился самим собой, как его внутренняя логика становилась все более очевидной, а противоречия отчетливо проявлялись, он порождал патологии, которые одновременно являются искажениями его утверждений и воплощением либеральной идеологии» [5].

Фундаментальную трансформацию жизненных условий, утверждает американский публицист Род Дреер, обеспечили «последствия войны [Первой мировой – А.И.], которые ускорили отказ от традиционных источников культурного авторитета. Сексуальная мораль ослабла. Возникли новые стили искусства и литературы, сознательно и окончательно порывая с дискредитированными ценностями довоенного мира. Западная цивилизация уже давно отказывалась от христианства, но все еще ощущала прогресс и цель, которые могли бы объединить ее и дать своим народам направление и порядок в жизни. Ничто из этого прогресса – ни научный, ни технологический, ни экономический, ни политический, ни социальный – не помешало Европе превратиться в склеп» [6]. Для описания этой трансформации Дреер использует концепцию британского социолога Зигмунта Баумана, утверждая, что в тот период «Запад перешел от “твердой современности” (периода социальных изменений, которые все еще были достаточно предсказуемыми и управляемыми) к “текучей современности” (нынешнему состоянию, в котором изменения происходят настолько быстро, что никакие социальные институты не успевают затвердеть)» [6].

«Гиперглобализация вызвала ряд экономических проблем, которые подорвали легитимность либерального мирового порядка в государствах, составляющих ядро этой системы, а гнев часто был направлен против либеральной элиты, которая извлекала выгоду из этого порядка и защищала его» [7]. Натконы и сами признают, что никто не ожидал, что следующим крупным событием XXI века станет национальное государство – «артефакт из далекого прошлого, который внезапно стал глобальным явлением, движущей силой политики в США и во всем мире... Политические консерваторы вдохновлены националистическим пробуждением

¹ Более того, один из теоретиков национального консерватизма Йорам Хазони приводит список слов-маркеров империалистического новояза: новый мировой порядок, все более тесный союз, открытость, глобализация, глобальное управление, объединенный суверенитет, порядок, основанный на правилах, универсальная юрисдикция, международное сообщество, либеральный интернационализм, транснационализм, американское лидерство, американский век, однополярный мир, незаменимая нация, гегемон, субсидиарность, игра по правилам, правильная сторона истории, конец истории и т.д.

(nationalist awakening)» [33]. Сформировался парадокс глобальности национального консерватизма в духе «националисты всех стран, объединяйтесь». Ядром натконов остаются США, вместе с тем их политические позиции сильны в Великобритании (Найджел Фарадж), Венгрии (Виктор Орбан) и Польше (Кароль Навроцкий).

Усиление консерватизма и национализма называется сторонниками прежнего порядка в журналистике и академической среде угрозой для демократии, либерализма и прочих атрибутов старого миропорядка, равно как опасность воспринимаются и другие идейные группы, которые разделяют общий набор идей, маркируемый как «нативистский» (nativist), «суверенистский» (sovereigntist), «нелиберальный» (illiberal), «националистический» (nationalist), «популистский» (populist) или «крайне правый цивилизационизм» (far-right civilisationist) [8]. Важной проблемой остается разграничение консерватизма и популизма, поскольку возникает ощущение о сознательной дискурсивной стратегии по размыванию и маргинализации текущей консервативной волны через маркировку современных консерваторов как популистов или экстремистов.

Период конца 2000-х и начала 2010-х годов был ознаменован формированием серьезной оппозиции (backsliding / backlash) разрушительным тенденциям на уровне национальных государств. Ощущение, что что-то идет не так, стало складываться у многих людей еще перед 2016 годом, формируя потребность в разрыве с существующей идеологической догмой – исключением не стали и натконы. К примеру, теоретик постлиберализма Патрик Денин закончил свою книгу “Why Liberalism Failed” [5] летом 2016 года. Перешедший в православие консервативный журналист Род Дреер выпустил свой бестселлер “The Benedict Option” [6] в 2017 году. А главный теоретик национального консерватизма Йорам Хазони в 2018 году опубликовал свой скандальный манифест национализма “The Virtue of Nationalism” [9]. В 2019 году стартовали Конференции национального консерватизма в США и Европе – ключевой проект натконов, где правые интеллектуалы, политики и журналисты получали пространство для новой дискуссии. Переход в новую парадигму осуществлялся и целыми институтами – Edmund Burke Foundation, Claremont Institute, Heritage Foundation, Center for Renewing America, журналы “First Things”, “National Review”, “American Compass” и др. Именно сильная институциональная представленность сделала национальный консерватизм самой влиятельной группой, а члены старой консервативной элиты стали говорить о феномене “natcon take over” [10].

Так произошло возникновение нового структурного конфликта, который в политико-экономическом выражении представляет столкновение «победивших» и «проигравших» от глобализации. Ученые используют разные термины для обозначения данного системного кризиса: “GAL-TAN” (“Green-Alternative-Libertarian” и “Traditional-Authoritarian-Nationalist”) [11], «интеграция – демаркация» [12], «универсализм – коммунитаризм» [13], «космополитизм – коммунитаризм» [14], «космополитизм – парохиализм» [15], «транснациональный раскол» [16] и др. Оппозиция правый / левый сделалась универсальной, и это не могло не повлиять на точность ее употребления [17], поэтому для текущей конфигурации она скорее носит вспомогательный характер и имеет смысл только как элемент самоидентификации, а не как категория, в которой можно сформировать какой-либо идеальный тип.

Натконы для описания этого социально-политического раскола используют [18] схему “anywheres – somewheres” [19], предложенную британским журналистом Дэвидом Гудхартом. Anywheres («бескорневые», «вездесущие») – это прогрессивные индивидуалисты, космополитичные, образованные, мобильные и сетевые люди. Их привязанность к месту вторична, они склонны считать национальные различия сомнительными, национальные границы помехой, а различные правила иррациональными (либеральные прогрессисты/классические либералы или либертарианцы). Somewheres («почвенники») укоренены в местных сообществах. Их работа, отдых, обязательства, дружеские связи являются

неотъемлемой частью семьи, района, клуба по интересам и религии. Они подвержены влиянию местного правительства, поскольку не склонны к голосованию ногами.

Теоретические основы национального консерватизма

Национальные консерваторы сфокусированы на продвижении антилиберального консерватизма через применение разных акцентов и стратегий в общественном пространстве. Натконы уже стали частью мейнстрима, о чем свидетельствуют их институализация, политическая представленность текущей администрацией, они занимают профессорские должности, являются госслужащими или журналистами с широким дискурсивным и медийным охватом. Институциональной базой американских натконов выступает основанный в январе 2019 года Фонд Эдмунда Берка (Edmund Burke Foundation, Вашингтон). Среди спонсоров Фонда есть несколько интересных учреждений: Национальный фонд христианской благотворительности (National Christian Foundation – крупнейший грантодатель для христианских организаций, шестая крупнейшая НКО в США), Общество здравого смысла (Common Sense Society – аффилированный с натконами фонд), Donors Trust (крупный антилиберальный фонд), Благотворительный фонд Goldman Sachs (Gs Donor Advised Philanthropy Fund), Фонд Томаса Клингенштейна – президента Института Клермонта и мегадонора Дональда Трампа и республиканцев на выборах 2024 года (Thomas Klingenstein Fund) и др.

15 июня 2022 года Фонд выпустил Заявление о принципах (“National Conservatism: A Statement of Principles” – составители Уилл Чемберлен, Кристофер Де Мут, Род Дреер, Йорам Хазони, Дэниел Маккарти, Джошуа Митчелл, Н.С. Лайонс, Джон О’Салливан и Рассел Рино от имени Edmund Burke Foundation, всего подписались 84 человека): «...мы подчеркиваем идею нации, потому что мы видим мир независимых наций, каждая из которых преследует свои собственные национальные интересы и поддерживает свои собственные национальные традиции, как единственную подлинную альтернативу универалистским идеологиям, которые сейчас стремятся навязать гомогенизирующую, разрушающую локальность империю по всему миру» [34]. В рамках данного заявления натконы выдвигают 10 принципов, посвященных следующим темам: национальная независимость (National Independence), отказ от империализма и глобализма (Rejection of Imperialism and Globalism), национальное правительство (National Government), Бог и публичное вероисповедание (God and Public Religion), верховенство закона (The Rule of Law), свободное предпринимательство (Free Enterprise), государственные исследования (Public Research), семья и дети (Family and Children), миграция (Immigration), раса (Race) [34].

Сложность исследования феномена национального консерватизма заключается в его двухуровневой структуре. С одной стороны, натконы, как уже говорилось выше, выступают как влиятельная интеллектуальная школа, активно формирующая новый дискурс, с другой – как непосредственные участники развернувшейся политической борьбы. В основе типологизационной модели предлагается использование идейно-ролевого критерия, который учитывает как дискурсивное многообразие, так и те роли, которые исполняет каждая группа (теоретическая / административная / планирование / подготовка кадров / электоральная и т.д.) в продвижении идей:

- *националисты* (Йорам Хазони, Кристофер Демут, Рассел Рино, Майкл Линд, Кристофер Руфо, Рич Лоури);
- *постлибералы* (Патрик Денин, Род Дреер, Джон Фонте, Альберт Молер-мл., Чад Пекнольд, Эдвард Фезер, Адриан Вермюль, Уильям Вулф);
- *федеральные реформаторы* (Кевин Робертс, Рассел Воут, Скотт Йенор, Райан Нойхаус, Пол Дэнс, Орен Касс);

– конституционалисты (Чарльз Кеслер, Майкл Энтон, Ювал Левин, Том Клингенштейн, Ларри Арнн, Райан Уильямс, Джон Истман, Дэвид Азеррад).

Националисты предлагают абсолютизированное противопоставление национализма (порядок, основанный на независимых национальных государствах) и либерализма (новая либеральная империя) как ключевой дихотомии современного мира: «...либо вы поддерживаете идеал международного правительства или режима, который по желанию навязывает свою волю подчиненным странам; либо вы считаете, что страны должны свободно выбирать свой собственный курс без всякого международного правительства» [9]. Опираясь на идеи Рассела Керка (не принимая его взгляд на регионализм и рабство), Фридриха Хайека (хотя «идея спонтанного развития не оставляет пространства для государства») и критикуя послужившие источником либерального империализма концепции Джона Локка о согласии и происхождении государства как утопическую лезть, не отражающую реальный политический мир (а также Жан-Жака Руссо, Иммануила Канта, Айн Рэнд, Джона Роулса, Людвиг фон Мизеса, Лео Штрауса и других сторонников рационалистического подхода либеральной программы), Йорам Хазони утверждает важность взаимной лояльности, связывающей людей в семье, племена и нации, из которых человек получает определенное религиозное и культурное наследие и традиции [9]. Националисты выступают как организационное публичное ядро движения, обеспечивая пространство для дискуссии через Конференции национального консерватизма и выстраивая сети контактов среди разных общественных деятелей.

Постлиберализм (иногда христианские националисты / христианские интеграллисты / аристократы / консерваторы общего блага / философы естественного права) опирается на католическую социальную мысль, в частности – учение о субсидиарности, социальной справедливости и телеологической природе политики. В среде постлибералов некоторое время наблюдалась конкуренция между «выбором Токвиля» (стратегия политического участия) и «выбором Бенедикта» (стратегия «ухода» из либерального общества) [20], но в 2024 году движение получило шанс на слишком серьезные перемены, чтобы от них отказываться.

Постлибералы интерпретируют современный кризис либерализма как следствие внутреннего противоречия между его моральным универсализмом и радикальным индивидуализмом. Они настаивают, что подлинная свобода предполагает не освобождение от социальных и моральных ограничений, а способность человека реализовывать себя в рамках устойчивого и взаимозависимого социального порядка. Согласно позиции постлибералов, государственная власть должна активно обеспечивать условия для процветания семьи, трудовых сообществ и моральной культуры. В рамках этой доктрины экономическая политика трактуется сквозь призму просемейных и протрудовых мер (тарифная защита, поддержка внутреннего производства), а внешняя политика – через принцип ограниченного интервенционизма и стратегического реализма.

Патрик Денин подчеркивает, что «политическая система разрушена, а социальная ткань изнашивается, особенно по мере того, как растет разрыв между имущими и обездоленными, расширяется враждебный раскол между верующими и светскими людьми, сохраняются глубокие разногласия по поводу роли Америки в мире» [5]. «Вместо того чтобы рассматривать нарастающую катастрофу как свидетельство нашей неспособности соответствовать идеалам либерализма, нам нужно ясно увидеть, что руины, которые он создал, являются признаками его успеха» – это “bankruptcy of its underlying political philosophy”. Кризис управления – кульминация либерального порядка. Автономное «я» подчиняется суверенной траектории тех самых сил, которые сегодня принимаются как инструменты нашего освобождения. Этатизм способствует индивидуализму, а индивидуализм требует этатизма. Денин прослеживает эту логику через генеалогию либерализма, критикуя Ник-

коло Макиавелли, Рене Декарта, Томаса Гоббса, Фрэнсиса Бэкона, Джона Локка, Джона Стюарта Милля, Джона Дьюи и Ричарда Рорти – архитекторов проекта, где политическая форма растворяет моральные и социальные узы.

Федеральные реформаторы связаны с аналитическим центром Heritage Foundation и занимаются кадровой подготовкой и разработкой политических стратегий. Наиболее значительным результатом деятельности этой группы стал «Проект-2025» (авторы и соавторы) – комплексная инициатива, включающая 922-страничный документ «Мандат на лидерство», кадровый резерв для администрации, курсы для ее сотрудников и руководство для первых 180 дней новой администрации Трампа. Кевин Робертс является президентом Heritage Foundation с 2021 года. Робертс определяет стратегическое направление фонда, фокусируясь на продвижении консервативных идей в сферах образования, здравоохранения, безопасности границ, целостности выборов и противодействии «социалистической повестке». Под его руководством фонд усилил влияние на федеральную политику, сфокусировавшись на институционализации трампизма и расширив работу на уровне штатов и через Heritage Action. Пол Данс, главный архитектор проекта, опирался на образец одноименного документа времен Рейгана, но предложил радикально расширенную модель перехода, основанную на идее управленческой революции. В 2026 году на выборах в Сенат в Южной Каролине он планирует бросить вызов Линдси Грэм (внесен Росфинмониторингом в список экстремистов и террористов). Рассел Воут внес в проект ключевой вклад, разработав Приложение F – механизм, позволяющий переклассифицировать федеральных служащих посредством исполнительного указа и заменить их политически лояльными кадрами.

Американские конституционалисты представлены аналитическим центром Claremont Institute, они больше всего сфокусированы на проблеме разрыва старого и нового консерватизма и новом интерпретировании американской конституции. Объединяющая идея для клермонтеров (клермонстеров, как их иногда называют) состоит в том, что Америка утратила связь со своими основополагающими идеями в эпоху прогрессивизма, когда правительство стало бюрократизироваться, а общество потеряло веру в естественные права и объективную мораль. Противодействуя этому, Клермонт выступает за возвращение к политическому смыслу Декларации независимости и Конституции, наследию Основателей и разделению властей. Их критика обрушивается на четвертую ветвь власти, находящуюся вне рамок созданной Основателями трехветвенной системы Конгресса, Президента и Суда. Эта квазизаконодательная четвертая ветвь – административное государство (*administrative state*), независимое регулирующее государство (*independent regulatory state*), глубинное государство (*deep state*) или бюрократия (*bureaucracy*) [35] – согласно их взглядам, подрывает основы американской жизни и должна быть устранена.

Таким образом, блок постлибералов является сильной интеллектуальной группой, но без институциональной представленности. Националисты выступают на стыке интеллектуальной сферы и публичной политики, опираясь в своей деятельности на Фонд Эдмунда Берка и Конференции национального консерватизма. Основой реформаторов выступает Фонд «Наследие», который готовит кадры и программные документы с учетом консервативных дискуссий, инициированных другими группами, а результатом становится консервативная трансформация управления. Конституционалисты сосредоточены в старых организациях по типу Института Клермонта и занимаются как публичной интеллектуальной деятельностью, так и подготовкой административных кадров. Этот организм работает очень хорошо. Общей чертой всех групп является тесная личная взаимосвязь их представителей (дружба / одноклассники / коллеги) и связи с администрацией Дональда Трампа, как напрямую, так и через своих представителей, работающих в администрации. Серьезной проблемой для отношений между группами является то, что натконы сами называют

«еврейским вопросом». Изначально национальные консерваторы формировались как иудео-христианский альянс, однако в движении наметился раскол после событий вокруг Палестины и Ирана, а антисемитские и в целом изоляционистские настроения у некоторых представителей (преимущественно у постлибералов) значительно возросли.

Национальный консерватизм как вызов американскому статус-кво

Происходит институционализация новой формы политического конфликта, когда консерваторы оказываются в ситуации конфронтации с либералами и другими консерваторами. Такая конфигурация не является принципиально новой, учитывая, что в похожей ситуации находились в свое время палеоконсерваторы, однако если палеоконсерваторы были «изгоями» [21], то натконы обладают значительными административными, финансовыми, интеллектуальными ресурсами и уже являются политическим мейнстримом, а не периферийной группой. Радикализация становится новым выражением консерватизма, поскольку старые консерваторы разучились хранить (после неоллиберального перемалывания традиции, по большому счету, хранить стало нечего), а сами консерваторы стали агентами неоллиберализма, перейдя из консерватизма в фундаментализм в своей защите оставшихся от традиции «болванок».

Консерватизм в своих новых версиях, не будучи революционным, будет просто поглощен тем же неоллиберализмом, обладающим сильнейшей способностью кооптации, тогда как поглощаемые идейные системы не имеют на него влияния, – к примеру, продолжающий функционировать неоконсерватизм Республиканской партии США, от которого национальные консерваторы, решительно «открещиваются», обвиняя тех в сдаче консерватизма. Натконы отвергают мнение о том, что «человек должен быть либералом в своих политических взглядах и христианином в частной жизни» (концепция фузионизма) и допускают, что главной целью фузионизма и неоконсерватизма была не борьба с социализмом, а поражение консерватизма, поскольку никакого «слияния» не произошло, а американский политический философ Франк Мейер просто создал очередную обновленную догматичную версию либерализма Просвещения [22].

Национальный консерватизм оспаривает доминирование неоконсерватизма, что проявляется не просто в формате дискуссий, а в форме внутри- и межинституциональной конкуренции. Частным примером выступает ситуация с журналом “First Things” (ведущее издание на стыке темы религии и политики), который претерпел значительную редакционную трансформацию. После смерти его основателя Ричарда Нойхауса в 2009 году и вступления в должность нового главного редактора Р.Р. Рино произошло изменение тональности журнала от неоконсервативной, универсалистской ориентации Нойхауса к национально-консервативной, партикуляристской позиции Рино. Сохраняя приверженность установкам социального консерватизма в вопросе семьи, Рино занял принципиально иную позицию относительно значимости национального государства (в сторону его усиления: соблюдение национальных интересов, строгий контроль иммиграции в противовес восприятию неоконсервативной открытой миграции как теологического императива) [23].

Роджер Кимбалл, консервативный комментатор, называет это противостоянием между новыми брендами консерватизма и тем, что стало называться “Conservatism, Inc.” (консерваторы предыдущей итерации) [24], отмечая сохраняющуюся способность части “Conservatism, Inc.” к борьбе и приводя в пример эссе клермонтера Майкла Антона, руководителя политического планирования в Госдепартаменте США, “The Flight 93 Election” (2016) из “Claremont Review of Books” [25]. Основной идеей его работы было сравнение экзистенциальной битвы за душу страны между Дональдом Трампом и Хиллари Клинтон

с обреченным рейсом “United Flight 93” 11 сентября. «Каковы бы ни были недостатки Дональда Трампа, его избрание представляло собой единственный шанс на выживание страны». Антон достаточно критически высказывается о беспомощности консервативного истеблишмента и общем параличе воли, и Кимбалл его поддерживает: «Антон был совершенно прав, когда продолжил замечать, что консерваторы не чувствуют опасности, немедленной необходимости изменить курс и избежать обрыва» [24]. Подобную критику мы встречаем и у Кевина Робертса с его критикой «консерваторов из музея восковых фигур» [26].

Йорам Хазони на конференции 2019 года заявлял: «...мы провозглашаем независимость от неоконсерватизма, мы провозглашаем независимость от неолиберализма, от либертарианства, от того, что они называют классическим либерализмом, вы можете дать ему любое название, но этот набор идей, который видит атомную личность свободной и равной личностью, – это единственное, что образованному человеку нужно знать о политике» [40]. Хазони отмечает, что проблемой современных консерваторов являются: 1) утрата традиции, понимания того, что нужно сохранять. Политические и религиозные традиции, которые обеспечивали стабильность и преемственность этим странам на протяжении веков, были сильно повреждены или полностью свергнуты; 2) удивительное смешение консерватизма с либерализмом Просвещения (классическим либерализмом / либертарианством): «...консерваторы времен холодной войны совершили важные вещи: такие интеллектуалы, как Уильям Бакли-младший, и политические деятели, как президент Рональд Рейган в США и премьер-министр Маргарет Тэтчер в Великобритании, возглавили усилия по разгрому советского коммунизма за рубежом и социализма дома... Однако в эти же самые годы – когда американские и британские консерваторы часто занимали руководящие должности во всех ветвях власти, часто появлялись в основных средствах массовой информации и писали множество бестселлеров – политические и религиозные традиции, которые обеспечивали стабильность и преемственность этим странам на протяжении столетий, были серьезно подорваны или полностью свергнуты» [22].

Контуры консервативной революции натконов

Старое восприятие консерваторов как «неигровых персонажей» [27] привело к тому, что натконов долгое время недооценивали (крупные академические работы стали появляться только в 2024 году). Однако в 2024 году национальный консерватизм одержал свою первую большую победу – так архитектор Brexit Дэвид Фрост охарактеризовал победу Дональда Трампа и стоящих за ним идеологов национального консерватизма на президентских выборах. Роберт Каган, неоконсервативный журналист (муж Виктории Нуланд) утверждал, что «президентские выборы 2024 года не будут обычным противостоянием между республиканцами и демократами. Это будет референдум о том, следует ли продолжать либеральную демократию, зародившуюся в результате революции» [28]. Он оказался прав. «Мы у власти. Наши друзья у власти», – заявил лидер натконов Йорам Хазони на юбилейной Конференции национального консерватизма (NatCon 5).

Натконы заняли заметные позиции в новой администрации Трампа, что обусловлено не только трансфером концепций и стратегий в Белый дом, но и складывающейся сетью личных, профессиональных и идейных связей с высокопоставленными чиновниками. Кевин Робертс (глава аналитического центра “Heritage Foundation”) и Рассел Воут (директор административно-бюджетного управления) выступили в числе авторов известного «Проекта-2025», Патрик Денин (профессор, теоретик постлиберализма) был научным руководителем Пита Хэгсета (министр обороны) и вместе с Родом Дреером (консервативный журналист) поддерживал дружеские отношения с Джей Ди Вэнсом (вице-президент),

который неоднократно участвовал в конференциях национального консерватизма Йорам Хазони (профессор, теоретик национального консерватизма).

Важным элементом деятельности Фонда является проведение конференций национального консерватизма (National Conservatism Conference). Конференции натконов традиционно проходят в США и Европе. Среди спикеров этих конференций были Марко Рубио (госсекретарь), Стивен Миллер (советник президента по внутренней безопасности), Скотт Бессент (министр финансов), Джеймисон Грир (торговый представитель), Стив Бэнон (идеолог MAGA), Тулси Габбард (директор национальной разведки), Том Хоман («пограничный царь»), Элбридж Колби (заместитель министра обороны по политическим вопросам), сенаторы Эрик Шмитт, Джош Хоули, Джим Бэнкс и многие другие.

Появление натконов совпало с утверждением в американской политике трампизма. В определенной степени национальный консерватизм обязан первому сроку Трампа (национализм, противостояние истеблишменту и потрясение консервативного лагеря) своим институциональным переходом из статуса разрозненных интеллектуалов, аффилированных с другими консервативными структурами, в самостоятельную влиятельную организацию с последующим вхождением в политические структуры во второй администрации Трампа. Национальные консерваторы применяют совершенно иную стратегию и аргументацию, что выводит их из популистского блока: 1) натконы делают ставку на элитную институционализацию через интеллектуалов и публичных общественников; 2) вместо антиэлитного дискурса они фокусируются на построении позитивной программы «реставрации нации», «смены режима» и формировании новой «национальной элиты».

Христиано-иудейский крестовый поход против квазифузионистского статус-кво и неолиберальной революции можно попытаться охарактеризовать как революцию справа. По Хансу Фрайеру, философу «консервативной революции» в Германии, «революция справа протекает через государство, она формируется в нем... Внутри системы народ пробуждается к политической жизни: он становится исторической волей, он становится государством, – и в этой живой и твердой форме он начинает наступление на отживший принцип, владеющий современностью. Это и означает “справа”» [29]. По уточнению одного из крупнейших российских политических философов Бориса Капустина, такие революции «не меняют парадигмы, но могут вполне революционно устранять из общества все то, что чревато их сменой, таким образом с любой (потребной для этого) степенью радикальности перестраивая общество» [30].

Правая революция натконов означает несколько вещей: 1) борьба с гегемонией либерального глобализма (однополярным моментом фукуямовского конца истории); 2) разрыв с фузионистским статус-кво и старым консерватизмом (de-fusionism [36]); 3) фундаментальное реформирование системы и упразднение мертвых институтов (в том числе бюрократического глубинного государства [37]). Электоральный успех национального консерватизма выдвигает еще несколько задач революции: 4) сохранение коалиции и обеспечение победы Вэнса или Рубио в 2028 году [38] и 5) переход от абстрактных идеологических дебатов к конкретным действиям в интересах семьи и общенационального блага, в основе которого лежит благоразумие [39].

«В полемике с консерваторами классические либералы оправдывали революцию, апеллируя к ее функции инструмента расчистки завалов на историософски predetermined пути прогресса» [31]. Подобный подход консерваторы успешно переняли. Натконов интересует смена режима (regime change) – «мирное, но энергичное свержение коррумпированного и развращающего либерального правящего класса и создание постлиберального порядка, в котором существующие политические формы могут сохраняться до тех пор, пока фундаментально иной этос определяет эти институты и руководит людьми на ключевых должностях. Хотя внешне политический порядок останется прежним, замена

правления прогрессивной элиты режимом, ориентированным на общее благо посредством “смешанной [в контексте объединения элиты «немногих» и демоса «многих» – А.И.] конституции”, будет представлять собой подлинную смену режима» [32].

«Подобно валежнику в лесу, многие американские институты были полностью опустошены и захвачены Uniparty [характеристика Республиканской и Демократической партии как двух составных частей одной партии – А.И.]. Разлагающиеся и лишённые корней, эти институты служат лишь убежищем для коррумпированной элиты. Тем временем они загораживают свет и высасывают питательные вещества, необходимые для роста новых американских институтов. Чтобы Америка снова расцвела, их не нужно реформировать – их нужно сжечь», – заявляет Робертс, подразумевая под этими институтами «все колледжи Лиги плюща, ФБР, “New York Times”, Национальный институт аллергии и инфекционных заболеваний, Министерство образования, 80% «католических» высших учебных заведений, “Black Rock”, систему государственных школ округа Лаудон, организацию «Бойскауты Америки», Фонд Билла и Мелинды Гейтс, Всемирный экономический форум, Коммунистическую партию Китая и Национальный фонд поддержки демократии» [27].

Феномен национального консерватизма в США означает институционализированную попытку смены режима в рамках существующих политических форм. Натконы превращают накопленное недоверие к либеральному глобализму, бюрократическому «глубинному государству» и старому консервативному истеблишменту в связанную идеологию и практическую стратегию, опирающуюся на сеть фондов, журналов, конференций и кадровых проектов вроде «Проекта-2025». Внутри правого лагеря это проявляется как “natcon take over” – конфигурация, в которой новые консерваторы бросают вызов не только либералам, но и неоконам, и фузионистам, претендуя на перераспределение символического и административного контроля. Тем самым национальный консерватизм закрепляется в качестве одного из ключевых полюсов новой линии раскола – между глобалистскими и коммунистарно-национальными проектами, – делая конфликт вокруг статуса нации, суверенитета и культурной традиции центральным сюжетом американской политики ближайших лет. Однако унаследуют ли натконы интервенционистскую компоненту, и являются ли события вокруг Ирана результатом влияния неоконсервативного лобби, мы увидим спустя время. Возможно, с натконами мы будем сучать по неоконам.

Литература

1. Исмагилова А.Т. Национальный консерватизм на пути институционализации // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 6. С. 24–43.
2. Freedon M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Clarendon Press, 2006.
3. Молер А. Против либералов. М.: Silene Noctiflora, 2024.
4. Mearsheimer J. The Great Delusion. Liberal Dreams And International Realities. University Press, 2018.
5. Deneen P. Why Liberalism Failed. University Press, 2018.
6. Dreher R. The Benedict Option: A Strategy for Christians in a Post-Christian Nation. New York: Sentinel, 2017.
7. Mearsheimer J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order // International Security. 2019. Vol. 43. № 4. P. 7–50.
8. Varga M., Buzogány A. The Two Faces of the ‘Global Right’: Revolutionary Conservatives and National-Conservatives // Critical Sociology. 2022. Vol. 48. № 6. P. 1089–1107.
9. Hazony Y. The Virtue of Nationalism. New York: Basic Books, 2018.
10. Borg S. A ‘natcon take over’? The New Right and the future of American foreign policy // International Affairs. 2024. Vol. 100. № 5. P. 2233–2245.
11. Hooghe L., et al. Does left/right structure party positions on European integration? // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35. № 8. P. 965–989.
12. Kriesi H., et al. West European Politics in the Age of Globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
13. Bornschie S. Cleavage Politics and the Populist Right. Philadelphia: Temple University Press, 2010.

14. *De Wilde P., et al (eds.)*. The Struggle over Borders: Cosmopolitanism and Communitarianism. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
15. *De Vries C.* The cosmopolitan-parochial divide: changing patterns of party and electoral competition in The Netherlands and beyond // Journal of European Public Policy. 2018. Vol. 25. № 11. P. 1541–1565.
16. *Hooghe L., Marks G.* Cleavage theory meets Europe's crises: Lipset, Rokkan, and the transnational cleavage // Journal of European Public Polic. 2018. Vol. 25. № 1. P. 109–135.
17. *Гоше М.* Правые и левые: история и судьба. М.: Новое литературное обозрение, 2024.
18. *DeMuth C.* Trumpism, Nationalism, and Conservatism // Claremont Review of Books. 2018/19. Vol. XIX. № 1. P. 32–41.
19. *Goodhart D.* The Road to Somewhere. The Populist Revolt and the Future of Politics. London: C. Hurst & Co, 2017.
20. *Межуев Б.В.* «Выбор Токвиля» и «выбор Бенедикта»: консервативная мысль в поиске «постлиберальной альтернативы» // Тетради по консерватизму. 2021. № 4. С. 110–116.
21. *Готфрид П.* Палеоконсерваторы: правые изгои Америки // Тетради по консерватизму. 2016. № 1. С. 77–84.
22. *Hazon Y.* Conservatism: A Rediscovery. Regnery Gateway, 2022.
23. *Markham I.* From Neocons to Nat Cons: The Shifting Editorial Positions at First Things [Электронный ресурс] // Providence Magazine. May 2025. Accessed March 8, 2025. Режим доступа: <https://providencemag.com/2025/05/from-neocons-to-nat-cons-the-shifting-editorial-positions-at-first-things/>.
24. *Kimball R.* The Right Targets [Электронный ресурс] // The New Criterion, accessed. 2025. May 19. Режим доступа: <https://newcriterion.com/article/the-right-targets/>.
25. *Anton M.* The Flight 93 Election // Claremont Review of Books. 2016. September.
26. *Roberts K.* Dawn's Early Light: Taking Back Washington to Save America. New York: Harper Collins, 2024.
27. *Ремизов М.В.* Вечный консерватизм: К морфологии политических мировоззрений // Тетради по консерватизму. 2025. № 3. С. 311–340.
28. *Kagan R.* Rebellion: How Antiliberalism Is Tearing America Apart – Again. Knopf, 2024.
29. *Фрайер Х.* Революция справа. М.: Практис, 2008.
30. *Капустин Б.Г.* Рассуждения о «конце революции». М.: Изд-во Института Гайдара, 2019.
31. *Капустин Б.Г.* О метафоре «революции – локомотивы истории» // Полис: Политические исследования. 2024. № 3. С. 50–73.
32. *Deneen P.* Regime Change: Toward a Postliberal Future. New York: Sentinel, 2023.
33. Chris DeMuth addresses plenary session of inaugural National Conservatism Conference on July 15, 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=q8fcmnSC6Wk> (дата обращения: 05.07.2025).
34. National Conservatism: A Statement of Principles [Электронный ресурс] // Edmund Burke Foundation. Режим доступа: <https://nationalconservatism.org/national-conservatism-a-statement-of-principles/> (дата обращения: 02.03.2024).
35. *Williams Ryan.* The deep state's assault on popular sovereignty is finally weakening. Washington Examiner. 2025 September 25. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.washingtonexaminer.com/restoring-america/equality-not-elitism/3824068/deep-state-assault-popular-sovereignty-weakening/> (дата обращения: 02.12.2025).
36. Yoram Hazony's plenary address at the second National Conservatism Conference on November 1, 2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=yhoT1_qXNuA (дата обращения: 07.07.2025).
37. Dir. Russ Vought's plenary address at the National Conservatism Conference in Washington, DC on September 3, 2025 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=2yS2p_tKjJE (дата обращения: 05.09.2025).
38. Yoram Hazony's plenary address at the National Conservatism Conference in Washington, DC on September 2, 2025 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Gc1uTPTR8xl> (дата обращения: 04.09.2025).
39. Kevin Roberts' plenary address at the National Conservatism Conference in Washington, DC on September 2, 2025 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=TloGJnxtq80> (дата обращения: 06.09.2025).
40. Yoram Hazony's Closing remarks of the National Conservatism Conference 7/16/19 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=zzsNnqXDkRc> (дата обращения: 06.09.2025).

Автор выражает благодарность *Б.Г. Капустину* и *Б.И. Макаренко*.

Аннотация. В статье рассматривается американский национальный консерватизм – политико-интеллектуальное движение, возникшее как реакция на кризис либерального глобального порядка и неолиберализма. Автор показывает, как натконы, опираясь на сеть фондов, медиа и кадровых проектов, становятся одним из ключевых центров влияния во второй администрации Трампа и оспаривают не только либеральный, но и неоконсервативный статус-кво. Национальный консерватизм трактуется как «правая революция» и попытка «смены режима» в рамках существующих институтов через усиление роли национального государства, культурно-религиозной традиции и коммунитарного понимания общего блага.

Ключевые слова: национальный консерватизм, антилиберализм, трампизм, структурный конфликт, радикализация, дефузионизм.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Поступила в редакцию 12 декабря 2025. Принята к печати 19 декабря 2025

Arina T. Ismagilova, Post-graduate Student, Politics and Management Department, Social Sciences Faculty, National Research University "Higher School of Economics"; Junior Researcher, Institute of Philosophy RAS. E-mail: Ismagilova.A.T@hse.ru

National Conservatism as Challenge for American Status Quo

Abstract. This paper examines American national conservatism – a political and intellectual movement that emerged in response to the crisis of the liberal global order and neo-liberalism. The author shows how Natcons, relying on the network of foundations, media, and human resources projects, become one of the key centers of influence in the second Trump administration and challenge not only the liberal but also the neoconservative status quo. National conservatism is interpreted as “right-wing revolution” and attempt to “change regime” within existing institutions through strengthening the role of the nation-state, cultural and religious tradition, and a communitarian understanding of the common good.

Keywords: National Conservatism, Illiberalism, Trumpism, Structural Conflict, Radicalization, Defusionism.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Received: December 12, 2025. Accepted: December 19, 2025

© Арина Исмагилова, 2025

Трампизм в идейном контексте

{ Раздел второй }

Д.О. Дробницкий
Почему западный либерализм проигрывает трампизму

В.В. Ванчугов
Философские и технологические элементы идеологии Илона Маска периода второго президентства Трампа

Е.С. Холмогоров
Движение BLM в США: конструирование идеологии

А.В. Макаркин
Католический выбор-2024: за Трампа, против Харрис

А.В. Зайцева
Условия формирования американского неоконсерватизма

И.Н. Тяпин
Плюралистический монизм американского консерватизма и национальная идея США: от истоков к трампистскому модифицированию

Почему западный либерализм проигрывает трампизму

С момента написания данной статьи прошло больше года, и второе трамповское президентство пошло, пожалуй, по одному из самых худших сценариев. Дело не в том, что Дональд Трамп не оправдал наших ожиданий (он и не должен был!), а в том, что он не выполнил обещания, данные своим избирателям и поддержавшим его элитным группировкам. Реиндустриализация так и не начата, политика тарифов, ставшая не инструментом защиты рынка, а личной игрушкой президента, провалилась, депортационная волна разбилась о суды и сопротивление либеральных городов, а чистка госаппарата даже близко не затронула основной базы глубинного государства. И, самое главное, начата очередная жестокая война на Ближнем Востоке.

Но тут-то и выяснилось, что трампизм, MAGA – это не Трамп (хотя сам 47-й президент США так утверждает), а гораздо более системное и глубоко укоренившееся общественно-политическое течение. Подавляющее большинство активистов трампизма, лидеров консервативного общественного мнения отвернулось от своего бывшего лидера. Сам Трамп отказался от поднятого им на флаг нового извода консерватизма, причем, видимо, по глубоко личным, психологическим причинам. Но именно в этот момент трампизм показал, что он жив и без Трампа и даже вопреки Трампу. Поэтому все сказанное в статье относительно трампизма как общественного явления остается верным: и то, что явление это никуда не денется, и то, что реванш либерализма, причем, видимо, в гораздо более радикальной форме, все еще возможен.

Сейчас, по прошествии некоторого времени после американских выборов, наиболее удивительным выглядит не то, что верх одержал Дональд, а то, что либеральные элиты столь смиренно признали свое поражение. Во всяком случае на первом этапе. Губернаторы ключевых штатов, прежде всего Среднего Запада (а там руководят сплошь демократы) отказались от использования административного ресурса, который они активно и почти не скрываясь, применили на выборах 2020 года. Ни в одном ключевом штате не было сделано серьезных попыток оспорить результаты подсчета голосов. Барак Обама, Билл Клинтон, Нэнси Пелоси и все прочие гранды американского либерализма признали электоральные результаты 5 ноября и призвали к мирному транзиту власти. После очень недолгой паузы их примеру последовали Джо Байден и Камала Харрис.

Губернаторы-демократы (Нью-Йорка, Иллинойса, Колорадо, Калифорнии и некоторых других) заявили о том, что готовы к «сопротивлению» трампизму, но в чем оно будет выражаться, так до сих пор и не ясно. Штаб Камалы Харрис, так проштрафившийся на

растратах рекордного предвыборного фонда, тоже заявил об участии в «сопротивлении» и начал сбор денег на его осуществление – разумеется, безо всяких разъяснений, что конкретно будет делаться.

Отчасти растерянность либерального лагеря объясняется внутренним расколом той демократической коалиции, которую удалось собрать для отстранения Трампа от власти в 2020-м. Неоднородная и полная противоречий, эта коалиция в конце концов окончательно распалась при замене кандидата от правящей партии. Еще одно напрашивающееся объяснение – убедительность электоральных результатов Трампа. Он не только выиграл во всех ключевых штатах, но еще и опередил Харрис на 2,5 млн голосов в общенациональном зачете, что стало большим ударом для Демпартии. Все это означает, что трампизм не был «глюком», досадной флуктуацией американской политики. Напротив, «глюком» стал коллективный Байден, то есть возвращение либерального истеблишмента во власть в попытке остановить трампизм. Обратим также внимание на чисто эмоциональную сторону дела. В начале кампании все только и говорили о «политике радости» (Policy of Joy) Камалы Харрис. Оптимизм и либеральная идеология вроде как шли рука об руку. Но это оказалось ложным обещанием. В конце кампании вся Америка танцует «танец Трампа» (Trump Dance) – политики, спортсмены, студенты университетов, полицейские, пожарные и весь Интернет в придачу. И около 60% американцев (то есть и демократы тоже) положительно оценили действия будущей администрации в ходе транзита.

Это и есть настоящий вопрос: как так получилось? Почему либеральная идеология, которая, казалось, уже победила если не в мировом масштабе, то на всем пространстве Запада, была отвергнута большинством граждан этого самого Запада и значительной частью элит, как экономических, так и политических?

Происходящее в США – не изолированная тенденция. В Европе, как и в 2016–2017 годах, поднимается популистская волна. В 2017–2019-м истеблишменту почти удалось погасить эту волну. В Австрии, Италии, Франции, Нидерландах и других странах правые и левые популистские партии загнали в дальний угол большой политики, некоторые деятели антилиберального движения были или дискредитированы, или вовсе попали под уголовное преследование. Бывший министр иностранных дел Австрии Карен Кнайсель стала политической беженкой, под суд угодил бывший министр внутренних дел Италии Маттео Сальвини, в 2024-м пришла очередь Марин Ле Пен. И все-таки европейские популисты никуда не делись. Устояли Виктор Орбан и Александр Вучич. «Альтернатива для Германии», которую несколько раз призывали запретить как «экстремистскую», год от года наращивает свои электоральные результаты. Словацкий премьер Роберт Фицо, которого удалось отстранить от власти в 2018-м, вернулся в 2023-м с еще более «радикальной» программой. И здесь, в Старом Свете, мы видим ту же картину: либералы растеряны и произносят лишь старые неубедительные мантры. И, само собой, без поддержки правящей в США Демократической партии, без ясной перспективы или хотя бы четкого плана по демонтажу трампизма и его базы европейскому истеблишменту, не обладающему политической субъектностью, будет крайне непросто противостоять новому подъему популизма, особенно при той поддержке, которую евроскептикам оказывает Илон Маск. Все происходящее – не временные трудности. Либерализм в самом конце первой четверти XXI века перестал давать убедительные ответы на главные вопросы, остро стоящие перед человечеством.

«Это экономика, глупышка!»

Главенствующую сегодня на Западе финансово-экономическую модель часто называют либеральной (иногда можно услышать о неолиберальной модели). Это не совсем

точно с точки зрения типологии, но зато верно отражает суть: она считается правильной и почти совершенной либеральными правительствами Европы и Северной Америки. Ее теоретики и сторонники называют себя либералами. Она является одной из основ нынешнего либерал-глобалистского миропорядка.

Эта модель дала серьезный сбой, проявившийся в ходе финансово-экономического кризиса 2007–2009 годов, и, как выясняется, этот кризис спустя полтора десятилетия так и не был преодолен. Экономическую неуверенность теперь чувствуют все, а не только уязвимые группы западного населения и представители «устаревших» профессий. Впервые за много десятилетий новые поколения жителей западного мира живут хуже своих родителей. И ожидают дальнейшего ухудшения. Очередным циклическим спадом, временным явлением или неким «переходным периодом» такое положение вещей не считается уже даже самыми яркими сторонниками либерального миропорядка. Никакого выхода из сложившейся ситуации не предлагается. Если не считать, конечно, выходом экзотические, а подчас и экстремистские идеи вроде трансгуманизма или сокращения численности населения планеты. Ни на Давосских форумах, ни на саммитах «Семерки» и «Двадцатки», ни в программных документах мейнстримных партий Европы и Америки нет ничего, что можно было бы назвать программой оздоровления мировой экономики. Более того, многие нелиберальные экономисты полагают, что основанная на эмиссии и поощрении спроса экономическая модель имеет свой срок годности, который, похоже, истекает.

Довольно показательно, что у предвыборной программы Камалы Харрис вообще не было экономической составляющей. Произносились общие слова о защите среднего класса, поддержке наиболее уязвимых слоев населения и «инвестициях в будущее», но ничего конкретного, никакой экономической стратегии, никаких даже тактических соображений кандидат от Демпартии США не представила. В Европе правящие элиты и вовсе перестали говорить об экономическом развитии. В ходу лишь завиральные идеи, например, о скором полном переходе на «зеленую» энергетику. Появился даже тезис о том, что стагнация западноевропейской нефтехимии и скорое полное разорение «Volkswagen» – это, скорее, хорошо, а не плохо. Так «либеральнее», так прогрессивнее.

В общем, то, что мы имеем дело с капитальным и системным провалом либеральной финансово-экономической модели, признают уже даже сами либералы. Признают по большей части молча – им попросту нечего сказать.

Нужды «маленького человека»

Известный американский графический сатирик Стив Келли после выборов опубликовал очень меткую, на мой взгляд, политическую карикатуру. Осел в классическом костюме, олицетворяющий Демпартию США, спрашивает у Трампа: «Почему, на ваш взгляд, вам удалось заполучить голоса столь многих обычных людей?». Трамп отвечает: «Возможно, потому, что я не считаю их обычными». Никто, конечно, не знает, что Дональд Трамп думает о «простых людях». Зато стало кристально ясно, что либералы этими людьми не занимаются и не интересуются. Напротив, из уст либеральных политиков не раз звучали слова, откровенно пренебрежительные и оскорбительные в адрес тех людей, на чьих плечах и лежит наш бранный мир, – от полицейских и врачей до дальнбойщиков и продавцов продуктовых магазинов. Эти «маленькие люди» все время как будто мешают либералам, портят их «дивный новый мир».

В последнее время – и это особенно заметно в США – стала размываться электоральная база либералов. Так, в Соединенных Штатах афроамериканцы и латиносы

массово (до трети избирателей этих групп) проголосовали за Трампа и республиканских конгрессменов. В Европе ситуация социально сложнее, но по обе стороны Атлантики замечено, что образованный избиратель за пределами университетской среды тоже перестал быть опорой либералов. В этом смысле очень показательна быстрая и, как казалась поначалу, удивительная политическая метаморфоза Илона Маска. Он был типичным калифорнийским предпринимателем. Его электрическая “Tesla” была «идеологически правильным» продуктом, а сам Маск был своим человеком в либеральных кругах. И вдруг он становится лучшим другом Трампа и фанатом MAGA-повестки. Во многом такой эволюции способствовала его личная драма. Его сына Ксавье обманом и манипуляциями втянули в смену пола, и теперь они с отцом чужие друг другу люди. Все богатства мира не избавили Маска от трагедии «маленького человека», столкнувшегося с идеологической машиной. Все – от богатого белого баловня судьбы Илона Маска до чернокожего рабочего из Мичигана – осознали, что либералам нет до них дела.

Либералы все время заняты какими-то своими, зачастую малопонятными «простым людям» проектами, защитой интересов неких меньшинств. Меньшинства эти, возможно, и стоит защитить от произвола, но совершенно неясно, почему из-за этого забыты интересы большинства. Хуже того, простые и ясные потребности большинства игнорируются как несущественные для «социального прогресса», а зачастую косвенно (или даже прямо) называются либералами вредными и постыдными.

Либералы стали проигрывать в борьбе за «простого человека», но что более важно – в борьбе за нормальность и правильность. «Прогрессивная» социальная инженерия либералов пришлась не по нраву по крайней мере половине жителей Запада.

Примечание. В США с их двухпартийной политической системой либералы сосредоточились в Демократической партии, в то время как консерваторы нашли прибежище в республиканских рядах. Часто можно услышать, что Трамп и его сторонники хотели бы возврата к Америке 1950-х, но на самом деле трампизм представляет собой новый извод консерватизма, далеко отошедший от принципов консерваторов 1950–1990-х годов. При этом американских либералов называют «левыми» (иногда «левыми радикалами»), а трампистов – ультраправыми, но это просто обозначения, не имеющие никакого отношения к классическим определениям «левого» и «правого». Сами же эти определения безнадежно устарели.

В Европе с ее широкой многопартийностью термины «левый», «правый», «консерватор» и отчасти даже «либерал» потеряли свое значение прежде всего из-за выхолащивания политических смыслов. В Британии партия может называться «консервативной», но ничего общего ни со старым, ни с новым консерватизмом она не имеет. В Германии партия может называться «христианско-демократической», определяя себя как правоцентристскую силу, но она бесконечно далека как от христианства, так и от политического центра, то есть умеренности во взглядах. На самом деле все мейнстримные партии Старого Света идеологически неотличимы от Демократической партии США и являются либерал-глобалистскими, отличающимися друг от друга мало-значимыми нюансами.

В этом смысле любопытно то, как собирательно называют анти-истеблишментные силы в Европе и США, – популисты. Поначалу это было почти оскорбительным обозначением, но со временем стало самоназванием. Популисты – потому что обращаются к народу, к чаяниям большинства,

а потому отрицают современный западный либерализм. И в этом смысле «Альтернатива для Германии», венгерская «Фидес» и итальянская «Лига» – все это силы, практически неотличимые от трампизма.

«За мир во всем мире»

Десятилетиями считалось, что вопросы внешней политики интересуют западного избирателя в третью, если не в пятую очередь. И на то имелись основания. Однако не в наши беспокойные времена. Очень симптоматично, что выдвинутый Дональдом Трампом тезис о недопущении Третьей мировой войны стал одним из центральных в его предвыборной кампании. Когда-то именно либералы (и тогдашние настоящие левые) считались – и зачастую по праву – борцами за мир, в то время как американские консерваторы и европейские правые прошлых времен были склонны к милитаризму и агрессии. Европейские левые предприняли свою последнюю попытку встать против войны в 2003 году, во время вторжения США в Ирак. Американские либералы решили в последний раз поговорить «о мире во всем мире» в 2008–2009 годах. Тогда Бараку Обаме даже авансом дали Нобелевскую премию мира, но он, как известно ее не «отработал», поучаствовав в разрушении ливийской государственности, попытавшись сделать то же самое в Сирии и санкционировав государственный переворот в Киеве. Ощувив пределы своего идеологического влияния и столкнувшись с противодействием стран, не пожелавших отказаться от суверенитета в пользу глобализации и «западных ценностей», либеральный истеблишмент перешел к военной эскалации. И Трамп был прав в своей повестке – мир действительно оказался опасно близок к Третьей мировой.

Не стоит, конечно, переоценивать миролюбие либералов прошлых десятилетий. Все-таки начиная со второй половины XX века войны в основном разгорались при американских президентах-демократах. Холодная и Корейская – при Трумэне, Вьетнамская – при Джонсоне (хотя все предпосылки создал вопреки мифу Кеннеди), Югославская – при Клинтоне, Ливийская и Сирийская – при Обаме, война на Донбассе – при Обаме и Байдене. Исключение – лишь войны в Афганистане и Ираке, начатые Бушем-младшим, однако исключение это обусловлено засильем в его администрации неоконков, которые впоследствии очень хорошо себя чувствовали в администрациях Обамы и Байдена и были одной из главных сил, стоявших за киевским госпереворотом. Впрочем, считать Буша-младшего консерватором по сегодняшним меркам нельзя. К концу его двух каденций политические кланы Бушей и Клинтонов даже стилистически мало отличались друг от друга.

И все-таки долгое время демократы сохраняли хотя бы видимость стремления к миру и дипломатии. Это было частью их политической самопрезентации и риторического инструментария. Кроме того, антивоенные протесты с 1960-х до 1980-х были делом левых движений в Европе и Соединенных Штатах, а те симпатизировали Демократической партии США, причем симпатия эта была взаимной. Все изменилось, когда экспансия либерализма мягкими методами – от соблазнения и пропаганды до подкупа и организации цветных революция – забуксовала, а затем и вовсе остановилась. Либерализм натолкнулся на культурное отторжение его ценностей со стороны евразийских держав и, что не менее важно, на прагматические соображения национальных интересов. И тогда выяснилось, что прагматически либералы разговаривать не умеют. «Единственно верное учение» привело не к «концу истории», по Фукуяме, а к ситуации, в которой высока вероятность окончания земной истории самым трагическим образом. И это очень не понравилось как минимум половине населения и значительной части политических и экономических элит.

Тот самый «образ будущего» и настоящее вмешательство Москвы и Пекина

Долгое время именно либерализм – как идеология изменений (раскрепощения, равноправия и т.д.) – был фактическим монополистом на рынке «идей завтрашнего дня». Еще недавно пресловутый «образ будущего» был козырем либералов во всех уголках света. Постиндустриальная экономика, высокий уровень жизни в странах, называемых либеральными демократиями, цифровые профессии, обещающие быстрые социальные лифты, и персональный комфорт, обеспечиваемый цифровой средой, – все это, как казалось, не только объясняет блестящее настоящее Запада, но и обещает прекрасное будущее всем, кто встроится во всемирный либеральный мейнстрим. Судя по всему, поначалу «инклюзивность» современного глобального либерализма и сопутствующая ей woke-культура воспринималась как неизбежная и не слишком большая плата за это самое будущее.

Но уже к середине 2010-х годов стало понятно, что что-то пошло не так. В какое будущее зовет либерал-глобализм? Во всеобщее царство гендерно-флюидных веганов, состоящих в квир-браках и обслуживающих ветряные электротурбины через мобильные приложения? Неубедительно, особенно на фоне отсутствия экономической стратегии и ставшей заметной деградации уровня бизнес- и госуправления в эпоху тотальной позитивной дискриминации. При этом грядущие годы уже не сулят никаких прорывов и достижений за исключением, возможно, открытия еще пары десятков гендеров в дополнение к уже «официально утвержденным» сорока шести. Прогресс стал в основном «социальным». «Прогрессисты» стараются переделать природу человека, а не обеспечить ему достойную жизнь. А поскольку светлое будущее как минимум откладывается, woke-повестка перестала быть таким уж «неизбежным злом». Кончиту Вурст в 2014-м не то чтобы приняли, но стерпели. Десятью годами позже открытие Олимпийских Игр в Париже вызвало скандал. Потому что Париж продемонстрировал тот самый образ будущего: физическая грязь в Сене, культурные отходы на подмостках. Все это освещалось лампами и прожекторами, работающими на китайских светодиодах.

И тут мы подходим к еще одной проблеме лидеров либерального мейнстрима. Из их уст все реже звучат слова «обеспечим» и «достигнем», и все чаще: «не допустим» и «не позволим». «Не допустить» они, в частности, собирались второго пришествия Дональда Трампа. Но куда яростнее они старались «не позволить» преуспеть альтернативным моделям развития. И то, и другое им не удалось. То, что Россия и Китай, каждая страна по-своему, успешны, несмотря на все те рестрикции, которые в отношении них были введены, стало «серебряной пулей», поразившей либерал-глобализм в самое сердце. Потому что его ключевой тезис состоит в том, что развитие и лучшее будущее возможно только в странах победившего либерализма, а в остальных государствах «правят диктаторы», чья власть удерживается только силой, и потому дни ее сочтены. С этой точки зрения, ни Китай, ни Россия не могут изобрести и произвести чего-то своего и обеспечить собственное развитие. Практика последнего десятилетия показала обратное. Скрыть это попросту невозможно. Это, а не мифические «фабрики троллей» и «русские хакеры», стало настоящим вмешательством России и Китая в дела Запада. Подлинный взлом либеральной демократии состоял в простой демонстрации жизнеспособных альтернатив либерализму. А если русские и китайцы могут наладить современность и обеспечить будущее без либерализма, то почему бы европейцам и американцам не последовать их примеру?

Весомости этому простому аргументу придали последние действия мировой глобальной элиты, которая почти полностью отключила Россию от западных благ (включая

технологии) и последовательно делает это в отношении Китая. Ни Россия, ни Китай не рухнули. Напротив, они укрепились, все более полагаются на себя и отказываются от тех элементов либерализма, к которым ранее относились как к приемлемым и полезным. Тем самым правящая на тот момент Демпартия США и подконтрольный ей европейский политический истеблишмент подтвердили как минимум два «расстрельных» для себя тезиса: что нелиберальные государства могут быть успешными и что глобализация необязательна для развития.

Стоит ли удивляться, что либерализм поблек, глобальный мировой порядок зашатался, а его противники внутри самого Запада почувствовали, как говорят в США, «кровь в воде» и намерены добить либерализм в его логове, которое – оцените иронию ситуации! – обе противоборствующие стороны считают своим домом.

Disclaimer

Все сказанное вовсе не означает, что либерализм на Западе повержен, а консерватизм одержал победу если не навсегда, то надолго. Отнюдь! Политический истеблишмент, либеральная бюрократия, транснациональные корпорации, университеты, Голливуд, медиа-империи, сегодня еще надеющиеся на «приручение» Трампа, то есть на повторение опыта 2017–2021 годов, начнут оказывать отчаянное сопротивление консервативной администрации США и европейским популистам, как только станет ясно, что Трамп не шутит и не намерен повторять своей главной ошибки первого срока – снисходительности по отношению к политическим оппонентам. Конфликт, ожесточенный и, возможно, небескровный, неизбежен. И кто выйдет из него победителем, неизвестно. Даже полная победа Трампа над своими недругами как внутри страны, так и за ее пределами (например, в Канаде) вовсе не гарантирует, что вирус либерал-глобализма не заразит MAGA-политику. Либерализм невозможно победить на «свободных выборах», его нельзя отменить, от него не избавиться принятием должного законодательства и административными решениями, его не вытравить даже кадровыми чистками. Этот конфликт, гражданский по форме и религиозный по сути, затянется надолго, и его исход мы не знаем.

Но то, что такой конфликт стал сущностным, что его больше нельзя потопить в газетных публикациях и разменять на псевдопротивостояния (вроде BLM или MeToo), уже является событием колоссального, исторического масштаба. Либерал-глобализм более не выглядит ни единственно верным учением, ни «неизбежным» победителем внутреннего конфликта на Западе. Тем более он перестал быть единственным «авторитетом» в мировом масштабе. И это должно добавить уверенности незападному миру. И хотя Трамп делает то, что делает, исключительно для Америки (и, конечно, для себя любимого), не стоит отрицать его личную заслугу и заслугу его сторонников в том, что гегемония не Америки, но всемирного либерализма уходит в прошлое. Однако если переболевший либеральным искушением мир может извлечь какой-либо урок из событий 2024–2025 годов на Западе, то состоять он должен в том, что не стоит прельщаться и трампизмом.

Дональд Джон Трамп еще наломает дров в Америке и за ее пределами. Его конфликт с политическими врагами не сулит спокойных лет миру. Напротив, эта драка принесет большие неприятности всем. Поэтому лучшее, что может сделать незападный мир в данный момент, так это заняться построением собственного будущего, которое будет тем надежнее, чем дальше страны и народы будут держаться от Запада. Того самого Запада, который породил либерал-глобализм и его немезиду – трампизм. И, конечно, в их беспощадной борьбе друг с другом не стоит принимать ничью сторону. Во время

прошлых гражданских конфликтов в Америке – например, во время войны за независимость или первой гражданской войны в США – государство Российское провозглашало вооруженный нейтралитет. Этому рецепту наших предков, пожалуй, стоит последовать и в наши дни.

Аннотация. Автор рассматривает победу Дональда Трампа на выборах президента США как проявление двух взаимосвязанных тенденций: глубокого кризиса либеральной идеологии и так называемой популистской волны, которая прокатилась по всему Западу и проявлялась в виде победы правопопулистских партий. Либерализм перестал давать убедительные ответы на главные вопросы, остро стоящие перед человечеством, а либеральная модель экономики привела к снижению жизненного уровня населения. Как следствие, либералы стали проигрывать в борьбе за «простого человека», а также в борьбе за нормальность и правильность. Успех трэмпизма не означает окончательное поражение либерал-глобализма, предупреждает автор, полагая, что мы еще увидим продолжение политико-идеологической схватки на Западе данных политических сил.

Ключевые слова: Дональд Трамп, трэмпизм, либерализм, либеральная экономика, либерал-глобализм.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Поступила в редакцию 1 октября 2025. Принята к печати 9 октября 2025.

Dmitry O. Drobnitski, Political Analyst, Americanologist. E-mail: drobnitski@yandex.ru

Why Western Liberalism Loses to Trumpism

Abstract. The author of the article regards Donald Trump's victory in the US Presidential elections as manifestation of two interconnected tendencies: deep liberal ideology crisis and the so-called populist wave that swept over the West and revealed itself in the victories of the right populist parties. Liberalism no longer gives convincing answers to the central issues the mankind faces, and the liberal economic model led to the decline in the population living standards. As the result, the liberals started losing in their struggle for the "simple man", as well as in the struggle for normality and rightness. The author warns that Trumpism success does not mean the final defeat of liberalism and globalism, he believes that we'll see new political and ideological struggle of these political forces in the West.

Keywords: Donald Trump, Trumpism, Liberalism, Liberal Economy, Liberal Globalism.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Received: October 1, 2025. Accepted: October 9, 2025

© Дмитрий Дробницкий, 2025

Философские и технологические элементы идеологии Илона Маска периода второго президентства Трампа

Илон Маск вызывает противоречивые мнения: одни хвалят его (за освоение космоса, излечение больных, чистую энергетику и экологию и прочее), другие проклинают за разрушение государственной машины; видят то прогрессора, несущего свет, то демона, продвигающего сумеречные идеологии, подминающие демократию. Помимо встраивания «марсианской повестки» в идеологию «золотого века» в исполнении Трампа Маск отметился и работой в правительстве, точнее, апгрейдом государственной машины, в формате DOGE (Department of Government Efficiency – Департамент эффективности правительства).

Структура была учреждена указом Дональда Трампа в начале 2025 года в целях модернизации федеральных технологий и программного обеспечения для максимального повышения эффективности и результативности государственного управления, а ее руководителем в статусе «специального государственного служащего» назначен Маск. На этой должности Маск стремился оптимизировать бюрократию, внедряя автоматизацию на основе ИИ. Одни увидели в его усилиях модернизацию, другие риск утраты контроля. «Зачистка», которую устроил Илон Маск, сразу же была воспринята как полностью соответствующая принципу R.A.G.E. (“Retire all government employees” – «Уволить всех государственных служащих»), продвигаемому в комплексе идей Кертиса Ярвина, идеолога «Темного Просвещения» (“Dark Enlightenment”). R.A.G.E. предполагает демонтаж государственных учреждений и замену их частными корпорациями, сокращение роли государства и создание системы, в которой технологические олигархи и корпоративные интересы будут иметь больший контроль над обществом.

Кертис Ярвин, ключевая фигура в движении «Темного Просвещения», утверждает, что нынешняя система неэффективна и должна быть заменена более авторитарной структурой, где власть сосредоточена в руках фигуры, подобной генеральному директору. Он также в 2007 году в блоге “Unqualified Reservations” ввел концепт-образ «собора» (“The Cathedral”): децентрализованная система элитных институтов – прежде всего академических кругов, СМИ и правительства, которые формируют общественное мнение и обеспечивают идеологическое единообразие. В теории Ярвина «собор» – это легитимирующая и самоподдерживающаяся архитектура современной американской олигархии. И элементами этой «соборности» (позволю себе такую аналогию) являются такие персонажи, как Питер Тиль и Илон Маск.

Том Хартманн, автор книг «Скрытая история монополий: как крупный бизнес разрушил американскую мечту» (2020), «Скрытая история Верховного суда и предательство Америки» (2019) и более 25 других публикаций считает, что в деятельности DOGE получило

Ванчугов Василий Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
E-mail: vanchugov@gmail.com

воплощение «Темное Просвещение» – идеология технологических олигархов. Дональд Трамп и Илон Маск, уверен Том Хартманн, не просто разрушают сложившиеся институты, но и закладывают основу для нового типа авторитарного правления, и американская демократия разрушается не случайно, а целенаправленно. Действия новой власти тракуются Хартманом (здесь он приводится мною прежде всего как рупор леволиберальных фобий) как реализация идеологии «Темное Просвещение», поддерживаемой миллиардерами с целью подорвать правительство, демонтировать демократические нормы и установить на их месте технократическую элиту. Эксперимент, начатый Маском, предполагает фундаментальную трансформацию Америки из страны, управляемой народом, в страну, где решения принимаются очень специфической элитной группой «гениев» – белых мужчин-технократов, намеревающихся заменить более чем 240-летний «американский эксперимент» совершенно новым «экспериментом» в области управления, который в значительной степени был разработан в компьютерных экосистемах Сан-Франциско. И за новой политической трансформацией стоит идеология, отличная от старомодного либертарианизма Айн Рэнда, популярного во времена Рейгана. Это новая идеология, подхваченная миллиардерами из Кремниевой долины и их «технобратьями», разрушающими правительство. И как только ИИ достигнет способности мыслить на уровне гениального человека, то большинство лиц, принимающих решения, и ведомств федерального правительства решено будет заменить компьютерами, решающими, кто, что, когда и почему получит. При этом потребуются новый, монархический лидер, не терпящий «отсталого инакомыслия», и на эту роль новые идеологи и выбрали Трампа как удобную марионетку для технократов типа Вэнса и Маска.

Своего рода триггером для данной «реконструкции» стало то, что все, что проделал Маск, – это «исправление» им своего сознания. У Маска комплекс психологических проблем (аутистского формата), и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы избежать судьбы изгоя, а в итоге превратиться в «героя времени». Так что креативность Маска – длительная психотерапия, которую он проделал через погружение в науку и технологии. Маск интересен как тип самоисцеления через креативный процесс.

Первым элементом своей реконструкции идеологии Маска я взял маркировку его умонастроения в терминах из религиозного нарратива как наиболее распространенного и понятного. Маск не является приверженцем какой-либо религии, однако есть интересные сюжеты, привлекающие внимание. С одной стороны, он был крещен и воспитан в англиканской церкви. «Чему вы поклоняетесь?» – спросил его в интервью 2013 года Рейнн Уилсон на YouTube-канале “Soul Pancake”. «Я ничему не поклоняюсь, – ответил Маск, – но посвящаю себя развитию человечества с помощью технологий». На вопрос Уилсона, молится ли Маск, тот признался: «Я не молился даже тогда, когда чуть не умер от малярии». Однако в августе 2020 года, когда приводилась капсула “SpaceX Dragon”, вернув на Землю астронавтов Боба Бенкена и Дуга Херли, Маск признался: «Знаете, я не очень религиозен, но я молился об этом». В ходе другой беседы – в интервью канадскому психологу Джордану Питерсону (2024) – Маск также отметил, что не является практикующим христианином. Но... «Хотя я не особенно религиозный человек, я верю, что учения Иисуса хороши и мудры... Я бы сказал, что я, вероятно, культурный христианин. В том, чтобы подставить другую щеку, заключена огромная мудрость». Он продолжил, сказав, что христианские убеждения, «приносят наибольшее счастье человечеству, учитывая не только настоящее, но и состояние всех будущих людей... Я действительно большой сторонник принципов христианства. Я думаю, что они очень хороши» [1].

В подростковом возрасте Маск пережил кризис смысла жизни, который побудил его прочитать тексты основных религий и философских движений, но ни один из них, признался он Питерсону, не давал ему «ответов, которые бы находили «отклик» в его

душе. Зато удовлетворительный ответ Маск нашел в прозе Дугласа Адамса, в его произведении «Автостопом по Галактике», где ему стало понятно, что важно задавать правильные вопросы – что само любопытство важнее, чем поиск ответов. Маск отметил, что если бы его убеждения были религией, их можно было бы назвать «религией любопытства, религией большего просветления», целью которой является расширение сознания, – цель, которая перекликается с его работой в области искусственного интеллекта.

В интервью консервативному комментатору Бену Шапиро, опубликованном на “X” в январе 2024 года, эта тема получила развитие таким образом: «Моя религия, если можно так выразиться, – это религия любопытства», – и на ее основе ему хочется «расширить масштабы сознания на Земле и за ее пределами»; а для этого «нужно увеличить число сознательных существ и продвинуть технологии, чтобы создать самодостаточный город на Марсе, в итоге заселить всю Солнечную систему, а затем выйти за пределы нашей Солнечной системы в другие звездные системы, следовательно, нужно больше людей». Когда Шапиро заметил, что это «совершенно другая цель, нежели та, которую мы ставили перед собой в прошлом», Маск ответил: «Да, я предлагаю новую философию». При этом уточнил, что его философия «нишевая», но он надеется, что вскоре она станет «немного шире», из частного воззрения станет общераспространенной. Также Маск сказал, что цель его философии «в том, что чем больше мы расширяем масштабы сознания, тем лучше мы можем понимать реальность, в которой живем, – природу Вселенной» [2].

Итак, для определения воззрений Маска следует использовать его идентификационный термин «культурный христианин». Маск относится к христианству как к культуре, комплексу идей, отчасти созвучных его собственным (возлюби ближнего, избавляя себя и других от страданий). Тема избавления людей от страданий – основная для Маска. А каким образом? Не через таинства, не через литургические техники и практики, а через науку и технологии.

Вторым моментом реконструкции мировоззрения будет выявление комплекса идей, маркируемых как философия. Я позволил себе ввести такой термин, как “xPhilosophy”. Он не Илона Маска, а мой. Учитывая его страсть к маркировке своей продукции через “X”, погружение в мир физики, математики, программирования с их многообразием «иксографии», а также мир научно-фантастической литературы и кинематографа с их обозначениями героев (суперменов) через “x”, лаконичной графически и богатой на ассоциации, я использовал в данном варианте и реконструкцию воззрений самого Маска как «переменную», обозначающую на данный момент неизвестное / неопределенное.

В мои планы не входит превращение Маска в современного «философа». Сама номенклатура специальностей (в виде «онтологии», «гносеологии» и прочего) не позволяет этого сделать, хотя при желании все можно. Однако, как это ни покажется странным, можно посмотреть на лидера НТР и сквозь призму архаичной номенклатуры философии с ее делением на «теоретическую» и «практическую», фиксацией на этико-моральной сфере, где добродетелью видится искусство «домостроительства малого и большого», быта частного и государственного, малого и большого «домостроя», совершаемого на основе понимания, что есть добро и зло. У Маска есть то, что я обозначаю образно как “xPhilosophy”. Но мое повествование не о «философии бизнеса» Маска, к чему часто сводятся рассуждения внешних наблюдателей за фигурами масштаба Стива Джобса, Билла Гейтса и им подобных, превративших IT-субкультуру в глобальное явление, а о том, что определяет и саму «философию бизнеса»: повествование о мировоззрении того, кто формирует сегодня инфраструктуру жизни человека от его бытовой коммуникации, до когнитивных процессов.

Теперь несколько слов об эмпирической базе, о фактуре, на работе с которой строится моя «реконструкция», конструирование “xPhilosophy”. Сам Маск напрямую об этом почти не упоминает, но создает условие для понимания того, о чем, почему и для чего он

говорит. Как и в случае со Стивом Джобсом, у которого тоже присутствует невербализируемая им самим, но определенная «философия» технологического процесса через красоту, что подразумевает создание «одухотворенных предметов» (от гаджетов до сервисов), меняющих человека в сторону его улучшения. Мне приходится реконструировать Маска, используя его сообщения в «X», интервью, свидетельства соучастников и собеседников, ну, и, самое главное, имея для рефлексии и массив результатов в виде технологий создаваемой им «X-инфраструктуры» – так я обозначаю контуры его «цивилизации».

В комплексе идей Маска есть часть А – динамическая, флюидная, меняющаяся по причине чисто технологической, когда приходится корректировать убеждения, поскольку многие технологии все еще в процессе становления (тот же ИИ), и есть часть В – статичная, нечто базовое, где меняются формулировки, но не суть убеждений. Это и составляет предмет данных разысканий.

Из современных мыслителей, чьи идеи созвучны умонастроению Маска, отмечу нескольких. Прежде всего это шведский философ Никлас (Ник) Бостром (р. 1973). В 2022 году Маск перепостил ссылку на статью Бострома 2003 года «Астрономические потери: альтернативные издержки задержки технологического развития» [3], сопроводив ее фразой: «Вероятно, самая важная статья из когда-либо написанных». В статье Бостром попытался подсчитать потенциальные человеческие жизни, потерянные из-за задержки разработки технологий, необходимых для выживания «в доступной области Вселенной» на миллионы лет.

Ник Бостром принадлежит к группе философов и технологов, которые продвигают установку сознания, обозначаемую как «долгосрочное планирование». Он связан с трансгуманизмом – движением, в котором синтезированы идеи научные, философские, религиозные, инженерные. В 1998 году вместе с Дэвидом Пирсом он стал соучредителем Всемирной трансгуманистической ассоциации (World Transhumanist Association, WTA), которая после 2008 года стала именоваться «Humanity+» [4]. Задачей WTA было добиться признания за трансгуманизмом статуса движения, в основе которого лежит проведение научных исследований и формирование государственной политики, продвижение новой повестки в общественное сознание на основе разработок в областях ИИ, нанотехнологий и философии. Также особой сферой их усилий является преодоление косности массового сознания, привитие вкуса к футуристическому видению. Установка на формирование конструктивного видения будущего остается доминантной, что видно по программным заявлениям организации.

На данный момент «Humanity+» фокусируется на увеличении продолжительности жизни, достижениях в области ИИ, а также на будущем человечества, продолжая строить «философию и мировоззрение будущего», объединяя лидеров ИИ, сторонников увеличения продолжительности жизни и других ведущих мыслителей и визионеров. «Humanity+» выступает за этическое использование технологий и научно обоснованных методов для расширения человеческих возможностей. Особо подчеркивается, что они формируют мировоззрение не для элитарной части общества, а создают новую культуру для всего человечества: продвигают генную терапию для устранения мутаций, а не создание высшей расы; представляют сообщество не состоятельных людей, желающих «поиграть в Бога», а разнородную организацию, которая будет способствовать развитию более гуманного подхода к человечеству, улучшая мышление людей, акцентируя его на теме необходимости радикальных изменений в образе жизни, формируя рациональный подход к тому, каким может быть и должно быть будущее.

В 2004 году Бостром вместе с Джеймсом Хьюзом стал соучредителем Института этики и новых технологий. В 2005 году назначен директором созданного при Оксфорде Института будущего человечества (Future of Humanity Institute, FHI). Среди главных тем

этой институции риск глобальных катастроф, экзистенциальный риск. Чуть ранее, в статье 2002 года «Экзистенциальные риски, анализ сценариев вымирания людей и связанных с ними опасностей» (“Existential Risks, Analyzing Human Extinction Scenarios and Related Hazards”) Ник Бостром определил «экзистенциальный риск» как такой, при котором неблагоприятный исход либо уничтожит разумную жизнь земного происхождения, либо навсегда и радикально сократит ее потенциал. Также в сфере внимания FHI формирование методов оценки и повышения уровня человеческого интеллекта и рациональности как доминантного способа определения скорости и направления технологического и социального прогресса. Ник Бостром в соавторстве Джулианом Савулеску, специалистом по биоэтике, опубликовали книгу «Совершенствование человека» (“Human Enhancement”) [5]. Очень скоро исследователи FHI сосредоточили внимание на опасностях, связанных с продвинутым искусственным интеллектом. В 2014 году появилось несколько книг о рисках, связанных с ИИ, в частности «Умнее нас» Стюарта Армстронга и «Искусственный интеллект. Этапы, Угрозы, Стратегии» Ника Бострома.

Своего рода «зонтичной темой» для Бострома было формирование политики «долгосрочного планирования» и «эффективного альтруизма». Бостром среди тех, кто призывает современников к тому, что человечество должно в основном заниматься долгосрочными экзистенциальными угрозами своему существованию. Любое препятствие на пути к будущему должно быть преодолено; любая потенциальная угроза его осуществлению должна быть устранена. Институт просуществовал девятнадцать лет, и закрытие его было обусловлено не финансовым или концептуальным истощением. При всей прогрессивности Бостром допускал нечто неполиткорректное, в частности, стал достоянием общечеловечности его давний пассаж из электронной переписки, из которого следовало, что «черные глупее белых». Илон Маск финансировал Институт будущего (стоит сразу отметить, что он был лишь одним из финансовых «доноров»), становясь медиатором между Кремниевой долиной и «научным» миром, представляемым трансгуманистом Бостромом.

Когда в рамках судебного разбирательства по поводу предполагаемой покупки “Twitter”¹ были обнародованы текстовые сообщения Илона Маска, выяснилось, что он переписывался не только с технологическими миллиардерами, руководителями компаний и банкирами. В коммуникативном потоке были и сообщения от шотландского философа-моралиста Уильяма Макаскилла, выступавшего посредником для криптомиллиардера Сэма Бэнкмана-Фрида, который «уже некоторое время проявлял потенциальный интерес к покупке “Twitter” и последующему улучшению его работы для всего мира», – написал г-н Макаскилл г-ну Маску в марте. Маск и Макаскилл знакомы с 2015 года, когда встретились на конференции по эффективному альтруизму. Г-н Маск также писал в «Твиттере», что философия благотворительности г-на Макаскилла схожа с его собственной.

В своей основе эффективный альтруизм посвящен вопросу о том, как можно сделать «как можно больше добра», используя имеющиеся в распоряжении деньги и время. Макаскилл был одним из основателей группы “Giving What We Can”, созданной в Оксфорде в 2009 году. Члены группы обещали отдавать не менее 10% заработанных средств наиболее экономически эффективным благотворительным организациям. Макаскилл полагал, что люди, живущие сегодня, несут ответственность не только перед современниками, проживающими в других местах планеты, но и перед будущими поколениями. В книге «Что мы должны будущему» (“What We Owe the Future”) философ Уильям Макаскилл отстаивает долгосрочный подход, то есть идею о том, что позитивное влияние на далекое будущее является ключевым моральным приоритетом нашего времени. С этой точки зрения, недостаточно обратить вспять негативное изменение климата или предотвратить следую-

¹ Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

щую пандемию. Мы должны ориентироваться на большее: обеспечить (гарантировать) восстановление цивилизации в случае угрозы ее краха, противостоять упадку морального прогресса и подготовиться к жизни на планете, где самые умные существа не биологические, а цифровые.

Термин “long-termism” (долгосрочное планирование) был введен в оборот примерно в 2017 году оксфордскими философами Уильямом Макаскиллом и Тоби Ордом, а позиция была сформирована на основе работ Ника Бострома, Ника Бекстеда и других [6]. В августе 2019 года Маск ретвитнул объявление Макаскилла о выходе книги «Что мы должны будущему», с замечанием: «Стоит прочитать. Это очень близко к моей философии». Макаскилл в ответ выдал большой пост, в котором говорил о некоторых моментах, в которых он согласен с Маском, и о многих областях, в которых он с ним не согласен (например, они не сошлись во мнениях по поводу заселения космоса в ближайшем будущем). Книга Макаскилла – это призыв к принятию философии, известной как «долгосрочный подход», которую он определяет как «идею о том, что позитивное влияние на долгосрочное будущее является ключевым моральным приоритетом нашего времени». Эффективный альтруизм, утилитаристское убеждение, согласно которому люди должны сосредоточить свою жизнь и ресурсы на максимизации глобального блага, которое они могут принести.

В 2018 году сотрудники Института будущего человечества (FHI) Оксфордского университета Андерс Сандберг, Эрик Дрекслер и Тоби Орд опубликовали исследование «Развенчание парадокса Ферми» (“Dissolving the Fermi Paradox”), в котором доказывалось, что Земля в настоящее время является единственным местом существования развитой цивилизации в «наблюдаемой Вселенной». И Маск, тогда еще в «Твиттере», сопроводил сообщение о статье наставлением человечеству: вот потому мы должны сохранить свет сознания, став космической цивилизацией и распространив жизнь на другие планеты, и поскольку неизвестно, являемся ли мы единственной живой цивилизацией в наблюдаемой Вселенной, то должны использовать любой шанс для распространения жизни за пределы Земли.

В статье Маска «Преобразование человечества в многопланетный вид» (“Making Humans a Multi-Planetary Species”), опубликованной в научном журнале “New Space” (2017), представлено видение будущих пилотируемых полетов на другие планеты и в частности того, что потребуется для создания автономного города на Марсе. В основе этой статьи его доклад на 67-м Международном астронавтическом конгрессе. В статье Маск объяснил причины своего «агрессивного» стремления к освоению космоса: если человечество решит навсегда остаться на Земле, это грозит ему вымиранием. Так что, спасая человечество от вымирания, Маск формирует (с 2002 года) проект “SpaceX”. Приступая к реализации, он посетил ряд аэрокосмических предприятий по всему миру и обнаружил, что стоимость ракеты астрономическая. Склонный подходить к вещам с точки зрения физики, которая учит рассуждать, исходя из основных принципов, а не по аналогии, Маск рассудил следующим образом. Из чего сделана ракета? Из алюминиевых сплавов, титана, меди, углеродного волокна, и стоимость всех необходимых для ракеты материалов составляет около 2% общей суммы. В итоге вместо того чтобы покупать готовую ракету, Маск решил закупать сырье по низкой цене и строить ракеты. Так, разложив ситуацию на базовые составляющие, он решил проблему, сформировав новую аэрокосмическую отрасль для реализации своей мечты, в основе которой спасение человечества от вымирания через расселение. Процесс мышления, отмечал Маск, слишком часто завязан на конвенциях и аналогиях с предыдущим опытом, и редко когда люди пытаются создать или придумать что-то на основе первичных принципов. Но мышление стоит строить с фундамента, «из первичных принципов», как это принято, например, в физике: вы изучаете основы и, исходя из них, выстраиваете свои выводы. Только так можно оценить решения, независимо от того, что делали или не делали люди до вас».

Так, разложив сложное на составные элементы, можно сложить из этих элементов не просто другое сложное, но более интересное, эффективное, прибыльное. Развивая проект, Маск вложилась и в политический процесс, в предвыборную кампанию. Трамп обозначил тему миссии на Марс в своей инаугурационной речи (2025), из которой следовало, что «золотой век Америки» начинается прямо сейчас, что США имеют основания считать себя растущей нацией, которая увеличивает богатство страны, расширяет территорию, строит города, повышает наши ожидания и несет наш флаг к новым и прекрасным горизонтам, и он с командой единомышленников будет продолжать уже заявленное ранее стремление к звездам, запуская астронавтов, «чтобы поставить звездно-полосатый американский флаг на Марсе, будущее за Штатами, и Золотой век Америки только начался» [7]. Как результат: на должность главы НАСА назначен Джаред Айзекман, который пообещал Сенату, что Вашингтон опередит Пекин в лунной гонке, а НАСА «подготовит почву для будущих миссий на Марс и дальше», отчасти за счет «расширения и ускорения инвестиций в программы ядерных двигателей и наземной энергетики».

Незадолго до появления на свет Илона Маска человечеству напомнили пророчество Мальтуса, в основе которого видение развития жизни на Земле как катастрофического процесса: люди размножаются в геометрической прогрессии, продукты производятся в арифметической. Этот взгляд на будущее повторился в 1960-х годах на фоне «беби-бума». В 1968 году публикуется книга «Демографическая бомба» (“The Population Bomb”), написанная в соавторстве Полом Р. Эрлихом и Анной Х. Эрлих, бывших сотрудниками Стэнфордского университета. С первой страницы они предрекали всемирный голод из-за перенаселения, а также другие крупные социальные потрясения и призывали к немедленным действиям по ограничению роста населения. А у Маска тревога другого рода – по поводу низкой рождаемости.

В 2022 году он написал, что «сокращение численности населения из-за низкой рождаемости представляет гораздо большую угрозу для цивилизации, чем глобальное потепление». В интервью канадскому психологу Джордану Питерсону (2024) Маск отметил, что упадок религии приводит к низкой рождаемости, что может кардинально изменить будущее цивилизации, что когда культура теряет свою религию, она начинает становиться антинатовалистской, численность населения сокращается, и культура может исчезнуть. Маск, на тот момент отец двенадцати детей, добавил, что Пол Эрлих, автор «Демографической бомбы», выступавший против рождения детей, был «маньяком-геноцидником», нанесшим «огромный ущерб человечеству». Рождение ребенка, с точки зрения Маска, это «голосование за будущее». Противостоя экзистенциальным рискам, Маск произвел на свет от трех женщин тринадцать детей. Это было его личным вкладом в прогресс, индивидуальной борьбой с социальным риском снижения рождаемости во всем мире, подтверждением делом своего пронатализма. Если мы не создаем новых людей, то и нет человечества, подчеркнул он в интервью Питеру Диамандису. Одержимый идеей размножения, Маск даже сторонникам однополых браков настоятельно рекомендует заводить детей.

Но пока людей мало. К тому же у них низкая производительность. Нужны помощники: механизмы, роботы. Как вариант также: модификация людей, трансформация их в киборгов. Люди должны стать киборгами, если хотят оставаться востребованными в будущем, где доминирует искусственный интеллект. Такое предупреждение он сделал на Всемирном правительственном саммите в Дубае в 2017 году. Со временем мы станем свидетелями более тесного слияния биологического и цифрового интеллекта, предположил Маск. В эпоху, когда ИИ может стать повсеместным, люди могут оказаться бесполезными, так что им необходимо как вариант соединиться с машинами. Высокоскоростной интерфейс в мозгу поможет достичь симбиоза между человеческим и машинным интеллектом, что, как предполагается, решит проблему управления. Возможно создание

нового слоя мозга, способного быстро получать доступ к информации и использовать потенциал искусственного интеллекта. Ну, и особая тема – роботы. Так что помимо поощрения размножения людей Маск активно инвестирует в их модификации, гибридные формы биологического и цифрового, а также создание чистых искусственных систем на основе ИИ.

Маск не выдал «большого текста» для презентации своего мировоззрения, но совокупность высказываний и действий, круг поощряемых им людей и институций дают полезный для анализа материал: Ник Бостром и трансгуманисты (“Humanity+”), Уильям Макаскилл, «долгосрочное планирование», «эффективный альтруизм», фиксация «экзистенциальных рисков» и их предотвращение с выходом на «золотой век» в виде своеобразного «космоцентризма» – увеличение популяции и расселения человечества на других планетах, что повышает шансы на выживание и дальнейшее совершенствование. В этом он, кстати, очень похож на К.Э. Циолковского с его техноцентризмом и этикой, подразумевающей размножение и расселение в Космосе с последующей трансформацией до чистой энергии (только у нашего «отца» космонавтики персональная пенсия и медаль от советской власти, а у Маска состояние, приближающееся к триллиону).

Убеждения Маска вписываются во многие направления мысли: «космическая философия» Циолковского, «Общее дело» Н.Ф. Федорова. В его разумной трансформации человека можно увидеть новый гуманизм (постгуманизм), высокодоходный трансгуманизм, экзистенциально ориентированный бизнес. Идеи Маска созвучны марксизму, анархизму, Просвещению классическому и «темному». При желании любой может сделать из Маска союзника или врага рода человеческого.

В основе философии Маска убеждение, что технологии должны возвышать человека. Они – расширение его возможностей, «гаджеты» на его пути к счастью, нечто интеллектуальное для эмоционального. В своих технологиях (массе модуляций «X») он видит базовые элементы, способствующие прогрессу, но при условии «ответственного использования», что подразумевает фиксацию на аксиоме морального типа: никто никогда и нигде не должен страдать.

С одной стороны, опора на естественное, на живое, на человека во всех его видовых особенностях, с другой – ставка на модифицирование, трансформации человека через симбиоз с искусственным, модернизацию, улучшение породы (киборгизация). Некоторые противятся этой модели развития, видя в ней возрождение социальной селекции, евгеники. Однако идея трансформации человека древняя – мифы, сказки, религии полны сюжетами метаморфоз под воздействием (сознательным) внешних сил (добрых, злых).

Перед нами этикоориентированная интеллектуальная инженерия, где моральная доминанта – избавление человека от страдания. С одной стороны, все во имя человека, все во благо человека, с другой – человек не только цель, но и средство, инструмент. Но Маск ориентирован на создание мира, где минимизируется «инструментальность» человека, формируется экосистема из умных орудий (социальных, физиологических, когнитивных).

В итоге – этикоориентированная интеллектуальная инженерия, где моральная доминанта, но без божественного, «трансцендентного», спекулятивного, мистического. Это, по сути своей, а) сциентизм и технократизм, ставка на науку и технику. Мы найдем здесь и б) «физикализм» в контексте логического позитивизма (Карнап, Нейрат и др.): все осмысленные предложения можно и нужно перевести на язык точной науки, например, редуцировать к предложениям физики; предложения, не поддающиеся такой операции, рассматривались как лишённые научного смысла. Как следствие в) редукционизм в стилистике Маска: сложные явления могут быть полностью объяснены с помощью законов, свойственных явлениям более простым. Отсюда и специфическая речь Маска, вся система коммуни-

кации, стиль мышления, что можно обозначать через такие конструкции, как “Musk Speak” / “Musk Tinking”.

Как свойство этой ментальной структуры в контексте темпоральности – слабый интерес к прошлому. И не только по дефициту свободного времени Маска. Ставка делается на аналитику настоящего на основаниях науки, формирование контуров будущего. Ориентация на будущее, но проектирование будущего из подконтрольного настоящего. Важно проектировать будущее именно из управляемого настоящего, в противном случае это будет просто фантазирование, чего полно в прошлом. Прошлое интересно, точнее, забавно, но не более того. Важнее будущее, настоящее азартно – даже когда состояние (нервная реакция биржи, котировки акций) за пару часов уменьшается на несколько миллиардов.

Маск не претендует на роль властителя дум. Не философ, но идентифицирует определенные сюжеты своего мировоззрения как «философию». Вне религии, но симпатизирует ей как культуре, в которой формировался человек. Вне науки как профессии, но его умонастроение сформировано наукой – практикоориентированная ученость. Как результат – интеграция науки в повседневность.

Культ свободы, но и укрепление социальности. Политически не ангажирован. Симпатия к религиозным элементам сознания, антипатия к идеологическим / политическим. Толерантен к людям нетрадиционной ориентации, но против левацкого «вокизма» («пробуждения»), который позиционируется им как «вирус» (“woke mind virus”). Маск видит в нем угрозу цивилизации, поскольку этот ментальный «вирус» разделяет людей, подрывает традиционные ценности и меритократию. Приобретение “Twitter” (ныне “X”) как «цифровой городской площади», где открытый диалог, необходимый для прогресса общества.

Желание приносить пользу имеет экономический формат. Это нечто дельное и прибыльное. Экзистенциальное предпринимательство: опора на ценности материальные и духовные. Утилитарный подход: высшая ценность – человек во всем его разнообразии; избавление от страдания через экзистенциально ориентированные технологии, которые должны быть среди прочего прибыльными (высокодоходными). Экзистенциальные высокоинтеллектуальные технологии могут сделать человека счастливым. Не иллюзию счастья сформировать (по типу «дивного мира» Хаксли), а платформу, «X-инфраструктуру», которая дает инструменты жить в удовольствие и со смыслом, который у каждого свой. Маск не придумывает универсальные смыслы, но дает возможность вести осмысленную жизнь, живя в удовольствие и не причиняя страданий другим. Начни с себя, дай другому возможность изменить себя. Ничто так не убеждает массу как реальный технопродукт, избавляющий от страдания (физиологического, психологического, социального и иного). Улучшать можно и нужно все, включая сознание. «Душа» – метафора, реальность – сознание, с ним и надо работать, улучшая плоть, либо помещая сознание в новое «тело».

Философия Маска практическая, «домостроительная»: улучшение жизни любого человека, воплощение блага (не страдать от зла и не творить его самому) через технологии. Избегай зла, да помогут тебе интеллектуальные технологии творить добро и пребывать во благе! В этом его идеология созвучна как христианству, так и прагматизму, как гуманизму, так и утилитаризму.

Литература

1. Dr. Peterson x Elon Musk [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rutube.ru/video/66756718429f049cdeefb13367f37523/?ysclid=mlzcu6civt490580902>
2. Elon Musk Joins Ben Shapiro for Wide-Ranging Interview [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://yandex.ru/video/preview/5304751565776921417>
3. *Bostrom, Nick. Astronomical Waste: The Opportunity Cost of Delayed Technological Development // Utilitas. 2003. No 15 (3). P. 308–314.*
4. Humanity+ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.humanityplus.org>

5. Savulescu, Julian; Bostrom, Nick. Human Enhancement. Oxford: OUP, 2009.
6. Macaskill, William. Longtermism // Effective Altruism Forum. 2019.07.25.
7. Donald Trump's Second Inaugural Address [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/01/the-inaugural-address/>

Аннотация. Статья представляет опыт реконструкции мировоззрения Илона Маска. На лидера научно-технической революции автор предлагает посмотреть сквозь призму номенклатуры философии с ее делением на «теоретическую» и «практическую», с фиксацией на этико-моральной сфере. В комплексе идей Маска есть часть А – динамическая, флюидная, меняющаяся по причине чисто технологической, когда приходится корректировать убеждения, поскольку многие технологии все еще в процессе становления, и есть часть В – статичная, нечто базовое, где меняется его формулировка, но не суть убеждений. Реконструкция идеологии Маска производится на основе его сообщений в “X”, интервью, свидетельств соучастников и собеседников, имея при этом для рефлексии и массив результатов в виде технологий создаваемой им «X-инфраструктуры», контуров его «цивилизации».

Ключевые слова: философия, технология, христианство, культура, идеология, техника, интеллект, мировоззрение, космос, психология, антропология, прогресс, гуманизм, трансгуманизм, киборги, роботы.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Поступила в редакцию 1 октября 2025. Принята к печати 9 октября 2025.

Vasily V. Vanchugov, Doctor of Philosophy; Professor, Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. E-mail: vanchugov@gmail.com

Philosophic and Technological Elements in Elon Musk Ideology in the Period of Trump's Second Presidency

Abstract. This article presents an attempt to reconstruct Elon Musk's worldview. The author suggests to view the leader of the scientific and technological revolution through the prism of the philosophical nomenclature, which divides philosophy into “theoretical” and “practical”, with the focus on the ethical and moral sphere. Musk's complex of ideas includes, firstly, a dynamic, changing component, driven by purely technological factors, requiring adjustments to beliefs, as many technologies are still in the process of development. Secondly, there is a static component, where the wording can be changed, but not the essence of the beliefs. The author's reconstruction of Musk's ideology is based on a trove of his messages on the X network, interviews, and testimonies of associates and interlocutors. The author also uses, for reflection, a trove of results in the form of technologies from Musk's “X-infrastructure” and his “civilization” contours.

Keywords: Philosophy, Technology, Christianity, Culture, Ideology, Technics, Intelligence, Worldview, Space, Psychology, Anthropology, Progress, Humanism, Transhumanism, Cyborgs, Robots.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Received: October 1, 2025. Accepted: October 9, 2025

Движение BLM в США: конструирование идеологии

Движение “Black Lives Matter” («Черные жизни важны»), или сокращенно BLM, стало важным фактором американской и мировой политики на рубеже 2010–2020-х годов, оказав значительное влияние как на положение дел в США, так и на мировую ситуацию. Достаточно сказать, что без BLM-протестов летом 2020 года, скорее всего, не произошло бы избрания президентом США Джо Байдена. Это избрание, в свою очередь, привело к значительному обострению геополитического кризиса вокруг Украины, приобретшего с началом Россией Специальной военной операции 24 февраля 2022 года характер глобального геополитического, дипломатического и военного противостояния. Протесты BLM и поражение Дональда Трампа на президентских выборах 2020 года обострили и внутривнутриполитическое противостояние в США, поставив страну на грань политического раскола.

Все больше американцев опасается новой гражданской войны. Соответствующие настроения выразились в фильме Алекса Гарленда “Civil War” (в российском прокате «Падение империи»), где на стороне президента выступают американские белые идентитаристы, а основу мятежников составляет «интерсекциональная» коалиция небелого населения Америки. В конце фильма мятежники побеждают, а президента убивают прямо в Овальном кабинете. Победители с улыбками фотографируются над его трупом.

Новое избрание Трампа в 2024 году, несмотря на рекордное количество поданных за него голосов, лишь усугубило ситуацию. Жесткие антииммигрантские рейды ICE (United States Immigration and Customs Enforcement) вызвали массовые волны протестов в Миннеаполисе (том самом городе, в котором после гибели Джорджа Флойда стартовала в 2020 году BLM-революция). 7 января 2026 года 37-летняя белая американка Николь Гуд была застрелена сотрудниками ICE, увидевшими опасность в движениях ее автомобиля. 24 января 2024 года снова в Миннеаполисе был застрелен другой белый участник протестов – Алекс Претти, который, по словам агентов ICE, угрожал им пистолетом. Характерно, что обе смерти не вызвали такой подавляющей волны протестов, как смерть Джорджа Флойда, что еще раз показывает – события 2020 года были хорошо подготовленной цветной революцией, а также, что для сторонников BLM действительно имеют значение прежде всего «черные» жизни. Лишение жизни белых, даже тех, которые поддерживают черную повестку, такого отклика не вызывает.

Смерть Гуд и Претти вызвала прежде всего раскол в стане поддерживавших Трампа политиков-республиканцев, Министерство внутренней безопасности США и ICE остались без финансирования со стороны Конгресса. Промежуточные выборы 2026 года, сулящие республиканцам потерю большинства в обеих палатах, могут подстрекнуть дальнейшие

Холмогоров Егор Станиславович, сотрудник Учебно-научного центра «Высшая политическая школа имени Ивана Ильина» РГГУ и Центра фундаментальных и прикладных научных проектов РГГУ. E-mail: holmogorow@yandex.ru

активные мероприятия по политическому отстранению Трампа, в том числе с помощью новой версии BLM-протестов.

Движение BLM может рассматриваться как часть более общего исторического процесса, который Н.М. Травкина и В.С. Васильев небезосновательно именуют «деамериканизацией США» [1]. В известном смысле можно говорить и о еще более общем процессе – девестернизации Запада. В рамках этого процесса в современных западных обществах не только утрачивают свое господство прежде создавшие их расы и этносы, происходит отказ от фундаментальных ценностных установок, зачастую рассматриваемых как фундамент западной мировой гегемонии, – социокультурная ориентация на труд, достижительность, меритократия. Все эти установки в рамках «критической расовой теории», которая стала идеологическим фундаментом BLM, рассматриваются как проявления системного расизма и потому подлежат «отмене».

Феномен BLM выходит далеко за рамки конкретно-исторических процессов в США в первой трети XXI века. Он так или иначе отражается в политических процессах других стран. На Западе в форме «антирасистских» протестов.

В России воздействие BLM носит двоякий характер. С одной стороны, в дискурсе российского политического большинства, в том числе и официальных СМИ, феномен BLM рассматривается как симптом социально-политического упадка США, воспринимается глазами американских консерваторов. Но, с другой стороны, у определенной части воздействующих на Россию общественных сил формируется запрос на конструирование в самой России аналога BLM-дискурса, в котором роль угнетенных и дискриминируемых чернокожих и поддерживающей их интерсекциональной коалиции будут играть мигранты, выходцы из стран Средней Азии и Закавказья, а также граждане России из северокавказских республик, в то время как патриотическим организациям типа «Русской общины» в этой логике навязывается имидж американских ультраправых.

Как мы покажем далее, BLM-дискурс является результатом сознательного социального конструирования, шедшего во второй половине XX – начале XXI столетия. В рамках этого конструирования чернокожему населению США был навязан статус общины, которая не только не стремится к интеграции в «белое» американское общество, но и наращивает уровень своей сегрегации, одновременно эксплуатируя белое сообщество через механизм «вины». Опыт такого конструирования может быть повторен и в других обществах, в том числе и российском. Поэтому формирование идеологии BLM заслуживает нашего внимания не только в американоведческом, но и в общеполитологическом контексте.

Расовая проблема в США

Предпосылки идеологии “Black Lives Matter” (BLM) связаны со специфической расовой и социокультурной ситуацией, сложившейся в США по окончании гражданской войны 1861–1865 годов в результате освобождения рабов. После прокламации президента Линкольна от 22 сентября 1862 года изменился юридический статус более 3,5 млн чернокожих рабов. Возник вопрос о их дальнейшей судьбе.

Сам Линкольн выступал за вывоз бывших рабов назад на африканский континент, где еще в 1822 году американскими противниками рабства было основано государство Либерия, предназначенное стать мостом для чернокожих американцев назад в Африку. Однако реализации этого плана мешало многое. Афроамериканцы были потомками угнанных в рабство представителей самых разных африканских племен, у них почти не осталось прежних этнических традиций, не говоря уже о реальных общинных структурах или языке. Хозяйственно-культурная адаптация афроамериканцев тоже была завязана на капиталистическую экономику Соединенных Штатов. В то же время южные штаты не могли

обойтись без труда чернокожих, однако белое население этих штатов категорически отрицало возможность действительного равноправия бывших рабов.

Фактически в США сформировались две этническо-расовые общины: белое большинство и значительное черное меньшинство, имевшее районы компактного проживания как на юге страны, так и во все возрастающей степени на севере, в превратившихся с годами в гетто районах крупных мегаполисов [2].

Попытки северян, сторонников Республиканской партии – «янки», превратить равноправие чернокожих в инструмент своего политического контроля над южными штатами в конечном счете провалились. Капитулировав в военном и политическом плане, южане продолжили борьбу в форме тайного движения «Ку-клукс-клан», имевшего во многом парамасонский характер [3]. Это движение осуществляло террор как против прибывших с севера активистов-республиканцев, так и против чернокожих – политически активных или замеченных в преступлениях против белых. Целью «клана» провозглашалась защита жизни, безопасности и собственности белого населения южных штатов.

«Ку-клукс-клан» именовал себя «Невидимой империей» и имел законспирированную централизованную иерархию, возглавляемую «великим магистром», при котором состоял совет из десяти «гениев». Рядовые члены клана именовались «вампирами». Великим магистром был генерал Н.Б. Форрест, официально отрицавший свою принадлежность к организации. Тем не менее он сообщал в прессе, что в штате Теннесси численность членов «Ку-клукс-клана» превышает 40 тысяч. По некоторым данным, в клане состояло до 2 млн человек. С 1865 по 1870 год клановцы, по данным Конгресса США, совершили 15 тыс. убийств [4, с. 236–237].

Главной политической целью клановцев было сопротивление мероприятиям по «реконструкции» Юга, проводившимся после гражданской войны по инициативе Конгресса и ставшим особенно интенсивными после вступления в должность президента США генерала Улисса Гранта. Ответом Гранта стали жесткие мероприятия, включая принятие в 1871 году закона о «Ку-клукс-клане» [5]. В том же году первый «Ку-клукс-клан» был распущен его лидером генералом Форрестом, так как было объявлено, что организация достигла большей части своих целей.

В ходе «Компромисса Тилдена – Хейса» в 1877 году республиканский истеблишмент пошел на масштабные уступки в обмен на отказ Демократической партии, представлявшей в этот период интересы южан, добиваться признания победы на президентских выборах в США своего кандидата Сэмюэля Тилдена, набравшего большинство голосов. В результате этого компромисса южные штаты получили полуавтономное положение, в частности, федеральное правительство отказалось от вмешательства в их расовую политику – на Юге начал формироваться режим расовой сегрегации. При этом в 1884 году президентом США все-таки был избран демократ Гровер Кливленд. «Кливленда обвиняли в том, что он вернул флаги Конфедерации, которые являлись боевыми трофеями армии Союза, южным штатам, и в том, что он выгнал из своей администрации 40% республиканцев – ветеранов Гражданской войны» [6, с. 174].

Режим сегрегации отсчитывает свое начало от закона Луизианы 1890 года, ограничивавшего права черных при поездках на железной дороге. В следующее десятилетие во всех штатах так называемого монолитного Юга были приняты законы, ограничивавшие гражданские, политические и бытовые права чернокожего населения. Появились даже «закатные города», в которых пребывание чернокожих и цветных после заката было запрещено. Ограничивалась и служба черных в вооруженных силах США, что объяснялось их склонностью к дезертирству по расовым мотивам, проявившейся в ходе кампании 1899 года на Филиппинах. Между Первой и Второй мировыми войнами ВМС США стали

зоной, полностью защищенной от чернокожих, им не без сопротивления разрешили служить лишь стюардами и уборщиками столовых.

«Афроамериканские деятели Юга практически не проявляли открытой негативной реакции в ответ на узаконивание практики расовой сегрегации в регионе, – отмечает Д.Н. Воробьев. – Причиной тому был не только страх, но и политика, проводимая общепризнанным афроамериканским лидером Б.Т. Вашингтоном, являвшимся директором популярного технического училища для «цветных» в городке Таскиги, штат Алабама. В своей знаменитой речи, произнесенной на международной выставке в Атланте в 1895 году, Вашингтон, осознавая, что белое сообщество Юга не было готово признать равенство двух рас, предложил межрасовый компромисс: в обмен на принятие чернокожим населением, пусть и на время, сегрегации и частичного лишения гражданских и политических прав власти южных штатов должны были содействовать образовательному и экономическому развитию афроамериканцев» [7, с. 135–136].

К середине XX столетия США, претендовавшие на роль ведущей демократической страны мира, оставались обществом с довольно жесткой расовой сегрегацией, в котором в достаточно конфликтном режиме сосуществовали белая и черная общины. Единство и порядок обеспечивались прежде всего абсолютным доминированием белого большинства – в частности, угрожавшая белым криминальная активность чернокожих преступных сообществ жестоко и зачастую даже без правовых формальностей подавлялась [8]. Отчужденность чернокожих от базового сообщества, составлявшего ядро американской нации, была, таким образом, результатом сознательной политики элит США, поддерживаемых, впрочем, широкими слоями белого населения, особенно на Юге и Западе США.

Движение за гражданские права. Попытка интеграции

В 1950–1960-х годах в положении афроамериканцев начали происходить значительные перемены. Началось движение за гражданские права, возглавляемое Мартином Лютером Кингом [9]. Борьба вокруг сегрегации в автобусах в Монтгомери (штат Алабама). Борьба вокруг школ Литтл-Рока (Арканзас). Характерно, что в этих и многих других случаях на стороне противников десеграции выступало федеральное правительство, возглавляемое республиканцами. На защиту интересов чернокожих пускалась в ход армия США. Не исключено, что помимо собственно восстановления расовой справедливости республиканцы могли стремиться к подрыву влияния «южных демократов», контролировавших южные штаты.

Однако конечными выгодополучателями кампании за гражданские права стали северные либералы из Демократической партии – братья Кеннеди и Линдон Джонсон. В ходе политической борьбы 1960–1970-х годов произошел своего рода «обмен оружием». Чернокожие начали массово голосовать за демократов как за либеральную антирасистскую силу. Белые «Южные демократы» во главе с губернатором Алабамы Джорджем Уоллесом начали раскалывать Демпартию, что привело к ее поражению на президентских выборах 1968 года, а затем начали дрейф в сторону Республиканской партии. В конечном счете «демократический» белый Юг стал республиканским, мало того – оплотом республиканцев.

Движение черных за гражданские права во главе с Мартином Лютером Кингом с самого начала находилось под плотной опекой Уолтера Рейтера, могущественного профсоюзного босса, лидера UAW – Объединенного профсоюза работников автомобильной промышленности. Фактически именно Рейтер организационно стоял за активностью Кинга, был спонсором и организатором Марша на Вашингтон и других акций за права чернокожих. Целью Рейтера было превращение США в социал-демократическое государство. И движение чернокожих было лишь частью его более общего замысла.

Рейтер считался лицом, диктующим, по сути, политику президентам-демократам, Джону Кеннеди и особенно Линдону Джонсону. «Я не могу представить ничего более пагубного для этой нации, чем то, что любой президент обязан своим избранием и, следовательно, является пленником такого политического босса, как Уолтер Рейтер», – заявлял в 1960 году вице-президент и республиканский кандидат в президенты Ричард Никсон [10, с. 376]. А консервативный политик, кандидат от республиканцев на президентских выборах 1964 года Барри Голдуотер заявил, что Рейтер «был более опасен для нашей страны, чем спутник или что-либо, что могла бы сделать Советская Россия» [11, с. 111].

Движение за гражданские права чернокожих во главе с Мартином Лютером Кингом было важным инструментом в политической борьбе в Вашингтоне в 1950–1960-х годах, выступая в качестве своего рода тарана для американских либералов при революционном изменении ими политической повестки. При этом «афроамериканская мечта» самого Мартина Лютера Кинга состояла именно в интеграции двух сообществ, черного и белого, прежде всего за счет принятия черных в состав белого сообщества, признания их равноправия. Ю.М. Чантуридзе справедливо подчеркивает, что борьба за гражданские права чернокожих в понимании Мартина Лютера Кинга – это «борьба за должное отношение к афроамериканцам в обществе: за избавление от сегрегации и дискриминации, уравнивание афроамериканцев и белых американцев в правах и признание их неотъемлемой частью популяции США» [12, с. 112–113].

Малкольм Икс и формирование черного расизма

Рядом с интегрированным в американский политикум движением Мартина Лютера Кинга существовал совершенно иной тип политической активности – ориентация на сегрегацию, но со стороны черных, черный расизм, репатриация из Соединенных Штатов в Африку.

Именно на этом пути настаивало сформировавшееся в 1930-х годах движение «Нация ислама» [13–16]. Оно объединяло значительное число чернокожих, действуя в духе радикальных американских постпротестантских сект, таких как мормоны, «Свидетели Иеговы» или «Христианская наука». Для таких сект характерна установка на маргинализацию своих членов, вывод их из общества при помощи достаточно странных религиозных правил, обрядности, учения и даже мифологии. Спецификой «Нации ислама» было то, что она обращалась исключительно к чернокожему населению, а основой ее мифологии было не христианство, а ислам. При этом от ортодоксального ислама учение «Нации» было чрезвычайно далеко, в частности потому, что основатель секты Уоллес Фарад Мухаммед, исчезнувший в никуда, провозглашен был воплощением Аллаха.

Лидер секты, Элайджа Мухаммед, построил «Нацию ислама» на доктрине черного расизма, в основу которой была положена специфическая мифология, представляющая собой настоящую теорию заговора, а в чем-то одну из версий космической фантастики [17]. Согласно этой мифологии, изначально люди были черными, разделенными на 13 кланов, и находились на высочайшем уровне научно-технического развития. В ходе войны кланов Земля была взорвана, отколовшийся от нее кусок стал Луной, а большинство черных кланов погибло. Ученый Якуб собрал своих последователей и в результате генетических экспериментов вывел первых белых людей, евреев, от которых произошли остальные белые. Белые являются сущими дьяволами (использовался именно этот термин), которые используют обман и насилие, чтобы присвоить достижения черных и угнетать их.

В рамках подобной мифологии сосуществование и равноправие двух расовых общин, конечно, представлялись совершенно невозможными. Задачей черных «Нация ислама» провозглашала выселение из США, для чего требовалось создать транзитное

государство на американском Юге. Средством воздействия на белых считалось, в частности, уклонение от воинской службы, за призыв к которому Элайджа Мухаммад был осужден в годы Второй мировой войны.

В тот же период, когда возросла активность движения за гражданские права, возросла и активность «Нации ислама», получившей энергичного вожака и оратора в лице Малкольма Литтла, взявшего псевдоним «Малкольм Икс». Молодой чернокожий уголовник принял в тюрьме основные доктрины «Нации ислама» и превратился в их талантливую и яростную пропагандиста, настоящую «звезду рок-н-ролла» в черном движении [18–20]. Малкольм Икс стал своеобразным антиподом Мартина Лютера Кинга. А.А. Шумаков произвел сопоставление программ двух черных вождей [21].

Мартин Лютер Кинг. Интеграция темнокожих в белый социум. Преобразование американского общества. Интернационализм. Пацифизм. Ориентация на черный средний класс. Ссылки на «отцов-основателей» и на просвещенческую парадигму американского общества. Ненасильственное сопротивление. Социальная революция черных.

Малкольм Икс. Полное отделение темнокожих от белых. Невозможность справедливого преобразования американского общества в силу «хищнической природы белого человека». Черный национализм. Пропаганда «самообороны» любыми методами и насильственного сопротивления. Ориентация на черные низы. Полное отрицание «расистского» законодательства и истории США как «истории рабства, дискриминации и угнетения», которое началось с прибытия пилигримов на «Мэйфлауэре». Национально-освободительная «черная революция» как часть всемирной черной революции, «которая уже вытеснила белое превосходство из Африки, Азии и выметает его из Латинской Америки и также сейчас проявляет себя здесь, среди черных масс в этой стране» [21, с. 54]. Дальнейшая эволюция взглядов Малкольма Икс шла именно по линии встраивания черного движения в Америке в глобальную черную антиколониальную революцию стран Третьего мира. Он начал активно посещать Ближний Восток, встречался с Г.А. Насером, Ахмедом Бен Беллой, Кваме Нкрумой, принял вместо сектантского учения «Нации ислама» аутентичный суннитский ислам, с почетом был принят в Саудовской Аравии. Малкольм Икс начал налаживать взаимоотношения и с Мартином Лютером Кингом. У черной Америки появился мощный политический лидер, способный влиять на внутриамериканские политические процессы в интересах стран Третьего мира.

Вряд ли в этой связи может рассматриваться как случайность убийство Малкольма Икс 21 февраля 1965 года, списанное на лидеров «Нации ислама» Элайджу Мухаммеда и Луиса Фарраха, проклявших «отступника». Малкольм Икс начал рассматриваться властями США как опасная уже в международном политическом масштабе фигура. Если в составе «Нации ислама» он выполнял функцию радикального «спойлера» движения за гражданские права (создание ультрарадикальных организаций-спойлеров – норма для спецслужб всех стран мира, и вряд ли ФБР при Герберте Гувере пренебрегло такой возможностью), то, став коммуникатором с Третьим миром, Малкольм Икс приобрел крайне опасную в условиях геополитической турбулентности самостоятельность. Поэтому высказываемые сейчас в США гипотезы о причастности ФБР к гибели Малкольма Икс перестают казаться «теорией заговора» [22].

Косвенным результатом убийства Малкольма Икс стало то, что в сознании американского общества запечатлелись прежде всего его проповеди и выступления периода членства в «Нации ислама» – черный расизм, сегрегационизм, установка на насильственный протест, а главное – рассмотрение всей социальной системы и исторического пути США как системно бело-расистских и в принципе не поддающихся перестройке. Эти идеи Малкольма Икс инициировали позднейшие радикальные черные движения, а также сыграли большую роль в оформлении «критической расовой теории», ставшей теоретическим фундаментом BLM.

Стокли Кармайл и «Черная держава»

Продолжателем идей Малкольма Икс стал Стокли Кармайл (Кваме Туре), первоначально последователь Мартина Лютера Кинга. Кармайл предпринял значительные усилия по политизации черного движения, в частности соорганизации черных избирателей. Именно при Кармайле в качестве символа черных избирателей в округе Лондес (Алабама) был впервые использован символ черной пантеры.

В 1966 году Стокли Кармайл сформулировал лозунг и доктрину “Black Power” («власть черных», точнее «Черная держава»). Он сделал это, опираясь на идеи Малкольма Икс и алжирского теоретика революционного черного расизма Франца Фанона. Словосочетание “Black Power” в английском языке двусмысленно – оно означает и «власть», и «державу» в смысле «великой державы», «мощного государства». Оно предполагало не столько власть черных над белыми, сколько политическую консолидацию чернокожих и формирование из них сильного самоуправляющегося политического субъекта, который сможет на равных разговаривать с белой общиной, – «Черной державы».

«Черная держава» подразумевала дезинтеграцию черного и белого сообществ. Под влиянием Кармайкла белых членов начали исключать из черных организаций борцов за гражданские права. Новый идеолог провозгласил отказ от интеграции в американское общество: не получение свободы, как у белых, а свобода черных и власть черных – таков был новый принцип.

«Некоторые были расстроены, потому что мы сказали, что интеграция не имела значения и что на самом деле это была уловка, коварная уловка для поддержания превосходства белых. Теперь мы утверждаем, что в течение последних шести лет эта страна кормила нас «наркотиком интеграции», и что некоторые негры шли по улице мечты, говоря о том, чтобы сидеть рядом с белыми людьми; и что это не решает нашу проблему. Когда мы поехали в Миссисипи, мы не пошли сидеть рядом с Россом Барнеттом и Джимом Кларком [известные расисты – Е.Х.], мы пошли убрать их с нашего пути; и люди должны понимать, что мы никогда не боролись за право на интеграцию, мы боролись против превосходства белых. Итак, чтобы понять превосходство белых, мы должны отбросить ошибочное представление о том, что белые люди могут дать кому угодно свою свободу. Ни один человек не может дать никому свою свободу. Человек рождается свободным. Вы можете поработить человека после того, как он родился свободным, и это фактически то, что делает эта страна. Это порабощает чернокожих людей после их рождения, так что единственное, что могут сделать белые люди, – это перестать отказывать чернокожим людям в их свободе, то есть они должны прекратить отрицать свободу. Но они никогда никому этого не отдадут» [23].

Кармайл под влиянием Фанона рассматривал белых и черных как принципиально несовместимые социальные группы. Он отверг «старые лозунги и бессмысленную риторику прошлых лет борьбы за гражданские права» и отвергает идею интеграции и ассимиляции с американским средним классом, «потому что ценности этого класса сами по себе антигуманистичны, и потому что этот класс как социальная сила только закрепит расизм» [21, с. 51]. Кармайл писал: «Революционный путь говорит, что мы ведем освободительную войну. Для того чтобы вести освободительную войну, вам нужна идеология национализма. У нас нет страны, а значит, не может быть никакого национализма, кроме черного. Безумно думать о чем-то еще. Черный национализм должен быть нашей идеологией» [21, с. 52].

Кармайл присоединился к радикальной организации «Черные пантеры», которую создали последователи еще одного значимого черного активиста – Роберта Ф. Уильямса, написавшего в 1962 году книгу «Негры с оружием», в которой последовательно про-

водилась установка на вооруженное сопротивление чернокожих белым расистам. Хьюи Ньютон, вдохновленный книгой Уильямса, вместе с Бобби Силом, поклонником идей Малкольма Икса, создали в 1966 году организацию «Черные пантеры», а вскоре к ним присоединился и Кармайл [49].

«Черные пантеры» отличались не только эффектным внешним обликом – береты, выправка, оружие в руках, они, следуя логике «Черной державы», еще и имитировали государственную организацию. Бобби Сил был председателем и премьер-министром, а Хьюи Ньютон был провозглашен министром обороны. Большую роль в организации стал играть присоединившийся к ней в 1968 году Фрэд Хэмптон, отстаивавший идею альянса с леворадикальными организациями белых бедняков и латиноамериканцев («Радужная коалиция»). Хэмптон был противником насильственных действий и во многом благодаря его влиянию «Черные пантеры» крайне редко принимали участие в расовых беспорядках.

В логике «Черной державы» движение занималось имитацией существования параллельного государства. Основной формой активности «Черных пантер» стал террор против полиции. Активисты преследовали на машинах полицейские патрули, не нарушая правил дорожного движения и не давая повода себя задержать, тем самым символизировался двойной полицейский контроль.

Ненависть к полиции и борьба с ней стали центральным мотивом «Черных пантер», поскольку здесь «антирасистская» идеология четко резонировала с ненавистью к полицейским, характерной для черных подростков из гетто. В терминологии «Черных пантер» полицейских именовали «свиньи», и этот термин широко разошелся среди левых радикалов всех цветов кожи. Антиполицейская идеология «черных пантер» в полном объеме перекочевала в движение BLM и стала его ведущей составляющей.

При этом «Черные пантеры» пытались сами покончить с уголовной преступностью в черных гетто, прежде всего с наркоторговлей. Так же «пантеры» занимались организацией социальных проектов, при их участии было открыто множество столовых, в которых питались бедные афроамериканцы, прежде всего дети.

Убийство Мартина Лютера Кинга 4 апреля 1968 года перевело деятельность «Черных пантер» на колею прямого уличного насилия, фактически началась война радикальной организации с американской полицией. После убийства начались беспорядки и протесты в более чем 100 городах США – Вашингтоне, Балтиморе, Чикаго и др. Погибло около 20 человек, несколько тысяч было ранено, десятки тысяч арестованы. Полиция поставила своей задачей ликвидацию «Черных пантер».

Активизации радикального черного движения ФБР противопоставило программу COINTELPRO («контрразведывательная программа»), включавшую акции по дискредитации опасных политических активистов, включая ложную информацию о том, что они связаны с ФБР и ЦРУ [24]. В конечном счете силовая борьба ФБР с черным радикализмом увенчалась успехом – «Черные пантеры» были разгромлены, ключевые лидеры выдвинуты из страны или покинули политику, организация провозгласила отказ от силовых методов, а также энергично отмежевалась от черного расизма, перейдя на позиции социализма. Американским спецслужбам удалось изолировать Кармайкла, рассорив его как с движением за гражданские права, так и с «Черными пантерами», а затем выдвинув из страны в Африку.

Однако эта силовая победа обернулась для американских консервативных сил итоговой неудачей. Черный радикализм, настоянный на идеях Франца Фанона, Малкольма Икса и Стокли Кармайкла и популяризованный «Черными пантерами» с их антиполицейской идеологией и акциями «прямого действия», нашел себе прибежище в американских университетах. Левые профессора, причем не только чернокожие, начали с 1970-х годов разработку «критической расовой теории», успешно распространившейся на все уровни американского образования и ставшей идеологической основой BLM. Вместо чисто

политической идеологии, обращенной прежде всего к чернокожим, они создали системный дискурс, который буквально пронизал американское образование, контролируемое преимущественно носителями левых, неомарксистских и ультралевых взглядов.

Критическая расовая теория – основа ВЛМ-идеологии

Критическая расовая теория (КРТ), по оценке энциклопедии “Britannica”, – это «интеллектуальное движение и не имеющая четких рамок система юридического анализа, основанная на предположении, что раса – это не естественная, биологически обусловленная характеристика физически отличных подгрупп человеческих особей, а социально сконструированная (культурно изобретенная) категория, используемая для угнетения и эксплуатации цветного населения». Теоретики КРТ «считают, что закону и правовым институтам в США неотъемлемо присущ расизм, поскольку те функционируют, чтобы создавать и поддерживать социальное, экономическое и политическое неравенство между белыми и небелыми, особенно афроамериканцами» [25].

Основателем критической расовой теории считается Деррик Белл, профессор права Гарвардского университета (долгие десятилетия – единственный чернокожий профессор в Гарварде). В 1970 году Белл опубликовал работу «Раса, расизм и американское право» [26]. В этой работе он проводит точку зрения, что поскольку расизм является системной основой организации американского общества, то улучшение положения черных произойдет лишь тогда, когда белые сочтут это выгодным для господства белых. Н.М. Травкина делает справедливый вывод, что, по логике Белла, «фундаментальные улучшения в США, в том числе и в плане смены ценностной парадигмы американского общества, начнутся только тогда, когда с исторической авансцены постепенно станет сходить белая титульная раса» [1, с. 44].

Белл и его ученики и последователи Кимберли Креншоу, Алан Фримен, Шерил Харрис, Патрисия Дж. Уильямс, Чарльз Р. Лоуренс, Мари Мацуда, Ричард Дельгадо и многие другие создали то, что стало называться критической расовой теорией (КРТ). КРТ представляет собой соединение пропагандистского нарратива Франца Фанона, Малкольма Икс и Стокли Кармайкла с философскими разработками «культурных марксистов» европейской «франкфуртской школы», таких ее классиков, как Герберт Маркузе, Теодор Адорно, Макс Хоркхаймер и Эрих Фромм.

Е.В. Сальников, следующим образом резюмирует идеи одного из ведущих пропагандистов КРТ Майкла Дайсона, пастора, радиоведущего и писателя, автора работ о Малкольме Икс, Мартине Лютере Кинге, Тупаке Шакуре: «Принадлежность к белой расе как идеология означает систематическую репродукцию концепции белой расы как властвующего, доминирующего субъекта. Первоочередным образом... американское общество основано на мифе, что белая раса доминирует и создает порядок, каковое положение стало основой для интеллектуального и культурного обоснования порядка и принципов общества. Обладая властью, представители белой расы внедрили культурные обычаи, политические практики, религиозные верования, стратегии интеллектуальной деятельности и так далее вплоть до социального организма в качестве фундамента американской демократии. Эти ценности, отношения, верования, обычаи и практики оказались скрытыми и не отмечались настолько долго, что представители белой расы получили оптимальные условия для утверждения собственного общественного статуса. Сложившиеся социальные условия определялись как нормальные, выступая неким золотым стандартом, тогда как принадлежность к другой расе и идеологии считалась отклонением и неестественным поведением» [27, с. 299].

С некоторыми начальными утверждениями авторов КРТ можно было бы согласиться, если не принимать во внимание их конечную политическую интенцию, а судить только

по фактам. Так, они настаивают, что раса – это не биологическое понятие, а социальный конструкт. И в самом деле, понятие «белой расы» в США сконструировано так, что белые до недавнего времени представляли собой группу господства и именно на этом основании противопоставлялись не только черным, но и «латиносам», при том, что, с точки зрения общемировой расовой классификации, большинство «латиносов» принадлежат к той же европеоидной расе. Критерием противопоставления латиносов и белых стали язык и история, а не действительная антропологическая раса. Мало того, под сомнением находилась принадлежность к «белому» сообществу итальянцев и даже ирландцев (до избрания президентом Джона Кеннеди).

Теоретики КРТ утверждают, что расизм коренится не в предрассудках отдельных лиц – расистов, а является системной неотъемлемой чертой всех институтов США, проходящей через всю их историю. В США может не быть ни одного сознательного расиста, а структура общества все равно будет расистской и будет предоставлять худшие шансы чернокожим по сравнению с белыми.

Можно согласиться и с этим тезисом. США сформировались как переселенческое общество европейцев, причем на основе активной эксплуатации рабского труда чернокожих. Это институциональные основы американской исторической традиции, основы культурного предания, передаваемого из поколения в поколение всей совокупностью культурной информации. Ценности и модели американского общества сформированы белыми переселенцами и для белых переселенцев. «Протестантская этика», по Максус Веберу, идеология успеха и достижительности, образ «американской мечты», идея общества индивидуалистов, пользующихся самой широкой свободой, – все это, вплоть до организации научно-технического прогресса и в самом деле продукт белой нации. Эта нация создавалась в XVII–XIX веках из переселенцев-протестантов, прежде всего англосаксов (White Anglo-Saxon Protestants, сокращенно WASP – белые англосаксонские протестанты) и немцев. В состав этой нации не без труда интегрировались некоторые европейские мигрантские группы, прежде всего католического происхождения – ирландцы и итальянцы.

Либерализм, который говорит о равенстве шансов, равенстве стартовых возможностей, рассматривается в рамках КРТ как скрыто расистская система, так как он подразумевает равноправие в рамках сконструированного в белой парадигме общества. Даже при идеальном равенстве возможностей люди, которые не принадлежат к этой парадигме, не смогут достичь равенства результатов.

Для того чтобы стать органичной частью этого сообщества, воплотить мечту Мартина Лютера Кинга, чернокожему и в самом деле придется «побелеть изнутри», то есть принять все основные ценности и идеи этого сообщества, его культурные и психологические ориентации. Казалось бы, такая программа «побеления чернокожих» совершенно логична и вытекает из самого же постулата КРТ о расе как социальном конструкте. В процессе конструирования границы институциональной «белой расы» вполне могут быть передвинуты, включив в себя и черных. Ведь согласно базовому постулату КРТ, никакой биологической границы между белыми и черными нет.

Однако здесь базовый постулат КРТ приходит в противоречие с черно-расистской идеологией, которая лежит в ее основе. Путь «побеления» черных категорически отрицается и объявляется невозможным. Ведь он и в самом деле противоречит многим существенным чертам черного сообщества – общинность расселения в гетто больших городов и многих районах Юга, формирование особой «черной» культуры, такой как рэп, формируемое представление о «черном народе», восхваление «негритюда», чувственности и иррациональности как особенностей негритянского психотипа и культуры.

«Черному народу» его идеологами и пропагандистами конструируется отдельная идентичность и отдельная от белой культуры, причем общая для белых и черных

культура – например, творчество музыкантов Скотта Джоплина, Луи Армстронга, Чака Берри и др. рассматривается как нечто недостаточно черное, лишенное элементов сознательной борьбы за права черных, в противоположность, к примеру, творчеству Тупака Шакура.

Достаточно вспомнить названия некоторых книг уже упоминавшегося выше Майкла Дэйсона, чтобы осознать – речь идет именно о конструировании отдельной культуры, психотипа, идентичности и системы ценностей: «Отражение черного: афроамериканская культурная критика», «Между Богом и гангста-рэпом: свидетельство черной культуры», «Кричи, если слышишь меня: ищущий Тупака Шакура», «Почему я люблю чернокожих женщин» и т.д.

Невозможно удержаться от сравнения между этим конструированием «черного народа» и конструированием в XIX–XX веках украинского национализма в России. Малкольм Икс исполняет здесь роль Бандеры, «Черные пантеры» – роль УПА, Тупак Шакур – роль Тараса Шевченко. И в том, и в другом случае большому интеграционному проекту противопоставляется сепаратный проект, основанный якобы на исходной примордиальной идентичности, но на деле конструируемый.

В КРТ вскрывается логический внутренний конфликт между тем, что «белая раса» рассматривается как социальный конструкт и тем, что черная раса рассматривается как объективный психобиологический факт, хотя на самом деле осознанно конструируется при участии самой КРТ. Границы белой расы рассматриваются как социально-произвольные, а границы черной расы как биологически незыблемые. В этих условиях ни о какой программе «побеления» черных по образцу «мечты Мартина Лютера Кинга» говорить не приходится, ведь она будет означать культурный геноцид черного сообщества.

«В их теории нет расовых различий, но на практике черный цвет кожи используется как основание для получения привилегий. В их теории прокламируется равенство всех культур, а на практике в СМИ, образовании, индустрии развлечений навязывается культура и картина мира афроамериканского меньшинства», – справедливо замечает И.В. Жежко-Браун [28, с. 89].

Невозможность и недопустимость интеграции черных в белый социум обосновываются в первую очередь нарративом «преступности» белой расы. Наиболее выразительная формула «белой расы как преступления и рака на теле человечества» дана была эссеисткой из Нью-Йорка Сьюзан Зонтаг: «Белая раса, и только она одна... виновата в уничтожении множества посмеявшихся поднять голову цивилизаций... Америка основана на геноциде... Это до умопомрачения расистская страна... Истина в том, что Моцарт, Паскаль, Булева алгебра, Шекспир, парламентский строй, архитектура барокко, эмансипация женщин, Кант, Маркс и балеты Баланчина никогда не смогут возместить ущерб, причиненный западной цивилизацией остальному миру. Белая раса – рак на теле человеческой истории» [29, с. 84–85].

Очевидно, что невозможно стремиться интегрироваться с раковой опухолью, добиваться с ней равноправия. Опухоль можно только вырезать или уничтожить как-то иначе. С принятием философии Зонтаг, ставшей нормой в доктринах КРТ, говорить о вхождении черных в построенное белыми общество и распространении на них «белой привилегии» не приходится. Белая раса рассматривается в КРТ и вытекающей из нее идеологии BLM как преступное сообщество. Интеграция черных в нее была бы, с точки зрения КРТ, так же нелепа, как массовое вступление заключенных концлагеря Аушвиц (Освенцим) в состав нацистской СС.

Следующей стадией развития «ракового» дискурса КРТ закономерно становится черный расизм в самом грубом смысле, связанный с цветом кожи. Активистка BLM из Торонто Юсра Хогали горячим летом 2020 года воскресила старый нарратив Малкольма Икса о белых людях, как недочеловеках: «Белая кожа – это ненормальность, свойственная недочеловеку. Все фенотипы существуют в семье черных народов, а белые люди – генети-

ческий дефект черноты. Черные просто при помощи своих доминирующих генов могли бы буквально смести с лица земли белую расу, будь у нас такая возможность» [30].

Какие же меры предлагает КРТ, если черные не могут стать белыми, не могут получить «белую привилегию»? Фактически набор рецептов КРТ сводится к уничтожению белой расы как социального конструкта, к деамериканизации американского общества, к разрушению тех исторических и институциональных основ, на которых базируются американские нация и цивилизация.

Основанный на КРТ политический активизм «повестки» (Woke – буквально «пробужденность») предполагает: деконструкцию американского национального мифа, интенсификацию «культуры отмены» по отношению ко всем деятелям американской истории и культуры, которые могут быть прямо или косвенно объявлены «расистами», такую же «отмену» памятников культуры, обвиняемых в расизме, масштабную атаку на память о Конфедерации как основу идентичности белых жителей американского Юга. В области образования и трудовых отношений – это политика позитивной дискриминации по отношению к чернокожим и цветным студентам и работникам вкпе с политикой дискриминации в отношении белых, которых заставляют поплатиться за «белую привилегию».

Как отмечает И.В. Жежко-Браун, был создан, по сути, новый скоростной социальный лифт для афроамериканцев и формирования новой элиты из представителей меньшинств, в которой критерием являются не навыки и таланты, а идентичность: «Согласно нескольким академическим исследованиям, практически по всем тестам, контролирующим словарный запас, математические и другие интеллектуальные способности, афроамериканцы в среднем уступают не менее 200 баллов выходцам из Европы и Азии. Для того чтобы обеспечить доступ для поступления в высшие учебные заведения тем афроамериканцам и другим меньшинствам, кто не набирал нужный минимум, во многих вузах было принято решение не считать результаты тестов главным критерием для приема. Мишель Обама даже опубликовала статью, название которой говорит само за себя: «Не разрешай результатам своих тестов определять, кто ты есть». В 1998–2001 годах при одном и том же уровне дохода вероятность попадания черных в высшие учебные заведения по сравнению с белыми была в 3,6 раза выше (у латиноамериканцев выше в 1,8 раза)... Не все профессора были довольны этим решением, так как студенты с низкими результатами тестов часто даже читали с большим трудом и не обладали необходимыми навыками для изложения своих мыслей письменно. Они в среднем хуже справлялись с учебным процессом и чаще остальных бросали университет. Для того чтобы эти студенты поспедали за процессом обучения, были созданы облегченные и одновременно политически корректные версии учебных курсов и специализаций... Такие студенты чаще выбирали вместо естественных наук, математики и экономических дисциплин курсы по социальным наукам типа «Феминистские исследования», «Афроамериканские исследования», «Критическая теория расы» и тому подобное... В подготовке студентов из числа бенефициаров ППД основная ставка делается не на достижение академических успехов, а на развитие лидерских навыков и способностей в области организации... Отмена тестов и создание квот для продвижения в бизнесе и государственном секторе создали своего рода отдельный, «скоростной» социальный лифт вверх для представителей меньшинств. Особенностью этого лифта является заметное понижение профессиональных стандартов и критериев для заполнения мест представителями меньшинств» [31, с. 171–172].

Поразительна интеллектуальная петля, проделанная антирасистским дискурсом за полвека. Современная КРТ и связанная с нею «повестка», по сути, исходят из того, что умственные, трудовые и творческие достижения человека, его личность, не имеют в социуме никакого значения, – человек полностью определяется своими характеристиками – раса, пол, сексуальная ориентация и т.д. Именно по этим характеристикам ему полагаются

привилегии, дискриминация или альтернативные привилегии. Каждому следует держаться своей «идентичности» (если это, конечно, не белая идентичность, основанная на идее «превосходства белой расы») и взаимодействовать с другими угнетаемыми. То есть в рамках КРТ воскрес классический биологизаторский расизм, только с противоположным знаком: черное – плюс, белое – минус.

Важной составляющей основанного на КРТ политического активизма является «интерсекциональность» – термин введен в 1989 году Кимберли Креншоу [32]. Этот принцип, противопоставляемый характерному для консерваторов принципу идентичности, означает, что разные угнетаемые группы угнетаются в разном отношении и вся совокупность их страданий и дискриминированности, а значит и степень их нужды в «обратной дискриминации», могут быть поняты только на пересечении разных форм угнетенности. Так, бедная женщина, негритянка, лесбиянка, мусульманка, инвалидка угнетена не один раз, а шесть, подлинный уровень ее дискриминированности становится понятен только при интерсекциональном учете всех форм дискриминации.

Из принципа интерсекциональности в сфере политического активизма вытекает идея «нового интернационала», то есть солидарной коалиции разных угнетаемых (или якобы угнетаемых) групп, которые должны помогать друг другу сокрушать господство коллективных угнетателей, как правило, описываемых как богатые белые мужчины-христиане, обладатели крепкого здоровья и гетеросексуальной ориентации.

Фактически интерсекциональность стала основой идеологии коалиции меньшинств, направленной на разрушение прежних «белых» США. Как отмечают Н.М. Травкина и В.С. Васильев, «критическая расовая теория ведет не к устранению, а к видоизменению расового неравенства: в перспективе титульной расой Америки должна будет стать амальгама небелых рас, которая, по всей видимости, и придет на смену титульной расе прошлого исторического периода» [1, с. 45–46].

Подведем предварительный итог нашего анализа источников идеологии и политической практики BLM. Хотя BLM позиционировало себя как движение за права человека, продолжающее традиции движения за гражданские права во главе с Мартином Лютером Кингом, фактически оно является наследием теории и практики черного расизма, восходящего к идеям Малкольма Икс и течения «Black Power» С. Кармайкла.

Идеология черного расизма была развита в квазиакадемической форме в рамках так называемой критической расовой теории, отрицающей возможность полноценной интеграции чернокожих в американское общество. Вместо этого КРТ предполагала системное разрушение американского общества как расистского, тотальный пересмотр его истории и создание на его месте нового, «интерсекционального» общества. Для подобного разрушения требовался, разумеется, революционный переворот, технологию которого несложно было заимствовать из американского внешнеполитического инструментария цветных революций. Сам же этот инструментарий восходит к движению «социальных организаторов», появившемуся еще в середине XX века и породившему в том числе такие фигуры, как Барак Обама и Хилари Клинтон.

Черные движения не раз прежде служили инструментом для политических целей «белых» элит – и республиканских, и демократических. На сей раз черное движение BLM было задействовано демократами, для того чтобы политически подорвать власть Дональда Трампа после его победы на президентских выборах 2016 года. Организованная борьба с Трампом, включавшая муссирование в прессе мифов о причастности России к его победе, обвинения в расизме, сексизме, гомофобии, призывы к открытому гражданскому неповиновению и даже к физической расправе над президентом увенчались открытым выступлением, в котором технологии цветной революции дополнялись практикой массовых расовых беспорядков из предшествующей американской истории, а порой и вооруженным насилием.

Возникновение BLM и проблема полицейского насилия в США

Отправной точкой для возникновения движения BLM стала проблема мнимо избыточного применения американскими полицейскими насилия в отношении чернокожих. Поводом для движения стало, впрочем, деяние не полицейского, а добровольного помощника полиции. Спусковым крючком стало оправдание Джорджа Циммермана, в декабре 2012 года совершившего убийство темнокожего подростка Трейвона Мартина в городе Сэнферде, штат Флорида. Циммерман состоял в соседском патруле по предотвращению правонарушений, в частности грабежей, и был вооружен. Он увидел выбегающего с заднего двора темнокожего подростка, заподозрил его в краже и начал его преследовать. У Циммермана и Мартина завязалась потасовка, в ходе которой чернокожий повалил Циммермана на землю, а тот, как он уверял, в качестве самообороны застрелил Мартина. Последующее расследование показало, что Мартин не был вооружен, никого не обворовывал, а возвращался от отца, с которым смотрел баскетбол.

Преступление Циммермана можно было, таким образом, трактовать как проявление «системного расизма» – предубежденности, что все черные – воры и что применение в стычках с ними оружия допустимо. В то же время не было никаких оснований считать, что Джордж Циммерман был расистом в личном качестве – он был членом Демпартии, помогал чернокожему подростку. Защитники Циммермана, напротив, считали, что его поведение было поведением защитника общины, которая страдала от постоянных грабежей. У Циммермана образовалась большая группа поддержки, в которую вошли многие видные республиканцы, которые даже на заседаниях конгресса США выкрикивали «Циммерман невиновен!». Дело Циммермана стало знаковым.

После оправдания Циммермана в июле 2013 года по стране прокатились массовые протесты, в ходе которых внешне спонтанно появился хештег #BlackLivesMatter, который активно распространялся в социальных сетях “Instagram”¹ и “Twitter”². Первоначально эта формула понималась как призыв не пренебрегать жизнями чернокожих, не считать случайное убийство черных из стечения ошибок и недопониманий чем-то нормальным.

Создательницы хештега, чернокожие активистки Алисия Гарза, Патрисс Каллорс и Айо Томети, в период с 2014 по 2016 год расширили свой проект до национальной сети из более чем 30 местных отделений. BLM создавалось как сетевая структура, ячейки которой исповедуют общие принципы, но независимы друг от друга в своих действиях. BLM-активисты блокировали дороги, сковывали себя наручниками. Движение проводило акции в связи с убийствами, совершенными полицейскими при исполнении обязанностей, «полицейским насилием» и «расовой дискриминацией» в правовой системе США.

Движение BLM представляет собой децентрализованную сеть активистов и поддерживается рядом видных представителей американского культурного и политического истеблишмента. Двое из трех основательниц данного объединения заявили о своем марксистском прошлом. Также в программе движения присутствует ряд положений, сильно напоминающих ключевые тезисы «черного национализма». Один из принципов объединения гласит: «Мы непримиримо позиционируем себя как черных. Утверждая, что Черная жизнь имеет значение, мы не обязаны уточнять нашу позицию» [21, с. 62]. Помимо этого, в идеологии BLM можно найти также черты panaфриканизма: «Мы рассматриваем себя как часть глобальной Черной семьи» [21, с. 62].

Наиболее масштабными на раннем этапе движения BLM стали беспорядки в Фергусоне (Миссури) в ноябре 2014 года. В сентябре 2016-го массовые беспорядки вспыхнули в городе Шарлотт (Северная Каролина). Еще один случай массовых беспорядков имел

¹ Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

² Социальная сеть признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

место в Сент-Луисе (Миссури) в сентябре 2017 года. Ведущим мотивом BLM были обвинения в адрес американской полиции, что она пристрастна по отношению к чернокожим, задерживает их без веского повода, открывает огонь на поражение в не требующих того ситуациях.

Проблема предполагаемого системного расизма полицейских обсуждается в США уже много десятилетий. Чернокожих полицейские чаще останавливают на дороге, в связи с чем возник даже термин “Driving while black”, DWB (вождение в черном состоянии, игра слов по аналогии с “driving while intoxicated” – «вождение в нетрезвом состоянии»). «Исследовательская группа Стэнфордского университета проанализировала данные, собранные в период между 2011 и 2017 годами, с почти 100 млн остановок личного транспорта сотрудниками дорожной полиции с целью найти доказательства системного расового профилирования. Они обнаружили, что черных водителей чаще останавливали и обыскивали их автомобили, чем машины белых водителей. Также выяснилось, что процент темных водителей, остановленных полицией, снижался после наступления темноты, когда цвет лица водителя труднее увидеть снаружи автомобиля» [33].

Полицейские в США часто открывают огонь на поражение в отношении задерживаемых при малейших признаках неподчинения полиции. Это связано с тем, что в стране свободно обращается огнестрельное оружие и в случае неприменения силы полицейскими они сами рискуют стать жертвами. “The Washington Post” отслеживает количество американцев, убитых полицией по критериям расы, пола и другим характеристикам. База данных газеты показывает, что 229 из 992 погибших в 2018 году, то есть 23% общего числа, были чернокожими, хотя афроамериканцы составляют только около 12% жителей страны.

В таком двукратном превышении количества погибших над процентом черных в населении нет ничего удивительного и нет оснований увязывать такое поведение полицейских с их личными расистскими предубеждениями. Скорее идет речь об объективных последствиях системной расовой проблемы. Чернокожие в США имеют худший уровень жизни, они проживают в более криминализованных районах, где среда втягивает их в преступную активность. Культура гангста-рэпа, популярного среди чернокожей молодежи, так же подталкивает ее к криминальному поведению или его имитации. Например, двенадцатилетний Тамир Райс был убит в Кливленде (Огайо) 22 ноября 2014 года за то, что, сидя на качелях в парке, направлял на прохожих пневматический пистолет, у которого был спилен оранжевый наконечник, свидетельствующий о нелетальном характере оружия. Иными словами, синдром DWB и повышенную смертность чернокожих при задержании вполне возможно объяснить без гипотезы о расизме полицейских. Даже в логике КРТ речь должна идти скорее о системном расизме американского общества, а не о пристрастиях сотрудников полиции.

Показательный анализ проблемы «полицейского расизма» провела Хизер Макдональд в книге «Являются ли полицейские расистами?» [34]. В 1980-х, когда насилие из-за наркотиков достигло небывалого уровня, чернокожие обвиняли полицию в предвзятости за то, что она избегает их кварталы и оставляет черных на милость преступников. К концу 1990-х более агрессивная полицейская деятельность в районах с высоким уровнем преступности (в основном черных) помогла снизить уровень насилия в стране на 25%. В Нью-Йорке в период с 1993 по 2001 год количество преступлений всех видов снизилось на поразительные 64%, достигнув уровня безопасности, которого город не видел десятилетиями.

Однако полицию встретили не похвалой, которой она заслуживала, а обвинениями в расизме. Шумиха вокруг «расового профилирования» последовала за одним из величайших успехов полиции в американской истории. Как объясняет Макдональд, нет никаких доказательств того, что полиция несправедливо преследует небелых. Полиция

преследует преступников. Для некоторых это может быть неудобным фактом, но среди преступников непропорционально много черных.

В 1990-х годах полиция штата Нью-Джерси была излюбленной мишенью для обвинений в «полицейском расизме» в Америке, и Макдональд освещает ее работу с особой тщательностью. Управление по борьбе с наркотиками обратилось к штату с просьбой расправиться с контрабандистами, которые использовали Нью-Джерси в качестве канала доставки наркотиков и оружия в Нью-Йорк. Управление по борьбе с наркотиками установило, что ямайцы, гаитяне и черные уличные банды контролируют уличную торговлю крэком и что преобладающими оптовыми торговцами являются колумбийцы, за ними следуют доминиканцы, китайцы, западноафриканцы, нигерийцы, пакистанцы, латиноамериканцы и индийцы, а дистрибьюторы среднего звена состоят из доминиканцев, колумбийцев, пуэрториканцев, афроамериканцев и нигерийцев. Белые, как оказалось, почти не играли роли в торговле наркотиками.

Полиция Нью-Джерси обратила пристальное внимание на подозрительные автомобили, которыми управляли люди, подходящие под описание. Полицейские никого не останавливали только из-за расовой принадлежности; они останавливали водителей за нарушения – превышение скорости или отсутствие номерных знаков. Если водители нервничали или давали непоследовательные ответы на вопросы, полицейские просили разрешения обыскать машину.

В период с 1994 по 1998 год 77% полицейских обысков проводились у небелых; 53% – у чернокожих. На белых приходилось всего 21% обысков. Поскольку только 16% водителей на магистрали Нью-Джерси чернокожие, для критиков это стало доказательством того, что полиция проявляет расовые пристрастия. Под сильным давлением СМИ и политиков тогдашний генеральный прокурор Нью-Джерси Питер Верньеро опубликовал отчет 1999 года, в котором признал, что проблема неодинакового обращения с чернокожими реальна, а не воображаема, и обвинил своих сотрудников в том, что они руководствуются расовыми стереотипами. Он также отклонил апелляцию на решение суда 1996 года об «институциональной предвзятости» в полиции штата и снял обвинения в хранении оружия и наркотиков со 128 обвиняемых, которые утверждали, что их остановили из-за расовой принадлежности.

Предполагалось, что если чернокожие составляют всего 13,5% населения Нью-Джерси, то на их долю может приходиться 60% арестов за наркотики и оружие только в том случае, если полиция настроена расистски. Фактически исследование никоим образом не показало, что полиция занималась чем-либо иным, кроме обыска людей, которые с особой вероятностью могли оказаться преступниками. Макдональд заключает, что если чернокожие на самом деле чаще перевозят наркотики, чем белые, то этот показатель поиска просто отражает хорошую работу правоохранительных органов. Если полицию будут обвинять в расизме каждый раз, когда она приезжает туда, где совершается преступление, это станет концом общественной безопасности.

Борясь с расовой предвзятостью Министерство юстиции США приказало полицейским указывать расовую принадлежность каждого остановленного водителя, продолжительность остановки и начало проверки всех сотрудников на наличие признаков расизма. Любой полицейский, чьи остановки или аресты в значительной степени связаны с определенной расовой группой, мог быть уволен. Результатом стало ослабление полицейской дисциплины: в 2000 году количество арестов за наркотики на Гарден-Стейт-Паркуэй, где расовые различия были наибольшими, сократилось на 55%, а на других автомагистралях штата на 25%. Результаты были предсказуемы. На улицах не только стало намного больше наркотиков и оружия, но и в период с 2000 по 2001 год уровень убийств в Ньюарке, штат Нью-Джерси подскочил на 65%.

Другие полицейские управления сталкивались с аналогичными обвинениями в «расовом профилировании», с аналогичными мерами и наблюдали аналогичное снижение числа арестов. В Миннеаполисе, штат Миннесота, том самом, который в 2020–2026 годах станет BLM-столицей Америки, количество остановок на дорогах в 2001 году сократилось на 63%, после того как мэр и начальник полиции обвинили полицейских в расовом профилировании.

Полиция Питтсбурга, штат Пенсильвания, сообщила Макдональд, что теперь она фактически арестовывает по расовой квоте. В Лос-Анджелесе за первые девять месяцев 2000 года количество арестов сократилось на 25%, в то время как количество убийств увеличилось на те же 25%.

Полиции штата Нью-Джерси удалось заставить генерального прокурора проверить, чаще ли чернокожие нарушают скоростной режим, чем белые, что оправдывает большее количество остановок на дорогах. Исследовательский институт государственной службы обнаружил, что чернокожие в два раза чаще, чем белые, превышают скорость на магистралях Нью-Джерси и даже чаще ездят на безрассудной скорости более 90 миль в час, то есть пропорционально этому чернокожих недостаточно останавливают за превышение скорости.

Исследование Макдональд, проведенное в начале 2000-х годов, показало, что обвинение американских полицейских в системном расизме безосновательно. Полиция реагирует на факт правонарушения, а то, что объектом реакции оказывается чернокожий, в большинстве случаев связано с высокой криминализированностью афроамериканского населения.

Однако здесь-то на помощь и пришел лозунг “Black lives matter!” («Жизни черных имеют значение»). Этот лозунг не несет в себе безлично-уравнительной посылки «Жизни черных имеют такое же значение, как и жизни белых». Именно поэтому альтернативный лозунг “All lives matter” характеризуется активистами BLM как расистский.

Соучредитель движения “Black Lives Matter” Алисия Гарза заявила в 2014 году, что риторика «все жизни имеют значение» имеет негативные последствия для расовой справедливости: «Когда мы используем фразу “Все жизни имеют значение” для корректировки продвижения повестки, направленной против античерной политики, мы утрачиваем подход, который предполагает, что государственный аппарат разработал программу геноцида и репрессий в основном в адрес чернокожих – начиная с кражи миллионов людей в обмен на бесплатную рабочую силу, а затем адаптировал ее для контроля, убийств и получения прибыли за счет других цветных сообществ и сообществ иммигрантов... Когда вы исключаете слово «черный» из уравнения того, чьи жизни имеют значение, а затем не признаёте, что оно откуда-то взялось, вы продолжаете стирать черные жизни и черный вклад из наследия нашего движения» [35]. Иными словами принцип «Жизни черных имеют значение» подразумевает «особое значение» в логике критической расовой теории. Полиция в этой логике должна относиться к жизням черных с особым уважением как к особо привилегированным, а не просто как к равным.

Сама концепция правопорядка, в рамках которой полицейские жестко применяют задержания чернокожих, также является частью институционального расизма по КРТ. С точки зрения BLM-активистов, многие преступления, если их совершают чернокожие, не являются преступлениями и не дают оснований возлагать вину на правонарушителя.

Поразительный пример такого «освобождения от институционального расизма», произошедшего после победы BLM, представляет собой письмо, которое в марте 2023 года направили компаниям-автопроизводителям “Kia America” и “Hyundai Motors” генеральные прокуроры Аризоны, Калифорнии, Колорадо, Коннектикута, округа Колумбия, Делавэра, Иллинойса, Массачусетса, Мэриленда, Невады, Нью-Джерси, Нью-Мексико, Нью-Йорка,

Северной Каролины, Оклахомы, Орегона, Пенсильвании, Род-Айленда, Южной Дакоты, Вермонта, Вашингтона и Висконсина. В письме на компании возлагалась ответственность за взрывной рост краж производимых ими автомобилей в связи с их недостаточной защищенностью. Эпидемию угонов спровоцировал «челлендж» в социальной сети “Тик-Ток”, участие в котором принимали исключительно чернокожие и цветные подростки.

«Всплеск краж этих уязвимых транспортных средств был поистине шокирующим. В 2020 году в Милуоки было совершено 895 краж автомобилей “Hyundai” и “Kia”. В 2021 году было совершено 6970 краж “Hyundai” и “Kia” в Миннеаполисе, а в 2022 году их количество увеличилось на 836% по сравнению с предыдущим годом. С 2021 по 2022 год в округе Сент-Луис, штат Миссури, количество краж автомобилей “Kia” и “Hyundai” увеличилось на 1090%. С 2019 по 2022 год в Филадельфии количество краж автомобилей “Kia” и “Hyundai” увеличилось почти на 800 и 400% соответственно» [36].

В послании прокуроров вина за преступления и их последствия была возложена не на правонарушителей, а на автопроизводителей, которые сделали машины недостаточно защищенными от угонщиков.

«В одном из примеров подросток был убит после угона “Kia Sportage” и бегства от полиции перед столкновением с другим транспортным средством. В другом случае четверо подростков погибли после того, как угнанный “Kia”, на котором они ехали, на большой скорости врезался в набережную. В Портленде, штат Орегон, 16-летний подросток был причастен по меньшей мере к трем кражам “Kia”, две из которых закончились опасными авариями» [36].

Идеология «Жизни черных имеют значение» подразумевает полный отказ от криминализации поступков чернокожих даже в тех случаях, когда их преступный характер несомненен. В этом случае место личной вины заступает институциональный расизм, который проявили корейские автокомпании, не ставшие учитывать склонность американских черных подростков к краже автомобилей. Такой отказ от «культуры вины», являющейся одним из фундаментов западной цивилизации по концепции американского культуролога Рут Бенедикт, является еще одним ярким проявлением того процесса деамериканизации и девестернизации, симптомом которого служит BLM.

Война против истории США. «Конфедератопад» и «Проект-1619»

С 2017 года в США развернулся процесс, который условно можно назвать «конфедератопад» (“Confederate Fall”). «Этот процесс, получивший распространение в общественно-политической жизни США, во многом носил стихийный характер, и его самым ярким проявлением стал демонтаж значительного числа монументов, связанных с Конфедерацией – Конфедеративными Штатами Америки (КША), что до сих пор вызывает острую дискуссию в американском обществе», – пишет историк Дмитрий Кузнецов [37, с. 36–37].

После Гражданской войны Америка была собрана и консолидирована компромисом: за северянами была признана победа, а за южанами – право на гордость, честь и славу. Генералы-конфедераты на долгие десятилетия были признаны идеалом воина. Однако на данный момент 57% всего негритянского населения США проживают на американском Юге, и подавляющая их часть крайне негативно относится к боевому знамени Конфедерации.

Главной причиной «конфедератоппада» была ожесточенная борьба Демократической партии и собранной ею «интерсекциональной» коалиции против Дональда Трампа. Трамп одержал победу на президентских выборах под лозунгами американского национализма и христианского (прежде всего протестантского) традиционализма. Его обещанием

было «Сделать Америку снова великой». В программе и лозунгах Трампа не было ничего расистского в традиционном смысле слова. А вот в логике КРТ и BLM его программа означала бы укрепление того самого системного расистского общества, разрушение которого ставили своей задачей эта теория и это движение.

Американский национализм, основанный на гордости, провозглашенный Трампом, был именно национализмом старой белой нации, пусть и с примкнувшими к ней чернокожими, которую намеревались разрушить сторонники КРТ. А лично Трамп был буквально воплощением того «белого привилегированного угнетателя», с которым боролся интерсекциональный антирасизм и феминизм.

Трамп был поставлен в тупиковую ситуацию – либо продемонстрировать свое бессилие перед лицом массовых выступлений, поддерживаемых к тому же истэблшментом на уровне штатов, причем не только демократическим, но и республиканским, либо попытаться остановить волну, используя полномочия федерального правительства, а значит проявить себя «расистом», превратив тем самым борьбу с Трампом в борьбу с «расистской диктатурой».

В 2017 году в течение нескольких месяцев были демонтированы сотни монументов историческим деятелям эпохи Гражданской войны, имеющим отношение к Южным штатам, создавшим Конфедеративные Штаты Америки, а также памятники-символы в честь рядовых южан, сражавшихся за свои штаты в Гражданской войне. Своеобразный старт «конфедератопаду» дали события в Новом Орлеане, где 24 апреля 2017 года был демонтирован памятник участникам белого восстания 1874 года. 11 мая были демонтированы памятники президенту Конфедерации Джефферсону Дэвису и генералу Роберту Ли. В ночь с 16 на 17 мая был демонтирован памятник генералу южанину Борегару. Всего к маю 2017 года в США были ликвидированы 60 символов Конфедерации.

Реакцией на «конфедератопад» стал марш «Объединенных правых» в городе Шарлотсвилле, штат Виргиния. Поводом послужило принятое в феврале 2017 года решение городских властей убрать памятник генералу Роберту Ли. Участники марша были представителями правых и ультраправых организаций, в ночь с 11 на 12 августа они провели факельное шествие, среди лозунгов которого был лозунг «Жизнь белых имеет значение». 12 августа губернатор Виргинии Терри Маколифф объявил чрезвычайное положение. Полиция штата объявила шествие незаконным. Начались манифестации левых при активном участии представителей движения BLM.

Протесты перешли в столкновения, жертвами которых стали один погибший и 38 раненых. Погибла 32-летняя левачка настроенная Хизер Д. Хейер, а за рулем автомобиля, врезавшегося в толпу митингующих, сидел 20-летний Джеймс Алекс Филдс-младший, сторонник ультраправой организации «Авангард Америка». Это оказалось веским поводом для того, чтобы заклеить всех американских правых как убийц. Действия участников марша резко осудили ведущие политики-демократы и многие из республиканцев. Реакция Дональда Трампа последовала лишь двое суток спустя, к тому же он возложил ответственность на обе стороны, фактически, отказавшись прямо осудить крайне правых.

События в Шарлотсвилле были использованы для раскручивания маховика «конфедератопада» уже по всей территории США. Теперь разрушение памятников «расистам» подавалось как антифашистская акция. Своеобразным символом «конфедератопада» стала расправа над монументом «Памяти мальчиков, одетых в серое», произошедшая 14 августа 2017 года в Дареме, штат Северная Каролина. Установленному в 1924 году памятнику рядовым солдатам Конфедерации накинута ремень на шею и сбросили с пьедестала. Толпа, среди которой почти не было черных, зато было множе-

ство левых и ЛГБТ-активистов¹, прыгала на поверженном памятнике, плевала в него и разбила на куски.

К 2018 году были уничтожены 114 символов Конфедерации. Из них «было демонтировано 48 монументов и 3 флага, изменены названия 35 школ и 1 колледжа, 10 улиц. По общему количеству такого рода действий лидировал Техас (33), за которым следовали Виргиния (15), Флорида (10), Теннесси (8), Джорджия (6), Мэриленд (6) и Северная Каролина (4). 85 из 114 действий были осуществлены в бывших штатах Конфедерации» [37, с. 51].

Идеологическим манифестом «конфедератопада» и отношения к истории США в духе КРТ стал «Проект-1619» вышедший в августе 2019 года в стостраничном выпуске журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин» – воскресного приложения к одной из ведущих американских газет [38]. В десятке письменных эссе, составлявших сердцевину проекта, раскрывались следующие темы: «Основополагающие идеалы нашей демократии были ложными, когда они были написаны. Чернокожие американцы боролись за то, чтобы сделать их правдой»; «Американский капитализм жесток. Вы можете проследить это до плантации»; «Как ложные убеждения в физических расовых различиях все еще живут в медицине сегодня»; «Чем реакционная политика 2019 года обязана политике рабства»; «Почему все всегда крадут черную музыку?»; «Как сегрегация вызвала пробку на дорогах»; «Почему в Америке нет всеобщего здравоохранения? Одно слово: раса»; «Почему американские тюрьмы обязаны своей жестокостью рабству»; «Варварская история сахара в Америке», «Как рос огромный разрыв в расовом богатстве Америки: за счет грабежа».

Авторами, несмотря на заявленную историческую направленность проекта, выступали социологи, изучающие современные США в парадигме КРТ. Проект ставил задачи актуально пропагандистские, а не исследовательски-исторические. Ни одно эссе не имело справочного аппарата, списка литературы и других признаков исследовательской академической публикации.

«Проект-1619» был приурочен к 400-летию прибытия в колонию Виргиния первого корабля с черными рабами. Проект полемически противопоставлял 1619 год как точку отсчета американской истории году 1620-му, когда на корабле «Мэйфлауэр» в Новую Англию прибыли «отцы-пилигримы», к которым возводит американскую идентичность классический национальный миф США. «Проект-1619» выступал как классический образчик «культуры отмены», в которой прежняя национальная история США зачеркивалась, заменяясь «историей угнетенных». 1619-й декларировался годом «истинного основания» Соединенных Штатов.

К такому же приему подмены «белой» истории на «черную» уже прибегали ранее кинематографисты. «Рождение нации» назывался знаменитый фильм Дэвида Уорка Гриффита, вышедший в 1915 году и посвященный Гражданской войне в США с точки зрения южан и восхвалению «Ку-клукс-клана». В 2016 году вышел фильм «Рождение нации», посвященный кровавому восстанию чернокожих под предводительством Ната Тернера в 1831 году, приведшему к многочисленным убийствам белых и на много десятилетий отбросившему дебаты в южных штатах о возможности освобождения черных. Второй фильм как бы отменял и заменял первый.

Во включенных в журнал эссе утверждалось, что ввиду труда черных на хлопковых плантациях, якобы создавших большую часть первоначального американского ВВП, американский капитализм особенно кровав и преступен. Подразумевалось, что основание американского национального богатства на рабстве требует особых компенсаций и привилегий для чернокожих. Не случайно за несколько месяцев до публикации «Проекта-1619» в Палату представителей Конгресса США был внесен законопроект о репарациях чернокожему населению Соединенных Штатов.

¹ Идеология ЛГБТ признана в Российской Федерации экстремистской.

За публикацией журнала с эссе, дополнительные тиражи которых были распространены в школах и библиотеках, последовали выходы книг и документальных сериалов, составлена школьная программа и выражено намерение внедрить ее в американских школах.

«Проект-1619» вызвал значительное возмущение в американском обществе как среди профессиональных историков, так и среди чернокожих общественных деятелей, ориентированных на интеграцию американского общества. Указывалось, что прибывшие в Америку в 1619 году чернокожие не имели никакого отношения к плантационному рабству, сложившемуся в южных штатах США лишь в XIX веке. Многие из них получили возможность выкупиться и даже самим стать плантаторами.

Особое возмущение вызвал тезис «Проекта», что война за независимость США велась в защиту рабства, которое якобы планировала отменить Великобритания. Это утверждение было обозначено как «фейк». Указывалось и на ложность утверждения о том, что именно рабство создало большую часть ВВП США, в то время как в действительности оно вело к экономической отсталости. Отмечались подтасовки в утверждениях, что Авраам Линкольн был расистом, что рабство составляло основу именно образа жизни в США.

Редакция «Нью-Йорк таймс» отказалась вносить какие-либо изменения в проект или извиняться за клевету в адрес отцов-основателей США, а куратор проекта Николь Ханна Джонс отменила критику на том основании, что ее авторами являются «пожилые белые мужчины» (что было фактически неверно – значительная часть критиков «Проекта-1619» была афроамериканцами, не говоря уж о неуместности апелляции к возрасту, полу и цвету кожи оппонента в науке).

По мнению И.В. Жежко-Браун: «Проект замахнулся на пересмотр идейных принципов, ценностей и политических документов, на которых строится американская идентичность, на перепрограммирование последней, опираясь на новую мифологию. “1619” намеренно обесценивает все американские политические институты и цивилизационные традиции: уважение к закону, высокую трудовую этику, личную ответственность и самореализацию, созидание единой американской идентичности в “плавильном котле”, стремление построить “Дом на холме”, т.е. веру в особое предназначение Америки, способность к самоуправлению и другие... “1619” выделяет из всех этнических меньшинств одно, претендующее на то, чтобы его исторический нарратив занял центральное место в истории и национальной идентичности США. В проекте нет места историческим претензиям других этнических меньшинств, включая даже аборигенов. Проект заявляет тем самым, что черное меньшинство “равнее других” рас и меньшинств, он подпитывает гордость одной расы за счет других и поощряет добровольную десеграцию и привилегии для черного населения, то есть расизм “наоборот”» [31, с. 100–101].

Протесты BLM привели к новой волне «конфедератопада». В 2020 году было снесено уже 169 памятников, главным образом в штатах Виргиния (71) и Северная Каролина (23). Продолжились сносы и после победы на выборах кандидата от демократов Джо Байдена. В ноябре 2021 года в Нью-Йорке была убрана статуя Томаса Джефферсона, находившаяся в здании мэрии. Поводом послужила жалоба чернокожих сотрудников мэрии во главе с женой мэра Де Блазио, заявивших о своем «дискомфорте» рядом со статуей.

«Конфедератопад» был важной частью BLM-движения, выражая принципиальную установку его идеологической основы – Критической расовой теории на полный демонтаж национальной истории США как источника «системного расизма» и на замену этой истории другой, альтернативной, основанной на трагедии угнетенных сообществ. Разумеется, полноценное осуществление такого демонтажа американской истории невозможно было без революции. Возможность такой революции, которая приведет к торжеству идей КРТ, и обозначили события, связанные с гибелью Джорджа Флойда.

«Революция» BLM в 2020 году

25 мая 2020 года афроамериканец Джордж Флойд умер после задержания полицейским Дерекком Шовеном в Миннеаполисе, штат Миннесота. Особую фактурность ситуации придавала выложенная в сеть видеосъемка задержания: колено Шовена на шее Флойда, жалобы Флойда, что он не может дышать. Слова “I can’t breathe” сразу же превратились в емкий слоган.

Ранее Флойд был несколько раз арестован за кражу и хранение наркотиков, а в 2009 году признал свою вину в вооруженном ограблении и отбыл четыре года тюрьмы. Но тем не менее преступление Флойда – попытка оплатить сигареты поддельной двадцатидолларовой купюрой и отказ возвращать сигареты – явно не требовало настолько жестоких методов задержания. Был получен идеальный повод для протестов – полицейские не имели возможности утверждать, что им угрожала хотя бы потенциальная опасность.

Уже на следующий день начались первые протесты против «полицейского насилия», а уже через несколько дней массовые митинги охватили большую часть территории США (более двадцати штатов). Только за первые 22 дня с начала протестов 868 демонстраций с общим числом участников 757 тыс. чел. имели место в 326 графствах [39, с. 22]. Протесты продолжались более трех месяцев, однако наиболее массовые акции проходили в течение первых пяти недель.

По данным газеты «Нью-Йорк таймс», на пике протестов за права чернокожих в июне 2020 года в них принимало участие от 15 до 26 млн американцев. В начале июля газета назвала протесты самыми массовыми за всю историю США. По данным на конец июля 2020 года, BLM поддерживали 50% американцев и 36% относились к движению негативно [40, с. 112–113].

В период с 26 мая по 22 августа 93% протестов были мирными. К концу июня 96,3% из 7305 демонстраций обошлось без травм и материального ущерба. Однако поджоги, вандализм и мародерство, произошедшие в период с 26 мая по 8 июня, нанесли застрахованный ущерб примерно на 1–2 млрд долл. по всей стране, что является самым высоким зарегистрированным ущербом от гражданских беспорядков в истории США и превышает рекорд, установленный во время беспорядков в Лос-Анджелесе 1992 года. К концу июня 2020 года в результате беспорядков погибло не менее 19 человек, было арестовано по меньшей мере 14 тыс. человек.

Значительную часть протестующих составляли белые американцы, по отдельным подсчетам – до 80% участников некоторых демонстраций под лозунгами BLM. Это один из самых поразительных фактов, касающихся данных протестов. По всей видимости, значительная часть черных оказалась лишь наблюдателями в массовой атаке на правительство и общество белых по цвету кожи радикалов, использовавших тему жизни черных в своих интересах.

«В протестах участвует относительно малая доля афроамериканцев, и уж тем более далеко не все из них поддерживают грабежи и насилие. Исследователям еще предстоит выявить тех, кто стоит за спиной толпы демонстрантов, кто формулирует их требования и лозунги, кто платит залог за арестованных в ходе беспорядков, кто оплачивает счета за гостиницы мобильных, милитаристски настроенных отрядов движения, и главное – кого они выдвинули представлять их в органах власти. К BLM присоединились другие протестные организации, большинство которых уже давно ведут в обществе наступательные операции. Эти организации фактически “угнали” волну протестов, как угоняют машину. Среди них мощное крыло составляют организации социалистической ориентации», – отмечает И.В. Жежко-Браун [31, с. 182].

Напрямую против американской государственной традиции было направлено нападение на историческую церковь св. Иоанна в Вашингтоне, округ Колумбия. Протестующие под лозунгами BLM ворвались в нее, осквернили и попытались поджечь.

Среди наиболее заметных выступлений были протесты в Сиэттле, штат Вашингтон, где сторонники BLM захватили 8 июня 2020 года несколько городских кварталов и объявили их «автономной зоной Капитолийского холма», зоной, «где полиция запрещена, еда бесплатная, а по ночам показывают документальные фильмы» [41]. Создание «свободных от полиции» зон, к которым привлечено внимание СМИ и где царит особая «карнавальная» жизнь, – характерная черта технологии «цветных революций», заимствованная, впрочем, еще из событий «красного мая» 1968 года в Париже, где такой зоной свободы оказалась Сорбонна. Автономная зона в Сиэттле была ликвидирована 1 июля 2020 года.

4 июля в Атланте, Джорджия, протестующие BLM обстреляли чернокожую женщину и ребенка, которые ехали на автомобиле и остановились перед баррикадой, сооруженной сторонниками BLM на месте, где ранее 20 июня был застрелен полицией Рейшард Брукс, попытавшийся оказать вооруженное сопротивление белому полицейскому. В результате выстрелов с баррикады по машине погибла восьмилетняя Секория Тернер. «Вы говорите жизни черных важны... Вы убили одну из своих... Вы убили ребенка, который никому ничего не сделал», – сказал потрясенный отец девочки [42].

Обращает на себя внимание, что гибель Секории Тернер упоминается в англоязычной «Википедии» один-единственный раз, в придаточной части предложения в статье, посвященной протестам в связи с гибелью Рейшарда Брукса. В то время как сам Брукс или Джордж Флойд упоминаются в сетевой энциклопедии сотни раз. Точнее: Брукс 377 раз, а Флойд 19 804 раза. Очевидно, не все жизни черных имеют одинаковое значение.

23 августа 2020 года в городе Кеноша, штат Висконсин, за насильственные действия в отношении бывшей подруги, приближаться к которой ему было запрещено судом, полиция попыталась задержать афроамериканца Джейкоба Блейка. Увидев в его руках нож и услышав угрозы его применить, полицейский открыл огонь на поражение. После смерти Блейка в Кеноше вспыхнули BLM-протесты, однако они натолкнулись на сопротивление белых ополченцев, которых СМИ огульно определяли как «сторонников превосходства белой расы». Ополченцы защищали магазины и дома от погромов и поджогов. Один из них, семнадцатилетний подросток из Иллинойса Кайл Риттенхаус, вооруженный полуавтоматическим карабином, был атакован сторонниками BLM. Житель Кеноши Джозеф Розенбаум попытался отобрать у Риттенхауса карабин, но был им застрелен. Затем другая группа протестующих повалила Риттенхауса на землю и продолжила попытки отобрать у него оружие, в результате был застрелен еще один нападавший. Третий нападавший, направивший на Риттенхауса пистолет, получил тяжелое ранение руки.

Схватка Риттенхауса с BLM-погромщиками, широко разошедшаяся на видео, вызвала сочувствие и восхищение всей консервативной Америки, включая Дональда Трампа. Подросток стал героем и символом сопротивления погромам для одних и предметом ненависти для других, его попытались осудить как убийцу. В ноябре 2021 года Кайл Риттенхаус был оправдан по всем обвинениям, несмотря на избрание Джо Байдена президентом США и торжество BLM-повестки [43].

Волнения вышли на совершенно новый уровень благодаря массовой поддержке в интернет-пространстве. Собственно, именно Интернет стал важным фактором в расширении масштабов данного движения. Именно в Интернете оно начало делать первые шаги, используя для распространения своих требований хештег #BlackLivesMatter, давший имя движению.

Одним из трагикомичных моментов кампании BLM стали долгие похороны Джорджа Флойда. Флойд погиб в Миннеаполисе, штат Миннесота, но из-за того, что его родным

городом был Фейетвилл в Северной Каролине, а его мать была похоронена в городе Хьюстоне, штат Техас, его похороны превратились в цепь перевозок роскошного золоченого гроба на роскошном катафалке и помпезных поминальных служб по всем США. Все это до крайности контрастировало с убогими условиями существования Флойда при жизни. Теперь же его родственники стали миллионерами – на них обрушился поток миллионных частных пожертвований и государственных компенсаций.

Тело Флойда в эти похоронные дни выставлялось на всеобщее обозрение, а вокруг него проводился ритуал преклонения колен, в котором должны были принимать участие прежде всего белые – политики, знаменитости, спортсмены. Такое коленопреклонение стало важнейшим ритуалом BLM. Активное участие принимал в них кандидат в президенты от Демократической партии Джо Байден. Отдельную экспансию ритуал начал в спорте.

Формально речь шла о проявлении почтения, каковое выражается преклонением колен во многих культурах. Однако в этом ритуале было что-то загадочное, поскольку Флойд скончался именно в результате того, что полицейский Шовен придавил ему шею коленом. Получалось, что преклонившие колено как бы травестили действия Шовена. Травестирование усиливалось тем, что многие мероприятия в честь Джорджа Флойда ориентировались на цифры 8.46, то есть 8 минут и 46 секунд, – время, в течение которого колено Шовена находилось на шее Флойда.

В Сент-Питерсберге, штат Флорида, городские власти объявили, что со 2 по 9 июня граждане должны «объединиться в тихом и мирном протесте, стоя на улице у своего крыльца или двора в течение 8 минут и 46 секунд каждый вечер. 9 июня 2020 года губернатор Миннесоты Тим Вальц издал прокламацию, объявляющую 8 минут и 46 секунд молчания в память о Джордже Флойде, что совпало в тот день с началом похорон Флойда в Хьюстоне, штат Техас. Члены Конгресса США от Демократической партии во главе со спикером Нэнси Пелоси тоже простояли на коленях 8 минут 46 секунд [44].

То, что в память о жертве имитировались действия не жертвы, а палача, – это в известном смысле новое слово в истории социальных и религиозных ритуалов, нуждающееся в дополнительном исследовании. Вероятно, через такой ритуал проводилась мысль о том, что все белые так же, как и Шовен, виноваты в гибели Флойда, так же держали колено на шее убитого, а теперь должны сами преклонить колени и подчиниться.

Протесты BLM были революцией нового «цветного» образца, сгенерированного американским Госдепартаментом и спецслужбами в 2000–2010 годах. У революции была идеология в виде критической расовой теории. У революции была определенная конкретная политическая цель – свержение Дональда Трампа, и она была реализована. У революции была стратегическая цель – деамериканизация американского общества, разгром «институционального расизма».

В ходе революции политический режим республиканцев был значительно делегитимизирован и дезинтегрирован – улицы американских городов вышли из-под контроля как центрального, так и местных правительств. И без того рыхлая вертикаль власти в США была значительно ослаблена. Президент Трамп мог реагировать на развитие ситуации преимущественно заявлениями и требованиями к местным властям, например к властям Сиэтла, призывая их восстановить контроль над городом.

У федерального правительства был очевиден дефицит инструментов для контроля над ситуацией, представители политического истеблишмента и полиции предпочли делать заявления, не критикующие протестующих, а оправдывающие их. Огромное количество прежде наказуемых деяний – оккупация улиц и зданий, строительство баррикад, разрушение памятников конфедератам и прочим «расистам», ограбление магазинов, теперь начали рассматриваться как фактически ненаказуемые. Во многих случаях начался

распад правоохранительной системы – массовые увольнения из полиции, пассивность полицейских из опасения быть обвиненными в расизме.

Важную роль в распаде правоохранительной системы сыграли «соросовские прокуроры», продукт программы влияния на американскую внутреннюю политику, которую вот уже несколько десятилетий осуществляет виднейший идеолог и спонсор мирового либерального переворота и строитель «открытого общества» Джордж Сорос [31, с. 175–176].

Главной целью BLM-протестов были делегитимация и разрушение политического режима президента-республиканца Дональда Трампа. BLM продолжали серию прежних антитрамписких выступлений, организованных интерсекциональной коалицией демократов, включая «конфедератопад».

Первым ударом по Трампу стала эпидемия COVID, приведшая к дезорганизации американского общества, временному коллапсу американской экономики в связи с карантином, росту смертности. Все это не могло не сказаться отрицательно на шансах действующего президента на переизбрание. Тем более что ситуация карантина способствовала почтовому и дистанционному голосованию, которое стало, как можно судить, пространством для интенсивных манипуляций в пользу демократов.

Второй удар Трампу нанесли протесты BLM – картины хаоса и разрушений, неспособность правительства энергично справиться с беспорядками, ощущение силы и власти, исходящее от протестующих и вынуждающее конформистов приспособливаться к ним. При этом поразительно – никто из представителей «мейнстримной» прессы или политического истеблишмента не обвинял участников BLM-протестов в нарушении карантина, не было опубликовано никаких данных, что такое массовое скопление людей способствовало распространению эпидемии и привело к повышенной смертности среди участников протестов. Либо таких данных не было, либо их сочли целесообразным скрыть. Не случайно на этом фоне в американской правой среде возникли масштабные теории заговора, согласно которым не только BLM, но и COVID был провокацией, чтобы подорвать американское общество, и что оба события управляются из одного центра.

Так в чем же заключалась действительная роль протестов BLM в исходе предвыборной гонки 2020 года? Прежде всего в моральной санкции от имени «угнетенных» на фальсификацию результатов выборов в пользу Байдена. Такая санкция давалась именно в логике борьбы с «институциональным расизмом», ради которой в логике КПТ есть все основания пожертвовать правом, формальной справедливостью и даже честностью.

BLM-протесты в 2020 году как бы подтверждали необходимость отстранения «расиста Трампа» любыми – законными, незаконными и противозаконными – способами. Подгонка результатов выборов под интересы демократов стала продолжением действий протестующих, многие из которых тоже формально были незаконны. Риторика и атмосфера BLM позволяли прикрывать любые махинации, оспаривание которых рассматривалось теперь как наступление на права черных.

Наиболее характерна в этом смысле «смена цвета» штатом Джорджия, решающую роль в которой сыграла близкая к BLM чернокожая активистка Стейси Абрамс. Она окутала штат сетью многочисленных общественных организаций, которые ставили своей задачей учет и мобилизацию избирателей, прежде всего чернокожих. Привлекая огромные средства миллиардеров, спонсоров Демпартии, Абрамс начала настоящую охоту за «мертвыми душами» – умершими избирателями, избирателями, не жившими по месту регистрации, не имевшими необходимого ценза. Работавшие с Абрамс юристы начали ожесточенную защиту «прав» таких избирателей при попытках властей исключить их из списков.

Абрамс назвала свою деятельность борьбой с «подавлением голосов», к каковому ей и ее сторонниками были отнесены требование предъявить удостоверение лично

сти для допуска к голосованию, требование доказательств американского гражданства, обновление избирательных списков и исключение из них умерших, установление единого дня голосования.

И.В. Жежко-Браун констатирует: «Нарушения на выборах 2020 г. в Джорджии касались в общей сложности 1,5 млн поданных голосов. Так, в 23 избирательных округах, сосредоточенных в больших городах, было зарегистрировано больше избирателей, чем имелось граждан, имеющих право голосовать, – от 101 до 118%, при том, что даже 100% – уже практически нереальная цифра. Неслучайно победа Байдена была обеспечена именно в городах, где работали организации Абрамс.

Вот только несколько групп людей, которые не имели права, но голосовали на этих выборах и чьи голоса были включены в окончательные результаты: преступники, не отсидевшие свой срок; подростки, не достигшие юридического возраста для участия в выборах; голосовавшие без предварительной регистрации; умершие.

Однако самое многочисленное нарушение состояло в голосовании с помощью незаконных бюллетеней, для которых невозможно проследить путь от момента их отправки гражданам по почте до возврата на избирательный участок (nochain of custody). В это нарушение включаются следующие ситуации: невозможно проверить, был ли человек, которому отправили бюллетень, законным избирателем; голосовал ли сам избиратель или кто-то проголосовал за него; было ли голосование самостоятельным или под давлением на избирателя; был ли незаконный сбор бюллетеней (ballot harvesting); был ли бюллетень исправлен после его заполнения избирателем» [47, с. 79–80].

Можно даже подвести своеобразную базу под эту операцию с «мертвыми душами» в логике критической расовой теории и ее требования компенсаций и репараций. Миллионы чернокожих в течение длительной истории не были представлены на выборах, не имели возможности проголосовать вообще или же за «правильных» нерасистских кандидатов. «Голосование мертвых» за Байдена на выборах 2020 года можно было бы истолковать в этой логике как посмертное голосование непредставленных. А потому, будучи формально вне легитимного поля (созданного и сконфигурированного расистами и в интересах расистов, как учит КРТ), такой акт имеет все признаки глубинной справедливости. Нам не удалось пока найти пример, чтобы кто-то из близких к BLM деятелей озвучивал такой подход вслух, но он имплицитно вытекает из концепции КРТ и, несомненно, должен ею подразумеваться.

Своеобразную насмешливую апологию такого подхода представлял собой фильм «Барби», вышедший на экраны США в 2023 году. В нем куклы Барби (очевидная аллюзия на демократов) при помощи хитроумных манипуляций проводят голосование и предотвращают захват власти куклами Кенами (очевидная аллюзия на республиканцев), которые пытаются превратить Барбиленд в мир «токсичной маскулинности». В фильме не скрывается, что речь идет об обмане, фальсификации и манипуляции, однако все это обосновывается благими целями.

Трамп в 2020 году. Попытка идеологического контрнаступления

В июле 2020 года Трамп попытался перейти в контрнаступление на BLM на идеологическом фронте. Целью его атаки стали не столько сами протесты и конфликт вокруг смерти Джорджа Флойда, сколько идеология КРТ и «Проект-1619», лежавшие в основе BLM. 3 июля 2020 года в Южной Дакоте, обращаясь к высеченным на скале лицам «отцов-основателей» США – Вашингтона, Джефферсона, Линкольна и Теодора Рузвельта, Трамп заявил: «Этот памятник никогда не будет осквернен. Эти герои никогда не будут изуродованы, их наследие никогда не будет уничтожено, их достижения никогда не будут забыты» [45].

Трампа в своей речи апеллировал к американскому национализму и традиционному триумфалистскому нарративу американской истории, утверждая, что никто не сделал для мирового прогресса больше, чем США. Одновременно он обрушился с небывалыми по резкости обвинениями в адрес BLM: «Наша нация стала свидетелем беспощадной кампании по уничтожению всей нашей истории, клеветы на наших героев, стирания наших ценностей и идеологической обработки наших детей. Разъяренные толпы пытаются снести статуи наших отцов-основателей, осквернить самые священные из наших памятников и пустить волну насилия и преступности по нашим городам. Многие из них и понятия не имеют, зачем они так поступают, но некоторые отлично знают, что делают» [45].

Трампа предал проклятию культуру бойкотов, «когда людей выгоняют с работы, инакомыслящих стыдят, а от несогласных требуют полной покорности», и указал: «В наших школах, в наших новостных отделах, даже в наших советах директоров объявился новый, крайне левый фашизм, который требует абсолютной лояльности. Если вы не говорите на его языке, не исполняете его ритуалов, не читаете его мантры и не выполняете его заповеди, то вас подвергнут цензуре, прогонят, занесут в черный список, будут преследовать и карать» [45].

Явно преувеличивая свои успехи в борьбе с BLM, президент подчеркивал, что бросил все федеральные силы на противостояние погромщикам и пригрозил вандалам наказанием до 10 лет тюрьмы. Отдельным нападкам президента подверглась КРТ. «Вопреки всем законам общества и природы наших детей в школе учат ненавидеть свою страну и считать мужчин и женщин, которые ее построили, не героями, а злодеями. Радикальный взгляд на американскую историю – это паутина лжи: вся перспектива замарана, вся добродетель сокрыта, каждый мотив и каждый факт искажены, а малейший недостаток раздувается до тех пор, пока вся история не окажется переписана и изуродована до неузнаваемости» [45].

В противоположность «конфедератопаду» Трамп заявил, что подписал распоряжение об открытии Национального парка американских героев, в котором будут находиться статуи величайших американцев. В противовес «Проекту-1619» Трамп создал «Комиссию-1776», которая должна была способствовать патриотическому воспитанию американского юношества и составить список героев для включения в Национальный парк. 18 января 2021 года, за два дня до ухода Трампа из Белого Дома, были опубликованы отчет комиссии с критикой КРТ и президентский указ, содержавший трамповский список героев.

В этом списке поразило то, что он своеобразно закреплял успех «конфедератопада». В нем отсутствовали не только деятели Конфедерации, но и такие культурные персонажи, как американский кинорежиссер Дэвид Уорк Гриффит, автор культового «квуклуксклановского» фильма «Рождение нации», или писательница Маргарет Митчелл, автор еще более культового «южного» романа «Унесенные ветром». Место замолчанных конфедератов заняли борцы за гражданские права – Мартин Лютер Кинг, Роза Паркс, а также индейские вожди. Вызов Трампа BLM поразительным образом подтверждал победу BLM от противного, символизируя масштабные уступки консервативной Америки. Хотя принципам КРТ трамповский список, безусловно, не соответствовал – это все-таки был список героев национальной Америки, которую КРТ рассматривала как «системно расистскую».

Так же в ходе предвыборной кампании Трамп издал указ № 13950 от 22 сентября 2020 года «Борьба с расовыми и сексуальными стереотипами». В этом указе Трамп предписывал федеральным органам прекратить финансирование любых программ, которые распространяют концепции, раскалывающие американское общество, то есть прежде всего программ в рамках КРТ и радикального феминизма.

К таковым отнесены «концепции, согласно которым 1) одна раса или пол по своей сути превосходят другую расу или пол; 2) Соединенные Штаты по своей сути являются расистскими или сексистскими; 3) человек в силу своей расы или пола по своей сути является расистом, сексистом или угнетателем, сознательно или бессознательно; 4) человек должен подвергаться дискриминации или подвергаться неблагоприятному обращению исключительно или неосознанно частично из-за его или ее расы или пола; 5) принадлежащие к определенной расе или полу не могут и не должны поступать с остальными, не учитывая их расы или пола; 6) моральный облик человека обязательно определяется его или ее расой или полом; 7) индивид в силу своей расы или пола несет ответственность за действия, совершенные в прошлом другими представителями той же расы или пола; 8) любой индивид должен испытывать дискомфорт, вину, тоску или любую другую форму психологического расстройства из-за своей расы или пола; или 9) меритократия или такие черты характера, как этика трудолюбия, являются расистскими или сексистскими, или были созданы определенной расой для угнетения другой расы. Термин “разделяющие концепции” также включает любую другую форму расовых или сексуальных стереотипов или любую другую форму поиска козла отпущения в расовой или сексуальной сфере» [46].

Жесткой критике в указе была подвергнута КРТ: «Эта деструктивная идеология основана на искажении истории нашей страны и ее роли в мире. Хотя они представлены как новые и революционные, они воскрешают дискредитированные представления апологетов рабства девятнадцатого века, которые подобно сопернику президента Линкольна Стивену А. Дугласу утверждали, что наше правительство “было создано на белой основе” “белыми мужчинами на благо белых людей”. Наши Основополагающие документы отвергли эти расистские взгляды на Америку, которые потерпели сокрушительное поражение на залитых кровью полях сражений Гражданской войны. Однако сейчас их переупаковывают и продают как передовые идеи. Они призваны разделить нас и помешать нам объединиться как единому народу в стремлении к единой судьбе нашей великой страны» [46].

И снова сложился опасный парадокс. Ради отрицания постулата КРТ о «системном расизме» США Трамп вынужден был пойти на отказ от представления о роли белой нации в формировании США, фактически деконструировать реальную этнокультурную основу американского национализма, каковым, конечно, был белый американский национализм.

Н.М. Травкина и В.С. Васильев справедливо отмечают: «Формализовав фронтальную идеологическую атаку на критическую расовую теорию, Д. Трамп и в его лице большая часть Республиканской партии тем самым подошли к проблеме чрезвычайно опасной «красной черты», за пределами которой начинается собственно деамериканизация США, когда противодействие дискриминации афроамериканского населения плавно переходит в борьбу с белой расой, белыми американцами как таковыми. Фактически в идеологическом поле страны создавалась колоссальная брешь, подразумевавшая и формальное, и функциональное отрицание роли титульной нации в историческом и цивилизационном развитии Америки буквально с самых первых этапов становления американской республики» [1, с. 45].

Так или иначе, BLM движение, несмотря на видимое сопротивление Трампа, нанесло ему серьезный идеологический удар. По сути, ему пришлось принять либерализованную версию американской национальной идентичности, в которой вопреки исторической истине не было ни государствообразующей роли белых американцев – протестантов, англосаксов, а затем немцев, не было места героям Конфедерации и прочим неудобным «расистам». Пришлось отходить на запасные позиции в виде отцов-основателей и консерваторов XX века типа Рональда Рейгана и Барри Голдуотера. Трамповский избиратель хотя и голосовал за своего кандидата, не мог не почувствовать эту «слабину».

Итоги

В 2025 году Дональд Трамп вернулся в президентское кресло. При новой старой администрации многие результаты BLM-революции подвергаются жесткому пересмотру. В частности, Трамп одним из первых указов 3 февраля 2025 года запретил преподавание критической расовой теории в школах. Школы, продолжающие преподавать КРТ, рискуют лишиться федеральной помощи. «Президент считает, что американское образование должно быть направлено на воспитание патриотичных граждан, готовых к трудовой деятельности», – заявила в этой связи пресс-секретарь Белого дома Кэролайн Ливитт [48].

Однако окажется ли достаточной деятельность режима Трампа для отмены и разворачивания длящегося уже более полстолетия идеологического тренда на деамериканизацию США? BLM является важным эпифеноменом данного идеологического тренда, но не его истоком и не первопричиной. Многие аспекты идеологии BLM уже практически неотменимы. Сорвана интеграция чернокожего сообщества США в ядро белой нации, сформирована сепаратная высокоидеологизированная субкультура. Состоялся «конфедератопад», и монументы генералам и «парням, одетым в серое» вряд ли вернуться на свое место. Новый пантеон американских героев, утвержденный Трампом же, исключает большинство «спорных» фигур. Неустойчивость трампистского режима обозначает перспективу нового реванша BLM или раскола страны и нации в результате гражданской войны.

Но значительно более существенны для нас не американские, а международные аспекты BLM-проблемы. Был продемонстрирован хрестоматийный пример конструирования угнетенного сообщества, которое, апеллируя к своей угнетенности, отказывается от интеграции в базовое сообщество, лежащее в основе любой современной государственности (сейчас не столь важно называть его «нацией», «гражданским обществом» или как-то по-другому).

Отказ от интеграции сопровождается атакой на основные структуры идентичности и памяти базового сообщества, которые постепенно деградируют и отмирают. Парадоксальным образом отказ от интеграции делает базовое сообщество не сильнее и сплоченнее, а слабее и уязвимее. Базовое сообщество оказывается в ситуации вечной вины перед теми, кто не хочет в него интегрироваться.

Новое сообщество, строящее свою идентичность на угнетенности, выдвигает новые идентичности, новые элиты, новые стратегии символической и экономической эксплуатации в своих интересах «виноватого» базового сообщества. Оно может контролировать политическую повестку, инициируя массовые беспорядки и легитимизируя даже фальсификацию выборов.

Вероятность возникновения в России подобных сообществ достаточно высока. За последние годы российское общество не раз сталкивалось с атаками на свою базовую историческую идентичность, имели место попытки ввести в оборот риторику КРТ для обоснования тезиса о мнимом «системном расизме», присущем российскому обществу. Все это говорит о том, что изучение BLM в российском политическом контексте более чем востребовано.

Литература

1. *Травкина Н.М., Васильев В.С.* Деамериканизация США: истоки и последствия // Перспективы: Электронный журнал. 2021. № 2–3 (25–26). С. 34–49.
2. *Черные американцы в истории США: в 2 т. Т. 1: 1526–1917 / под ред. Р.Ф. Иванова.* М.: Мысль, 1986.
3. *Иванов Р.Ф., Лисневский Э.В.* Ку-клукс-клан. М.: Наука, 1981.
4. *Алентьева Т.В., Филимонова М.А.* США в новое время: общество, государство и право. Ч. 2: 1800–1877 гг. М.: ИНФРА-М., 2020.
5. *Илюхина Е.В.* Политика президента Улисса С. Гранта в отношении ку-клукс-клана // Ученые записки: Электронный научный журнал Курского гос. ун-та. 2021. № 3 (59). С. 64–73.

6. *Ярыгин В.В.* Партийно-политическое противостояние в США и президентские выборы 1888 г. // Вестник БГУ. 2014. № 2.
7. *Воробьев Д.Н.* Создание и закрепление системы расовой сегрегации на юге США (конец XIX – начало XX вв.) // Вестник Брянского гос. ун-та. 2020. № 4 (46).
8. *Поподько В.А.* Расовые представления и насилие на американском Юге в первой половине XX в. // Вестник БГУ. 2018. № 4 (38). С. 127–131.
9. *Геворкян Г.Н.* Влияние массовых движений в США на принятие закона о гражданских правах 1964 г. // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 8-1 (50). С. 140–143.
10. *Cormier F. Reuther / Frank Cormier, William J. Eaton.* New Jersey: Prentice-Hall, 1970.
11. *Krugman Paul R.* The conscience of a liberal // New York: W.W. Norton & Co. 2007.
12. *Чантуридзе Ю.М.* Отражение афроамериканской картины мира в политическом дискурсе (на материале речи М.Л. Кинга "I have a Dream") // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5.
13. *Филановская О.В., Фурман Д.Е.* Эволюция «черного мусульманства» // США: Экономика, политика, идеология. 1981. № 3. С. 47–58.
14. *Файнберг А.А.* «Нация Ислама»: к вопросу о самоидентификации афроамериканцев // Известия РГПУ имени А.И. Герцена. 2010. № 124. С. 161–165.
15. *Ахметшин Р.И.* Организация «Нация ислама» – праворадикальное крыло в движении за гражданские права афроамериканцев (1950–1970-е гг.) // Манускрипт. 2016. № 10 (72). С. 33–35.
16. *Туров А.* Ислам в США. Пятая колонна // Россия и мусульманский мир. 2003. № 5. С. 201–206.
17. *Яблоков И.А.* О некоторых архетипах конспирологических конструкций (на примере текстов лидеров организации нации ислама) // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2008. № 2 (3). С. 116–123.
18. *Христенко Д.Н.* Политический путь Малькольма Икса: от афроамериканского радикала до лидера борьбы за гражданские права // Вестник Северного (Арктического) федерального ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 4. С. 15–25.
19. *Бодров О.В., Ахметшин Р.И.* Малкольм Икс как выразитель новых тенденций в афроамериканской политической культуре США 1950–1960-х гг. // Вестник КазГУКИ. 2016. № 3. С. 39–43.
20. *Михеева А.Н.* Малькольм Икс и ислам // Вестник ЧелГУ. 2004. № 1. С. 75–80.
21. *Шумаков А.А.* Диалектика развития движения за права чернокожих в США в 60-е гг. XX в. на примере выдающихся его представителей // Вестник Московского ун-та. Серия 18: Социология и политология. 2021. Т. 27. № 2. С. 44–64.
22. *ABC: полиция и ФБР могли быть причастны к убийству Малкольма Икса в 1965 году* [Электронный ресурс] // ТАСС. 2021. 21 февраля. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10757655> (дата обращения: 06.04.2024).
23. *Carmichael S.* Black Power Address at UC Berkeley [Электронный ресурс] // American Rhetoric. Top 100 speeches. 1966. 29 October. Режим доступа: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/stokelycarmichaelblackpower.html> (дата обращения: 06.04.2024).
24. *Закиров А.В.* ФБР против афроамериканцев (на основе документов о программе COINTELPRO) // Вестник БГУ. 2023. № 2 (56). С. 67–78.
25. *Шитов Андрей.* Критическая расовая теория в США: расизм шиворот-навыворот? [Электронный ресурс] // ТАСС. 2021. 12 июля. Режим доступа: <https://tass.ru/turbopages.org/tass.ru/s/opinions/11882271> (дата обращения: 06.04.2024).
26. *Bell, Derrick A.* Race, Racism and American Law // Little Brown & Co. 1973.
27. *Сальников Е.В.* Black lives matter, критическая расовая теория и трансформация национальной политики современного государства // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 1 (53).
28. *Жежко-Браун И.В.* «Проект-1619» как альтернатива «Американскому проекту» // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 1. Ч. 1.
29. *Бьюкенен П.* Смерть Запада // М.: АСТ, 2003.
30. *Хомяков Владимир.* «Белая кожа – признак недочеловека»: новый «черный нацизм», чего еще ждать [Электронный ресурс] // Царьград. 2020. 19 июля. Режим доступа: https://spb.tsargrad.tv/articles/belaja-kozha-priznak-nedocheloveka-novyy-chjornyj-nacizm-chego-eshhjo-zhdat_266530
31. *Жежко-Браун И.В.* Новый высший класс: революционная смена элит в США // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 4. Ч. 1.
32. *Гаврилюк Т.В., Бочаров В.Ю.* Интерсекциональность как способ концептуализации гендерного и классового неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2018. Т. 16. № 3. С. 537–545.
33. *Хассет-Уокер, Конни.* Расистские корни американской полиции: от рабских патрулей до дорожных проверок // Реальное время. 2020.05.06. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/176798-rasistskie-korni-amerikanskoj-policii-ot-rabskih-patruley-do-dorozhnyh-proverok> (дата обращения: 06.04.2024).
34. *MacDonald, Heather.* Are Cops Racist? How the War Against Police Harms Black Americans // Ivan R. Dee. 2003.
35. *A Her story of the #BlackLivesMatter Movement by Alicia Garza* [Электронный ресурс] // The feminist wire. 2014. 7 октября. Режим доступа: <https://www.thefeministwire.com/2014/10/blacklivesmatter-2/> (дата обращения: 06.04.2024).
36. *Hood, Gregory.* Everyone Is to Blame Except Blacks [Электронный ресурс] // American Renaissance. 2024. March 29. Режим доступа: <https://www.amren.com/features/2024/03/everyone-is-to-blame-except-blacks/> (дата обращения: 06.04.2024).
37. *Кузнецов Д.В.* «Конфедератопад» в США: причины, ход событий, последствия // Американистика на Дальнем Востоке. 2019. Вып. 5.
38. *The 1619 Project* [Электронный ресурс] // The New York Times Magazine. 2019. August 14. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/interactive/2019/08/14/magazine/1619-america-slavery.html> (дата обращения: 06.04.2024)
39. *Жданов А.И.* Факторы возникновения и развития движения BLM в США // История и современность. 2022. № 4.
40. *Порошина А.С.* Особенности влияния отдельных современных общественно-политических движений на киноиндустрию в США // Русская политология. 2020. № 4 (17).
41. *Free Food, Free Speech and Free of Police: Inside Seattle's 'Autonomous Zone'* [Электронный ресурс] // The New York Times. 2020 11 июня. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2020/06/11/us/seattle-autonomous-zone.html> (дата обращения: 06.04.2024).
42. *"It's Got to Stop": Atlanta's Mayor Decries a Surge of Violence as a Girl Is Killed* [Электронный ресурс] // The New York Times. 2020. 17 июля. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2020/07/06/us/atlanta-mayor-8-year-old-killed.html> (дата обращения: 06.04.2024).

43. «Действовал в целях самообороны» [Электронный ресурс] // Коммерсант. 2021. 22 ноября. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5087889> (дата обращения: 06.04.2024)
44. Сенаторы-демократы соблюдали 8'46" молчания, стоя на коленях, во время своей встречи 4 июня [Электронный ресурс] // Lenta.Ru. 2020. 8 июня. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2020/06/08/pelosil/> (дата обращения: 06.04.2024).
45. White House (США): речь президента Трампа в Южной Дакоте по случаю салюта у горы Рашмор в 2020 году [Электронный ресурс] // Иносми. 2020. 8 июля. Режим доступа: <https://inosmi.ru/20200708/247723976.html> (дата обращения: 06.04.2024)
46. Борьба с расовыми и сексуальными стереотипами: Указ № 13950 от 22 сентября 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.federalregister.gov/documents/2020/09/28/2020-21534/combatting-race-and-sex-stereotyping> (дата обращения: 06.04.2024).
47. Жежко-Браун И.В. Революция меньшинств в США – заключительный этап. Социальные лифты для меньшинств в коридоры власти // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13. № 2. Ч. 1. С. 79–80.
48. President Trump signs executive order banning critical race theory in K-12 schools [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.yahoo.com/news/president-trump-signs-executive-order-194333338.html> (дата обращения: 8.12.2025).
49. Завьялова М. Доктор прописал кровопускание: риторика насилия и афроамериканская литература 1960-х годов // Новое литературное обозрение. 2003. № 6 (64). С. 144–160.

Аннотация. В статье прослеживается идеологическая эволюция движения BLM. Показано, как радикальные доктрины «Нации ислама», Малкольма Икс и Стокли Кармайкла переросли в критическую расовую теорию (КРТ), тезисы которой исключали возможность интеграции чернокожей общины США в единую американскую нацию. Теоретические конструкции КРТ и политическая практика BLM обозначили, что преодоление расового конфликта в США возможно только через деамериканизацию США, замену базового сообщества с его базовым культурным кодом. Выступления BLM против Трампа в 2016–2020 годах способствовали значительному подрыву традиционной американской идентичности. Для России опыт BLM имеет особое значение ввиду наличия в стране сил, стремящихся сконструировать «угнетенную группу», от имени которой будут атаковаться базовые идентичности российского общества как соединенного русским языком и православием.

Ключевые слова: “Black lives matter”, BLM, интерсекциональность, конфедератопад, критическая расовая теория, Малкольм Икс, системный расизм, Стокли Кармайкл, история США, Трамп.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Поступила в редакцию 1 декабря 2025. Принята к печати 9 декабря 2025.

Yegor S. Kholmogorov, Employee, “Ivan Ilyin Higher Political School” and Center of Fundamental and Applied Scientific Projects, Russian State University for the Humanities. E-mail: hologorow@yandex.ru

BLM Movement in the USA, Ideology Designing

Abstract. In the present article the author traces the ideological evolution of the BLM movement. He shows how the radical doctrines, such as “The Nations of Islam”, “Malcolm X” and Stokely Carmichael developed into the “Critical Racial Theory” (CRT), the theses of which eliminate the possibility of the USA black community integration into the united American nation. CRT theoretical constructs and BLM political practices showed that the racial conflict overcoming in the USA was possible only through de-Americanization and replacement of basic USA community with its basic cultural code. BLM anti-Trump protests in 2016 – 2020 contributed to substantially undermining the traditional American identity. BLM experience is of special significance to Russia as there are certain circles in the country that aspire to design an “oppressed group”, on behalf of which the basic identities of the Russian society, united by the Russian language and the Orthodoxy, will be attacked.

Keywords: Black Lives Matter, BLM, Intersectionality, Confederate Fall, Critical Racial Theory, Malcolm X, Systematic Racism, Stokely Carmichael, USA History, Trump.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Received: December 1, 2025. Accepted: December 9, 2025

Католический выбор-2024: за Трампа, против Харрис

На президентских выборах 2024 года 59% избирателей-католиков, согласно экзит-полу CNN, проголосовали за Дональда Трампа и лишь 39% – за Камалу Харрис. Голосование католического электората оказалось близким к голосованию протестантского – соответственно 63 и 36%. И это при том, что в общенациональном масштабе Трамп победил с существенно меньшим разрывом: 49,8 к 48,3%. Еще одна важная цифра – за Трампа проголосовал 91% сторонников запрета абортов (всего это 31% избирателей) [1].

Значимость католического электората

Согласно результатам NPORS (ежегодного опроса взрослых американцев, проводимого центром Pew), католики составляют 20% населения США; для сравнения – протестантов 41%, нерелигиозных жителей страны – 28%. Нерелигиозность в опросах не тождественна атеизму, а означает лишь отсутствие идентификации с какой-либо религией, но при этом большинство «нерелигиозных» в США говорят, что во вселенной есть некая высшая сила или духовная сила, а 13% сказали, что верят в «Бога, как он описан в Библии» [2].

Американский президент не может быть ни атеистом, ни социалистом – не потому, что это запрещено, а так как такого кандидата просто не выберут. Даже рационалист и критик церковных институтов Томас Джефферсон был деистом, то есть верил в Бога, хотя его вера и не соответствовала ортодоксии какой-либо из конфессий, а также формальным прихожанином епископальной церкви, присутствовавшим на богослужениях. Впрочем, религиозный плюрализм в американской политике крайне широк: четверо президентов США были унитариями, то есть антитринитариями, отвергавшими догмат о Троице. Среди них были второй президент Джон Адамс и его сын, шестой президент Джон Куинси Адамс.

Американская политика значительно правее европейской, где нерелигиозный лидер-социалист во многих странах является вполне естественной фигурой. На съездах ведущих американских политических партий среди ораторов присутствуют имена религиозных деятелей, во время церемонии инаугурации президента выступают представители различных конфессий – в частности, в инаугурации Трампа в 2025 году по традиции участвовали и католические священнослужители: молитву произносил нью-йоркский кардинал Тимоти Долан, а благословил президента священник Фрэнк Манн из Бруклина, по собственной инициативе ставший ухаживать за «слегка заросшей» могилой родителей Трампа и в связи с этим познакомившийся с ним [3]. Поэтому даже нерелигиозные по своим убеждениям кандидаты должны демонстрировать не только уважение к религии, но и принадлежность к какой-либо конфессии.

Макаркин Алексей Владимирович, первый вице-президент Центра политических технологий. E-mail: a_makarkin@mail.ru

Но значение религии в электоральной политике США со временем менялось. Давно прошли времена, когда «чужая» религия была мощнейшим барьером для голосования и президентом не мог быть избран католик, воспринимавшийся протестантскими избирателями как подчиненный «чужого правителя» (папы Римского), или, например, мормон (в 2012 году кандидатом от республиканцев был мормон Митт Ромни, получивший 47,2% голосов). Но религиозный фактор остается одним из аргументов, влияющих на голосование. Речь идет, в частности, о морально-нравственной тематике, важной для избирателей обеих партий (отношение к абортам и иммигрантам), по которой активно высказываются представители различных конфессий. И о принципе религиозной свободы, значимой для американской политической традиции. Причем если ранее ее отстаивали либералы, выступавшие за свободу совести, то сейчас – консерваторы, считающие, что государство не только слишком сильно вмешивается в религиозные вопросы, но и дискриминирует христиан, публично отстаивающих свои убеждения.

С 2004 года один из четырех кандидатов от главных партий (в президенты и вице-президенты) является католиком – выдвигались и либеральные католики-демократы (Джон Керри и Джо Байден в президенты в 2004 и 2020 годах, Джо Байден в вице-президенты в 2008 и 2012 годах и Тим Кейн в вице-президенты в 2016 году), и консервативные католики-республиканцы (Пол Райан в 2012 году и Джей Ди Вэнс в 2024 году).

Первым президентом-католиком стал Джон Кеннеди в 1960 году. «Молюсь о благословении Божьего мира для нашей любимой Америки и всех народов мира», – написал кардинал Фрэнсис Спеллман на своей фотографии, адресованной сенатору Кеннеди в июле 1960 года [4]. Полтора годами раньше Спеллман венчал его брата Эдварда. Католики в то время существенно чаще поддерживали кандидатов-демократов, чем республиканцев. Типичным избирателем-католиком был ирландец – рабочий и член профсоюза, то есть демократический электорат.

Но уже осенью 1960-го кардинал поддержал на выборах соперника Кеннеди, республиканца Ричарда Никсона, родившегося в квакерской семье. Кеннеди, стремясь дистанцироваться от образа «кандидата-католика», неприемлемого для многих протестантов, выступал против федеральной помощи католическим приходским школам и назначения посла США в Ватикане (дипломатических отношений между США и Ватиканом не было до 1984 года, хотя некоторые президенты назначали своих личных представителей для связей с папой). При католике Кеннеди никакого представительства США в Ватикане не было – лишь при квакере Никсоне, которого нельзя было обвинить в лоббировании интересов единоверцев, был назначен личный представитель президента при Святом престоле.

Выступая в ходе избирательной кампании перед баптистскими священниками в Хьюстоне, Кеннеди сформулировал основные идеи, легшие в основу позиционирования любого политика-католика (но не «католического политика»), желающего стать президентом протестантской страны. «Я верю в Америку, которая официально не является ни католической, ни протестантской, ни иудейской; когда ни одно должностное лицо не запрашивает и не принимает инструкций о государственной политике от Папы Римского, Национального совета церквей или любой другой церковной инстанции, где ни один религиозный орган не стремится прямо или косвенно навязать свою волю населению или государству в целом. <...> Я не являюсь католическим кандидатом на пост президента. Я являюсь кандидатом в президенты от Демократической партии, который также является католиком. Я не выступаю от имени своей церкви по общественным вопросам. И церковь не выступает от моего имени» [5]. Это выступление считается в американской историко-политической науке поворотным моментом в отношении к католикам в США и большим личным успехом Кеннеди.

Спеллман был одним из наиболее влиятельных католических деятелей в США 1950-х годов, однако его мнение не оказало существенного воздействия на голосование избирателей-католиков – за Кеннеди проголосовали около 80%. Но постепенно поддержка католиками демократов размывалась, что было связано как с социально-экономическими, так и с морально-нравственными причинами.

В социальной сфере происходил переток католиков в ряды среднего класса, в большинстве своем тогда поддерживавшего республиканцев, – из городских рабочих районов они переезжали в пригороды, сокращая или теряя связи с профсоюзами. Раньше самыми массовыми католическими общинами были ирландцы, итальянцы и поляки. Все эти общины проделали естественный для иммигрантских сообществ путь: начинали как дискриминируемые иммигрантские «низы», а потому тяготели к демократам, но по мере того, как в следующих поколениях становились в своей массе средним классом, оказывались похожими на всех белых американцев (то есть голосовали в сопоставимых долях за каждую из основных партий). Латиноамериканцы изначально были среди католиков меньшинством, причем жили в основном в тех штатах, которые США отвоевали у Мексики (Техас, Калифорния, Нью-Мексико, Аризона). Сейчас они – уже куда более многочисленные и иммигрантские в своей основе, включающие выходцев из современной Мексики и других стран Латинской Америки, – начали идти по этому же пути.

Морально-нравственная сфера была связана прежде всего с проблемой абортов. Принятие Верховным судом в 1973 году решения по делу «Роу против Уэйда», легализующего аборты по собственному желанию до тех пор, пока плод не станет жизнеспособным, создало новую ситуацию [6]. Если демократы поддержали это решение, противоречащее каноническому праву Католической церкви, то республиканцы разделились на консервативных и либеральных. После 1976 года в Республиканской партии возобладали консерваторы, резко негативно относящиеся к абортам и сделавшие антиабортную мобилизацию одним из важнейших элементов своей политической стратегии.

Возникает вопрос о том, насколько чисто «католические» аргументы (прежде всего отношение к абортам) играли в электоральном выборе католиков решающую роль. Можно выделить две большие категории католиков – практикующих (регулярно посещающих мессу) и «культурных» – выходцев из католических семей, редко заходящих в храмы, но продолжающих связывать себя с католицизмом в силу семейных и иных причин. Для первых прежде всего важна морально-нравственная аргументация, для вторых – социально-экономическая. Первые чаще голосуют за республиканцев, тогда как вторые – за демократов.

Впрочем, католический электорат очень пластичен – прежде всего за счет «культурных» католиков, чье голосование «колеблется» вместе с общественными настроениями. Большинство католиков голосовали за победителей выборов – и за Билла Клинтона, и за Джорджа Буша-младшего (в 2000 году), и за Барака Обаму. Однако обращает на себя внимание эволюция практикующих католиков. В 2004 году католик Джон Керри соперничал с Бушем-младшим, но получил примерно равное с ним количество голосов католических избирателей, что принципиально отличало ситуацию от выборов Кеннеди в 1960 году. Практикующие католики уже не были готовы столь же активно голосовать за либерального католического кандидата – тема абортов сделала его неприемлемым для многих из них.

В 2008 и 2012 годах кандидаты от Республиканской партии Джон Маккейн и Митт Ромни не вдохновляли католических традиционалистов, продвигающих морально-нравственную повестку. Маккейн занимал более мягкую позицию по поводу однополых браков (он выступал против их федерального запрета), а Ромни – в связи с абортами. Консервативный католический журналист, редактор газеты «The Remnant» Майкл Дж. Мэтт призывал накануне выборов 2012 года: «То, что мы знаем о президенте Обаме, должно побудить каждого католика – всех католических избирателей – проголосовать против действующего

президента, либо проголосовав за Ромни, либо вообще воздержавшись... Вам не нравится Митт? Ладно! Не голосуйте за него. Но ради Бога голосуйте против Барака Обамы» [7]. На фоне Маккейна и Ромни Трамп с его жестко антилиберальной позицией выглядел куда более приемлемым для консервативных католиков кандидатом – в отличие от умеренных республиканцев и тем более от либерального католика Джо Байдена.

“Faithful Citizenship” и вопрос о приоритетности «защиты жизни»

Официальные предвыборные рекомендации Конференции католических епископов США носят сдержанный характер – она не только ни называет имя предпочтительного (или, наоборот, неприемлемого) кандидата, но и не обозначает положения программ, которые полностью исключают голосование католиков в поддержку политиков, которые их придерживаются.

Документ Конференции католических епископов “Faithful Citizenship” (наиболее адекватным выглядит перевод «гражданственность верующих»), опубликованный перед выборами 2004 года, вызвал серьезные споры внутри епископата. Его консервативная часть настаивала на выделении пяти положений – абортов, эвтаназии, исследования эмбриональных стволовых клеток, клонирования человека и однополых браков, – которые, по их мнению, не подлежали обсуждению и должны быть определяющими при голосовании [8]. Наиболее активно и эмоционально обсуждаемым из них был вопрос «защиты жизни», то есть абортов. Либералы исходили из того, что морально-нравственная тематика должна быть не приоритетной, а равной по значимости социальной. И ни один из политических тезисов не может стать основанием для полной неприемлемости кандидата.

Содержание “Faithful Citizenship” стало победой либералов – тема абортов не только не стала «блокирующей» для голосования за кандидатов, но и не заняла приоритетного места в документе, где морально-нравственная и социальная тематика были уравновешены. В тексте говорилось, что «как католики мы не имеем права отказываться от нерожденных детей, потому что они считаются нежелательными или неудобными; отворачиваться от иммигрантов, потому что у них нет надлежащих документов; создавать, а затем разрушать человеческие жизни в погоне за медицинскими достижениями или прибылью; отворачиваться от бедных женщин и детей, потому что у них нет экономической или политической власти; или игнорировать больных людей, потому что у них нет страховки». А в краткой и весьма расплывчатой рекомендательной части содержалась формулировка «наше дело – защита слабых и уязвимых и защита человеческой жизни и достоинства, а не какой-либо конкретной партии или кандидата». Таким образом «защита жизни» в отличие от предыдущего фрагмента здесь была не только уравнена с «защитой слабых», но и оказалась на втором месте, что выглядело символическим [9].

Основываясь на “Faithful Citizenship”, епископат не принял никаких решений по вопросу о возможности отлучения от причастия политиков-католиков, выступающих за аборты, – такая практика стала также победой либералов. Консерваторы были разочарованы. Епископы неоднократно заявляли об отказе в причастии политикам, выступающим за аборты, – обычно речь шла о демократах, но консервативный архиепископ (затем кардинал) Рэймонд Лео Берк заявлял о том, что не будет причащать не только кандидата в президенты в 2004 году Джона Керри, но и республиканца Руди Джулиани (который на тот момент еще не был трампистом и искал поддержки умеренных либералов).

Впрочем, у политиков в отсутствие официальной церковной позиции оставалась возможность причаститься у либерального епископа. Католический либерализм усилил свои позиции после Второго Ватиканского собора (1962–1965), который поддержал курс создавшего его папы Римского на обновление (aggiornamento) церкви, ее адаптацию к

запросам современного общества. В послесоборный период по инициативе либералов произошел переход к богослужению на национальных языках, тогда как традиционная месса на латинском языке стала исключением. Даже папа Бенедикт XVI, расширивший ее использование, не рассматривал вопрос об отказе от «реформированной» мессы как нормы для католиков, определяя латинскую мессу лишь как экстраординарную форму римского обряда. Что неудивительно, так как папа, имевший репутацию консерватора, сам будучи молодым богословом, участвовал во Втором Ватиканском соборе и выступал лишь против радикализации церкви, способной привести к полному разрыву с католической традицией. В морально-нравственной сфере церковь сохранила свое традиционное учение, но стала проявлять большую терпимость к оппонентам, значительно менее активно использовать в пастырской практике санкции против нарушителей канонических норм (в том числе такую меру, как запрет причащаться) и уделять больше внимания социальной проблематике. Консерваторы рассматривают такой подход как ревизию церковной традиции.

Значительную известность получила история 2019 года: священник из Южной Каролины Роберт Мори отказался допустить Джо Байдена к причастию, когда тот посетил его храм как частное лицо, но в данном случае речь шла о позиции рядового клирика, причем из епархии, прихожанином которой Байден не был. После инаугурации в 2021 году Байдена причастил либеральный вашингтонский кардинал Уилтон Дэниел Грегори, а в том же году после встречи с папой Франциском Байден заявил: «Мы только что говорили о том, что он счастлив, что я хороший католик, и мне следует продолжать принимать причастие» [10].

Наибольшую проблему для политика могла бы представлять позиция главы епархии, на территории которой он избирается, как это было в 2022 году, когда архиепископ Сальваторе Кордилеоне из архиепархии Сан-Франциско заявил об отказе причащать спикера Палаты представителей Нэнси Пелоси. Но и там все непросто. Пелоси к тому времени уже уходила из политики, но даже если бы она и баллотировалась, то ее позициям в твердом «демократическом» избирательном округе ничего бы не угрожало.

“Forming Conscience for Faithful Citizenship”: совесть и благоразумие

Краткие формулировки “Faithful Citizenship” не могли удовлетворить многих верующих, ожидавших подробного разъяснения позиции епископата. Поэтому уже к следующим выборам, в 2007 году, был подготовлен развернутый документ “Forming Conscience for Faithful Citizenship” (название можно условно перевести как «формирование сознания для гражданственности верующих»; впрочем, основной смысл слова “conscience” – это «совесть», то есть речь идет о более сильной формулировке, чем просто «сознание»). С тех пор за год до каждых очередных президентских выборов публикуется сопроводительное послание к этому документу, предназначенное для верующих, у которых нет времени или желания ознакомиться с объемным текстом.

В документе содержится подробная аргументация в пользу возможности голосования за кандидатов, чьи взгляды по отдельным вопросам могут расходиться с католическим вероучением. Наряду с упоминанием о совести католика, необходимой при принятии им политических решений, введено положение о том, что она должна быть подкреплена благоразумием (пункт 31), которое наряду со справедливостью, умеренностью и мужеством относится в католичестве к четырем основным добродетелям, – это восходит к античной традиции и подробно разъяснено у Фомы Аквинского.

В пункте 34 сказано, что «католик не может голосовать за кандидата, который поддерживает политику, пропагандирующую зло по своей сути, в том числе аборт, эвтаназию, ассистированное самоубийство, намеренное подчинение рабочих или бедных нечеловеческим условиям жизни, переосмысление брака таким образом, что это нарушает его

основной смысл, или расистское поведение». Таким образом, авторы документа пошли навстречу консерваторам, хотя и вставили в перечень морально-нравственных положений и социальные. Но последующие тезисы в значительной степени нивелируют моральный ригоризм этого пункта.

В пункте 35 допускаются случаи, «когда католик, отвергающий неприемлемую позицию кандидата даже в отношении политики, пропагандирующей зло по своей сути, может разумно решить проголосовать за этого кандидата по другим морально серьезным причинам». Говорится лишь о том, что такое голосование было бы допустимо только по действительно серьезным моральным причинам, а не из узкопартийных интересов. Пункт 36 посвящен анализу ситуации, при которой все кандидаты занимают позицию, «поощряющую зло по своей сути». Здесь католику предлагается два решения – абсентеизм или голосование за кандидата, «который, как считается, с меньшей вероятностью будет отстаивать такую морально ущербную позицию и с большей вероятностью будет стремиться к другим подлинным человеческим благам». В пункте 37 признаётся, что «не все вопросы имеют одинаковый моральный вес», но дальше эта тема не конкретизируется (то есть «иерархия зла», на верху которой стояли бы морально-нравственные вопросы, не выстраивается). Зато говорится, что решение о голосовании должно учитывать «убеждения кандидата, его характер, честность и способность влиять на данный вопрос» [11].

В перечне целей политической жизни для католиков (пункт 92), влияющих на голосование, первые три места занимают морально-нравственные вопросы: аборты, эвтаназия, ассистированное самоубийство, неприятие однополых браков и уничтожение человеческих эмбрионов во имя исследований – то есть повестка консерваторов. Но и сюда включена либеральная составляющая в виде неприемлемости применения смертной казни для борьбы с преступностью (также упомянуто о вреде «неосмотрительного обращения к войне для разрешения международных споров», что в условиях военных действий в Ираке рассматривалось как «продемократический» тезис).

Два из последующих положений связаны с правами иммигрантов. В одном, компромиссном, говорится о необходимости всеобъемлющей иммиграционной реформы, в нее включены тезисы, продвигаемые как демократами, так и республиканцами, – от «открытия пути к получению гражданства» и неприемлемости разделения семей до «сохранения целостности границ» и обеспечения верховенства закона. Во втором, более жестком, сказано о неприятии политики, «отражающей предрассудки, враждебность по отношению к иммигрантам, религиозный фанатизм и другие формы несправедливой дискриминации».

В других пунктах говорится, в частности, о борьбе с бедностью и улучшении здравоохранения. В эти либеральные тезисы интегрированы и консервативные компоненты – о свободе вероисповедания в системе здравоохранения (то есть праве католиков не участвовать в финансировании абортов) и праву отдельных лиц и групп «удовлетворять социальные потребности в соответствии с их основными моральными и религиозными убеждениями» [12].

Консерваторы против папы Франциска

Однако в последующие годы в церкви усилились консервативные настроения, которые затронули и епископат, и клириков. Это стало реакцией на либеральную политику президента Барака Обамы, явно расходившуюся с католическим вероучением, и связано с разочарованием в результатах Второго Ватиканского собора, не предотвратившего отток верующих из церкви. Опрос 3500 священников, проведенный в 2023 году Католическим университетом Америки, показал, что более половины из них назвали себя «консервативными/ортодоксальными» или «очень консервативными/ортодоксальными», причем среди

них были более 80% недавно рукоположенных священников. Ни один священник, рукоположенный после 2020 года, не назвал себя «очень прогрессивным» [13].

В 2019 году вокруг текста сопроводительного послания к “Forming Conscience for Faithful Citizen ship” разразилась бурная полемика между либеральными и консервативными епископами, столкнувшимися с вызовом трампизма, но воспринимавшими его по-разному – соответственно как угрозу или шанс. Несколько ранее, в 2018 году, папа Франциск выпустил апостольское увещевание “Gaudete et Exsultate”, в котором понтифик осудил тех, кто считает, что «единственное, что имеет значение, – это одна конкретная этическая проблема или дело, которое они сами защищают». И далее конкретизировал: «Например, наша защита невинных нерожденных должна быть ясной, твердой и страстной, поскольку на карту поставлено достоинство человеческой жизни, которая всегда священна и требует любви к каждому человеку, независимо от его или ее стадии развития. Однако столь же священны жизни бедных, тех, кто уже родился, обездоленных, брошенных и обездоленных, уязвимых, больных и пожилых, подвергающихся скрытой эвтаназии, жертв торговли людьми, новых форм рабства и любой формы отвержения» [14]. Несмотря на высказывание папы в защиту жизни, главный тезис этого абзаца состоял в том, что есть и «столь же священные» вопросы социального характера. Фактически в этом тексте папа оппонировал консерваторам, в том числе и американским.

Один из наиболее либеральных американских католических иерархов, чикагский кардинал Блейз Купич, настаивал на включении в текст письма подробного изложения этой папской идеи, особо выступив с критикой «демонизирующей риторики и оскорбительной, насильственной политики» в отношении мигрантов. Однако епископы с этим не согласились, сославшись на краткость текста послания. Зато в последний момент в текст была внесена поправка – аборт был назван «нашим главным приоритетом». Против нее выступил епископ Сан-Диего Роберт Макэлрой, заявивший, что «католическое учение не утверждает, что аборт является важнейшей проблемой, с которой мы сталкиваемся в мире», и прямо сославшись на папу. Тогда к микрофону ринулись сразу несколько епископов, одним из которых был Джозеф Стрикленд из епархии Тайлера в Техасе – они подвергли критике позицию Макэлроя. В результате подавляющее большинство епископов – 143 против 69 при четырех воздержавшихся – проголосовали за приоритетность темы абортов и против добавления длинной цитаты Франциска [15]. Либералы потерпели поражение.

По позициям либералов ударила серия сексуальных скандалов в США, главным персонажем которых стал кардинал Теодор Маккэррик, признанный церковным судом виновным в многочисленных фактах насилия и лишенный сана в 2019 году. К тому времени 89-летний считавшийся близким к либералам Маккэррик давно был в отставке, но ситуацию «взорвало» обращение к Франциску в 2018 году бывшего нунция Ватикана в США архиепископа Карло Марии Вигано, обвинившего папу в сокрытии информации о действиях Маккэрика и потребовавшего его отставки. Если раньше тему сексуального насилия в церкви использовали сторонники секуляризма, то теперь тему перехватили консерваторы, прямо связавшие внутрицерковные скандалы с деятельностью либералов. Вигано активно поддержал Дональда Трампа в 2020 году, призвав его бороться с глубинным государством [16].

Впрочем, Вигано не смог стать моральным лидером консерваторов из-за своей стремительной радикализации. Еще недавно влиятельный ватиканский дипломат и администратор в короткие сроки стал диссидентом-антиглобалистом, чья предельно жесткая риторика, обвинения в адрес оппонентов в мировом заговоре, масонстве и сатанизме, активное ковид-диссидентство оттолкнули симпатизировавших ему консервативных американских епископов, вовсе не собиравшихся становиться радикалами. Маргинализация

Вигано оказалась выгодна Ватикану: когда тот прямо объявил папу Франциска нелегитимным, то в 2024 году был отлучен от церкви, что не вызвало значимых протестов.

Куда более серьезной проблемой для Франциска была оппозиция со стороны консервативного американского епископата, по отношению к наиболее критично настроенным представителям которого он стал применять административные меры. В 2023 году папа отправил в отставку епископа Стрикленда из епархии Тайлера, оппонировавшего Макэлроу на памятном заседании четырьмя годами раньше. Стрикленд перед этим публично зачитал фрагменты письма прихожанина, в котором понтифик обвинялся в «узурпации престола Петра» – впрочем, в отличие от Вигано, он воздержался от прямого личного обвинения папы в нелегитимности, поэтому избежал отлучения. Увольнение является редким явлением для католической церкви, обычно епископы сами подают в отставку. После увольнения Стрикленд обвинил руководство Ватикана в попытке заменить базовые ценности и учение Церкви «релятивистской версией истины», которая, как он утверждал, угрожает духовной целостности католиков [17]. Всех своих постов в Ватикане лишился один из лидеров консерваторов и главных критиков либерального курса папы кардинал Берк – защитник традиционной латинской мессы.

Однако с консервативно настроенным большинством американского епископата папа ничего поделать не мог. После выборов 2020 года председатель Конференции католических епископов США, архиепископ Лос-Анджелеса Хосе Горасио Гомес признал победу Байдена, но отметил необходимость защиты святости каждой человеческой жизни и гарантии свободы совести и религии [18]. Социальные проблемы в тексте упомянуты не были. В том же месяце Гомес заявил, что «когда политики, исповедующие католическую веру, поддерживают [право на аборт], возникают дополнительные проблемы» [19]. Однако в 2021 году епископы выпустили «мягкий» документ о евхаристии, не содержащий упоминания о запрете допуска таких политиков к причастию, чем разочаровал наиболее жестких консерваторов [20].

В 2023 году епископы в новом варианте сопроводительного послания вновь постановили, что «угроза аборт» останется «главным приоритетом», добавив усиливающий тезис о том, что они «напрямую атакуют наших самых уязвимых братьев и сестер и разрушают более миллиона жизней в год только в нашей стране». Основная полемика ожидается в ближайшие годы – новую редакцию “Forming Conscience for Faithful Citizenship” планируется подготовить к 2027 году [21]. И здесь уже нельзя будет сослаться на нехватку места для изложения принципиальных позиций.

Проведенный весной 2024 года опрос центра Pew показал, что 75% католиков США положительно относились к папе Франциску, что на 8 процентных пунктов меньше, чем в 2021 году, и на 15 пунктов ниже его пикового рейтинга, который составлял 90% в начале 2015 года. Впрочем, и рейтинг консервативного папы Бенедикта XVI колебался от 67 до 83%. Времена безусловного почтения к папе в США, когда рейтинги Иоанна Павла II среди католиков составляли 91–93%, похоже, ушли в историю. Размежевание проходит и по партийной линии – примерно девять из десяти католиков, которые являются демократами или склоняются к Демократической партии, положительно относились к Франциску, по сравнению с 63% католиков, которые являются республиканцами или склоняются к республиканцам [22].

Электоральные сдвиги

В 2016 году 52% католиков проголосовали за Трампа и 45% – за Клинтон. В 2020-м ситуация «перевернулась»: 52% за Байдена и 47% – за Трампа. Корвин Шмидт, анализируя голосование католиков на этих выборах, отмечает, что кампания Байдена подчеркивала аспекты католического социального учения, которые акцентировали внимание на заботе о

бедных и уязвимых, утверждая, что церковная доктрина не сосредоточена исключительно на абортах, и что церковное учение также «обязывает приветствовать иммигрантов и беженцев». Тогда как кампания организации «Catholic Vote» в поддержку Трампа критиковала позиции Байдена по вопросам аборт, судебных назначений, религиозной свободы, выбора школы и другим политическим вопросам, сравнивая их с Катехизисом Католической церкви, документами Конференции католических епископов США и другими церковными источниками. Президент «Catholic Vote» Брайан Бёрч подчеркивал, что его кампания была в значительной степени нацелена на практикующих католиков в ключевых штатах Пенсильвания, Мичиган, Висконсин, Аризона и Флорида [23, р. 300–301].

Более того, ни Байден, ни Трамп не стремились максимизировать явку среди католиков в целом. Скорее, каждый кандидат стремился мобилизовать только те сегменты церкви, которые с наибольшей вероятностью проголосуют за них. В то время как кампания Трампа в значительной степени стремилась мобилизовать белых и практикующих католиков, кампания Байдена стремилась мобилизовать испаноязычных католиков и реже посещающих храмы [23, р. 302].

В 2020 году 57% католиков, еженедельно посещавших мессу, проголосовали за Трампа, что означало лишь небольшой прирост (с 55%) по сравнению с 2016-м. Но резко выросло число поддержавших Трампа католиков, посещающих мессу 1–2 раза в месяц (с 44 до 53%), причем эта тенденция наблюдалась среди как белых, так и испаноязычных католиков [23, р. 307]. Черные и латиноамериканские католики в основном голосовали за демократов (соответственно, 84 и 70%), а белые более активно поддерживали республиканцев (59%) [23, р. 304]. Однако среди латиноамериканских католиков наблюдался рост поддержки Трампа с 24 до 30% [23, р. 305].

Таким образом, уже к 2020 году, даже во время проигранной кампании Трамп смог соответственно на 9 и 6 пунктов повысить электоральную мобилизацию в свою поддержку среди двух важных категорий избирателей-католиков, относительно часто посещающих мессу (то есть сохраняющих тесную связь с церковью, хотя и не столь ревностных прихожан по сравнению с посещающими ее еженедельно), и латиноамериканцев. Для них даже в трудной социально-экономической ситуации «ковидного» времени могла оказаться важной антиабортная и в целом традиционалистская риторика Трампа.

Камала Харрис и христианство

Избирательная кампания 2024 года была для демократов существенно более сложной, в том числе в контексте голосования католиков. В феврале 2024 года опрос исследовательского центра Pew показал, что только 35% американских католиков положительно относились к Байдену, тогда как рейтинг Трампа среди них составлял 42%. Среди белых католиков Трампа поддерживали 54%, но и среди латиноамериканских – 32%, что было неплохим показателем. Независимо от этнической принадлежности среди всех католиков, посещающих мессу ежемесячно или чаще, 61% идентифицировали себя с Республиканской партией или консервативными республиканцами (среди белых практикующих католиков – 67%, среди латиноамериканских – 52%) [24].

Стартовые условия были сложными для демократов, но оставляли возможность для борьбы. Однако после того, как стало ясно, что Байден физически не выдерживает ритма кампании, что проявилось на его дебатах с Трампом, Демократическая партия фактически вынудила его отказаться от участия в выборах. Но другого кандидата, кроме вице-президента Камалы Харрис, найти за несколько недель до партийного съезда было невозможно. И тут проблемы демократов в отношении с католическим электоратом стали быстро усугубляться.

Если Байден позиционирует себя как практикующий католик, еженедельно посещающий мессу, то Харрис вообще не посещает регулярно публичные церковные службы. Ее религиозная идентичность оказалась «размыта» в глазах избирателей в существенно большей степени, чем в случае не только с Байденом, но даже с Барак Обама, второе имя которого, Хусейн, напоминало об исламе. Было хорошо известно, что Обама в течение долгого времени (1992–2008) был прихожанином чикагского прихода Объединенной церкви Христа и покинул его уже в ходе президентской избирательной кампании, когда разразился скандал вокруг проповедей ее многолетнего настоятеля Джереми Райта с нападками на Соединенные Штаты и даже оправданием терактов 11 сентября. Идентификация с таким пастором создала Обама имиджевые проблемы, но не было сомнений в том, что он является прихожанином.

Ситуация с Харрис была иной. Она вспоминала о своем посещении в детстве баптистской церкви Бога в Окланде и о пении там в церковном хоре [25, с. 32], но далее наступал «пробел», когда никаких ее связей с христианством не прослеживалось. Бракосочетание с Дагом Эмхоффом происходило вне религиозных зданий и без присутствия представителя какой-либо конфессии – Камала Харрис вспоминала, что в ходе скромной церемонии службу отправляла ее сестра, юрист Майя, а племянница Мина читала стихи. «Отдавая дань нашим индийским и еврейским корням, я надела цветочную гирлянду на шею Дага, а он разбил бокал», – вспоминала Харрис [25, с. 159].

Это неудивительно, так как Эмхофф исповедует иудаизм (и пара вместе публично отмечает еврейские праздники), а мать Харрис в 2004 году рассказывала, что Камала посещает индуистский храм в Сан-Франциско, где «совершает все ритуалы и читает все молитвы» [26]. Тогда Харрис только что была избрана окружным прокурором в либеральной Калифорнии и вряд ли думала, что ей придется бороться за голоса избирателей Северной Каролины, Пенсильвании или Невады. Разумеется, в ее презентационной автобиографии, вышедшей перед праймериз 2019 года, нет упоминаний не просто о посещении, но и об участии в ритуалах в индуистском храме, так как это противоречило не только христианской, но и афроамериканской идентичности, также важной с электоральной точки зрения. Будучи вице-президентом, Харрис отмечала индуистский праздник Дивали, но в сугубо культурном контексте.

В ходе избирательной кампании 2020 года команда Харрис организовала сеанс вопросов-ответов по электронной почте на религиозную тематику. В нем она заявила, что «Бог, в которого я всегда верила, – это любящий Бог, Бог, который просит нас служить другим и говорить от лица других, особенно тех, кто не богат или могуществен и не может говорить за себя», и в ответ на вопрос о любимом стихе из Библии назвала «Мы ходим верою, а не видением» из Второго послания к Коринфянам и сообщила, что у нее «есть личные беседы с Богом, в которых я обычно прошу силы и защиты, чтобы принимать правильные решения и поступать правильно». В этом интервью, как и в других своих выступлениях в ходе кампании, она ссылалась на притчу о добром самарянине, обосновывая свои социальные инициативы [27], – впрочем, это довольно стандартная отсылка к одному из известных евангельских мест.

Только став вице-президентом, Харрис начала конкретизировать свою христианскую идентичность. В 2022 году она выступила на 142-й ежегодной сессии Национальной баптистской конвенции (объединения афроамериканских баптистов) в Хьюстоне, заявив, что ее пастором является Амос Браун из Третьей баптистской церкви – либеральный афроамериканский проповедник. Она утверждала, что «обращается к нему» минимум два десятилетия и его мудрость направляла и поддерживала ее в самые трудные времена. Речь Харрис на этом мероприятии носила преимущественно социальный характер [28]. В интервью 2023 года Амос Браун кратко сказал о Харрис, что она член баптистской церк-

ви, платящий взносы [29]. А в июле 2024 года он также кратко назвал ее старожилом церкви и более подробно сообщил, что Камала попросила его о молитве, когда узнала, что Байден отказался от участия в выборах и поддержал ее кандидатуру [30]. Харрис была руководителем предвыборной кампании Брауна, когда тот добивался переизбрания в Совет попечителей Сан-Франциско в 1999 году, однако до избрания Харрис вице-президентом не было известно, что она его прихожанка.

Таким образом, Харрис фактически пришлось доказывать, что она является христианкой, а в ходе избирательной кампании любая «размытость», неопределенность является негативным фактором, в том числе для католического электората.

Харрис против судей-католиков

Одним из ключевых уязвимых мест Харрис для практикующих католиков стал судебный вопрос. Одной из важнейших для них тем первого президентского срока Трампа стало назначение судей Верховного суда, с тем чтобы обеспечить в нем твердое консервативное большинство, достаточное для отмены (уже при Байдене) решения «Роу против Уэйда» 1973 года, легализовавшего аборт на всей территории страны на общих условиях (пока плод не станет жизнеспособным).

Из троих назначенцев Трампа двое – Бретт Кавано и Эми Кони Барретт – являются католиками, и лишь Нил Горсач – протестантом. Из шестерых судей, образовавших к концу 2020 года в суде твердое консервативное большинство, пятеро являются католиками – это еще Джон Робертс, Кларенс Томас и Сэмюэль Алито. Из троих судей, принадлежащих к либеральному меньшинству, лишь Соня Сотомайор принадлежит к католической церкви. Хотя она посещала католическую школу, но “New York Times” перед ее утверждением судьей выяснила, что никто из ее опрошенных знакомых никогда не слышал, чтобы она говорила о своей вере, когда-либо ходила на мессу или была прихожанкой [31].

Отметим, что католиком был и покойный судья Антонин Скалиа, «икона» американского консерватизма (на его место был назначен Горсач). Впрочем, к католической церкви принадлежит и ушедший в отставку судья Энтони Кеннеди, который эволюционировал от консерватизма к центру – его голос оказался решающим для принятия в 2013 году решения о легализации однополых браков (его сменил Кавано). Из пятерых судей, составивших это большинство, трое не являются католиками, а одна (Сотомайор) – непрактикующая католичка. Обращает на себя внимание и то, что все пятеро нынешних консервативных судей являются практикующими католиками.

Камала Харрис была одним из главных и наиболее жестких критиков судьи Кавано во время обсуждения его кандидатуры в судебном комитете Сената в 2018 году. Кавано, кроме своей профессиональной деятельности, регулярно читает проповеди в вашингтонской католической церкви, помогал раздавать еду бездомным в рамках церковных программ и преподавал в католической частной школе – словом, был идеальным для практикующих католиков кандидатом. Харрис не затрагивала в своей критике религиозный фактор, так как ее основным предметом стали громкие обвинения в адрес Кавано в попытке изнасилования в школьные годы. Но когда эти обвинения не подтвердились, то Харрис в автобиографии, дополнительно мотивируя свою позицию, заявила, что «совместно с консервативным большинством в суде он будет в состоянии пресечь право женщины на выбор в том виде, в каком мы его знаем» [25, с. 305]. В заранее безнадежном противодействии кандидатуре Барретт Харрис непосредственно не участвовала, так как оно пришлось на завершающую фазу президентской избирательной кампании 2020 года, где она баллотировалась в вице-президенты. Однако вместе со всеми сенаторами-демократами она голосовала против нее.

Но Харрис столкнулась с католиками при утверждении судьей не столько Верховного, сколько других федеральных судов, что также является прерогативой Сената. Когда в июле 2024 года она заменила Байдена в качестве кандидата в президенты, то президент организации "Catholic Vote" Брайан Берч заявил: «Камала Харрис ненавидит то, во что мы верим». Он напомнил о конфликте 2018 года, когда Харрис направила несколько письменных вопросов Брайану Бюшеру, кандидату на пост судьи окружного суда США в штате Небраска. Поводом стало членство Бюшера в католической благотворительной организации «Рыцари Колумба», насчитывающей более двух миллионов членов. Харрис назвала ее «чисто мужским обществом, состоящим в основном из мужчин-католиков», взгляды которого направлены против абортот и однополых браков, и задалась вопросом, позволит ли это беспристрастно решать эти вопросы в суде. Бюшер ответил, что вполне позволит [32].

Сенатор Бен Сасс (республиканец от Небраски) назвал противодействие утверждению Бюшера на основе его членства в католической организации «частью тенденции среди политиков-демократов». По его словам, «в этом странном возрождении маккартизма, кажется, католики должны заменить коммунистов», и «это был явный, неприкрытый антикатолический фанатизм» [33]. Сасс напомнил и об избирательной кампании Джона Кеннеди, когда ему тоже задавались аналогичные вопросы, связанные с его вероисповеданием.

Также в 2018 году Харрис вела агрессивные допросы в сенате еще двоих кандидатов в судьи, связанных с «Рыцарями Колумба», – Пола Мэти и Питера Фиппса. «Знали ли вы, что "Рыцари Колумба" выступают против права женщин на выбор, когда вы вступили в организацию?» – спросила Харрис Мэти. А у Фиппса она интересовалась, будет ли он «выполнять миссию [Рыцарей Колумба]», которая включает защиту «права на жизнь каждого человека с момента зачатия до естественной смерти».

Атака Харрис на католических кандидатов закончилась провалом – все трое были утверждены. А оппоненты обвинили Харрис и ее коллегу Мази Хироно от штата Гавайи (первого сенатора-буддиста в США) в нарушении шестой статьи Конституции США, предусматривающей, что «никакая проверка религиозности не должна требоваться в качестве условия для занятия какой-либо должности или официального поста на службе Соединенных Штатов». И когда в 2019 году сенатор Сасс внес резолюцию, в которой говорилось об антиконституционности дисквалификации кандидата на федеральную должность на основании его католической веры или членства в «Рыцарях Колумба», то она была принята единогласно [34]. Это означало, что резолюция не встретила возражений ни у кого из сенаторов, то есть Харрис в условиях приближавшихся демократических праймериз 2020 года решила не обострять отношений с католиками. Но ей припомнили ее позицию в отношении «Рыцарей Колумба» во время кампании 2024 года.

Демократы неудачно пытались сорвать назначения и некоторых судей-католиков, не связанных с «Рыцарями Колумба», также апеллируя к теме абортов. Речь шла о назначении в 2018 году адвоката католической архиепархии Нового Орлеана Венди Виттер окружным судьей в Луизиане (Харрис участвовала в дискуссии) [35], а также упомянутой выше Эми Кони Барретт судьей федерального апелляционного суда в 2017 году [36]. Против критики в адрес Барретт протестовали президент Католического университета Нотр-Дам преподобный Джон Дженкинс и президент Принстонского университета Кристофер Эйсгрубер – фактически аргументы, выдвинутые против ее кандидатуры, могли быть использованы против любого верующего католика.

Повестка Харрис

Избирательная повестка Харрис оказалась «перпендикулярна» настроениям большинства практикующих католиков. Она проигнорировала ежегодный ужин Эла Смита, состоявшийся 17 октября и посвященный памяти губернатора Нью-Йорка в 1920-х годах и первого католика, выдвинутого на пост президента крупной политической партией в 1928 году. Организатором ужина был кардинал Тимоти Долан из архиепархии Нью-Йорка, и ожидалось, что ужин стоимостью 5000 долларов за тарелку соберет около 10 миллионов долларов для католических благотворительных организаций в штате. Вопрос об абортах привел к тому, что для демократов этот ужин с 1970-х годов становился некомфортным.

В 1980 году президента Джимми Картера на нем освистали, в 1984-м Уолтер Мондейл отказался от участия в ужине, а в 1996 и 2004 годах архиепархия Нью-Йорка вообще воздержалась от приглашения кандидатов в президенты, чтобы избежать конфликтов. Тем более что в 2004 году от демократов баллотировался либеральный католик Джон Керри, выступавший в поддержку абортов, что могло поставить его в неудобное положение.

С 2008 года демократические кандидаты регулярно участвовали в ужинах Эла Смита, хотя если при Бараке Обаме соперники обменивались беззлобными шутками, то с приходом в политику Трампа стиль дискуссий резко изменился. Но в 2024 году Харрис заранее капитулировала, не явившись на ужин, повторив поступок Мондейла, разгромно проигравшего Рейгану, – она лишь отправила гостям заранее записанное видеобращение. Уклонение от жесткой дискуссии вписывалось в «монологичную» логику кампании Харрис, минимизировавшей число интервью, что вызывало критику в ее адрес. Трамп, явившийся на ужин, разумеется, воспользовался возможностью для инвектив в адрес соперницы, напомнив, в частности, о разгроме Мондейла.

Стендап-комик Джеймс Гаффиган, который вел ужин, также раскритиковал Харрис за то, что та не присутствовала на мероприятии, вполне серьезно заявив, что «католики будут ключевой демографической группой в каждом колеблющемся штате». И дальше пошутил, что «эта комната полна католиков и евреев в Нью-Йорке. Это простой вариант для кандидата от Демократической партии», имея в виду, что в зале собрался в основном потенциальный электорат Харрис и, несмотря на это, она не решилась с ним встретиться [37].

Во время сентябрьских дебатов с Трампом Харрис отказалась сообщить, выступает ли она против абортов на поздних сроках, и отрицала, что они проводятся в США, хотя более десятка штатов фактически разрешают аборт по требованию после момента начала жизнеспособности плода, а девять из этих штатов разрешают аборт на протяжении всей беременности [38]. А в октябре она подтвердила, что в случае избрания президентом выступит против религиозных исключений в законах об абортах, и подчеркнула, что не пойдет на уступки республиканцам по этому вопросу, заявив, что аборт «не могут быть предметом переговоров». Еще в 2019 году Харрис представила законопроект «Не навреди», который не прошел через юридический комитет Сената. Согласно этому проекту, религиозные работодатели не должны были освобождаться от покрытия расходов на «любую услугу здравоохранения», предусматриваемую федеральным законом (то есть и на аборт, контрацепцию и трансгендерные операции) [39]. Таким образом, ее позиция за пять лет не изменилась.

Игнорируя практикующих католиков, Харрис боролась за голоса «культурных» католиков, в том числе черных и латиноамериканских. Но электоральная поддержка со стороны последних «просела» – процесс, начавшийся в 2020 году, усилился. Опрос института PRRI, проведенный в декабре 2024 года, показал, что Харрис получила 55% голосов латиноамериканских католиков, а Трамп – 43% этой демографической группы (в 2020 году

Байден получил голоса 66% этой категории избирателей, а Клинтон в 2016 году даже 78%, согласно опросам Pew). При этом Трамп получил 59% голосов белых католиков (в 2020 году – 57%, в 2016-м – 64%).

Самых крупных успехов среди испаноязычных католиков Трамп добился в округах на южной границе, таких как округ Маверик в штате Техас. Избиратели там впервые за 50 лет выбрали республиканца на пост президента. Округ на 95% состоит из испаноязычных и преимущественно католиков, в его границах находится три прихода. Здесь расположен Игл-Пасс, небольшой пограничный городок, где были сосредоточены случаи гибели мигрантов, пытающихся попасть в Соединенные Штаты, переправившись через близлежащую реку Рио-Гранде. В таких городах проживает много латиноамериканцев из рабочего класса, которых, возможно, убедили экономические месседжи Трампа, считает исполнительный директор института PRRI Мелисса Декман. В то же время еще до выборов эксперт по религиозно-политическим вопросам Райан Бердж из Университета Восточного Иллинойса, анализируя ситуацию в Маверике, обратил внимание на то, что состоявшиеся, успешные выходцы из Мексики в этом округе могли выступить против нового притока иммигрантов [49]. Тема аборт, согласно обеим гипотезам, является для голосования в Маверике периферийной, но претензии к экономической и миграционной политике демократов снизили поддержку Харрис.

Вэнс против Харрис

В октябре 2024 года кандидат в вице-президенты от Республиканской партии Вэнс опубликовал статью в «Pittsburgh Post-Gazette» – крупнейшей газете в регионе Питтсбурга, крупнейшего города «колеблющейся» Пенсильвании. В ней он обвинил Харрис в предвзятости в отношении католиков. «Только отвергнув ее историю антикатолических предубеждений, мы обеспечим религиозную свободу для всех», – заявил Вэнс. Статья появилась всего через два дня после того, как Харрис заявила, что не пойдет на компромисс с республиканцами по вопросу аборт, и отвергла любые исключения из законов по религиозным мотивам.

В своей статье Вэнс раскритиковал Харрис за ее поддержку как упомянутого выше законопроекта «Не навреди», так и законопроекта о равенстве, который бы распространил на католические и другие религиозные учреждения действие антидискриминационных законов, связанным с гомосексуализмом и трансгендерами. «Если этот законопроект станет законом, врачи-католики и медицинские работники, которые отказываются делать аборт на поздних сроках или подвергать несовершеннолетних опасным, меняющим жизнь операциям, могут лишиться лицензии и столкнуться с федеральными исками о дискриминации», – написал Вэнс о Законе «Не навреди».

«Среди многих потенциальных последствий этот законопроект потребует, чтобы католические церкви проводили однополые свадьбы, потребует от католических школ (и всех финансируемых федеральным правительством учебных заведений) разрешать мужчинам участвовать в женских видах спорта и пользоваться женскими туалетами и раздевалками, а также лишит религиозные благотворительные организации статуса освобожденных от налогов», – добавил Вэнс, говоря о Законе о равенстве.

Вэнс упомянул в своей статье и о «допросах» Харрис католических кандидатов в судьи, а также еще о двух раздражителях для практикующих католиков, связав их с демократической администрацией и с Харрис как одним из ее лидеров. Первый – дело жителя сельского округа из Пенсильвании, консервативного католического активиста Марка Хоука, отца семерых детей, выступающего за запрет аборт. Он был арестован в сентябре 2022 года после предъявления федеральным судом обвинения в двух нарушениях закона

о свободе доступа к входам в клиники, обычно называемого Законом FACE. Он запрещает «насильственное, угрожающее, наносящее ущерб и создающее препятствия поведение, направленное на то, чтобы нанести вред, запугать или помешать осуществлению права искать, получать или предоставлять услуги в области репродуктивного здоровья».

Жена Хоука утверждала, что его арестовывали около 25 полицейских спецназовцев, которые угрожали взломать дверь и «направили около пяти стволов на моего мужа, на меня и, по сути, на моих детей». ФБР опровергало, что в ходе ареста был использован спецназ, но не отрицало численности бригады, прибывшей арестовывать Хоука, и угрозы оружием. После ареста он был закован в наручники и кандалы для ног. Хоук рассказал, что во время ареста он посмотрел на агентов и сказал: «Вас бы здесь не было, если бы в Белом доме была администрация Трампа» [41].

Обвинение в отношении Хоука было связано с тем, что в 2021 году он дважды толкнул пожилого сотрудника клиники, проводившей аборт, который в результате упал, но не получил сколько-нибудь серьезных травм. С точки зрения американских консерваторов, характер ареста носил явно несоразмерный характер – операция напоминала захват особо опасного преступника. Двадцать два сенатора и конгрессмена от Республиканской партии потребовали объяснений у Министерства юстиции. В 2023 году присяжные оправдали Хоука [42].

Второй раздражитель – документ, подготовленный в отделении ФБР в Ричмонде и ставший достоянием гласности из-за «утечки» в Интернет в 2023 году. В нем католики, интересующиеся традиционной латинской мессой, определялись как потенциально связанные с агрессивными экстремистскими группами. В числе потенциальных центров притяжения для экстремистов назывались как Священническое братство Пия X, отделившееся от Рима еще в 1988 году, так и Священническое братство святого Петра, в свою очередь, отделившееся от предыдущего и находящееся в общении с Римом. В документе была сделана попытка отделить «радикальных традиционалистов» от просто «традиционалистов», которые предпочитают латинскую мессу без «экстремистских идеологических убеждений и агрессивной риторики». Но сам факт пристального интереса ФБР к католикам-традиционалистам, не замешанным ни в каких терактах, вызвал скандал, и документ был отозван [43].

«Как католик я лично заинтересован в прекращении этой последовательной модели антикатолической политики и действий. Но даже не католики и нерелигиозные американцы должны быть встревожены», – написал Вэнс. – Если политики могут использовать власть правительства, чтобы преследовать католиков за их веру или заставлять их отказываться от своих убеждений, – добавил он, – они могут попортить любые из прав, которыми мы дорожим, если эти права встанут на пути их повестки» [44].

Фактор Вэнса

Фактор Вэнса мог стать дополнительным стимулом для практикующих католиков поддержать Трампа. Джей Ди Вэнс стал вторым вице-президентом – католиком по вероисповеданию – после Байдена. Но его католицизм сильно отличается от байденовского, и сам Вэнс – католик не по семейной традиции, а неофит. Еще в детстве его семья переехала в другой штат и оказалась вне привычной религиозной общины, поэтому исповедовала самый простой – внеконфессиональный – вариант христианства, не требующий воскресных походов в церковь. Когда 14-летний Джей был отправлен на лето к отцу («набожному христианину, строго блюющему церковные заветы») в Кентукки, то быстро запросился обратно, так как понял, что больше не может так жить [45, с. 103–110]. В молодости он был атеистом (позднее признаваясь, что хотел «пробиться» в элиту, где к истоку верующим относятся со скепсисом) и поклонником «иконы либертарианства» Айн Рэнд.

Вэнс вначале рассматривал современную элиту как ориентир для собственной вертикальной мобильности, но, прорвавшись в нее, стал позиционировать себя как бунтарь против доминирующих в ней либеральных и секулярных трендов. По его словам, он «начал задаваться вопросом: действительно ли все эти мирские маркеры успеха делают меня лучшим человеком? Я обменял добродетель на достижения и обнаружил, что последние недостаточны. В моей голове звучал голос, который требовал от меня лучшего» [46].

Крестился Вэнс уже взрослым в 2019 году, причем в католической церкви, что не очень свойственно республиканцам, если они не воспитаны в католичестве с детства. Логике своего прихода к католикам Вэнс описывал следующим образом: он хотел «думать о вещах, которые действительно имеют значение, относиться к сыну с терпением, умерять свой нрав, ценить семью выше своего дохода и престижа и прощать тех, кто причинил ему зло», но для того чтобы этого добиться, «нужно было делать больше, чем просто читать изредка книги по теологии или размышлять о собственных недостатках. Мне нужно было больше молиться, участвовать в сакраментальной жизни Церкви, исповедоваться и каяться публично, как бы неловко это ни было». Вэнс подчеркивал, что нуждался в благодати, которую могла дать только церковь, поэтому «мне нужно было стать католиком, а не просто думать об этом» [46].

Святым покровителем Вэнс выбрал святого Августина, который дал ему «способ понять христианскую веру в сугубо интеллектуальном ключе». Ему не нравится представление о достижении спасения только через веру и молитву, что «не согласуется с тем, как люди борются, совершенствуются и меняются», и «Исповедь» Августина, одна из ключевых интеллектуальных книг западного христианства, стала для него важным жизненным ориентиром.

Вэнс обращает внимание на критику Августином современной ему римской элиты и проводит параллели с современностью. Здесь сказался опыт выходца из среды hillbilly («деревенщины») – это жаргонное словечко означает в США жителей деревенской местности горных районов, в первую очередь Аппалачей. Дед и бабушка Вэнса, несмотря на переезд в Огайо, сохранили стиль жизни «деревенщины», а сам Вэнс посвятил этим людям сделавшую его знаменитым книгу «Hillbilly Elegy».

Но Вэнс читал и труды современного философа-католика Рене Жирара, любимого мыслителя Питера Тилля, миллиардера, в фирме которого он некоторое время работал. Основной концепцией Жирара является «миметическая теория», которая гласит, что большая часть человеческого поведения основана на подражании. Имитация желаний приводит к конфликту, и когда нарастание конфликта угрожает уничтожить всех участников, они используют «козла отпущения», чтобы вернуться к равновесию. «Во Христе мы видим наши попытки переложить вину и наши собственные недостатки на жертву... Христос – это козел отпущения, который обнажает наши несовершенства и заставляет нас смотреть на наши собственные недостатки, а не обвинять избранных нашим обществом жертв», – так Вэнс интерпретирует логику Жирара, носящую явно неортодоксальный характер [47]. Образ читателя Августина и Жирара крайне отличается от «ядерного» республиканского электората, который наследует от предков «простую веру» и вдохновляется либо пастором своего прихода, либо телевизионным проповедником. Даже его «глубоко верующая» на «свой весьма причудливый манер» любимая бабушка, далекая от республиканцев, была любительницей выступлений самого известного телепроповедника, пастора-баптиста Билли Грэма. Хотя большинство телепроповедников вызывали у нее отторжение, в церкви она «видела лишь питательную почву, возвращающую извращенцев и ростовщиков», но жертвовала местным храмам, где служили лично ей знакомые священники, далекие от столь мрачного образа [45, с. 97–98].

Как сказал Вэнс еще до прихода в политику, имея в виду демократов и республиканцев, основной вопрос для христианина «заключается в том, какая из этих двух политических партий наименее оскорбительна для моей веры» [48]. Это соответствовало логике “Forming Conscience for Faithful Citizenship”. Но став католиком, он перешел на позиции консерваторов в ценностных вопросах, в том числе и теме аборт. Уже в ходе избирательной кампании Вэнс был вынужден смягчить свою жесткую позицию в поддержку почти полного запрета аборт, свойственную неопитам, но не политикам, претендующим на лидерство в общенациональном масштабе. Он солидаризировался с Трампом, выступившим в поддержку решения Верховного суда, отменившего в 2022-м свое решение 1973 года. Но жесткий политический стиль и ригористичные взгляды сталкивают Вэнса с католической иерархией – как в Ватикане, так и в США.

Президент Трамп против Ватикана

Перед выборами 2024 года папа Франциск подверг критике обоих кандидатов в президенты: «Они оба выступают против жизни – и тот, кто выбрасывает мигрантов, и тот, кто убивает детей. Оба против жизни. Я не могу решать, я не американец и не пойду голосовать. В рамках политической морали принято говорить, что не голосовать – это некрасиво, это нехорошо. Голосовать нужно. И нужно выбирать меньшее зло. Что является меньшим злом? Та дама или тот джентльмен? Не знаю, каждый человек должен думать и принимать решение в соответствии со своей совестью», – заявил он в сентябре [49]. Тем самым он вновь отказался от приоритетности темы аборт. Байден не был на него в обиде и перед отставкой наградил папу медалью Свободы [50]. Трамп же воспринял такую позицию иначе, хотя в ходе кампании и не стал критиковать папу, чтобы не потерять часть электората.

Вскоре после инаугурации Трамп принял ряд решений, которые устраивают консервативных христиан – как протестантов, так и католиков. Помилованы два десятка осужденных за пикетирование клиник, делающих аборт. Подписан указ об искоренении «антихристианской предвзятости» в государственных учреждениях [51]. Эти меры напоминают консервативным католикам о деле Марка Хоука и о документе из ричмондского отделения ФБР – и демонстрируют, что Трамп намерен действовать противоположным образом.

После избрания президентом Трамп выдвинул на пост посла США в Ватикане Брайана Берча, президента “Catholic Vote”, консервативного католического веб-сайта и правозащитной группы, которая оказала ему значительную поддержку во время избирательной кампании (он вручил свои верительные грамоты папе Льву XIV 13 сентября 2025 года). Представляя Берча, Трамп написал в “Truth Social”: «Он хорошо представлял меня на последних выборах, и я набрал больше голосов католиков, чем любой кандидат в президенты в истории!». Характерно, что если при прежних администрациях процесс подбора кандидатов на посольские должности часто занимал месяцы, то сейчас Трамп объявил о назначении Берча еще задолго до инаугурации, в декабре 2024 года – так что речь идет не только о доверии политическому соратнику, но и об отказе консультироваться с Ватиканом по поводу кандидатуры. Папа был поставлен перед фактом.

Приоритеты “Catholic Vote” полностью соответствуют повестке Трампа. В 2022 году эта организация обвинила католические благотворительные агентства в том, что они способствуют «хаосу» на границе США и Мексики. В своем заявлении она утверждала, что эти агентства скрывают значимую информацию от верующих: «Американские католики заслуживают того, чтобы знать в полной мере о роли правительства США в сотрудничестве с агентствами, связанными с католической церковью, и их финансировании, и какую роль эти агентства сыграли в рекордном всплеске нелегальных иммигрантов».

Когда папа Франциск разрешил священникам благословлять однополые пары в 2023 году, Берч утверждал, что папа создал «массовую путаницу», которая «уничтожит» учение Католической церкви о человеческой сексуальности. В 2024 году “Catholic Vote” запустила телевизионную рекламу, в которой обвинила Камалу Харрис в поддержке операций по смене пола, финансируемых налогоплательщиками. Берч охарактеризовал Харрис как продвигающую «трансгендерную повестку, которую навязывают нашим детям». Берч защищал архиепископа Вигано, говоря: «Возможно, у Вигано не все в порядке. Но есть одна вещь, в которой я уверен: Сатана реален, и он рыщет по пятам». Профессор богословия и директор Центра Бернардина при Католическом теологическом союзе в Чикаго Стивен Миллис, заявил, что «Берч – это в основном агитатор, противоположность дипломату. Его назначение сигнализирует о том, что мы уже знаем: впереди трудные времена для отношений между США и Ватиканом» [52].

Папа ответил Трампу тем, что 6 января 2025 года назначил кардинала Роберта Макэлроя новым архиепископом Вашингтона, округ Колумбия. Макэлрой – тот самый епископ Сан-Диего, выступавший в 2019 году против приоритета темы абортов. В 2005 году Макэлрой, еще будучи приходским священником в Калифорнии, публично выступил против отказа в причастии политикам, выступающим за аборты, призвав к «благоразумию» в этом вопросе и высказавшись против идентификации Сан-Диего, Макэлрой уже в 2016 году осудил планы Трампа по депортации нелегальных иммигрантов, как «акт несправедливости, который запятнает нашу национальную честь». В 2017 году Макэлрой выступил с пламенной речью, призвав общественных организаторов «препятствовать тем, кто пытается отправить войска на наши улицы, чтобы депортировать нелегалов», «препятствовать тем, кто учит нас видеть в мусульманских мужчинах, женщинах и детях источник страха, а не детей Божьих», «препятствовать тем, кто хочет отобрать даже талоны на еду и продовольственную помощь из уст детей». И в 2025 году на пресс-конференции по поводу своего назначения он назвал планы «более масштабной, неизбирательной, массовой депортации» нелегальных иммигрантов «несовместимыми с католической доктриной» [54].

Следующее кадровое решение Франциска, последовавшее после выборов 2024 года, – главой крупнейшей в Техасе архиепархии Галвестон-Хьюстон назначен архиепископ Джо Стив Васкес. Внук иммигрантов из Мексики, он в 2018 году подверг резкой критике любимый антимигрантский проект Трампа: «Я глубоко разочарован тем, что президент придает такое значение возведению стены на границе с Мексикой. Эта стена только подстегнет потоки незаконной миграции, в особенности поток женщин и детей, излюбленных жертв торговцев людьми и контрабандистов» [55]. В 2023–2024 годах, после смещения епископа Стрикленда, он управлял епархией Тайлера и к сильному разочарованию консерваторов запретил служение латинских месс в епархиальных храмах [56].

11 февраля Франциск назначил архиепископом Детройта одного из наиболее либеральных американских католических епископов, Эдварда Уайзенбергера, который в 2018 году, занимая кафедру в приграничной Аризоне, предлагал лишать причастия правоохранителей, занимающихся разлучением семей нелегальных мигрантов. Также он вызывал недовольство консерваторов поддержкой позиции экологистов в вопросе изменения климата [57]. Интересно, что его предшественник, консерватор Аллен Виньерон, тоже предлагал лишать причастия, но только политиков, высказывающихся за однополые браки [58]. В Детройте находится Высшая духовная семинария Святейшего Сердца, в которой сильны консерваторы (и ректором которой в 1994–1996 годах был Виньерон), – вскоре после своего назначения Уайзенбергер уволил троих ее консервативных профессоров теологии и канонического права [59].

«Вы любите свою семью, затем вы любите своего соседа, затем вы любите свое общество, затем вы любите своих сограждан, а затем уже отдаете приоритет остальному

миру», – говорил Вэнс в январе в интервью “Fox News”. Франциск в обращении к американским епископам 10 февраля резко выступил против такого подхода, заявив, что «развитие не может происходить за счет привилегий одних и жертв других» и «христианская любовь – это не концентрическое расширение интересов, которое постепенно распространяется на других людей и группы». В ответ на критику Вэнс сослался на «старую христианскую концепцию», которую он позже определил как “ordo amoris”, которая, по его словам, учит, что «сострадание человека в первую очередь относится» к его семье и согражданам, «а затем уже» к остальному миру [60].

Мало кто обратил тогда внимание на то, что кардинал Роберт Прево репостнул статью одного католического издания с заголовком «Джей Ди Вэнс неправ: Иисус не просит нас оценивать нашу любовь к другим» [61]. Кардинал Прево был известен как друг либерального чикагского кардинала Купича и глава «отдела кадров» (Дикастерии по делам епископов) Ватикана во время смещения консервативного епископа Стрикленда. Франциск скончался в апреле 2025 года, а в мае кардинал Прево стал папой Римским Львом XIV. Причем его поддержали не только либеральные американские кардиналы, но и умеренный консерватор Долан, который, несмотря на хорошие отношения с Трампом, подвергал критике другое высказывание Вэнса – о том, что католические епископы защищают мигрантов, так как зарабатывают на них деньги (имелись в виду государственные гранты, выделявшиеся на поддержку мигрантов). Долан назвал эти слова «непристойными» и «очень отвратительными» [62].

Позиции консерваторов в США усиливаются. И меняются сами консерваторы. За несколько лет Республиканская партия стала трампистской из-за сочетания агитации Трампа и мощного давления «снизу» его сторонников, а консервативные католики все более расходятся с Ватиканом. Но в отличие от партийных активистов они не могут влиять на кадровые вопросы – здесь либералы при Франциске использовали широкие prerogative папы, против которых их предшественники возражали при консервативных понтификатах прошлого времени. Поэтому консерваторы мечтали о новом папе, чтобы он был идеологически похож на Пия XIII из «Молодого папы» – конечно, без печальных страниц его кинематографического «понтификата».

Реальность оказалась иной. «Социальный» и умеренно-либеральный папа Лев XIV может быть неудобным партнером для Дональда Трампа в том числе и потому, что является американцем, – он быстро стал популярным среди католиков в США, исключая крайних консерваторов. Кардинал Прево долгие годы служил в Перу и не был вовлечен во внутриамериканские церковные конфликты. Зато в американском обществе существует гордость за первого папу – гражданина США. И поэтому его понтификат может стать не только для Трампа, но и для консервативных американских католиков большей проблемой, чем период, когда церковь возглавлял «аргентинский» папа Франциск.

Литература

1. Election 2024: Exitpolls [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://edition.cnn.com/election/2024/exit-polls/national-results/general/president/0>
2. National Public Opinion Reference Survey (NPORS). 2024. 8.07 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.pewresearch.org/methods/fact-sheet/national-public-opinion-reference-survey-npors/>
3. Brooklyn priest to pray at inauguration after 'unlikely' friendship with President Trump [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.catholicnewsagency.com/news/261595/brooklyn-priest-to-pray-at-inauguration-after-unlikely-friendship-with-president-trump>
4. Spellman, Cardinal Francis. July 1960 // Collection Papers of John F. Kennedy. Presidential Papers. President's Office Files [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/jfkpof-033-003>
5. Kennedy, John F. Speech to the Greater Houston Ministerial Association. September 12, 1960 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.presidentialrhetoric.com/historicspeeches/kennedy/houstonministerial.html>

6. *Greenhouse, Linda and Siegel, Reva.* Before (and After) Roe v. Wade: New Questions About Backlash // *Yale Law Journal.* 2011. Vol. 120. P. 2028–2087.
7. The Remnant. 2012. 23.10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://remnantnewspaper.com/Archives/2012-1031-pattim-jm-catholic-vote.htm>
8. The New York Times. 2007. 27.10 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2007/10/27/us/27beliefs.html>
9. Faithful Citizenship [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.catholic.org/featured/headline.php?ID=416>
10. Biden: Pope told me that I should 'keep receiving Communion' [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://apnews.com/article/joe-biden-pope-francis-business-poverty-rome-b4675e7b3115c5f3ddd3a735f9ee1e25>
11. Forming Consciences for Faithful Citizenship. Part I: The U.S. Bishops' Reflection on Catholic Teaching and Political Life [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.usccb.org/issues-and-action/faithful-citizenship/forming-consciences-for-faithful-citizenship-part-one>
12. Forming Consciences for Faithful Citizenship. Part III: Goals for Political Life: Challenges for Citizens, Candidates, and Public Officials [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.usccb.org/issues-and-action/faithful-citizenship/forming-consciences-for-faithful-citizenship-part-three>
13. Polarization, Generational Dynamics, and the Ongoing Impact of the Abuse Crisis: Further Insights from the National Study of Catholic Priests [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://catholicproject.catholic.edu/wp-content/uploads/2023/10/Further-Insights-NSCP-Nov-2023-rev.pdf>
14. Apostolic exhortation *Caudete et Exsultate* of the Holy Father Francis on the Call to Holiness in Today's World [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.vatican.va/content/francesco/en/apost_exhortations/documents/papa-francesco_esortazione-ap_20180319_gaudete-et-exsultate.html
15. National Catholic Reporter. 2019. 15.11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ncronline.org/news/bishops-meeting-reveals-division-over-how-influence-political-debate>
16. Rome archbishop urges Trump to fight 'deep state' amid criticism over protests, coronavirus [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.foxnews.com/world/trump-dc-catholic-bishop-protest-coronavirus>
17. Отстраненный епископ Стрикленд обвинил Папу и призвал епископов к активному противостоянию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.newsinfo.ru/news/episcop/834459/>
18. Заявление председателя Конференции католических епископов США по итогам выборов 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://reltoday.com/news/zajavlenie-predsedejaja-konferencii-katolicheskikh-episkopov-ssha-po-itogam-vyborov-2020-goda/>
19. National Catholic Reporter. 2020. 17.11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ncronline.org/news/us-bishops-issue-warning-president-elect-joe-biden-abortion>
20. National Catholic Reporter. 2021. 17.11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ncronline.org/news/people/after-year-divisive-debate-us-bishops-approve-tepid-document-communion>
21. National Catholic Reporter. 2023. 15.11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ncronline.org/news/us-bishops-again-declare-abortion-preeminent-priority-catholic-voters>
22. Majority of U.S. Catholics Express Favorable View of Pope Francis [Электронный ресурс]. Режим доступа: [pewresearch.org/religion/2024/04/12/majority-of-u-s-catholics-express-favorable-view-of-pope-francis/](https://www.pewresearch.org/religion/2024/04/12/majority-of-u-s-catholics-express-favorable-view-of-pope-francis/)
23. *Smidt, Corwin.* Catholics and the 2020 presidential election // *Politikologija Religije. Politics and Religion. Politologie des Religions.* Belgrade, 2021. Vol. 15. Iss. 2. P. 283–312.
24. Независимая газета. 2024. 14.05 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/problems/2024-05-14/12_572_catholics.html
25. *Харрис К.* Истины в моем сердце: личная история. М.: Эксмо, 2021.
26. Daily Mail. 2024. 29.07 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13668017/kamala-harris-anti-catholic-religious-bigotry.html>
27. Kamala Harris talks about her own faith and how it might influence a Biden – Harris White House [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://religionnews.com/2020/10/28/kamala-harris-talks-about-her-own-faith-and-how-it-might-influence-a-biden-harris-white-house/>
28. Remarks by Vice President Harris at the National Baptist Convention 142nd Annual Session [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/09/08/remarks-by-vice-president-harris-at-the-national-baptist-convention-142nd-annual-session/>
29. The Rev. Amos Brown, vice chair of California's reparations task force, calls for action [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://religionnews.com/2023/06/29/california-pastor-amos-brown-vice-chair-of-reparations-task-force-calls-for-action/>
30. Amos Brown, pastor to Kamala Harris, known for civil rights, reparations activism [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://religionnews.com/2024/07/23/amos-brown-pastor-to-kamala-harris-known-for-civil-rights-reparations-activism/>
31. New York Times. 2009. 31.05 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2009/05/31/us/politics/31catholics.html>
32. Daily Mail. 2024. 29.07 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13668017/kamala-harris-anti-catholic-religious-bigotry.html>
33. National Review. 2019. 24.07 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.nationalreview.com/corner/senate-confirms-buescher-as-district-judge-despite-democratic-objections-to-knights-of-columbus-membership/>
34. EWTN News examines Kamala Harris' scrutiny of Knights of Columbus members [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.catholicnewsagency.com/news/259869/ewtn-news-examines-kamala-harris-s-scrutiny-of-knights-of-columbus-members>
35. Judicial Nominee Wendy Vitter Gets Tough Questions On Birth Control And Abortion [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.npr.org/2018/04/11/601323110/wendy-vitter-wife-of-d-c-madam-senator-faces-thorny-hearing-to-be-federal-judge>
36. Politico. 2017. 09.11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.politico.com/blogs/under-the-radar/2017/09/11/amy-barrett-judicial-nominee-religion-242550>
37. Trump, Gaffigan roast Harris for skipping at Al Smith charity dinner [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.catholicnewsagency.com/news/259937/trump-gaffigan-roast-harris-for-skipping-at-al-smith-charity-dinner>
38. Post-debate explainer: The truth about late-term abortions in the United States [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.catholicnewsagency.com/news/259273/post-debate-explainer-the-truth-about-late-term-abortions-in-the-united-states>

39. Kamala Harris rejects religious exemptions for abortion laws: 'That cannot be negotiable' [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.catholicnewsagency.com/news/260035/kamala-harris-rejects-religious-exemptions-for-abortion-laws-that-cannot-be-negotiable>
40. Catholic voters' shift toward GOP includes Latinos, new study shows [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ncronline.org/news/catholic-voters-shift-toward-gop-includes-latinos-new-study-shows>
41. Acquitted pro-life activist Mark Houck reveals details of 'reckless' FBI raid; will press charges [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.catholicnewsagency.com/news/253523/acquitted-pro-life-activist-mark-houck-reveals-details-of-fbi-raid-will-press-charges>
42. Legislators raise concerns about FBI raid at pro-life family's home [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.catholicnewsagency.com/news/252405/legislators-raise-concerns-about-fbi-raid-at-pro-life-family-s-home>
43. FBI retracts leaked document orchestrating investigation of Catholics [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.catholicnewsagency.com/news/253600/fbi-retracts-leaked-document-orchestrating-investigation-of-catholics>
44. JD Vance warns of Harris' 'prejudice against Catholics' in op-ed for Pittsburgh outlet [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.catholicnewsagency.com/news/260091/jd-vance-warns-of-kamala-harris-prejudice-against-catholics-in-op-ed-for-pittsburgh-outlet>
45. *Вэнс, Джей Ди*. Элегия Хиллбилли: История жизни одной семьи в условиях кризиса. М.: Бомбора, 2020.
46. GOP vice presidential pick J.D. Vance on why he became Catholic [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.catholicnewsagency.com/news/258326/gop-vice-presidential-pick-jd-vance-on-why-he-became-catholic>
47. Politico. 2024. 18.09 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.politico.com/news/magazine/2024/09/18/jd-vance-springfield-scapegoating-00179401>
48. *Макаркин Алексей*. О взглядах Джея Ди Вэнса [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://politcom.ru/24655.html?ysclid=m68qbf7ico790417343>
49. Pope slams both Harris and Trump as 'against life' and urges Catholics to vote for 'lesser evil' [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.yahoo.com/news/pope-francis-slams-both-us-175228137.html>
50. Независимая газета. 2025. 14.01 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ng.ru/people/2025-01-14/12_587_freedom.html
51. President Trump announces task force to end 'anti-Christian bias' [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.yahoo.com/news/president-trump-announces-task-force-212343879.html>
52. The Hill. 2025. 06.01 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://thehill.com/opinion/congress-blog/religious-rights/5066190-brian-burch-trump-vatican/>
53. America. 2005. 31.01 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.americamagazine.org/issue/516/article/prudence-and-eucharistic-sanctions>
54. The Hill. 2025. 20.01 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://thehill.com/opinion/congress-blog/religious-rights/5092163-cardinal-mcelroy-washington-d-c-appointment/>
55. Епископ Сан-Диего (США) считает образцы стены Трампа на границе с Мексикой «гротескными» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sedmitza.ru/text/7955127.html>
56. Francis Promotes Bishop Who Eliminated the Latin Masses in Strickland's Diocese [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gloria.tv/hashtag/newsYqldobkgqt>
57. Pope Francis taps Arizona's Bishop Weisenburger as new Detroit archbishop [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ncronline.org/vatican/vatican-news/pope-francis-taps-arizonas-bishop-weisenburger-new-detroit-archbishop>
58. Архиепископ Детройта считает, что сторонников однополых «браков» нельзя допускать к Причастию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sedmitza.ru/text/3589285.html>
59. Three Sacred Heart Major Seminary professors have now been fired by Abp. Weisenburger [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.catholicworldreport.com/2025/07/25/firing-was-a-shock-for-theologian-ralph-martin>
60. Pope Francis, Vance Clash Over 'Ordo Amoris' [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ncregister.com/cna/pope-francis-vance-clash-over-or-do-amoris>
61. Новый папа Римский критиковал вице-президента США [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2025/05/09/25739954.shtml?ysclid=makfx5y9ts942146440>
62. Cardinal Dolan: Vance's remarks on bishops and immigration 'scurrilous,' 'very nasty' [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.worldcatholicnews.com/cardinal-dolan-vances-remarks-on-bishops-and-immigration-scurrilous-very-nasty/>

Аннотация. Католический электорат в США колеблется между демократами и республиканцами. В 2024 году большинство католических избирателей проголосовали за Дональда Трампа. Это связано как с социально-экономическими проблемами, так и с морально-нравственным выбором, свойственным католикам, регулярно участвующим в мессе. Личность и программа Камалы Харрис сильно диссонировали с политическим запросом часто (не менее раза в месяц) посещающих храмы католиков. Тема запрета аборт является важной для таких верующих, и консервативное большинство католических епископов США настояли на том, что она с 2019 года официально является приоритетной для отношения католиков к политикам. Такая позиция расходится с точкой зрения как либеральной части епископата, так и пап Римских Франциска и Льва XIV, настаивавших на равнозначности для политического выбора тем борьбы с абортами и сочувствия иммигрантам. Дональд Трамп и папа Лев XIV являются идеологическими антагонистами, что может стать важным фактором для второго президентского срока Трампа.

Ключевые слова: выборы в США, католицизм, аборт, миграция. Дональд Трамп, Камала Харрис, папа Франциск.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Поступила в редакцию 10 октября 2025. Принята к печати 16 октября 2025.

Alexey V. Makarkin, First Vice President of the Center for Political Technologies. E-mail: a_makarkin@mail.ru

The Catholic Choice – 2024: Pro Trump and Con Harris

Abstract. The Catholic electorate in the United States oscillates between Democrats and Republicans. In 2024, the majority of Catholic voters voted for Donald Trump. This is due to both socio-economic issues and the moral and ethical choices inherent in Catholics regularly attending Mass. Kamala Harris's personality and program were strongly dissonant with the political demand of frequent (at least once a month) church-going Catholics. The topic of banning abortion is an important one for such faithful, and the conservative majority of U.S. Catholic bishops have insisted that it is officially a priority for Catholics' attitudes toward politicians beginning in 2019. This position is at odds with the point of view of both the liberal part of the episcopate and Popes Francis and Leo XIV, who insisted on the equivalence of anti-abortion and sympathy for immigrants for political choice. Donald Trump and Pope Leo XIV are ideological antagonists, which could be an important factor for Trump's second presidential term.

Keywords: Elections in the USA, Catholicism, Abortions, Migration, Donald Trump, Kamala Harris. Pope Francis.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Received: October 10, 2025. Accepted: October 16, 2025

Условия формирования американского неоконсерватизма

Стремясь к трансформации американской политической системы, Дональд Трамп, занимающий пост президента второй срок, продемонстрировал популярность своего политического курса. В инаугурационной речи 20 января 2025 года он сформулировал ключевые направления политики, среди которых приоритетными являются продвижение национальных интересов США, развитие рыночной экономики, укрепление обороноспособности и реформирование государственного аппарата [47a]. Эти установки, имеющие глубокие исторические корни, во многом коррелируют с положениями неоконсервативной идеологии, зародившейся во второй половине XX века. Поэтому ее анализ представляется весьма важным для понимания общих идеологических детерминант внутренней и внешней политики США, особенно в период президентства республиканцев.

Рассуждая об идеологических основах неоконсерватизма, необходимо понять, что в целом представляет собой идеология и как происходит ее формирование. Классическое определение, сформулированное в Большой Российской энциклопедии, звучит следующим образом: «Идеология – это теоретически оформленная система идей, которая отражает интересы определенных групп или общества в целом» [9a]. Аналогичным образом понятие идеологии Современный философский словарь формулирует как «систему взглядов и идей, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности» [3a].

Механизм формирования идеологии состоит из нескольких звеньев. Ее первым элементом является фрустрирующая действительность, препятствующая удовлетворению каких-либо потребностей. В качестве примера можно сослаться на невозможность изменить социальный статус человека или преодолеть неравенство в обществе. Человек начинает искать причину своих переживаний, нередко фокусируясь на образе врага и разрабатывая стратегию решения проблемы.

На второй стадии формирования идеологии происходит ее первичное оформление – появляется некий философ, который не только теоретически обосновывает причины возникновения фрустрирующего состояния у людей, но и предлагает возможные пути его преодоления. Следующий этап проявляется в расширении группы теоретиков, поскольку, как показывает практика, наиболее эффективное распространение идей происходит при как можно большем количестве единомышленников. Далее идеология идет в массы, где происходит эмоциональное заражение продвигаемыми идеалами группы обывателей, что обуславливает обретение ею официального характера. Обычно эта стадия характеризуется переходом от теории к практике, сопровождаемой появлением кружков, объединений и политических партий, разделяющих то или иное мировоззрение. Зачастую это происходит

Зайцева Анастасия Витальевна, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кафедра новой и новейшей истории стран Европы и Америки. E-mail: nastya.zaycheva@mail.ru

тогда, когда группа ключевых разработчиков идеологии либо приходит к власти, либо формулируемые ими основные принципы берутся на вооружение правящей политической элитой.

Идейно-целостная основа неоконсерватизма

Американский неоконсерватизм, чье становление связывают с администрацией республиканца Р. Рейгана, зародился под влиянием И. Кристола и Н. Подгорца, а также благодаря деятельности журналов “Public Interest” и “Commentary” в 1960–1970-х годах [1, 4, 5, 7, 12–14]. Его теоретики никогда не были однородной группой. Напротив, они различались по своему происхождению, социальному статусу и первоначальным идеологическим представлениям. Так, большинство первых неоконсерваторов были выходцами из «старых левых», вторую по численности группу составляли разочаровавшиеся либералы. Большая часть теоретиков происходила из еврейских семей (например, И. Кристол, Д. Белл, Н. Глейзер, С. Липсет), которые переехали в США из Восточной и Западной Европы. В 1930–1940-х годах они, как правило, обучались в доступном для иммигрантов городском колледже Нью-Йорка и росли под впечатлением негативных последствий экономического кризиса 1929–1933 годов, что предредило их ранее увлечение идеями левого толка, превращенными ими в инструмент для критики зол капитализма. Однако союз с радикализмом был недолгим и, по сути, прекратился уже в конце 1930-х – начале 1940-х годов под влиянием событий на международной арене.

Логично, что несмотря на общий вектор мироощущения, во взглядах неоконсерваторов существовали определенные разночтения. Показательно, что и сами теоретики определяли свою идеологию по-разному. Так, И. Кристол считал, что неоконсерватизм – это течение мысли, возникшее в академико-интеллектуальном мире и вызванное разочарованием в современном либерализме [34, с. 75–76]. Н. Подгорец определял неоконсерватизм как отказ от антиамериканизма, который к концу 1960-х годов стал религией радикального движения [44]. М. Новак и вовсе считал неоконсерватором человека, воспитанного на базе левых взглядов, который в то же время остался неудовлетворенным их идеями и духом» [43].

Во внутренней политике неоконсерваторы придерживались скептического взгляда на радикализм, отстаивали традиционные ценности и выступали за ограничение полномочий федерального правительства. Они поддерживали рыночную экономику и критиковали релятивизм, мультикультурализм и нигилизм. Придерживаясь идеи равенства возможностей, они выступали против эгалитаризма и критиковали любые попытки искусственного выравнивания людей, считая это противоречащим естественному порядку. Особенно остро они реагировали на действия государства в этой сфере, выражая недовольство политической позитивной дискриминации, раздутыми социальными расходами и в целом злоупотреблениями федеральных властей, которые, по их мнению, были бессмысленными [36].

Неоконсерваторы признавали возможность ограничения полномочий государства, однако они никогда не предлагали его полностью демонтировать. Они верили в необходимость действий федерального центра в интересах общественной безопасности и даже всеобщего благосостояния, но не соглашались с методами, предпринятыми, к примеру, президентом Линдоном Джонсоном. Так, И. Кристол называл катастрофой иницируемую им программу «великого общества»: «Давать деньги бедным – значит унижать их. Предоставлять социальное обеспечение, которое отменяется, когда люди улучшают свое положение, – значит помещать их в ловушку бедности» [35, с. 235–236]. В свою очередь Н. Глейзер полагал, что главный урок последних десятилетий заключался в том, что социальная политика имеет определенные ограничения и что правительство не в состоянии самостоятельно решать глубоко укоренившиеся социальные проблемы [22].

Неоконсерваторы, правда, одобряли ряд социальных реформ, которые обеспечивали необходимую безопасность и комфорт, но осуществлялись с минимальным бюрократическим вмешательством в дела человека. В этой связи И. Кристол выделил примерный перечень допустимых сфер – страхование по безработице, помощь семьям и т.д. [36].

Современная система в представлении неоконсерваторов была пропитана манипуляциями и стремлением к власти. Целью политики стало максимальное удовлетворение желаний и интересов, а успешным политиком являлся тот, кто наиболее искусно потакал «революции растущих appetitov» [34, с. 175; 35, с. 253]. Неоконсерваторы, опираясь на идею естественного права, согласно которой существовали универсальные моральные нормы, независимые от времени и культуры, резко выступали против морального релятивизма и нигилизма, подрывавших основы демократии. Значимым для них было и отношение к образованию, поскольку оно способствовало формированию интеллектуальной элиты, в рядах которой первое место заняли философы и мыслители, способные существенно влиять на общественное мнение.

К тому же неоконсерваторы единым фронтом выступали в защиту традиционных институтов (семьи, религии и т.д.) и ценностей. По их мнению, общество постоянно порождало все больше и больше людей, «чьи частные пороки никоим образом не приносили общественных благ буржуазному порядку». Именно поэтому американцам, по мнению неоконсерваторов, был необходим набор прочно установленных моральных ценностей, которые хотя и были подвержены изменениям, но изменениям постепенным и органичным [35, с. 138–139]. Неоконсерваторы считали, что общество не может существовать без общих ценностей, моральных ориентиров и чувства гражданской ответственности. Они выступали против культурного релятивизма и считали, что отказ от моральных стандартов способен вызвать кризис идентичности и легитимности. «Либеральное общество обязательно является светским обществом, в котором религия была и является в основном частным делом», – писал И. Кристол [35, с. 138–139].

Во внешней политике неоконсерваторы подчеркивали моральные принципы, противостояли коммунизму и критиковали стратегию сдерживания. Они акцентировали внимание на глобальной ответственности США, с недоверием относились к международным организациям и отдавали предпочтение силовым методам решения международных конфликтов. Неоконсерваторы разделились на сторонников умеренной линии и приверженцев решительных преобразований. Тем не менее все они, выступая в той или иной степени против стратегии сдерживания и изоляционизма, верили, что США несут особую миссию за поддержание мирового порядка в борьбе против тоталитарных и авторитарных режимов. Некоторые неоконсерваторы, такие как, например, Н. Подгорец и его сторонники, настаивали на продвижении в мире американских ценностей и распространении демократии, что оправдывало вмешательство во внутренние дела других государств, если речь шла о защите прав человека или поддержке демократических движений. Они были убеждены, что США должны играть ведущую роль в международных делах, выступать гарантом мировой стабильности, безопасности и порядка. Более того, США должны были не только защищать демократические ценности, но и способствовать их распространению по всему миру [32, с. 221].

Как справедливо отметил С.В. Кислицын, неоконсерватизм был интегративной идеологией, сочетавшей в себе как правые, так и левые идеи. Историк объясняет это явление быстрой эволюцией взглядов ключевых идеологов движения, которые перешли от левого социализма к правому консерватизму [5, с. 37]. Действительно, неоконсерватизм обладает собственной спецификой и возник как результат сложного переплетения факторов: эволюции американского либерализма, влияния социальных движений первых послевоенных десятилетий и внутреннего состояния консервативного движения.

Теоретическая палитра послевоенного консерватизма

«Новый курс» Ф. Рузвельта ослабил позиции консервативного движения в США. Об упадке свидетельствуют, в частности, настроения в американском обществе на рубеже 1940–1950-х годов. Ведущие социологи и политологи, среди которых выделялись Р. Хофштадтер, Д. Белл, С. Липсет, Н. Глейзер, утверждали, что в США никогда не было иной политической традиции, кроме либерализма. Эту идею впервые озвучил литературный критик Л. Триллинг в сборнике эссе, опубликованном в 1950 году [48, с. ix], но наиболее последовательно изложил в 1955 году американский историк Л. Харц. Причину жизнестойкости либеральной традиции он объяснял поздним историческим стартом США, который подарил общественному устройству чисто буржуазное воплощение, очищенное от феодальных институтов и основанное на идеях классического либерализма [3, с. 15]. Более того, Харц утверждал, что у либеральной идеологии в США никогда не было реалистических альтернатив. В качестве обоснования он апеллировал к идее торжества либерального консенсуса на протяжении всей американской истории, когда разные общественные группы могли расходиться по тем или иным вопросам, но осознанно или неосознанно оставались пленниками республиканских принципов, закрепленных в Конституции США [3, с. 110–111].

И все же консервативная идеология после Второй мировой войны сумела разрастись и прочно обосноваться в политической мысли всего за одно десятилетие, при этом уже к началу 1960-х годов выявилось формирование в нем различных течений, ставших предметом активного изучения в отечественной науке. А.А. Галкин, исследуя консервативные волны второй половины 1970-х годов, выделял две их формы, которые на тот момент существовали в США. К первой он отнес праворадикальный консерватизм, связанный с активизацией ультраправых сил. Вторую форму, состоящую из неоконсерваторов, автор назвал умеренной, поскольку сторонники неоконсерватизма, бывшие ранее неолибералами, критиковали стремление масс к «равенству результатов», игнорируя традиционные добродетели [2, с. 89–91]. Ю.А. Замошкин, занимавшийся вопросами политического сознания американцев, выделил в послевоенном консерватизме три течения: либертарианство (либертарианство), традиционализм и неоконсерватизм [12, с. 136].

В свою очередь, А.Ю. Мельвиль делил послевоенных консерваторов на традиционалистов, обеспокоенных прежде всего социальной и морально-религиозной проблематикой, либертарианцев – сторонников классического либерализма и идей «свободного рынка», и неоконсерваторов. Однако он не считал, что все эти течения существуют в чистом виде, так как политические программы консервативных организаций представляли конгломераты идей, почерпнутых из разных источников [6, с. 49]. Согласно К.С. Гаджиеву, оживление консерватизма в послевоенной Америке развивалось по трем основным векторам. Во-первых, наблюдалось возрождение традиционного консерватизма, уходящего корнями к идеям Э. Берка и федералистов. Во-вторых, активизировалась группа приверженцев консерватизма, тесно связанная с умеренным крылом Республиканской партии. В-третьих, увеличивалось число идеологов разнородных социально-политических сил, которые, опираясь на принципы «крайнего индивидуализма», предприняли наступление на «новый курс» Франклина Рузвельта [1, с. 82–83].

Заметим, что американские историки и политологи в отличие от отечественных исследователей не уделяли большого внимания вопросам типологизации консервативной мысли. Послевоенный консерватизм они называли термином «новый консерватизм» (*new conservatism*), выделяя в нем три основных течения – традиционализм, либертарианство и антикоммунизм. В их интерпретации традиционалисты, ставя духовные блага выше материальных выгод, писали об упадке мира в связи с ошибочным решением человека отказаться от веры в трансцендентные ценности (религия, патриотизм, честь и долг).

Либертарианцы, ратуя за свободную рыночную экономику, продвигали идею власти, ограниченной в своих полномочиях. По их мнению, рыночная экономика, отвечавшая в большей степени общественным интересам, является альтернативой кейнсианской экономической модели, основанной на представлениях о решающей роли государства в регулировании экономикой. Антикоммунисты называли коммунизм материалистической философией, отрицающей мораль и дух, при этом их главным врагом был СССР, который после Второй мировой войны начал распространять свою идеологию по всему миру. В 1970-х годах «новый консерватизм», или неоконсерватизм сменил старый консерватизм, вступив, таким образом, в новый этап своей эволюции [17, 42, 47].

Анализ предложенных авторами типологий консервативной мысли позволяет сделать ряд важных выводов. Послевоенный консерватизм, переживая этап философского переосмысления, к началу 1960-х годов впитал в себя различные идеи, приобретая внутреннюю разнородность. Наиболее обстоятельным представляется его разделение на следующие течения: умеренный (республиканский) консерватизм, традиционализм, либертарианство и неоконсерватизм. Поскольку интегрированные идеи консервативной мысли во многом носили противоречивый характер, каждый исследователь, изучавший послевоенную идеологию, неизбежно сталкивался с невозможностью выделения единого научно обоснованного критерия, способного удовлетворить все запросы. Так, умеренные консерваторы, традиционалисты и неоконсерваторы в разной степени, но все же признавали необходимость государственного вмешательства в экономику, в то время как либертарианцы его преимущественно отвергали. Неоконсерваторы в качестве своей внешнеполитической стратегии выбирали активный экспансионизм, что не отвечало интересам умеренных консерваторов, традиционалистов и тем более либертарианцев по причине неизбежного расширения бюрократического аппарата. Вместе с тем нельзя отрицать наличие между ними общих черт. Все разновидности послевоенного консерватизма объединяла вера в спасительную силу традиций и боязнь быстрых перемен.

Индивидуальные особенности послевоенного консерватизма: от Р. Кирка до У. Бакли-младшего

Как мы уже заметили, первое послевоенное десятилетие стало периодом интенсивного развития консерватизма в США. И, как справедливо заметил российский правовед Р.Ю. Белькович, ключевую роль в его оформлении сыграл бурный рост количества и качества «правых» периодических изданий [10, с. 6]. Журналы не придерживались единой идеологической линии. Так, одну группу представляли основанные после Второй мировой войны религиозные издания – “Faith and Freedom” (1949), “Christian Economics” (1950), “Christianity Today” (1956). Популярность высказанных экономистами Л. фон Мизесом и Ф. фон Хайеком идей привела к созданию либертарианской прессы – “Freeman” (1950), “Analysis” (1949), “New Individualist Review” (1961), защищавшей рыночные механизмы экономики. Рост критики по отношению к СССР, вызванный холодной войной, способствовал расцвету антикоммунистической печати правого толка, в их числе “Human Events” (1944), “Plain Talk” (1946), “Christian Crusade” (1948), “American Legion Firing Line” (1952), “Christian Anti-Communism Crusade News Letter” (1955), делавшей упор на необходимости бескомпромиссной борьбы с социализмом.

Еще одну группу составила крайне правая периодика (“Truth Crusader” (1953), “Task Force” (1954), “Citizen” (1955)), которая отстаивала представление о прирожденном неравенстве людей, что должно отражаться в иерархичном устройстве государства. Наконец, в последнюю, но не меньшую по значимости группу входили интеллектуальные и традиционалистские издания, такие как “Modern Age” (1957) или “University Bookman” (1960).

Появление праворадикальных журналов стимулировала деятельность сенатора-республиканца Дж. Маккарти, по инициативе которого в стране в конце 1940-х – начале 1950-х годов была развязана кампания политических репрессий против «антиамерикански настроенных» граждан.

Одновременно с появлением множества журналов консервативного толка активно шел процесс теоретического осмысления формировавшейся новой идеологии. Консерваторы искали способы интегрировать философские умозаключения в политически жизнеспособные аксиомы. Хотя акценты различались в зависимости от принадлежности к тому или иному течению, все идеологи были обеспокоены чрезмерным ростом полномочий федерального правительства, ограничением прав личности и увеличением влияния коммунизма за рубежом. На первом этапе главной задачей являлся поиск определения консерватизма, с тем чтобы исключить путаницу в дефинициях.

Одна из лучших попыток сведения разрозненных идей к единому знаменателю и приспособления к американским обстоятельствам была предпринята политическим философом Р. Кирком. В 1953 году он опубликовал работу «Консервативный разум», в которой утверждал, что консерватизм – это не идеология, а «состояние разума, тип характера, определенный взгляд на общественное устройство» [27, с. 27]. Изучив труды консервативных мыслителей и политиков, он выделил десять основополагающих принципов консерватизма. Среди них ключевыми стали: вера в единый трансцендентный моральный порядок, приверженность традиции, признание несовершенства человеческой природы, тесная связь свободы и частной собственности, необходимость ограничения власти и человеческих стремлений, а также целесообразность осторожных перемен и реформ. Конечно, автор допускал некое отклонение от генеральной линии, но считал, что обозначенные им принципы лежат в основе мировоззрения многих консервативных теоретиков прошлого.

Другим идеологом послевоенного консерватизма являлся лингвист Р. Уивер, ставший последователем так называемых новых гуманистов, – движения, распространившегося на северо-востоке США в начале XX века, для которого был характерен протест против массовой демократии в пользу утонченной высокой культуры [17, р. 129–131]. Размышляя о сущности эгалитаризма, он утверждал, что вера в человеческое равенство пришла на смену аристократизму, что явилось причиной упадка цивилизации, поскольку стабильность предполагала иерархию. Представления об иерархической структуре общества Р. Уивер позаимствовал у Э. Берка, который еще в XVIII веке пришел к выводу о невозможности достижения равенства и равноправия. Только признание существования абсолютной истины и возрождение иерархии могли остановить разрушение цивилизации. «Общность людей в больших или малых группах основывалась не на представлении о равенстве, а на концепции братства, которая появилась раньше и подразумевала иерархические отношения» [50, с. 41–42].

Иную модель консерватизма представил социолог Дж. Бернхем. В отличие от Р. Кирка и Р. Уивера, его внимание было сосредоточено на внешнеполитических вопросах. Он считал, что первое десятилетие после Второй мировой войны было ознаменовано снижением международного влияния США из-за стратегического противостояния с СССР. После Потсдамской конференции и последующей бомбардировки Японии в 1945 году, казалось, что правящая элита Вашингтона окончательно отбросит довоенный изоляционизм. Однако напротив, она потеряла влияние в Китае и провела недостаточно успешную кампанию в ходе Корейской (гражданской) войны, позволив и в дальнейшем «расти» международному коммунизму. Исходя из этого, противостояние ему становилось важным элементом послевоенного консерватизма [19].

Экономические позиции послевоенных консерваторов существенно скорректировала работа австро-британского экономиста Ф. фон Хайека. Встревоженный ростом

государственного вмешательства в экономику западных стран, он написал книгу «Дорога к рабству», ставшую манифестом в защиту капитализма свободного рынка. Автор утверждал, что фашизм и нацизм были формами экономического коллективизма и логически выростали из социализма, так как фашисты, нацисты и коммунисты стремились передать все экономические рычаги центральным органам власти. Подобное централизованное управление экономикой приводило к снижению инновационной активности и препятствовало развитию частного предпринимательства [24, с. 43–80]. В своих размышлениях Ф. фон Хайек говорил о примате экономической свободы, поскольку она, с его точки зрения, являлась предпосылкой всех общечеловеческих ценностей.

Для американских консерваторов имели значение и труды австро-американского экономиста Л. фон Мизеса – учителя Ф. фон Хайека. Он подверг популярное в годы «нового курса» кейнсианство критике, поскольку наращивание государственных расходов вело к увеличению инфляции и разрушало инвестиционный капитал [24, с. 844–846]. В качестве альтернативы экономист предлагал страховой принцип государственного участия, который допускал вмешательство федерального правительства в экономическую и социальную сферы только в крайних случаях (например, при страховании от несчастных случаев и болезни, поддержке вдов и сирот) [24, с. 834]. Л. фон Мизес и Ф. фон Хайек стали лидерами неоавстрийской школы экономической мысли, которая в послевоенный период оказала большое влияние на либертарианское течение, ратовавшее за максимальную свободу человека и требовавшее демонтажа социальной функции государства.

Важное место в консерватизме принадлежало историку П. Виреку. Он одним из первых в послевоенной истории заявил о здоровом синтезе элементов либерализма и консерватизма, поскольку либеральные формулы определяли свободу, а консервативная традиция отвечала за ее воплощение в жизнь [49, с. 143]. Вместе с тем историк противопоставлял абстрактную свободу, которая оказалась в реальности скованной цепями тоталитаризма, и конкретные свободы, поддерживаемые нормами этики [49, с. 158]. П. Вирек высоко оценивал эффективность «нового курса» Ф. Рузвельта и считал, что проведенные реформы защитили страну от социальных волнений, включая и революцию, при этом противодействие им подразумевало скорее трактовку Э. Берка о сохранении свободных институтов, чем насильственную реакцию или тиранию. В ходе своих исследований он стремился адаптировать континентальный патерналистский консерватизм к американским обстоятельствам, что частично подразумевало обоснование целесообразности «нового курса».

На послевоенный консерватизм заметно повлиял журнал «Национальное обозрение» (“National Review”), основанный в 1955 году молодым публицистом У. Бакли-младшим. Основной заслугой журнала стала систематизация и объединение под одной крышей разноплановых консервативных течений. Неудивительно, что «Национальное обозрение» произвело переворот в сознании американцев и превратилось в рупор сопротивления либерализму [10, с. 7]. В деле сглаживания фракционных разногласий в редакции значительную роль сыграл Ф. Мейер. Согласно ему, американские консервативное движение в XIX веке стало жертвой трагического «раздвоения». На одной стороне оказались авторитарные консерваторы, заботившиеся о добродетели и порядке, но желавшие использовать правительство для достижения своих целей. На другой стороне были последователи классического либерализма, преданные идеям ограниченного правительства, автономии личности и свободной экономики [39, с. 10–11].

Ф. Мейер выявил, что несмотря на существенные разногласия, консерваторы едины в следующих ключевых моментах: они верят в объективный моральный порядок с непреложными стандартами для оценки человеческого поведения, высоко ценят человеческую личность и отвергают либеральные попытки государства навязывать идеологические

модели. Хотя консерваторы расходились во мнениях о степени ограничения государственной власти, все они признавали его необходимость. Кроме того, все консерваторы с большим подозрением относились к планированию и централизации власти [39, с. 229–232]. Мейер разработал концепцию синтеза традиций и свободы, назвав ее фузионизмом.

Таким образом, американский консерватизм пребывал в первое послевоенное десятилетие в состоянии поиска новой формулы. В его недрах шла активная подготовка к будущему ренессансу, которая выражалась, с одной стороны, в запуске различных периодических изданий, а с другой – в теоретической деятельности интеллектуалов, стремившихся приспособить философские суждения к текущим обстоятельствам при отсутствии четко выработанной собственной позиции. Тем не менее можно заключить, что основы консерватизма были сформулированы между 1945 и 1955 годами.

От «нового курса» к «великому обществу»

Зарождение неоконсерватизма было тесно связано с эволюцией либерализма в 1960-х годах, являясь своеобразным ответом на политику президентов-демократов Дж. Кеннеди и Л. Джонсона. Дело в том, что к тому времени либерализм представлял набор принципов, апробированных президентом Ф. Рузвельтом в годы «нового курса». Именно тогда были заложены основы механизма государственного регулирования, ставшего неотъемлемым элементом идеологии либералов. Рузвельт стремился усовершенствовать распределительный механизм экономики и обеспечить социальную защиту «забытому у подножья экономической пирамиды человеку» [46, с. 625]. В основу его политики был положен кейнсианский принцип стимулирования эффективного спроса, направленный на увеличение покупательной способности граждан. Анализируя изменения, которые произошли в экономике капиталистических стран, последователи Дж. Кейнса утверждали, что капитализм перестал быть саморегулирующейся системой, поэтому для обеспечения нормального хода экономического воспроизводства необходимо активное государственное регулирование не только экономики, но и социальной сферы [25, с. 200].

Существенное расширение государственного вмешательства в условиях сохранения демократических институтов подрывало принципы неприкосновенности частной собственности и свободы предпринимательства, которые являлись традиционными ценностями американского общества. Предложенные Рузвельтом рецепты выхода страны из глубочайшего в XX веке социально-экономического кризиса встретили негативную реакцию со стороны представителей корпоративного капитала, занявших антиэтатистские позиции. Правда, некоторые консервативные идеологи, учитывая веяния времени, были вынуждены признать целесообразность регулирующей роли государства в качестве необходимого условия нормального функционирования хозяйственного механизма [12, с. 79].

Расширение масштабов государственного участия в жизни общества наблюдалось и после Второй мировой войны, что было вызвано увеличением роли военно-промышленных монополий в экономике страны в условиях «холодной войны». К тому же начавшаяся во второй половине XX века научно-техническая революция не только стимулировала вмешательство государства в организацию научных исследований, но и сделала актуальной проблему распространения экономических благ для самых незащищенных слоев населения. Более того, поскольку среди этих групп было немало представителей расово-этнических меньшинств, проблема ликвидации расовой дискриминации становилась одной из насущных и могла быть решена только на федеральном уровне.

В 1960-х годах президенты-демократы Дж. Кеннеди и Л. Джонсон активно занялись решением этнокультурных проблем. Разработанные ими либерально-реформистские программы были нацелены на повышение качества жизни всех слоев населения посредством

правительственных инициатив. Концепция «государства благосостояния» (welfare state), получившая известность еще во времена «нового курса», в 1960-х годах стала официальной доктриной американского либерализма. Это ознаменовало отход от традиционных представлений о саморегуляции рыночной экономики и переход к политике государственного интервенционизма.

На протяжении веков ученые стремились найти формулу идеального государства, о чем свидетельствует множество различных моделей общественного устройства – от социальных утопий до попыток их реального воплощения [10, с. 84]. Однако лишь к концу XX века стало общепризнанным, что основу «государства благосостояния» создает «социальное государство». В Европе теоретическое осмысление этого понятия было стимулировано включением в Конституцию ФРГ 1949 года положения о «демократическом, социальном и правовом государственном устройстве страны». Немецкие ученые интерпретировали это как обязанность государства обеспечивать всем гражданам достойный уровень жизни и удовлетворять их базовые потребности в соответствии с общепринятыми стандартами. Впоследствии в 1950–1960-х годах термин «социальное государство» начал активно внедряться в национальные конституции стран Европы и мира.

Сегодня принято считать, что социальное государство возникает как результат целенаправленного политико-правового и социального конструирования общества. Оно гарантирует определенный уровень жизни, особенно в таких ключевых сферах, как жилье, здравоохранение, образование и культура. Вместе с тем нельзя сказать, что этатистская переориентация либерализма в США означала отказ от использования механизмов свободного рынка. Речь шла о сдерживании и регулировании его стихии со стороны правительства в целях ликвидации несовершенств, характерных для этой модели экономического устройства [12, с. 82]. Комплекс мероприятий, предложенный демократами, охватывал область гражданских прав, образования, здравоохранения и социального обеспечения. Пользователями системы социальной защиты становились не только трудоспособные лица, но также и недееспособные граждане (беременные женщины, старики, инвалиды). Особую группу бенефициаров формировали люди, находившиеся за чертой бедности. Внутриполитическая деятельность правительства Дж. Кеннеди и Л. Джонсона лишней раз доказала, что Демократическая партия со времен Ф. Рузвельта отличается большей приспособленностью к социальному маневрированию [11, с. 260]. «Мы можем прийти не только к обеспеченному и могущественному обществу, но и к великому обществу, основанному на изобилии и свободе для всех. Чтобы этого достичь, необходимо покончить с бедностью и расизмом, и мы полны решимости посвятить этому всю нашу деятельность», – говорил Л. Джонсон в 1964 году в начале своего президентского срока [45, с. 704].

Согласно кейнсианской доктрине, государство всеобщего благосостояния перестало восприниматься как экономическое бремя, став встроенным стабилизатором экономики и политики. Однако к концу 1970-х годов эта модель столкнулась с серьезными экономическими трудностями. Широкие социальные гарантии, высокая безработица и старение населения привели к резкому росту расходов на государственные социальные программы [10, с. 90–91]. Конечно, либеральные реформы не могли быстро и полностью справиться с задачей искоренения бедности, на что многократно обращали внимание неоконсерваторы, связывавшие деструктивное поведение граждан с зависимостью от социального обеспечения.

Одним из ключевых критических аргументов против политики благосостояния было утверждение, что она порождает пассивность и зависимость общества от «государственных подачек». Неоконсерваторы считали, что социальные программы, не устраняя коренных причин проблем, лишь растрачивают средства налогоплательщиков [21]. В этом контексте И. Кристал, размышляя об альтернативных способах предоставления общественных благ,

высказал мнение: «После многих лет взаимодействия с системой метро Нью-Йорка я совсем не против того, чтобы она принадлежала и управлялась “General Motors”. Возможно, то, что хорошо для “General Motors”, будет хорошо и для меня. Хуже уж точно быть не может» [31]. Иными словами, И. Кристол выступал за приватизацию нью-йоркского метрополитена частной компанией, полагая, что ответственность за социальное обслуживание должна лежать на неправительственных организациях (церквях, общественных группах), что способствовало бы повышению качества и эффективности помощи.

Неоконсерваторы изучали возможные преграды на пути реализации социальной политики, чтобы как можно точнее определить ее границы. Так, вопросы образования они неразрывно связывали с обстановкой внутри семьи, которая определяла успех или неудачу процесса приобретения знаний у учащихся. Другим примером стал контроль над уровнем арендной платы, приводивший к нехватке жилья, поскольку у арендодателей отсутствовал стимул для инвестирования своих ресурсов. Постепенно теоретики разработали внушительную критику государственного вмешательства в социальную сферу, которая основывалась на трех ключевых идеях: прежде всего считалось, что государство не может полностью переделать общество, чтобы улучшить его моральную и нравственную структуру, во-вторых, государство само создает некие ожидания у граждан, которые не может удовлетворить, подвергая тем самым угрозе стабильность в обществе, и в-третьих, основным препятствием для успешного вмешательства государства было не социальное или экономическое, а культурное явление, поэтому неоконсерваторы высказывались за укрепление моральной основы общества. Иначе говоря, с помощью обнадеживающей риторики либералы были виновны в поощрении ожиданий, намного превышающих способность федерального правительства их выполнить. Вот почему формулируя основные претензии к либерализму, П. Мойнихэн утверждал, что либералы должны были четко осознать: их основной интерес заключается в стабильности общественного порядка, поэтому им необходимо искать союзников, в том числе и среди консерваторов. Более того, либералы должны были отказаться от идеи, что всей нацией можно управлять из Вашингтона, что говорит о призывах к децентрализации власти [41].

Характерной чертой неконсервативной идеологии становилось противопоставление «нового курса» и демократических программ 1960-х годов. Политика Ф. Рузвельта в целом одобрялась, поскольку носила антикризисный характер и способствовала развитию производительных сил. Однако исполненные эгалитаристского духа программы Дж. Кеннеди и Л. Джонсона, направленные на поддержку социально необеспеченных лиц – бедняков, стариков, матерей-одиночек и нуждающихся семей, вызвали резкую критику. Если «новый курс» был направлен на исправление последствий «великой депрессии», то «новые рубежи» и особенно «великое общество» с их откровенно идеологическим характером представляли, по мнению отечественных ученых, стратегический ход в историческом споре с социализмом [13, с. 320]. Более того, администрации Л. Джонсона было сложно проводить социальные реформы и одновременно вести активные боевые действия против коммунистически настроенных сил во Вьетнаме, требовавших новых вливаний из государственного бюджета. Военный бум спровоцировал инфляцию и перенапряжение бюджета, поэтому правительству пришлось законсервировать уровень социальных расходов, что снабдило неконсервативных идеологов убийственным аргументом против их дальнейшего развертывания [11, с. 262]. Либерализм стал неповоротливой конструкцией, слишком большой для того, чтобы эффективно работать, и все, что потребовалось для его краха, – это рост движения за гражданские права, распространение студенческих протестов и прежде всего противодействие войне во Вьетнаме. Если в 1940-х годах многие будущие неоконсерваторы, перейдя в стан демократов, поддержали ряд идей «нового курса», то в 1960-х они отказались от подобных

действий [5, с. 68.]. Именно поэтому Кристол назвал неоконсерваторов либералами, которых ограбила реальность [33].

Разворот к консервативно-охранительной идеологии

Существенным обстоятельством, повлиявшим на зарождение неоконсерватизма, стали также протестные движения 1960-х годов, движущей силой которых было студенчество, женщины и чернокожие американцы. Эти социальные группы населения оставались самыми незащищенными категориями в богатом и преуспевающем обществе, поэтому основным объектом их критики являлась капиталистическая система. До Второй мировой войны борьба за гражданские права велась в форме выступлений против наиболее вопиющих проявлений расизма. Руководство движением было сосредоточено в руках узкой группы афроамериканцев и белых либералов. С середины 1950-х годов они, вступив в новый этап, стали вести более активные действия наступательного характера. Их целью было улучшение правового положения афроамериканского населения. Начало было положено в мае 1954 года, когда Верховный суд США принял постановление, объявившее незаконным раздельное обучение белых и чернокожих граждан в государственных школах. С этого момента южные штаты охватило широкое протестное движение за десегрегацию школ. Массовые выступления на городском транспорте и в других общественных местах стали обычным явлением. В 1961 году в южных штатах были организованы «рейды свободы», участники которых заручились поддержкой федерального правительства под руководством демократа Дж. Кеннеди.

В 1962 году произошел один из самых известных инцидентов: чернокожий студент Дж. Мередит столкнулся с сопротивлением расистов при попытке войти в здание Университета Миссисипи. Они не желали видеть чернокожего в стенах учебного заведения. Президент Кеннеди, осознавая риск обострения расовых отношений, направил федеральные войска для защиты конституционных прав студента. Это позволило подавить бойкот расистов. В 1963 году Кеннеди дважды обращался в конгресс по вопросу о гражданских правах, подчеркивая, что расовая дискриминация задерживает развитие экономики страны [8, с. 109]. Тогда сообщения об афроамериканских выступлениях, о массовых арестах и жестоких расправах полиции не сходили со страниц американской печати [8, с. 109].

Принятие законодательства о гражданских правах в 1964 году, пошатнув основы южной сегрегации, завершило первую фазу афроамериканского движения, разрушившую устой системы расизма в США. Члены движения, преодолевая вековой барьер приниженности, обрели все большую уверенность в своих силах и убежденность в правоте своего дела [8, с. 115]. С середины 1960-х годов борьба афроамериканцев вступила в новый этап, когда помимо требований о ликвидации расовой дискриминации зазвучали притязания о получении профессии и работы по равной оплате за равный труд, прекращении произвола полиции и, наконец, о более широком представительстве чернокожих в государственных органах власти.

Самой известной фигурой в протестном движении афроамериканцев был проповедник М.Л. Кинг, организовавший в 1963 году 250 тысячный марш защитников гражданских прав в американскую столицу. В своей знаменитой речи, произнесенной у мемориала А. Линкольна, он настаивал на необходимости наделения всех американцев независимо от цвета кожи равными правами на жизнь, свободу и стремление к счастью [26]. В отличие от выступлений первой половины 1960-х годов, волнения последующих лет проходили очень бурно, перерастая в кровопролитные стычки с полицией. Так, несмотря на принятие закона 1964 года, протест чернокожих вылился в противостояние защитников граждан-

ских прав и полиции в Сельме, что стало проявлением охранительной политики местных властей в ответ на социальные волнения.

Вслед за ужесточением полицией мер по наведению порядка последовала реакция афроамериканцев. Священник М. Икс стал первым, кто выдвинул в движении радикальные принципы. В 1964 году он объявил, что эпоха ненасильственного сопротивления, которую отстаивал М.Л. Кинг, подошла к концу и теперь необходимы более решительные шаги. Радикализм афроамериканцев получил материальное воплощение в деятельности леворадикальной организации «Черные пантеры», совмещавшей идеи радикального национализма и антикапитализма. Основными пунктами их платформы были не только положения о реализации гражданских прав и обеспечении нормальных условий жизни, но и о праве самим определять свою судьбу.

Мощной силой протестного движения 1960-х годов стали женщины. Вторая волна феминизма, совпавшая по времени с негритянским протестным движением, была следствием обострения социально-экономического кризиса, который характеризовался падением уровня жизни, ростом цен и безработицей. Женщины в силу своего менее защищенного положения оказались первыми жертвами кризисных явлений в экономике. Дискриминация при найме на работу, оплате труда и продвижении по службе, отсутствие учреждений и законов, охраняющих материнство, – вот лишь несколько из многих проблем, с которыми в послевоенное время приходилось сталкиваться американкам. На активизацию позиции женщин повлияли и другие процессы – усиление их роли в общественном производстве, рост самосознания и ответственности за судьбу своих детей. Движение было чрезвычайно сложным и разнообразным. Оно охватывало представительниц разных слоев со своими специфическими интересами. Тем не менее в движении можно было выделить два основных направления борьбы: с одной стороны, речь шла о равных правах женщин с мужчинами в экономической, общественно-политической и культурной областях, а с другой стороны, о мире во внешней политике [8, с. 209].

В течение десятилетия в стране активно действовали многочисленные организации. Наибольшую известность получила Национальная организация женщин (НОЖ), основанная в 1966 году и объединившая около 20 тыс сторонников. Толчком к ее созданию послужил Закон о гражданских правах 1964 года, который в окончательной редакции запретил дискриминацию при найме на работу не только по расовому, но и по половому признаку. Наиболее известным идеологом движения была феминистка Б. Фриден, доказывавшая необходимость достижения равного положения женщин с мужчинами во всех сферах общественной жизни – от производства до политики [20]. Формы женского протеста принимали разнообразный характер – члены Национальной организации направляли иски против работодателей в суды, проводили митинги и марши, а также продвигали направленные в поддержку женщин законодательные акты. В мае 1969 года члены НОЖ пикетировали Белый дом, протестуя против дискриминации, а в августе 1970 года инициировали массовые демонстрации в крупнейших городах страны.

Если социальные протесты чернокожего населения и женщин носили более или менее традиционный характер, то выступления молодежи являли новый феномен. Еще в 1950-х годах в обществе ничего не предвещало студенческих волнений, поскольку университетские кампусы оставались оплотом спокойствия, а их обитатели вписывались в привычную конъюнктуру. Однако через десятилетие обнаружились первые признаки будущего социального взрыва, нацеленного против основ существующего общества потребления. Молодежный протест против расовой сегрегации в образовании, обязательной военной подготовки в университетах и за мир принимал разные формы, но наиболее влиятельным стало движение «новых левых» [8, с. 175–180]. Это движение объединяло различные группы, среди которых выделялась организация «Студенты за демократическое общество»

(СДО). Лидеры СДО подчеркивали программное отличие от «старых левых», чьим главным выразителем были коммунисты. «Старые левые» начиная с 1940-х годов пережили ряд неудач: провал кандидата от прогрессистов Г. Уоллеса на выборах 1948 года и антикоммунистическая кампания конца 1940-х – начала 1950-х годов. «Новые левые» отвергали идеологию «старых» из-за ее предполагаемой связи с тоталитарным советским социализмом. Они утверждали, что апатичный рабочий класс больше не находится в авангарде социального прогресса, а его роль перешла к студентам и национальным меньшинствам [23].

«Новые левые» вдохновлялись начавшимся в США культурным переворотом, появлением рок-н-ролла и движением битников. Они считали необходимыми отвергнуть удушающий конформизм 1950-х годов в пользу освобождения личности, свободы творчества, отказа от трудовой этики и культа успеха. «Новые левые» появились как слияние различных протестных движений, которые объединились в борьбе за гражданские права и оппозиции войне во Вьетнаме. Любопытно, но противником «новых левых» были не столько правые, сколько консерваторы. Дело в том, что консерватизм в 1960-х годах оставался незначительной силой, а представители либерального «истеблишмента», обслуживая интересы корпораций, прикрывались привлекательными социальными лозунгами вроде «новых рубежей» и «великого общества» [16]. В уставном документе СДО отмечалось, что «важнейшие ресурсы и средства производства должны являться предметом демократического общественного контроля» [23]. Более того, активистам «новых левых» традиционные либералы казались догматичными, закостенелыми и опасными врагами. Они хотели выйти за рамки благоразумия и прагматизма демократов Г. Трумэна и Дж. Кеннеди в сторону тотального преобразования общества силами федерального правительства. В дополнение к борьбе за гражданские права, «новые левые» вынесли на обсуждение общественности вопросы индивидуальной и сексуальной свободы, экологии, а также ценностей, касавшихся общественной роли женщин,

Важным событием в студенческом движении было выступление студентов университета в Беркли в 1964 году как ответ на попытку властей штата Калифорния ограничить право молодежи на участие в общественно-политической деятельности. Дальнейший подъем молодежного движения был связан с эскалацией войны во Вьетнаме в 1965 году, поставившей вопросы войны и мира в центр общедемократической борьбы. Антивоенное движение стало той точкой соприкосновения, в которой объединились интересы всех протестующих. Студенты яростно выступали против обязательной воинской повинности и присутствия на территории кампусов вербовщиков из вооруженных сил, добивались полного запрещения испытаний ядерного оружия, а также проводили демонстрации против корпораций, специализировавшихся на производстве вооружений. Внешняя политика правительства вызывала оппозицию даже со стороны официально признанных молодежных организаций. Так, Национальная студенческая ассоциация в резолюции от 1965 года настаивала на прекращении военных действий во Вьетнаме, а в 1970 году стала инициатором подписания «договора о мире» между студентами США, Южного Вьетнама и Демократической Республики Вьетнам.

В стане «новых левых» неоконсерваторы нашли второго главного врага после эволюционировавшего в 1960-х годах либерализма. Однако их отношение к «новым левым» было куда более негативным. Неоконсерваторы считали, что их присутствие в политическом спектре наносит огромный ущерб целому поколению американской молодежи и разрушает основы общественных институтов – государства, семьи, армии, религии [40]. Принципиальной сложностью для них представлялась невозможность ведения дискуссии с «новыми левыми» из-за, говоря словами И. Кристола, «отсутствия выраженных политических идей» [37]. Действительно, «новые левые» апеллировали к ярким лозунгам, отра-

жавшим нацеленность на прогрессивные изменения в обществе. Так, например, в программном документе СДО расплывчато говорилось о замене «власти, опирающейся на собственность», властью, «опирающейся на любовь, мысль, разум и творчество» [23]. У «новых левых» никогда не было единой программы, хотя движение стремилось реализовать обещания о равенстве и свободе, которые ранее выдвигали «старые левые». Вот почему, несмотря на сильный антикоммунистический подтекст, неоконсерваторы отдавали предпочтение «старым левым». «Если нам необходимо иметь левых (а такова, по-видимому, наша судьба), ни один разумный человек не может сомневаться в том, что “старые левые” были намного предпочтительнее “новых”. В конце концов, демократический социализм действительно пытался разработать социальную программу, которая имела некоторый интеллектуальный смысл, пусть даже на поверхности» [38], – утверждал И. Кристалл в журнале “Fortune”. Неоконсерваторы нападали на «новых левых» из-за того, что они оспаривали фундаментальные либеральные ценности американского народа. «Вместо веры в рост и изобилие они ратуют за технологическое замедление; вместо распределения ролей на основе индивидуальных достижений “новые левые” выступают за распределение ролей на основе групповых черт; вместо активной международной роли “новые левые” призывают к уступкам; вместо решительного антикоммунизма они рекомендуют примириться с коммунистической экспансией; вместо признания американских политических, экономических и социальных достижений “новые левые” просят нас задуматься о нашей коллективной вине» [28, с. 22], – отмечала Дж. Киркпатрик.

Контркультура стала массовой формой молодежного протеста против существующего общественного устройства. Ее последователи демонстрировали поведение, которое по традиционным меркам считалось девиантным. Для них были характерны употребление наркотиков, свободная любовь, отказ от института семьи, увлечение мистическими культами и пренебрежение общепринятыми нормами. Именно контркультура, став шокирующим проявлением протестной эпохи 1960-х годов, являлась предметом основной критики неоконсерваторов, отношение которых к культуре базировалось на тесной связи с историческим прошлым, почитании традиционных ценностей и формировании национальной идентичности [15]. В контркультуре неконсервативные теоретики видели опасный нигилистический и деструктивный элемент, поэтому оценивали протест молодежи как еще одно из проявлений упадка либерализма, не способного остановить нарастание кризисной ситуации в американском обществе [30]. «Можно только удивляться, как буржуазное общество все еще существует в культурной среде, в которой высмеиваются традиционные добродетели и прославляются гомосексуализм и наркомания» [30], – отмечал И. Кристалл. Более того, влияние контркультуры, согласно трактовке неоконсерваторов, ощущалось не только в социальной и культурной сферах, но и на политическом уровне. Так, Дж. Кирпатрик писала о существовании оппозиционной политической контркультуры, которая бросала вызов основным ее убеждениям, типа того, что власть является инструментом необходимым для социального и международного мира, свобода коренится в законе, а порядок является предпосылкой как свободы, так и справедливости и т.д. [29].

Формирование американского неоконсерватизма во второй половине XX века стало результатом сложного взаимодействия идеологических, политических, экономических и социокультурных факторов. Он возник как реакция на трансформацию либерализма, особенно его элитарную переориентацию в период «великого общества», и как ответ на радикальные протестные движения 1960-х годов, которые, по мнению неоконсерваторов, спровоцировали кризис традиционных ценностей и общественных институтов.

Неоконсерватизм представлял собой сложный синтез элементов как правой, так и левой политической мысли. Он сохранил приверженность принципам рыночной экономики, идее равенства возможностей и ограниченной роли государства, но при этом акцентировал внимание на необходимости укрепления морально-нравственных основ общества и защиты традиционных институтов, таких как семья и религия. Во внутренней политике неоконсерваторы критиковали эгалитаризм, культурный релятивизм и расширение социальных программ, считая их угрозой для индивидуальной свободы и экономической эффективности. Во внешней политике они отстаивали активную, интервенционистскую роль США в мире и продвижение демократических ценностей, в том числе посредством военной силы. В социокультурном плане неоконсерваторы противопоставляли себя «новым левым» и контркультуре, рассматривая их как источник деструктивных тенденций, подрывающих американскую идентичность и национальное единство. Их поддержка исходила в основном от представителей среднего класса, обеспокоенных упадком традиционной морали, ростом преступности и увеличением зависимости граждан от государства.

Таким образом, неоконсерватизм стал не только идеологической реакцией на вызовы либерализма и протестных движений, но и важным этапом в эволюции американской политической мысли. Он подготовил почву для консервативного поворота второй половины XX века и задал рамки политической дискуссии на десятилетия вперед, оказав значительное влияние на формирование американской внешней и внутренней политики.

Литература

1. *Гаджиев К.С.* Эволюция основных течений американской буржуазной идеологии: 50–70-е годы. М.: Наука, 1982. 332 с.
2. *Галкин А.А.* Новая «консервативная волна» как порождение идеологического кризиса капитализма // Вопросы философии. 1977. № 12. С. 80–92.
3. *Харц Л.* Либеральная традиция в Америке / пер. с англ.; общ. ред., вступ. ст. и послесл. В.В. Согрина. М.: Прогресс; Прогресс-академия, 1993. 394 с.
- 3а. *Анкин Д.В.* Идеология // Современный философский словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/modern/articles/137/ideologiya.htm>
4. *Ирхин Ю.В.* Теория и методология анализа консерватизма и неоконсерватизма // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 4. С. 84–103.
5. *Кислицын С.В.* Мир посредством силы: внешнеполитическая идеология и практика американского неоконсерватизма. М.: Весь Мир, 2020. 216 с.
6. *Мельвиль А.Ю.* США – сдвиг вправо? Консерватизм в идеино-политической жизни США 80-х годов. М.: Наука, 1986. 214 с.
7. *Мельвиль А.Ю.* Социальная философия современного американского консерватизма. М.: Политиздат, 1980. 143 с.
8. *Мостовец Н.В.* Общественно-политические движения в США (60-е – начало 70-х гг. XX в.). М.: Изд-во политической литературы, 1974. 343 с.
9. *Рожденные контрреволюцией: Американский консерватизм: антология* / пер. с англ. В.А. Волкова, К. Жукова, Н.М. Селиверстова; сост., науч. ред. и предисл. Р.Ю. Бельковича. СПб.: Владимир Даль, 2025. 615 с.
- 9а. *Савельева О.О.* Идеология [Электронный ресурс] // Большая Российская энциклопедия: научно-образовательный портал. Режим доступа: <https://bigenc.ru/c/ideologija-afd834/?v=5878431>
10. *Сидорина Т.Ю.* Операция “Welfare State”: решило ли государство всеобщего благосостояния проблемы идеального государства? // Пространство экономики. 2012. № 3. С. 84–99.
11. *Сивачев Н.В., Язьков Е.Ф.* Новейшая история США. М.: Изд-во Московского ун-та, 1971. 332 с.
12. Современное политическое сознание в США / Э.Я. Баталов, Б.В. Михайлов, А.Ю. Мельвиль и др.; отв. ред. Ю.А. Замошкин, Э.Я. Баталов. М.: Наука, 1980. 446 с.
13. *Согрин В.В.* Политическая история США. М.: Весь Мир, 2001. 389 с.
14. *Торопов Е.А.* Извилистый путь американского консерватизма: от Рассела Кирка до неоконсерваторов // Философия и общество. 2019. № 3 (92). С. 62–81.
15. *Шумский И.И.* Влияние неоконсервативных идей на гуманитарную сферу американского общества // Общественные и гуманитарные науки... Минск, 2022. С. 77–79.
16. *America and the New Era* [Электронный ресурс] // Students for a Democratic Society Documents. 1962–1970, 1963. Режим доступа: <https://archive.lib.msu.edu/DMC/AmRad/americanewera.pdf>
17. *Allitt P.* The Conservatives: Ideas and Personalities Throughout American History. New Haven: Yale University Press, 2009. 344 p.
18. *Burnham J.* The Coming Defeat of Communism. New York: The John Day, 1950. 224 p.
19. *Burnham J.* The Struggle for the World. New York: The John Day, 1947. 264 p.
20. *Friedan B.* The Feminine Mystique. New York: Dell Book, 1964. 20 p.
21. *Glazer N.* New York’s Puerto Ricans: Formation and Future of a New Community [Электронный ресурс] // Commentary. 1958. December. Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/nathan-glazer-2/new-yorks-puerto-ricans-formation-and-future-of-a-new-community/>

22. *Glazer N.* The Limits of Social Policy. Cambridge: Harvard University Press, 1988. 215 p.
23. *Hayden T.* The Port Huron Statement [Электронный ресурс] // Students for a Democratic Society Documents. 1962–1970, 1962. Режим доступа: <https://images2.americanprogress.org/campus/email/PortHuronStatement.pdf>
24. *Hayek F.* The Road to Serfdom. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 274 p.
25. *Keynes J.* The General Theory of Employment, Interest, and Money. New York: Harcourt, Brace & World, 1935. 424 p.
26. *King M.* I Have a Dream. Speech. 1963. August 28.
27. *Kirk R.* The Conservative Mind. New York: Avon Books, 1953. 458 p.
28. *Kirkpatrick J.* On the Celebration of Hubert Humphrey. Washington: Wilson Center, 1980.
29. *Kirkpatrick J.* The Revolt of the Masses // Commentary. February 1973 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/jeane-kirkpatrick/the-revolt-of-the-masses/>
30. *Kristol I.* Countercultures // Commentary. 1994. December [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.commentary.org/articles/irving-kristol/countercultures/>
31. *Kristol I.* Is the Welfare State Obsolete? [Электронный ресурс] // Harper's. 1963. June. Режим доступа: <https://harpers.org/archive/1963/06/is-the-welfare-state-obsolete/>
32. *Kristol I.* Neoconservatism: The Autobiography of an Idea. Chicago: Elephant Paperbacks, 1995. 493 p.
33. *Kristol I.* On the Democratic Idea in America. New York: Harper and Row, 1972. 149 p.
34. *Kristol I.* Reflections of a Neoconservative: Looking Back, Looking Ahead. New York: Basic Books, 1983. 356 p.
35. *Kristol I.* Two Cheers for Capitalism. New York: Basic Books, 1978. 274 p.
36. *Kristol I.* What Is a Neo-conservative? [Электронный ресурс] // Newsweek. 1976. January 19. Режим доступа: <https://repositories.lib.utexas.edu/server/api/core/bitstreams/d3e4f93b-7c9f-4765-ae6b-31fcadd490f4/content>
37. *Kristol I.* What's Bugging the Students [Электронный ресурс] // Atlantic Monthly. 1965. November. Режим доступа: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1965/11/whats-bugging-the-students/659269/>
38. *Kristol I.* Why It's Hard to Be Nice to the New Left // Fortune. 1968. August.
39. *Meyer F.* What Is Conservatism. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1964. 242 p.
40. *Moynihan D.* Politics as the Art of the Impossible [Электронный ресурс] // The American Scholar. 1968. Autumn. Режим доступа: <https://archive.org/details/copingessaysonpr000moyn/page/n9/mode/2up>
41. *Moynihan P.* The Politics of Stability [Электронный ресурс] // New Leader. 1967. October 9. Режим доступа: <https://archive.org/details/copingessaysonpr000moyn/page/n9/mode/2up>
42. *Nash G.* The Conservative Intellectual Movement in America since 1945. New York: Basic Books, 1976. 488 p.
43. *Novak M.* Will It Liberate? Question about Liberation Theology. Lanham: Madison Books, 1991. 211 p.
44. *Podhoretz N.* New Vistas for Neoconservatives // Conservative Digest. 1989. January–February.
45. Public Papers of the Presidents of the United States. Washington, 1965. Vol. 1; [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/>
46. The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt / ed. S. Rosenman. Vol. 1. New York: Random House, 1938. 970 p.
47. *Thorne M.* American Conservative Thought Since World War II: The Core Ideas. New York: Greenwood Press, 1990. 216 p.
- 47a. *Trump, Donald J.* The Inaugural Address. January 20, 2025 June [Электронный ресурс] // The White House. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/01/the-inaugural-address/>
48. *Trilling L.* The Liberal Imagination. New York: Viking, 1950. 303 p.
49. *Viereck P.* Conservatism Revisited. New York: Charles Scribner's Sons, 1949. 168 p.
50. *Weaver R.* Ideas Have Consequences. Chicago: University of Chicago Press, 1948. 189 p.

Аннотация. Статья посвящена анализу условий формирования американского неоконсерватизма как одного из наиболее влиятельных направлений политической мысли и практики второй половины XX – начала XXI века. В работе исследуется историко-идеологическая эволюция данного течения, обусловленная как трансформацией американского либерализма и кризисом традиционных ценностей, так и реакцией на социально-политические протесты 1960-х годов. Автор акцентирует внимание на ключевых этапах становления неоконсервативной идеологии, рассматривая как внутренние политические процессы в США, так и внешнеполитические вызовы. Особое место занимают идейные истоки неоконсерватизма, демонстрирующие интеграцию элементов как правой, так и левой политических традиций, а также вклад ведущих теоретиков и общественно-политических деятелей в его развитие.

Ключевые слова: неоконсерватизм, И. Кристал, «новые левые», «великое общество», «новый курс», протестные движения 1960-х годов, «государство благосостояния».

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Поступила в редакцию 10 октября 2025. Принята к печати 16 октября 2025.

Anastasia V. Zaitseva, Postgraduate Student, Department of Modern and Contemporary History of Europe and America, Lomonosov Moscow State University. E-mail: nastya.zaycheva@mail.ru

Conditions of American Neoconservatism Formation

Abstract. The article examines the conditions that shaped American neoconservatism as one of the most influential currents of political thought and practice in the second half of the twentieth and early twenty-first centuries. It traces the historical and ideological evolution of the movement, shaped both by the transformation of American liberalism and the crisis of traditional values, as well as by the reactions to the social and political protests of the 1960s. The author pays special attention to the key stages in the formation of neoconservative ideology, considering the domestic political dynamics of the United States and the foreign policy challenges it faced.

The author specifically focuses on the ideological sources of neoconservatism, showing how it integrated elements of both right- and left-leaning political traditions, as well as the contribution of leading theorists and public figures to its development.

Keywords: Neoconservatism, I. Kristol, "New Left", "Great Society", "New Deal", Protest Movements of the 1960s, "Welfare State".

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Received: October 10, 2025. Accepted: October 15, 2025

© Анастасия Зайцева, 2025

Плюралистический монизм американского консерватизма и национальная идея США: от истоков к трампистскому модифицированию

Востребованность консерватизма и сохранение за ним статуса одной из влиятельных идеологий (временами сопровождающееся всплесками популярности) обусловлены не только потребностями определенной части обществ разных стран в сохранении устоев в условиях ценностного кризиса и непредсказуемого будущего, а также воздействием на общественное сознание институтов – носителей консервативных интересов. Не меньшее значение имеет проявившаяся в истории плюралистичность консерватизма, его способность видоизменяться за счет интеграции с другими идеологиями. Многообразие направлений консерватизма, плюрализм его исторических путей и трансформаций затрудняет идентификацию его проявлений и носителей, определение критериев отделения от других идеологий, в первую очередь от либерализма. В частности, дискуссионным является вопрос о соотношении вклада либерализма и консерватизма в порождение такого феномена общественного сознания, как национальная идея. Тем не менее если возникновение национальных идей в XVIII – начале XX века явилось результатом сложной диалектики либеральных и консервативных сил, то их сохранение и развитие в глобализирующемся мире Новейшего времени по большей части принадлежит именно консерватизму. При том, что не все консервативные концепции выдерживают конкуренцию в динамично меняющихся условиях современности, все же, как отмечает Ю.В. Пущаев, «у любого общества, просуществовавшего сколько-нибудь длительное время, должен быть свой консерватизм» [11, с. 7]. Иными словами, без консерватизма, поддерживающего идеологию, вытекающую из национальной идеи, которая выражала бы интересы национально-государственного целого, невозможно сохранение ни политического суверенитета, ни воспроизводства общества (в биологическом, духовном и институциональном отношениях).

Важно учитывать, что конкретно-исторические воплощения национальной идеи выступают выражением различных (подчас полярных) типов ценностей и ориентиров, понимания добра и зла и даже выбора между ними. Это понимал Л.А. Тихомиров, в начале XX столетия рассмотревший всю человеческую историю (особенно период новой эры), «ее поступательные движения, ее отступления от истины и добра» как непрерывную борьбу добра и зла, проявляющуюся «в идеях, верованиях, направлениях, бытии и во всем, чем живут люди» [14, с. 50], в том числе «в борьбе культурной, общественной, борьбе этических типов и даже в борьбе политической за те или иные строи гражданской жизни» [14, с. 45]. В этом смысле либерализм не только несет в себе определенную систему ценностных установок с сакрально-мистическими истоками, но и (прямо или косвенно) диалектически детерминирует содержание консервативных концепций и программ, придавая им двойственность и внутреннюю противоречивость, примером чего выступает

Тяпин Игорь Никифорович, доктор философских наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Вологодского государственного университета. E-mail: i.n.tyapin@mail.ru

эволюция американской национальной идеи. Как утверждает А.Н. Комаров, «американский консерватизм развивался в рамках либерализма до второй половины XX века, а политики, сегодня рассматриваемые как консерваторы, считали себя либералами» [8, с. 20].

Зарождение национальной идеи в США, перехватившей в XX веке у Британии роль главного воплощения «нового мирового порядка», началось еще в колониальный период. Эта идея была связана с кальвинистским учением о предопределении, занимавшем центральное место в пуританской идеологии. Америка представлялась местом, специально избранным Богом для создания «Нового Сиона». «Мы должны иметь в виду, что будем подобны городу на холме, и глаза всех будут устремлены на нас», — внушал своим единомышленникам — участникам экспедиции в Массачусетскую бухту в 1630 году на борту корабля «Арабелла» ее глава Дж. Уинтроп (будущий губернатор Массачусетской колонии).

Сыгравшее значительную роль в становлении и управлении Соединенными Штатами со времен установления независимости масонство использовало пространственную и социальную мобильность, благоприятные внешнеполитические условия, уникальную демографическую ситуацию смешения рас и народов для поэтапной реализации гегемонистского проекта. Узурпация понятий свободы, демократии, религиозности способствовала быстрому, беспрепятственному продвижению пафосной, внешне основанной на рациональном либерализме и при этом насквозь двойственной по всем пунктам национальной идеи, прямо вытекающей из двойной доктрины антихристианского мистицизма.

В этой связи абсолютно закономерно, что первоначальное развитие традиционно американского консерватизма в умеренно-либеральном ключе по прошествии времени мутировало в либертарианское (радикальный индивидуализм) и неоконсервативное (гиперглобализм) направления политики. В частности, Б.В. Межуев обращает внимание на тезис американского политического мыслителя П. Готфрида о том, что настоящих консерваторов в последние несколько десятилетий вытеснили на периферию общественной жизни либерал-глобалисты, которые решили назваться консерваторами (для отличия от консервативного мейнстрима им и стали добавлять приставку «нео»), чтобы защитить от нападения американские либеральные институты [10]. Как отмечает С.В. Кислицын, американский неоконсерватизм (среди родоначальников которого оказывается немало выходцев из иммигрантских семей, к примеру И. Кристал, Д. Белл, Н. Глейзер, С. Липсет, которые изначально придерживались социалистических взглядов, но затем перешли на позиции антикоммунизма) представляет идеологию интегративного типа, совмещающая в себе как правые, так и левые идеи [7, с. 40]. Среди внешнеполитических констант неоконсерватизма выделяются принципы политического реализма и идеализма, «баланс сил», идея «американской исключительности и вера в создание империи "Pax Americana", а основу стабильности международных отношений неоконсерваторы видят в наличии глобального гегемона, «Левиафана», стоящего над прочими акторами [7, с. 47–48]. В этом плане фигура Д. Трампа (с его программой о необходимости протекционистских мер по защите рабочих мест, бессмысленности гуманитарных интервенций, угрозе, которую несет Америке нелегальная и неконтролируемая иммиграция) можно воспринимать как некий реванш «палеоконсерватизма».

В целом же в политической науке и философии преобладает пятичастная типология американского консерватизма, которая включает традиционализм, либертарианизм, социальный консерватизм, неоконсерватизм и палеоконсерватизм [20, р. 589–592; 13, с. 279]. Кроме них выделяется еще национальный консерватизм – политическая идеология, сочетающая традиционные консервативные принципы с акцентом на национальную идентичность, национальный суверенитет, государственную безопасность, сохранение культуры и скептический взгляд на глобализм, когда основой развития признается американская нация с опорой на религию, традицию, культуру, семью и преемственность [6, с. 24–25].

Несмотря на формальное отсутствие (как и в Великобритании) государственной идеологии, более идеологизированное общество, чем то, которое сложилось в Соединенных Штатах, трудно отыскать. Роль идеологии в США выполняет такой эквивалентный понятийный конструкт, как «американская мечта». Он выступает собором высших ценностей американского государства. Во многом именно эта «мечта» создала Америку не только как главный геополитический центр современного мира, но и как законодателя ценностей. «Американская мечта, — писал У. Сэфайр (спичрайтер президента Р. Никсона), — идеал свободы или возможностей, который был сформулирован “отцами-основателями”, — духовная мать нации. Если американская система — это скелет американской политики, то американская мечта — ее душа» [9, с. 41].

Следует признать, что американский консерватизм на протяжении всей своей истории представлял собой коалицию различных течений и групп, «которые в большинстве случаев согласны с общим желаемым результатом в политике, хотя зачастую по совершенно разным причинам» [19, р. 91].

Итак, триада национальных интересов США выстраивается в следующей последовательности: «американская мечта» — «американская система» — «американская политика». Конкретизируется же данная триада в рамках еще одной триады — доктрин мессианизма, экспансионизма и «плавильного котла».

Силовой мессианизм и провиденциализм. Идея “*Pax Americana*” трактуется как благородная миссия американской демократии по продвижению ценностей, значимых для всего человечества. Еще в канун войны за независимость будущий второй президент Дж. Адамс выступал со следующим признанием: «Я всегда с благоговением рассматриваю образование Америки как открытие поля деятельности и замысла Провидения для просвещения невежественных и освобождения поработенной части человечества повсюду на земле». Примерно в то же время президент Континентального конгресса Д. Рамсей, размышляя об американской революции еще до ее окончательной победы, верил, что новая нация будет наставницей Старого Света: «Благородный пример Америки подобен большому пожару... Он будет распространяться от народа к народу до тех пор, пока тирания и угнетение не будут полностью искоренены... Дело Америки станет делом Человеческой Природы» [5]. Будущий министр финансов США А. Галлатен пришел к аналогичному выводу: «Соединенные Штаты будут просвещать Европу, служить ей в качестве модели и, возможно, внесут свою лепту в то, чтобы осчастливить человечество в целом» [5]. Традиция мессианской рефлексии сохранилась в США и далее. Р. Рейган высказывался вполне в духе конгрегационалистских миссионеров: «Я всегда считал, что эта благословенная земля была необыкновенным образом отделена от других, что Божий промысел поместил этот великий континент между океанами для того, чтобы его обнаружили люди со всех концов земли, наделенные особой любовью к вере и свободе» [5].

Идея богоизбранности американцев и земли Соединенных Штатов является одним из ведущих мотивов церковного проповедничества. В этом смысле на американские конфессии при всем различии их учений негласно возложены государственные задачи. Священнослужитель в США — де-факто идеологический работник государства. Традиции проповеднического обоснования американского мессианизма были заложены в XVIII веке знаменитым кальвинистским богословом Дж. Эдвардсом. С его именем было связано движение «Великого пробуждения», непосредственно подготовившее в религиозном плане институционализацию американского государства. Возникло направление «новосветников», увязывавших реализацию божественных замыслов с особой историко-эсхатологической миссией Америки. Дж. Эдвардс говорил о переходе статуса «богоизбранного народа» от евреев к американцам. «Новая Англия» провозглашалась им тем местом, где, согласно Апокалипсису, «Господь сотворит новое небо и новую зем-

лю» [Откр. 21:1]. Американские колонисты идентифицировались проповедником как особое «воинство Иисуса». Современник Дж. Эдвардса, ректор Гарвардского университета И. Мэзер, тоже считал очевидным, что Иисус Христос особенно расположен к «этому месту и к этому народу». В качестве аксиомы американцам через церковь внушается представление о том, что длительное сокрытие Богом Америки объясняется уготовленной ей миссией стать новым ковчегом спасения. Церкви вторила американская литература (Г. Джеймс, Г. Бичер-Стоу, Г. Мелвилл и др.).

И в XXI столетии (после событий 2001 года) неоконсерваторы постоянно тиражируют тезис об особой миссии США по распространению либеральной демократии по всему миру силовым путем. По-своему интерпретируя концепцию американской исключительности, неоконсерваторы придерживаются мнения о том, что США никогда не должны допускать конкуренции их глобальному лидерству, будь то со стороны России или Китая.

От констатации богоизбранности США лежит прямой путь к легитимизации американского *глобального экспансионизма*. Примечательной вехой здесь выступила в середине XIX века доктрина «предопределения судьбы» или «явного предначертания» журналиста и будущего американского посла в Португалии Д. О'Салливана, утверждавшего на страницах своей периодики: «Мы должны идти вперед – к осуществлению нашей миссии, к полному развитию наших институтов: свободы совести, свободы личности, свободы торговли и предпринимательства, стремления к всеобщей свободе и равенству. Это наше высокое предназначение, наша судьба, и в нашем вечном и неизменном следовании этим предначертаниям мы должны осуществить их» [21, р. 428]. О'Салливан призвал к захвату Техаса и к дальнейшему территориальному продвижению американцев вплоть до Тихого океана. «Ничто не должно остановить «предопределения судьбы», – писал он, – нашего распространения на континенте, предназначенном провидением для свободного развития нашего ежегодно возрастающего населения». Доктрина «предопределения судьбы» провозглашала, что американцы должны править всем континентом от моря до моря, а распространение их высшей цивилизации на весь Североамериканский континент является долгом США [23, р. 144–145].

Уже к концу XIX века концепт планетарной экспансии приобрел четкое идеологическое выражение. Первым, кто без обиняков провозгласил целью США установление мирового господства, был протестантский священник Дж. Стронг. Характерно, что американизм соединялся им с апологией англосаксонской расы, которая восприняла прежние мессианские задачи, стоящие перед евреями, греками и римлянами. «Ныне, – провозглашал Дж. Стронг, – впервые в истории человечества эти три великие линии развития проходят сквозь пальцы одной преобладающей расы для того, чтобы образовать, переплестясь между собой, единую наивысшую цивилизацию новой эры, совершенство которой будет означать, что это и есть вполне Царство Божие... Все объединятся в единой англосаксонской расе, показывая, что эта раса в исключительной степени соответствует намеченному и потому избрана Богом для подготовки полного торжества Его царства на земле» [1]. Модель нового мирового порядка Дж. Стронга не была системой господства-подчинения империй прошлого. Народы, не подходящие под англосаксонский эталон, не подчинялись в ней англосаксам, а исчезали, вычеркивались с карты грядущего царства. Сенатор А.Дж. Беверидж произнес в 1898 году речь «Марш флага» (впоследствии нередко саркастически именуемую американской «Майн кампф»), лейтмотивом которой было доказательство необходимости завоевания Кубы и Филиппин.

Фактически же как до, так и после упомянутой речи США без каких-либо серьезных оснований, кроме «права сильного», постоянно проявляли агрессию или занимались захватами по всему миру (начиная от войны с Мексикой и заканчивая Югославией, Ираком и Афганистаном), принося с собой не мир и демократию, а разрушение цивилизации, хаос,

диктатуру своих марионеток. Иногда это «моральное превосходство» рассеивалось, как, например, в болотах Вьетнама. Однако разрушение СССР и ялтинско-потсдамской системы открыло новые возможности для геополитических экспериментов, авантюренность отдельных из которых (вроде свежих претензий Д. Трампа на Канаду и Гренландию) не исключает общей продуманной стратегии разрушения и последовательного (по аналогии с военной стратегией «скачка лягушки» против Японии в годы Второй мировой войны) добивания оси «Китай – Иран – Россия».

При этом важным элементом внешнеполитической концепции «трампизма» стала популистская критика либерального мирового порядка как международного выражения правления «элиты» и декларативного отказа от глобализма и силового вмешательства в политическое развитие других стран. Наднациональные объединения, с точки зрения «трампизма», являются проводниками ценностей «элиты» и универсальных прав человека, распространение которых негативно влияет на социокультурную идентичность американцев. Либеральный миропорядок, выстроенный «коррупцированной элитой» в своих интересах, якобы должен быть перестроен. Исходя из этого посыла, во внешней политике США делается акцент на укреплении государственного суверенитета, выходе из наднациональных организаций (ЮНЕСКО, ООН, НАТО) и сокращении их финансирования. Однако не стоит ли за всем этим желание продолжать господствовать и укреплять однополярный мир, исключая существование любых потенциальных конкурентов, не неся при этом формальной ответственности и особых расходов, «загрывая жар» чужими руками? Трампистская политика в отношении Украины, Сирии и Ирана подтверждает эти подозрения.

«Плавильный котел». Само понятие распространилось после постановки в начале XX века пьесы с одноименным названием (“The Melting Pot”) И. Зангвилла, главный герой которой в финале восклицает: «Вот он, великий плавильный котел! Кельт и латинянин, славянин и тевтонец, грек и сириец, черный и желтый... Да, Восток и Запад, Север и Юг, пальма и сосна, полюс и экватор, полумесяц и крест! Как этот великий алхимик переплавляет и смешивает их в своем очищающем пламени! Здесь все они объединяются, чтобы создать Республику Людей и Царство Божие...» [3]. Однако еще в 1776 году Т. Пейн определял зарождающуюся североамериканскую общность как «нацию иммигрантов». По прошествии более чем полутора столетия самоидентификация принципиально не изменилась, и президент США Ф. Рузвельт обращался к американцам как к «сотоварищам по иммиграции».

Образ «плавильного котла» стал одним из базовых составных конструктов «американской мечты». В «плавильном котле» усматривалась не столько деидентификация наций, сколько синергичный эффект умножения потенциалов их идентичностей. Впоследствии на протяжении столетия этот образ акцентированно пропагандировался американскими СМИ и насаждался в общественном сознании. Параллельно с ним использовались и другие метафорические конструкты: «салатница», «овощной суп», «миска салата», «великолепная мозаика», «пицца», «лоскутное одеяло» и т.п. Требовалось доказать, что путь на политический Олимп в Соединенных Штатах открыт каждому, вне зависимости от гендерной принадлежности и цвета кожи. Активно транслировалась идея, что только в Америке личный успех человека не зависит от его этнической принадлежности. Американская гражданская идентичность – вот главный фактор успешности. В действительной жизни это далеко не так. Американский истеблишмент представлен главным образом англо-американцами, тогда как цветные по-прежнему находятся в США на низшей ступени социальной иерархии. США регулярно сотрясают расовые конфликты. Только несколько процентов населения идентифицируют себя просто как американцы. Однако мечта всегда мифологична. Для поддержания мифа можно даже избрать президентом представителя чернокожей части американской нации (пример Б. Обамы).

Как отмечает В.Р. Золотых, консервативные подходы к проблеме иммиграции в США опираются на несколько концепций [4]. Однако в целом в кругах консервативно-республиканской части элиты США сохраняется преобладание позиции, состоящей в том, что реальное многообразие народов и рас внутри «универсальной» американской политической нации (концепция универсальной нации, разделяемая такими известными консервативными авторами, как У. Беннет, Дж. Кемп, Н. Глейзер, основана на идее о том, что человек становится американцем, если воспринимает определенные политические, экономические и философские принципы, такие как индивидуализм, демократия и опора на собственные силы [16, 18]), культурная гетерогенность должны иметь пределы, превышение которых взорвет страну, обрушит систему явной и тайной (институты сверхгосударства) власти, административно-политическое единство, что, в свою очередь, сведет на нет роль Америки как инструмента установления «нового мирового порядка». Так, П. Браймлоу утверждал, что «расовый, национальный вопрос является судьбоносным для современной Америки. Какие-либо изменения в расовом и этническом балансе будут чреваты серьезными последствиями для выживания и успешного развития американской нации» [17, р. 264]. Без близкой или хотя бы отдаленной общности происхождения значительной части граждан невозможно укрепление общих обычаев, принципов, институтов. Реальная интеграция новых миллионов мигрантов в американское общество невозможна без этнокультурной ассимиляции некоторой их части (споры же ведутся в основном между двумя вариантами: признания однозначно главным элементом американской культуры собственно британского наследия и протестантизма либо допущения того, чтобы считать примерно равнозначным этнокультурный вклад Британии, Ирландии и стран Центральной, Южной и Восточной Европы).

Именно этим пониманием и обусловлены антимигрантские мероприятия Д. Трампа, осознающего, что миграционные процессы должны быть постепенными, контролируемые, управляемые, а доля белого англоязычного населения не должна опуститься ниже 50–55%. Данная политика вполне соответствует установкам С. Хантингтона, отмечавшего, что американской идентичности стали угрожать субнациональные, двунациональные и транснациональные. По его мнению, эта угроза коренится в таких факторах, как новая волна иммигрантов из Азии и Латинской Америки, растущая популярность доктрин мультикультурализма и диверсификации, распространение испанского в качестве второго языка на территории США и испанизация части американского социума, утверждение групповых идентичностей, основанных на понятиях расы, этноса и гендера, растущее влияние диаспор, крепнущая приверженность элит космополитизму и транснациональным идентичностям [15, с. 15–17].

Таким образом, американская национальная идея-мечта, отразившая процессы смешения и взаимного обмена классических установок консерватизма и либерализма (когда консерваторы стали поборниками невмешательства государства в социально-экономическую сферу, а либералы, напротив, стали уповать на государство), прошла в своей эволюции следующие трансформации: 1) объединение и процветание американского народа (к которому не относились индейцы, негры); 2) «американская исключительность» – американский образ жизни с равенством возможностей (которого не было и нет); 3) «продвижение свободы в интересах американского народа и международного сообщества посредством оказания помощи строительству и поддержанию более демократического, безопасного и процветающего мира» (на практике это всегда имеет следствием хаос, потерю экономического и политического суверенитета во имя выгод американского правящего меньшинства). Она впитала расистские и социал-дарвинистские идеи; позднее под нее была подведена «научная» основа вроде «теории стадий экономического роста» У. Ростоу, «постиндустриального общества» Д. Белла или «технотронной эры» З. Бжезинского. Она

повлияла на формирование «нового курса» Ф. Рузвельта, «новых рубежей» Дж. Кеннеди, «великого общества», провозглашенного Л. Джонсоном, и т.д. И несмотря на очевидную лицемерность и законченную мифологичность такой национальной идеи Соединенные Штаты XXI века продолжают целенаправленную реализацию тех глобальных задач, которые были сформулированы на заре существования американской республики (тем самым доказывая самостоятельность и силу идеологии, ее определенную независимость от общественного бытия и при этом способность влиять на него). Как и прежде, в последние полтора века в стране развивается военно-бюрократический аппарат, основные политические партии изобретают изощренные способы манипуляции сознанием обывательских масс.

Стоит привести цитату историка М. Зукермана: «Понятие американская исключительность никогда не зависело от эмпирических свидетельств. Оно всегда было непроницаемо для восприятия большинства жителей страны. Оно родилось как идеологическая конструкция для удачливого меньшинства в Новом Свете и для тоскующих интеллектуалов в Старом. Оно было, как это видели многие комментаторы, “обманом”, выражением “национальной гордыни”, подлинным “миражом на Западе”» [5].

Еще два десятилетия назад В.И. Блищенко и М.М. Солнцева писали, что США, «словно списывая свою политику с ницшеанского “Добра и зла”, возомнили себя не просто сверхдержавой, но державой сверхлюдей. Разве не чувствуется сатанинской гордости ницшеанского супермена в уничтожении Югославии и Ирака правительствами Клинтона и Буша? Агрессия против Югославии, длившаяся 78 дней, проводилась по стратегии М. Олбрайт и Пентагона, в которой США специально “забыли” понятия добра и зла. Подумаем, разве уничтожение жилых кварталов, школ, больниц, памятников тысячелетней культуры, монастырей, церквей, парков, заповедников не проходило полностью на темной стороне морали?» [2, с. 476]. Позднее данное утверждение в полной мере стало возможным отнести к Ливии, сегодня – к Сирии, Ирану, России, а завтра – к Китаю.

П.Ю. Рахшмир, отмечавший в ходе анализа еще первых шагов Д. Трампа в качестве президента, что современный американский консерватизм находится в состоянии острой внутренней борьбы, выделял многообразие его течений и отмечал, что «многообразие способствует консолидации консерватизма при наличии у различных консервативных течений общего врага и лидера, обладающего талантом “великого коммуникатора”, способного свести идейно-политические позиции различных фракций к общему знаменателю... Не случайно консерваторы с ностальгией вспоминают об эпохе рейганизма, когда у них был общий враг – Советский Союз, а с ролью великого коммуникатора успешно справлялся Рональд Рейган» [12, с. 172]. Ныне Д. Трамп явно пытается играть (в прямом и переносном смысле) аналогичную роль, беря за основу платформу национального консерватизма и умеренного глобализма и, по сути, отделяясь лишь от крайней части неоконсерваторов-гиперглобалистов. В соответствии с триадой мессианизма, экспансионизма и «плавильного котла» (причем культ «плавильного котла» сегодня переносится из самих США на остальной мир в целях уничтожения национальной и культурной идентичности, целостности обществ и суверенитета государств) Трамп в свою вторую каденцию ясно обозначил приоритеты – “Make America great again” именно за чужой счет, включая своих европейских (бремя войны с Россией перекладывается на плечи Великобритании и стран ЕС), азиатских (конфронтация Пакистана и Индии, смена режима в Сирии руками Турции, нападение Израиля на Иран) и тихоокеанских сателлитов (активизация блока AUKUS для будущей войны с Китаем). Обещая вернуть Америке былое величие, Трамп лишь воспроизводит в виде слогана посыл, который выдвигался еще Р. Рейганом и его советниками (а тот, в свою очередь, опирался на фразу “America first” («Америка превыше всего»), используемую президентами В. Вильсоном и У. Гардингом) [22]. Эпистемологически такая

преемственность (разные варианты одного и того же явления) связана большей частью не с разумом и логикой, а скорее с верой. Дискуссии и колебания здесь возможны не в области целей и ценностей, а лишь путей и методов их достижения.

Соответственно эффективные рецепты противодействия судьбе хаотизации и неокOLONИализации для региональных и мировых держав «не(анти)англосаксонского мира» в условиях плюралистического единства американского консерватизма требует не только постоянного взаимодействия друг с другом на уровне государственных институтов (вплоть до формирования второго геополитического полюса), но и подлинного единства целей и ценностей элит и обществ этих стран, а также понимания национально-исторических императивов и системной выработки объяснительных концепций и стратегий модернизации, сохраняющих преемственность с собственным концептуальным наследием.

Литература

1. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Национальная идея США [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://proza.ru/diary/adekvatnik/2021-06-13>
2. Блищенко В.И., Солнцева М.М. Региональные конфликты и международное право (вторая половина XX – начало XXI века). М.: Городец, 2005. 496 с.
3. Зангвилл И. Плавильный котел [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://book.chitaaem-knigi.online/books/plavilnyi-kotel?page=13>
4. Золотых В.Р. Консервативные подходы к проблеме иммиграции в США: этнокультурный аспект // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. Вып. 2 (19). С. 160–167.
5. Зукерман М. Парадоксы американской исключительности [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.distedu.ru/mirror/_hist/his.1september.ru/2003/14/9.htm
6. Исмаилова А.Т. Национальный консерватизм на пути институционализации // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 6. С. 24–43.
7. Кислицын С.В. Мир посредством силы: внешнеполитическая идеология и практика американского неоконсерватизма. М.: Весь Мир, 2020. 216 с.
8. Комаров А.Н. Сходство и различие канадского, американского и европейского вариантов консерватизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Всеобщая история». 2015. № 1. С. 17–33.
9. Лапицкий М.И. «Американская мечта»: От «плавильного котла» к «салатнице» // Национальная идея: история, идеология, миф. М., 2004. С. 41–63.
10. Межуев Б.В. О консерватизме по-американски. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://politconservatism.ru/arhiv-publications/o-konservatizme-po-amerikanski>
11. Пуцаев Ю.В. К вопросу о советском консерватизме // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия: Реферативный журнал. 2020. № 4. С. 6–26.
12. Рахшмир П.Ю. Современный американский консерватизм: проблемы консолидации // Новая и Новейшая история. 2016. № 6. С. 158–172.
13. Соколыщик Л.М. Американский консерватизм и вызовы внешней политике США в XXI веке: между интервенционизмом и изоляционизмом // Контуры глобальных трансформаций. 2020. Т. 13. № 4. С. 278–288.
14. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М.: Айрис-пресс; Лагуна-Арт, 2004. 688 с.
15. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 635 с.
16. Bennett W., Kemp J. A Statement on Immigration. Washington: DC, 1994. 290 p.
17. Brimelow P. Alien Nation: Common Sense About America's Immigration Disaster. New York: Random House, 1996. 360 p.
18. Glazer N. The Closing Door // The New Republic. 1993. 27 Dec.
19. Glenn B.J., Telles S.M. Conservatism and American Political Development. Oxford: Oxford University Press, 2009. 395 p.
20. Mudde C. The Rise (and Fall?) of American Conservatism // The Journal of Politics, 2010. Vol. 72. No 2. P. 588–594.
21. O'Sullivan J.L. The Great Nation of Future [Электронный ресурс] // Democratic Review. Vol. VI. N 23. P. 426–430. Режим доступа: <http://www.hti.umich.edu/ml/oaagrp/about.html>
22. The Original Meanings of the "American Dream" and "America First" Were Starkly Different From How We Use Them Today [Электронный ресурс] // Smithsonian Magazine. 2018. October. Режим доступа: <https://www.smithsonianmag.com/history/behold-america-american-dream-slogan-book-sarah-churchwell-180970311/>
23. Weinberg A.K. Manifest Destiny: A Study of Natinalist Expansionism in American History. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1935. 559 p.

Аннотация: Феномен трампизма связан с его глубокими историческими корнями в идейном поле американской политической культуры. Специфика идеологии американского консерватизма и установок национальной идеи в США обусловлена их либеральным контекстом, а также ветхозаветно-протестантскими основаниями, характеризующаясь геополитической агрессивностью и признаками учения с «двойным дном». Большинство течений американского консерватизма покоится на мифологии «американской мечты» и конкретизируется в рамках доктрин мессианизма, экспансионизма и «плавильного котла». Национальный консерватизм Д. Трампа лишь частично соответствует официально декларируемым целям и представляет собой стратегию умеренного глобализма и сохранения американской идентичности как этно-расового и конфессионального баланса внутри страны и стратегии организации внешних социальных кризисов без прямого американского участия. Страны, не приемлющие американский гегемонизм, смогут противодействовать хаотизации и неокolonизации лишь путем разработки стратегии и образа будущего на основе собственных концептов и самобытной обществоведческой традиции.

Ключевые слова: онтологические истоки трампизма, течения американского консерватизма, триада «американская мечта» – «американская система» – «американская политика», американская исключительность, диалектика мессианизма и изоляционизма.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Поступила в редакцию 10 октября 2025. Принята к печати 16 октября 2025.

Igor N. Tyapin, Doctor in Philosophy, PhD in History, Associate Professor; Professor, Department of Philosophy, Volga State University. E-mail: i.n.tyapin@mail.ru

Pluralistic Monism of American Conservatism and the National Idea of the USA: from Origins to Trumpist Modification

Abstract: The phenomenon of Trumpism is linked to its deep historical roots in the ideological field of American political culture. The specific nature of American conservatism and of the national idea in the United States is influenced by its liberal context and its Old Testament and Protestant foundations, characterized by geopolitical aggression and a «double-bottom» doctrine. The core of most American conservative movements is based on the mythology of the «American Dream» and is further defined by the doctrines of messianism, expansionism, and the «melting pot». D. Trump's national conservatism only partially corresponds to the officially declared goals and represents the strategy of moderate globalism and the preservation of American identity as ethno-racial and confessional balance within the country, as well as the strategy of organizing external social crises without direct American involvement. The countries that reject American hegemony can counter the chaos and neo-colonization only by developing the strategy and image of the future based on their own concepts and distinctive social science tradition.

Keywords: Ontological Origins of Trumpism; Currents of American Conservatism, Triad of the «American Dream», the «American System», and «American Politics», American Exclusiveness, Dialectic of Messianism and Isolationism.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Received: October 10, 2025. Accepted: October 16, 2025

Трампизм: проекция в прошлое и настоящее

{ Раздел третий }

В.Ю. Даренский

Эскапизм как американская «философия свободы»: от Г. Торо к Унабомберу

А.К. Камкин, М.И. Сигачёв

Трампизм как политическое явление. Идеология национал-максимализма и борьба за величие наций

Р.А. Антонов

Консерватизм президентства Дональда Трампа: идеология «здорового смысла» как основа республиканского движения в США до 2030-х годов

Ф.А. Щипков

Американская цензура в период Гражданской войны

Ф.А. Щипков

Цензура в США в период Первой мировой войны

Эскапизм как американская «философия свободы»: от Г. Торо к Унабомберу

Читал Торо и духовно поднялся.

Л.Н. Толстой

В настоящее время как в научном, так и в массовом сознании народа России принято противопоставлять Россию и Соединенные Штаты Америки, поскольку последние считаются наиболее радикальным выражением западной цивилизации, а Россия является наиболее радикально противостоящей ей силой в современном глобальном мире. Однако стоит иметь в виду, что в структуре американской цивилизации всегда присутствовали элементы, которые сближали ее с русской цивилизацией. В частности, таким был элемент свободной частной жизни в рамках общины и как производная от этого – привычка к духовной свободе, «вольной» жизни.

Отсюда происходит и свобода индивидуального духовного поиска, культивирование внутренней духовной свободы человека. Если в России это происходило в рамках православной традиции и привычки к естественной свободе в рамках общинной жизни, почти не зависящей от государства, как это было до революции 1917 года, то в США такой же тип свободного человека, привыкшего к автономному существованию, формировался в процессе колонизации американского континента. Если символом русской естественной свободы и независимости от государства является крестьянская община, то в США таким же символом является фронтир и индивидуальный фермер, двигавшийся на новые земли, впервые осваиваемые земледельцами. Но такое же свободное продвижение и колонизация новых земель еще раньше происходили и в России, которые, собственно, и создали ее как великую державу. Происходили они не только в Сибири и на Дальнем Востоке, а с самого момента возникновения великого Московского княжества. Такое освоение шло уже с XIV века, начиная с территорий дальнего Подмосковья, с территории за Окой, и далее на юг и восток – до Тихого океана. Тем самым исходный архетип «страны, которая колонизируется», как в свое время назвал Россию В.О. Ключевский, в полной мере относится и к США. И именно этот архетип и модель свободной колонизации земли является тем общим, что объединяет русского крестьянина и американского фермера – как людей, живущих по модели максимальной социальной и духовной свободы.

Такова «материальная» предпосылка схожих элементов российской и американской цивилизаций. Русский крестьянин – сначала общинник, а затем, после реформ П. Столыпина, и индивидуальный владелец земли – ментально больше похож на американского фермера и ковбоя, чем на европейского крестьянина, поскольку последний всегда в намного большей степени контролировался государством, будучи зажатым со всех сторон

Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор Луганского государственного университета имени Владимира Даля. E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

в тесноте и малоземелье. Избыток земли, возможность свободного расселения на ней и почти внегосударственная автономная жизнь семьями и общинами в течение нескольких веков – это тот первичный и самый главный фактор формирования русского и американского менталитета, который во многом и определил затем их способность создать сверхдержавы: Россией – еще в XIX веке, а США – в XX. Эта общность ментального фактора до сих пор мало понята.

Даже в эпоху крепостного права русский крестьянин был реальным свободным хозяином, для которого отработки на барина (всего несколько недель в году) не были большой обузой. Это сформировало столь же самостоятельный тип жизни и менталитета, как и у американского жителя фронта. Этот феномен был зафиксирован А.С. Пушкиным в знаменитом разговоре с англичанином о русских крестьянах. Он писал: «Я думал о судьбе крестьянина. К тому ж подушные, барщина, оброк! Подле меня в карете сидел англичанин, человек лет 36. Я обратился к нему с вопросом: что может быть несчастнее русского крестьянина? Англичанин. – Английский крестьянин. Я. – Как! свободный англичанин, по вашему мнению, несчастнее русского раба?.. Он. – Вообще повинности в России не очень тягостны для народа; подушные платятся миром, оброк не разорителен... Во всей России помещик, наложив оброк, оставляет на произвол крестьянину доставать оный, как и где хочет. Крестьянин промышляет, чем вздумает, и уходит иногда за 2.000 верст, выработывать себе деньги. И это называете вы рабством? Я не знаю во всей Европе народа, которому было бы дано более простора действовать... Я. – Что поразило вас более всего в русском крестьянине? Он. – Его опрятность и свобода. Я. – Как это? Он. – Ваш крестьянин каждую субботу ходит в баню; умывается каждое утро, сверх того несколько раз в день моет себе руки [У европейских крестьян того времени такое было еще не принято – В.Д.]. О его смывленности говорить нечего: путешественники ездят из края в край России, не зная ни одного слова вашего языка, и везде их понимают, исполняют их требования, заключают условия... Переимчивость их всем известна; проворство и ловкость удивительны. Я. – Справедливо. Но свобода? Неужто вы русского крестьянина почитаете свободным? Он. – Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения с вами? Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи?» [32, с. 443].

По этому поводу можно также отметить, что популярность американских «вестернов» в «позднем» СССР – намного большая, чем в Европе, – объясняется прежде всего ментальной традицией русского народа. В картине о свободной жизни «дикого Запада» потомки русских крестьян, еще недавно загнанные в колхозное рабство у государства, явно чувствовали аналог былой свободы своих предков.

В духовной и ментальной сферах существует явная схожесть русского и американского типов – их большая устремленность к радикализму и личной самостоятельности по сравнению с европейским типом, более склонным опираться на устойчивые модели культуры. Характерны в этом контексте и такие новейшие феномены, как распространение Православия в США [9] и миграции людей из США в Россию¹. И когда в 1990-х Теодор

¹ «Россия стала местом паломничества “духовных мигрантов”, пишет “The Washington Post”. В мире, катящемся к нравственному и социальному упадку, она выступает хранительницей традиционных ценностей. Семьи с Запада устремляются в это убежище, находя здесь стабильность и безопасность... “У меня такое ощущение, что мы с семьей оказались в надежном убежище, словно в ковчеге, – говорит 61-летний Лео Хейр. – Хочу поблагодарить президента Путина за то, что он превратил Россию в спокойное место для семей в сложившемся мировом климате”. Семья Хейров, набожные христиане, владевшие фермой в Техасе, называют себя “духовными мигрантами”. Они стали лицом немногочисленного, но ширящегося потока переселенцев с Запада в Россию в поисках консерватизма и традиционных ценностей. Согласно указу о “гуманитарной поддержке лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности”, Россия предлагает трехлетний вид на жительство с минимальными требованиями, который в итоге может преобразоваться в гражданство. За несколько месяцев 2025 года эту визу получили почти 700 человек» [15].

Качинский объявил «революцию, направленную против индустриальной системы», это в рамках западной цивилизации требовало такой же свободы и смелости духа, какой в России в это же время требовало осознание людьми ее миссии как Катехона, то есть удерживающего мир от прихода Антихриста.

Цель данной статьи – выделение в американской культуре таких «знаковых» фигур, которые наиболее ярко выражают американский тип «философии свободы» (Н. Бердяев), явленный не только в философских концепциях, но и в художественном творчестве и политических доктринах. Этот тип, которому свойственно радикальное отстаивание «самостояния человека» (Пушкин), сущностно близок русскому культурному типу и поэтому важен для нас. Общим формальным признаком американской «философии свободы» является мотив эскапизма – бегства от современной цивилизации во вневременную сферу подлинности духа. Это также сближает русский и американский типы духовного творчества.

В предисловии к недавно вышедшей антологии текстов американских мыслителей-консерваторов ее составитель Р.Ю. Белькович отмечает: «Все они разделяли и разделяют один общий взгляд – человек сможет остаться человеком только в том случае, если вновь обратит свой взгляд на то, что Томас Эллиот в своей лекции 1937 года назвал непреходящими вещами. Эти непреходящие вещи сегодня, как и всегда, остаются доступными для каждого, кто рискнет пойти против течения, ибо лежат они не в прошлом, а вечном. Американский консерватизм в сердцевине своей есть стремление сохранить для потомков знание об этой неподвижной оси бытия, столпе, на котором держится мир. Неудивительно, что практически каждый... рано или поздно обращается к христианской вере как практическому, а не умозрительному пути из царства необходимости в царство свободы» [7, с. 70]. Естественно, что мыслителей такого типа было много и в Европе, однако именно американский стиль все-таки ближе русскому по одной причине: и в России, и в США такая позиция «консерватора» как человека, защищающего вечные духовный устои бытия по сравнению с Европой всегда была более подвижнической, всегда требовала более радикального, доходящего до эскапизма противостояния своей культурной среде (то есть бездумному «прогрессизму»), чем в Европе, где консерватизм всегда был более респектабельным явлением.

По-видимому, имеет смысл в этой связи говорить об «эскапизме» в особом символическом смысле – не как о маргинальном социальном явлении, а как об особом культурном стиле противостояния современности. Такой культурный стиль сближает многих выдающихся личностей в русской и американской культурах, а также определяет их взаимное влияние.

О. Шпенглер рассматривал Л. Толстого и Ф. Достоевского как разные экзистенциальные типы: если первый завершал собою европейский тип человека, то Достоевский, согласно мысли Шпенглера, открывал собою новый, уже постевропейский тип культуры. С этим можно согласиться, но с одной поправкой: Л. Толстой был ближе не столько к европейскому, сколько именно к американскому культурному типу. Это выразилось и в его по-ковбойски непосредственном восприятии жизни, и в еретическом отношении к христианству. Но были у него и прямые американские симпатии. В 1894 году Л.Н. Толстой записал в своем дневнике: «Прекрасны мысли Торо» [36, с. 136]. В 1903 году в России вышла книга «Философия естественной жизни», переведенная с английского языка и содержащая 213 отрывков из сочинений Генри Дэвида Торо (1817–1862). Более 90 из них отмечены Л.Н. Толстым карандашом с пометками “NB”, восклицательными знаками, подчеркиваниями целых абзацев и страниц [3, с.38]. А запись в дневнике от 14 апреля 1903 года такова: «Третий день нездоров... И нынче, слабый, читал Торо и духовно поднялся. Да, надо, чтобы вся жизнь была совершение дела Божия, во всяком поступке помнить Его, то, чего Он хочет от меня. Буду стараться. А Он уж сам собою поможет мне в той мере, в которой я открою Ему доступ в мою душу» [37, с. 168].

Казалось бы, зачем было обращаться к переводным текстам Г. Торо, если такие же, но при этом основанные на более содержательном духовном опыте наставления можно было прочитать у святых отцов Церкви, чьи сочинения в то время уже обильно издавались на русском языке – и в академических изданиях, и в дешевых, для народа, продававшихся, как и сейчас, во всех церковных лавках? Почему Л.Н. Толстой для духовного наставления читает именно Г. Торо? Дело в том, что значимость текстов Торо велика именно для новоначального религиозного человека, который только стал на путь духовного просвещения. Он опирается на «естественное откровение», как оно непосредственным образом дано человеку, если тот сознательно от него не отстраняется. Это особая культура восприятия естественного дара благодати Божией. (Исследователь А.М. Каримский отмечал ключевую роль «концепции благодати» для американской религиозной мысли [16, с. 38].)

В частности, в своей главной книге «Уолден, или Жизнь в лесу», чтобы показать общечеловеческий исток богопознания, Г. Торо упоминает даже языческую мудрость. Он писал: «Власть над страстями, над органами чувств и над добрыми делами Веды считают необходимой для того, чтобы наш дух мог приблизиться к Богу. Однако дух способен на время побеждать и подчинять себе все органы и все функции тела и претворять самую грубую чувственность в чистое чувство любви и преданности» [39, с. 257].

Явно очень близка Л.Н. Толстому была и связь религиозности с повседневной человеческой практикой, о которой Торо писал следующим образом: «Труд рождает мудрость и чистоту; лень рождает невежество и чувственность. У ученого чувственность выражается в умственной лени. Человек нечистый – это всегда ленивец, любитель посидеть у печи, развалиться на солнышке, отдохнуть, не успевши устать. Чтобы достичь чистоты и отдалиться от греха, работай без усталости любую работу, хотя бы то была чистка конюшни. Победить природу трудно, но победить ее необходимо. Какой прок в том, что ты христианин, если ты не чище язычника, если ты не превосходишь его воздержанием и набожностью?» [39, с. 259].

Н.Е. Покровский в книге о Г. Торо отмечал: «Важнейший аспект ненасильственной революции состоял в том, что массовому политическому протесту должен был предшествовать внутренний моральный переворот в сознании каждого человека. Это и есть то, что впоследствии Синклер Льюис назвал “революцией одного человека”. Переворот в сознании первичен по отношению к взрыву ненасильственного протеста, который закрепляет политически то, что уже достигнуто в сфере индивидуального сознания... массовость кампании протеста понималась Торо исключительно как “суммарность” индивидуальных протестов и моральных убеждений. Все, что могло бы так или иначе нарушить абсолютную неприкосновенность прав индивида, начисто отвергалось. А потому и конечной целью ненасильственной революции оказывалось не осуществление социальной справедливости, а обеспечение гарантий независимости индивида» [29, с. 161].

Не менее близка Л.Н. Толстому была и особая рефлексия Г. Торо, его внутренний соблазн пантеистического «растворения» в бытии, о котором он писал так: «Я, как никогда, был близок к тому, чтобы раствориться в сущности вещей. Боюсь, что мысли ускользнули от меня. Я посвистал бы их назад, если б это могло помочь. Когда нам что-нибудь предлагают, разумно ли отвечать: мы подумаем? А теперь мысли мои разбежались, и я никак не могу отыскать их след» [39, с. 263]. Таковы многие размышления и самого Л.Н. Толстого.

Наконец, весьма близка Л.Н. Толстому была и социально-утопическая направленность американской мысли. В предисловии к переводу книги американского социального философа Г. Джорджа «Общественные задачи» (1907) Л.Н. Толстой писал: «Мысль Генри Джорджа, переворачивающая весь склад жизни народов в пользу задавленного, безгласного большинства и в ущерб властвующему меньшинству, выражена так неопровержимо и убедительно и, главное, так просто, что нельзя не понять ее. А поняв, нельзя не постарать-

ся привести ее в исполнение» [14, с. IV–V]. Как отмечает исследователь, «Толстой, очевидно, понимал, что члены американских общин не стремились ни к каким социальным преобразованиям, а пытались творить некий идеал общежития, «всеобщего братства», чтобы на его фоне все пороки буржуазной цивилизации выглядели особенно уродливо и неприглядно. От цивилизации они сознательно уходили в общины, спасались там» [3, с. 214]. Как видим, это не что иное, как мотив социального эскапизма.

По справедливому замечанию Э.Я. Баталова, «утопия играла важную конструктивную роль в становлении и развитии американского общества. Эта роль часто недооценивается исследователями, преувеличивающими “реализм” и “прагматичность” американского национального сознания» [4, с. 328]. Поэтому «утопические идеалы “фермерской Америки”, фундамент которых был заложен еще Томасом Джефферсоном, дожили, хотя и в сильно измененном виде, до наших дней» [33, с. 330]. Классическая формулировка этого типа социального утопизма принадлежит Г. Торо в его трактате «О гражданском неповиновении». Здесь он писал: «Лучшее правительство то, которое не правит вовсе, а когда люди будут к этому готовы, то именно такие правительства у них и будут» [38, с. 5]. Как видим, здесь тип социально-политического ставится в прямую зависимость от нравственного состояния людей и полностью ему соответствует: чем выше духовное состояние народа, тем меньше ему требуется опека и руководство государства; чем сильнее нравственно деградирует народ, тем сильнее роль государства для его удержания в цивилизованном состоянии, поскольку он сам уже не способен к этому без внешней формы государства и его монополии на насилие.

Стоит отметить, что в иной форме эту же мысль в это же время выразил и К.Н. Леонтьев: «...либерализм отживает свой век, видно уж из того, между прочим, что детище его – социализм – все больше и больше, и в теории, и на практике, раскрывает свой деспотический характер. Либерал Спенсер в наши дни печатает против социализма свою книгу “Грядущее рабство”. Он предсказывает, что социализм может быть осуществим только в виде рабского подчинения общинам и государству. И я думаю, что он прав» [22, с. 545–546]. С одной стороны, здесь анализ социалистических утопий, а с другой – точный диагноз и прогноз ужесточения роли государства, поскольку это ужесточение становится неизбежным вследствие нравственной деградации народа в ходе секуляризации. Тем самым понятно, что социальные утопии «бегства» от государства, классическими представителями которых были Г. Торо и Л. Толстой, – это лишь естественная реакция на этот процесс.

Именно в такой культурно-исторической ситуации, которая сложилась в XIX веке, становятся понятны эскапистские мотивы американских авторов эпохи романтизма, к которым относился и Г. Торо. Романтический эскапизм вместе с тем позже стал некой «универсалией» культуры и теперь уже прочно присутствует в культурном сознании человечества. О. Труфанова справедливо отмечает этот факт следующим образом: «Стремление к эскапизму является характерной чертой современного общества. Это связано с увеличением времени досуга, с одной стороны, и с размытостью общественных идеалов, с другой стороны. Человек, ориентированный на какую-то внешнюю цель в жизни менее подвержен “впадению” в эскапизм. Эскапизм характерен для тех, кто, чувствуя недостаток чего-то в повседневной жизни, ищет это “что-то” в другом месте. Этим недостатком, как правило, является недостаток Я-образов. Будучи неспособным полностью максимально раскрыть свое Я в обыденной жизни, человек вынужден раскрывать свой потенциал с помощью виртуального мира. Сама же необходимость разворачивания новых Я-образов, которая приводит к эскапизму, с экзистенциальной точки зрения объясняется стремлением к бессмертию» [40, с. 606]. Таков психологический мотив эскапизма как реакции на социальное отчуждение.

Главную экзистенциальную функцию эскапизма автор определяет следующим образом: «...эскапизм позволяет человеку пережить за определенный промежуток времени много больше, чем это представляется возможным. Однако этого можно достигнуть, только если эскапизм не становится самоцелью, если временное убежище не превращается в постоянное, и если подобных убежищ множество. Эскапизм также играет важную роль в формировании и удержании стабильной идентичности, поскольку для идентичности играют одинаково важную роль как события нашей непосредственной реальной жизни, так и события нашего внутреннего мира, в том числе и фантазии – в том случае, если они представляются нам важными. Наличие эскапистского сознания, таким образом, является залогом полноты индивидуального бытия» [41, с. 106]. Столь позитивное определение эскапизма является весьма редким в литературе, поэтому оно весьма ценно для нашей темы. Такое понимание эскапизма позволяет рассматривать его как некую «универсалию» культуры и непреходящую ценность. Например, в японской культуре есть термин «хикикомори» (буквально «пребывание в одиночестве»), который обозначает людей, которые добровольно отказываются от социальной жизни и стремятся к крайней степени социальной изоляции и одиночества вследствие различных личных и социальных факторов. Но подобные модели можно найти в любой культуре. В нашем случае речь идет о явной близости позитивного эскапизма в американской и русской культурах.

Д.Г. Литинская в своей диссертации «Экзистенциальный эскапизм как социокультурный феномен современного общества» предложила следующую типологию эскапизма: «...можно выделить два его типа: инструментальный (служащий целям адаптации человека в социуме) и экзистенциальный (проявляющий себя в осознанном разрыве связей с другими и миром в ситуации смыслоутраты). Момент осознания отказа от Другого выступает в качестве “точки бифуркации” в ситуации поиска выхода из экзистенциального кризиса, которая открывает возможность реализации либо открытости Другому, либо отказу от него» [23, с. 8]. В результате этого процесса отчуждения у человека неизбежно нарастает ощущение смыслоутраты и возникает экзистенциальный вакуум: «Невозможность идентифицироваться через Другого приводит к закономерному результату – эскапизму» [23, с. 7], потому «наряду с ранее известными стратегиями выборов самоидентичности конформизмом (нахождение человека в поле выбора других) и тоталитаризмом (отказ человека от самого акта выбора и предоставление его другим) – существует третий вариант – экзистенциальный эскапизм (отказ человека от возможности бытия Другого)» [23, с. 9].

В свою очередь, А.Ш. Гусейнов дал следующее определение эскапизма именно как позитивного экзистенциального феномена, имеющего очень существенные последствия как для становления личности, так и для развития культуры: «Для реализации эскапизма надо уйти, и это не просто выход из ситуации, а уход из среды, из бытийного пространства. Поэтому факт выхода субъекта из среды как социальной системы, как правило, приводит к смене среды и изменению самого субъекта (даже в случае недостаточной осознанности причин бегства, изменение “подстегивается” уходом, самим поступком)... в результате ухода происходит своеобразная деконструкция бытия, а затем “перезагрузка” как среды, так и самого субъекта. Таким образом, в отличие от нигилизма, эскапистский акт не разрушает, а подвергает реконструкции бытийное пространство» [12, с. 30].

Такой позитивный эскапизм изначально лежал в основе эмиграции европейцев на Американский континент. Н.Э. Адамова пишет о восприятии эмиграции поселенцами Нового Плимута, известными как «отцы-пилигримы», следующее: «Чтобы преодолеть кризис самоидентификации, вызванный переселением из родной страны, колонисты пытались объяснить себе и своим бывшим соотечественникам значение эмиграции. Для этой цели они использовали параллели со Священным Писанием и историей церкви. Среди таких объяснений, приведенных колонистами в различного рода сочинениях, автор выделяет

три вида “типологических” образов эмиграции: исход, паломничество и миссия... все три интерпретации были призваны укрепить чувство положительной идентичности эмигрантов. Во-первых, сравнение с пилигримами, у которых “единственной отчизной были небеса”, оправдывало отъезд из своей родной страны. Во-вторых, колонисты изображали переселение как почетную миссию, вдохновенную Богом, что помогало им поднять свой социальный и политический статус. И, в-третьих, с помощью типологических параллелей “отцы-пилигримы” объясняли свою новую “территориальную” идентичность: они воспринимали Америку либо как испытание на пути к Господу (сравнивая ее с Египтом и пустыней), либо как продолжение Англии... и никогда не описывали ее как место назначения своего путешествия. Тем самым эмигранты избегали самоотжествления с изгнанниками и беженцами и, напротив, считали себя пилигримами, миссионерами и орудиями Божьей воли» [1, с. 29]. Это мессианство как базовый религиозный и экзистенциальный мотив эмиграции в Америку первых поколений переселенцев затем стал своего рода культурным архетипом и моделью всей последующей американской культуры и ментальности. В этом отношении он, безусловно, является аналогом ментальности русского народа, который сформировался на основе осознания себя как хранителя и защитника истинной веры.

В то же время в американской ментальности с самого начала присутствовали и политические мотивы. Б. Бейлин в книге «Идеологические истоки Американской революции» отмечает, что «отцы-пилигримы» также принесли с собой «специфическое анархическое учение времен гражданской войны в Англии» [5, с. 12]. В свою очередь, «европейские интеллектуалы, например, Локк, видели в заокеанских поселениях образ счастливого природного состояния человека, заповедник свободы и добродетели. Они не могли не превозносить животворную простоту жизни и благотворные последствия всеобщего свободного землевладения» [5, с. 57].

И «культурный взрыв» в США периода романтизма во многом опирался именно на эту мессианскую ментальность – подобно тому, как в Европе он опирался на фольклор и ностальгию по Средним векам, а в России – на понимание особой миссии России как православной державы. Известный историк американской мысли В. Паррингтон писал об этом так: «Странным анахронизмом было это пробуждение утопических религиозных чаяний, характерных для 1650 года, это весеннее возрождение умершей веры *saeculum theologicum* в самый разгар промышленного переворота. Перфекционизм отнюдь не был порождением трансцендентализма – таким заскоком философской мысли. Своим происхождением он не обязан французскому романтизму и немецкому идеализму, с которыми вообще не имел ничего общего. Будучи явлением гораздо более древним и самобытным, он уходил корнями не к Руссо, не к Канту, не к Якоби, а к Роджеру Уильямсу и членам секты “пятой монархии”, грезившим о тысячелетнем царстве. В нем нашла себе отдушину томившаяся под спудом религиозная одухотворенность Новой Англии, которая наконец бурно вырвалась на волю из темницы бесплодной ортодоксии и теперь призывала пробудившуюся душу начать борьбу за всемирное торжество праведности» [28, с. 401].

Н.Е. Покровский в исследовании ранней американской философии отмечает, что эпоха американского романтизма, именуемая в то время как «Великое пробуждение», стала затем «историческим прообразом будущих евангелических фундаменталистских движений в американской религиозной жизни» [31, с. 178]. Романтизм в США имел специфический смысл духовного возрождения нации, и в этом отношении он весьма похож на русское «славянофильство», суть которого была вовсе не в любви к славянам (сам термин «славянофильство» изначально был ироническим), но в возрождении России как особой цивилизации, то есть фактически имело мессианский смысл – возвращение к пониманию России как Катехона (вопреки мифу о ее «отсталости», навязанному Петром I и его последователями). В свою очередь, Э.Ф. Осипова пишет о «типично трансценденталистской риторике,

говоря о том, что общественная и культурная жизнь Америки должна “наполниться духовным”. Этот феномен трансценденталисты именовали непереводаемым словосочетанием *the influx of spirit* [25, с. 69]. Характерно, что книга Т. Карлайла «О героях, культе героев и героическом в истории» послужила одному из главных мыслителей «Великого пробуждения» Эмерсону моделью для его книги «Представители человечества» [25, с. 71]. В обеих история трактовалась как последовательность духовных подвигов и череда великих людей – подвижников духа и воли, противостоящих деградации общества.

Но еще ранее, в XVIII веке, была символическая фигура первого значительного философа США Сэмюэла Джонсона (1696–1772). Его книга “*Elementa Philosophica*” (1752) была посвящена Джорджу Беркли, который в письме назвал Джонсона философским гением [31, с. 182]. Согласно учению богослова Петра Рамуса (1515–1572), сначала усвоенному кембриджскими неоплатониками, а затем перенесенному в Новый Свет пуританскими теологами, в мире существует три вида и три источника знания. Это 1) архетип (божественный образец, прообраз всех сущих вещей); 2) энтип (земное воплощение этого образца в результате творения) и 3) эктип (представления людей о сотворенном мире) [31, с. 186]. По определению С. Джонсона, «архетипы, или образцы, и способы их существования в вечном уме должны быть полностью отличными от того, как они существуют в нашем уме; настолько отличными, насколько способ его существования отличается от нашего; в Боге они должны существовать как в первоначальном разуме; в нас – только посредством чувства и воображения; в Нем как прообразы; в нас – как бедные копии» [цит. по: 31, с. 202]. В 1730 году Сэмюэл Джонсон писал Дж. Беркли: «...вместе с Вами я считаю, что вне моего ума нет ничего, кроме Бога и духов с их атрибутами или свойствами и идеями, находящимися в них» [цит. по: 31, с. 192].

Тот факт, что первый значительный американский философ был берклианцем и личным другом Дж. Беркли, является «знаковым» – и не только потому, что опровергает расхожее мнение о том, что американская философия всегда прагматичная и приземленная, но в первую очередь потому, что берклианство – это в своей основе радикальная метафизика духовной свободы. Смысл ее в том, что Дж. Беркли применил «бриту Оккама» по отношению к метафизической категории «материи». Это было сделано им именно для того, чтобы вернуться к строго библейскому мышлению, в котором тварное сущее рассматривается в первую очередь как «посредник» между Богом и человеком, а не как самостоятельная категория, существующая независимо от этого отношения. Не пользуясь понятием материи, Дж. Беркли возвращался к тому библейскому пониманию бытия, в котором вся тварь является даром Слова Творца, а не самостоятельной сущностью, гипостазирование которой затем неизбежно приводит к подмене в мысли абсолютизированной «материей» – Самого Творца, как это произошло у Спинозы. Тем самым философия Дж. Беркли – это радикальный ответ на духовное рабство и идолопоклонство перед материей, радикальная защита свободы духа и разума.

В XIX веке работу по освобождению духа и разума продолжил Ральф Уолдо Эмерсон (1803–1882). Такой явный «мессианский» дух затем нашел свое выражение в американском «трансцендентализме» – интеллектуальном направлении американского романтизма, делавшем особый акцент на духовном самосовершенствовании и духовном просвещении народа. Это было чрезвычайно близко и русским христианским просветителям Нового времени начиная с М.В. Ломоносова. В свою очередь совершенно закономерно, что его эссе “*Society and Solitude*” на русском языке впервые было опубликовано еще при жизни автора в 1874 году в собрании его афоризмов «Дела и дни» в литературном сборнике «Складчина». Здесь Эмерсон писал: «И вотъ путь восхожденія для духа ищущаго мудрости: отъ дѣль людскихъ и всякаго дѣланія рукъ чловѣческихъ – до наслажденія тѣми силами, которыя управляютъ дѣломъ; отъ почтенія къ дѣламъ – до мудраго благоговѣнія

передъ таинствомъ времени, въ которое духъ человѣческой поставленъ для дѣланія; отъ мѣстныхъ искусствъ и отъ экономіи, считающей по часамъ сумму производительности, – до той высшей экономіи, которая ищетъ видѣть качество дѣла, право на дѣло, вѣру и вѣрность въ дѣль; ищетъ проникнуть черезъ дѣло въ глубину мысли, являющейся въ дѣль, мысли во вселенскомъ ея значеніи, той мысли, которой корень не во времени а въ вѣчности. Источникъ такихъ дѣль – характеръ, – высшее начало духовной цѣлости. Передъ нимъ всѣ минуты равны; онъ даетъ человѣку величіе во всякомъ званіи; въ немъ единственное опредѣленіе свободы и силы» [43, с. 22].

Этотъ путь духовного восхождения Р. Эмерсонъ обосновывал, не только опираясь на непосредственный внутренний опытъ души, но также и путемъ построения определенной гносеологической концепции. В его сборнике эссе «Нравственная философия» она сформулирована так: «Наши изысканія приводятъ насъ къ Источнику, вмещающему в себѣ и сущность добра, и сущность гения, и сущность жизни: в силу высшего соизволенія пробуждаются врожденные намъ способности и стремленія. Для отличія отъ прочихъ пособій знанія, которые есть не что иное, какъ усвоеніе преподаваемого метода, мы назовемъ это сообщеніе с нами Вечной Премудрости – наитіемъ. Наитіе! Это неиссякаемый источникъ мысли и деятельности; отъ него веетъ темъ животворнымъ вдохновеніемъ, котораго нельзя отрицать безъ святотатства и безбожія. Посредствомъ наитія мы приближаемся къ лону бесконечнаго Разума: онъ делаетъ насъ орудіемъ своихъ предначертаній, храмомъ своихъ истин. Когда мы провидимъ, что такое любовь, истина, правосудіе, мы сами по себѣ нимало не содействуемъ нашему духовному зренію, лучи эти просто и прямо проникаютъ в наше существо; и какъ бы ни спрашивали мы себя, откуда и какимъ образомъ это взялось, какъ бы ни домогались отыскать в существѣ нашемъ причину этихъ фактовъ, – ни философы, ни метафизики не въ состояніи дать намъ на этотъ счетъ ни малейшаго разрѣшенія. Присутствіе или отсутствіе вдохновенія – вотъ все, что мы можемъ утверждать положительно» [44, с. 71].

В свою очередь, эта своеобразная «гносеология наитія» у Эмерсона опирается на его мистическую антропологию, изложенную в его эссе «Сверхдуша» (“The Over-Soul”). Суть ее онъ излагаетъ так: «Душа, одинокая, самобытная и чистая, отдаетъ себя Одинокому, Самобытному и Непорочному, который при этомъ условіи с радостью обитаетъ в ней, руководитъ ею и говоритъ черезъ нее. Тогда она радостна, молода и проворна. Она не мудра, но видитъ все насквозь. Это не называется религіознымъ, но оно невинно. Оно называетъ светъ своимъ собственнымъ и чувствуетъ, что трава растетъ, а камень падаетъ по закону, который подчиняется его природѣ и зависитъ отъ него. Вотъ, оно говоритъ: “Я рожденъ в великомъ, вселенскомъ разумѣ”. Я, несовершенный, обожаю свое собственное Совершенство. Я какимъ-то образомъ восприимчивъ къ великой душѣ, и поэтому я не замечая солнца и звездъ и воспринимаю ихъ какъ справедливыя случайности и следствія, которые меняются и проходятъ. Все больше и больше волны вечной природы проникаютъ в меня, и я становлюсь публичнымъ и человѣчнымъ в своихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ. Итакъ, я пришелъ, чтобы жить мыслями и дѣйствовать с помощью энергій, которые бессмертны. Почитая такимъ образомъ душу и постигая, какъ говорили древніе, что “красота ее безмерна”, человекъ придетъ къ пониманію того, что миръ – это вечное чудо, которое творитъ душа, и будетъ меньше удивляться отдельнымъ чудесамъ; онъ узнаетъ, что нетъ мирской исторіи; что вся исторія священна; что Вселенная представлена в атомѣ, в мгновеніи времени. Онъ больше не будетъ плести пеструю жизнь изъ обрывковъ и заплатокъ, но будетъ жить в божественномъ единствѣ. Онъ откажется отъ всего низменнаго и легкомысленнаго в своей жизни и будетъ доволенъ всеми мѣстами и любой службой, которую онъ можетъ оказать. Онъ спокойно встретитъ завтрашній день, осознавая пренебреженіе къ тому доверію, которое несетъ с собой Богъ, и, такимъ образомъ, в глубинѣ сердца у него уже есть все будущее» [45, с. 356].

Н.Е. Покровский так акцентирует главную мысль упомянутого эссе Эмерсона «Общество и уединение» (1859): «...уединение – исполненное внутреннего достоинства участие в общественном лицедействе» [30, с. 352]. То есть речь идет о том же самом позитивном эскапизме, то есть таком «бегстве» от общества, которое необходимо для его нравственного совершенствования. Вместе с тем, как отметил этот автор, «Эмерсон никогда не заходил так далеко, как Кьеркегор и Ницше, по пути деромантизации своего мироощущения и своего романтического героя, но и у Эмерсона, тем не менее, можно найти в зародыше всполохи космически-вселенского одиночества. Он пытался искоренить его, веря в то, что силы творчества, разбуженные уединением, способны восстановить гармонию и равновесие в душе» [30, с. 356].

То, что у Эмерсона и Г. Торо было философией духа и нравственного самосовершенствования, имело свои соответствия в политической философии той эпохи. Так, Уильям Ллойд Гаррисон (1805–1879) выпускавший с 1831 года газету «Либерейтор», развивал концепцию перфекционизма, согласно которой «Бог наделил человека способностью к самосовершенствованию, и эта способность являлась залогом уничтожения всех пороков...». Концепция перфекционизма приводила Гаррисона к идее отстранения от политической борьбы и государственной деятельности. Все государственные и политические институты, доказывал он, созданы тогда, когда человек пребывал в греховном состоянии и были направлены на укрощение его пороков. Поэтому, как только самосовершенствование людей достигнет достаточно высокой ступени, необходимость в государстве и политических институтах отпадет сама по себе. Борьба с государственными институтами являлась, следовательно, бессмысленной тратой времени» [33, с. 76–77].

В свою очередь, Джон Хамфри Нойес (1811–1886) полагал, что любая власть есть вмешательство во взаимоотношения Бога и человека, любой закон есть искажение состояния благодати, и потому каждый христианин обязан сопротивляться любой земной власти. С точки зрения Нойеса, второе пришествие Христа произошло в момент основания христианской церкви. По его мнению, это событие ликвидировало власть государств, оставив только власть Бога. Нойес считал, что попытки что-либо изменить в государстве тщетны – само оно по своей сути глубоко противно истинному христианству, поэтому каждый верующий должен выступать за его уничтожение. У человека не может быть одновременно двух господ, и он не может одновременно подчиняться двум системам правил [6, с. 14].

Понятно, что такие наивные рассуждения, представляющие своего рода религиозный анархизм, очевидным образом являются нехристианскими или как минимум еретическими, поскольку отвергают заповедь «Воздадите кесарева кесареви и Божию Богови» (Мф. 22:21) и известные наставления апостола Павла: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее, ибо [начальник] есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из [страха] наказания, но и по совести» (Рим. 13:1–7). Тем не менее эти рассуждения Нойеса показательны как тенденция духовного эскапизма.

Социокультурным контекстом развития такой философии эскапизма была специфика развития американского общества и государства, о которой Алексис де Токвиль очень ярко и точно писал в своем классическом труде «Демократия в Америке» следующим образом: «Могущество правителя распространяется сегодня не только на всю сферу прежних органов власти; границы этой сферы уже не могут сдержать его власть, и она начинает распространяться на те области, которые ранее всегда были сферой индивидуальных сво-

бод. Множество видов деятельности, которые никогда до этого не контролировались государством, сегодня подпадают под его контроль, при этом число таких видов деятельности постоянно возрастает. В аристократическом обществе государство непосредственно руководило своими гражданами только тогда, когда их деятельность имела ярко выраженную связь с общенациональными интересами, охотно предоставляя им полную свободу во всех их прочих делах» [35, с. 490]. Именно такой рост роли государства и степени его проникновения в частную жизнь, который происходил в XIX веке, вошел в противоречие со свободной «ковбойско-фермерской» психологией жителей США и стал стимулом для роста эскапистских настроений.

В Европе реакцией на гипертрофию роли государства стала известная книга Г. Спенсера «Человек против государства» (“The Man Versus the State”, 1884), в которой прозорливо было предсказано появление тоталитарных режимов на основе идеологии социализма (глава «Грядущее рабство»). В книге Г. Спенсера можно найти фрагменты, почти буквально совпадающие со следующими фрагментами из упомянутой книги де Токвиля, написанной на полвека раньше. Как писал последний, государство в США «как никогда прежде, проникает в частную жизнь граждан, по-своему регулирует всё менее значительные виды деятельности, со всех сторон окружая граждан своими заботами, советами и принуждениями» [35, с. 490]. И оно теперь «простирает свои могучие длани на общество в целом. Оно покрывает его сетью мелких, витиеватых, единообразных законов, которые мешают наиболее оригинальным умам и крепким душам вознестись над толпой. Оно не сокращает волю людей, но размягчает ее, сгибает и направляет; оно редко побуждает к действию, но постоянно сопротивляется тому, чтобы кто-то действовал по своей инициативе; оно ничего не разрушает, но препятствует рождению нового; оно не тиранит, но мешает, подавляет, нервнует, гасит, оглушает и превращает в конце концов весь народ в стадо пугливых и трудолюбивых животных, пастырем которых выступает правительство. Я всегда был уверен, что подобная форма рабства, тихая, размеренная и мирная, картину которой я только что изобразил, могла бы сочетаться, хоть это и трудно себе представить, с некоторыми внешними атрибутами свободы... При такой системе граждане выходят из зависимости лишь на момент избрания своего хозяина, а затем вновь попадают в нее» [35, с. 497]. Поэтому теперь, писал он, «трудно представить себе, каким образом люди, полностью отказавшиеся от привычки самим управлять своими делами, могли бы успешно выбирать тех, кто должен ими руководить. Потому и невозможно поверить, что в результате голосования народа, обладающего лакейскими наклонностями, может быть образовано мудрое, энергичное и либеральное правительство» [35, с. 498]. Это не что иное, как опровержение самой основы идеологии демократии на основе реального исторического опыта, а не логических рассуждений. Вывод де Токвиля весьма парадоксален для всех, кто верит в «демократию»: «...легче установить абсолютное и деспотическое правление в той стране, где условия существования людей равны, чем там, где этого нет... Поэтому я полагаю, что именно в эпоху демократии более всего нужно опасаться деспотизма» [35, с. 499].

Однако и среди коренных американцев были люди, своим опытом приходившие к аналогичным выводам. Так, например, известный писатель, мыслитель и политик XIX века Г. Адамс в автобиографической книге «Воспитание Генри Адамса» писал о «машинизации» политической жизни в США: «Современная политика, по существу, является борьбой энергий, а не людей. Люди с каждым годом все в большей степени превращаются в создания энергии, сосредоточенной в главных энергостанциях. Борьба идет уже не между людьми, а между двигателями, которые правят людьми, а последние склонны подчиняться действию этих движущих сил» [2, с. 504].

Как уже отмечалось, самыми радикальными критиками государства в США были религиозные мыслители. Например, А. Нок (1870–1945), чья статья «Работа Исайи» вошла

в уже упомянутую хрестоматию текстов американского консерватизма «Рождённые контрреволюцией» (2025), в начале XX века заявил в своей книге «Наш Враг, государство» следующее: «Взяв любое государство, где бы оно ни находилось, проникнув в его историю в любой момент времени, невозможно отличить деятельность основателей, администраторов и бенефициаров государства от подобной деятельности профессионально-криминального класса, организованной преступности» [47, р. 18].

Определяя себя в качестве «философского анархиста», А. Нок выступал за радикальную идею общества, свободного от вмешательства политического «суверенного государства». Он определял государство как «заявленную и практикуемую монополию на беззаконие», отрицал централизацию, государственное регулирование, подоходный налог и общеобязательное образование – всё, что он воспринимал как признаки деградации общества. Он отвергал на равных все разновидности тоталитаризма, включая в них в одном ряду «большевизм, фашизм, гитлеризм, марксизм и коммунизм», но при этом не менее сильно критиковал демократию. Нок утверждал, что «вместо практической причины для свободы, состоящей в том, что свобода выглядит единственным условием для развития любого вида существенной моральной мысли – мы насаждали закон, принуждение и авторитаризм во всех формах, и при всем этом нам по-прежнему нечем гордиться» [47, р. 102].

Стоит особо выделить наследие политического философа XX века Эрика Фёгелина (1901–1985), немца по происхождению, но с 1940-х годов жившего в США. В частности, его опровержение марксизма базировалось на новой теоретической основе, в центре которой стоит понятие гностицизма как сущности всего западного модерна. По определению Фёгелина, «заблуждение гнозиса состоит в имманентизации трансцендентной истины» [49, р. 265]. То есть марксизм – это не противостояние буржуазной цивилизации, а итоговый продукт, завершение ее деградации: «Смерть духа – вот цена прогресса. Ницше открыл эту тайну западного апокалипсиса, когда объявил, что Бог умер и мы его убили. Это гностическое убийство постоянно совершается людьми, приносящими Бога в жертву цивилизации. Чем с большим жаром человеческая энергия бросается на великое предприятие спасения через имманентную миру деятельность, тем больше человеческие существа, участвующие в этом предприятии, отдаляются от жизни духа... в самом успехе гностической цивилизации заключается причина ее упадка» [48, р. 276].

В статье Фёгелина «Наука, политика и гностицизм», вошедшей в уже упомянутую хрестоматию авторов американского консерватизма «Рождённые контрреволюцией» (2025), показано, что духовной основой, на которой происходило развитие Марксовой революционной идеи, было богоборчество Маркса: его стремление устранить высшее, трансцендентное и творческое божественное начало из картины мира современного человека. Он характеризует Маркса как «интеллектуального мошенника» не только на основе критики его экономической и социальной теории и политической идеологии, но прежде всего в духовном смысле, поскольку марксизм основан в первую очередь на уничтожении духовного измерения человеческого бытия, сведения его до уровня рефлексов «социального автомата». Итоговый вывод Э. Фёгелина, предложенный им в рамках критики Марксовой революционной идеи, заключается в том, что политический успех марксизма в XX веке рассматривается им как один из наиболее значимых моментов духовного упадка западной цивилизации.

В свою очередь, одной из ценностей американской художественной литературы XX века, определившей ее мировую значимость и любовь к ней в России (особенно в советский период), было противостояние именно этому внутреннему гностицизму секулярной культуры. Можно выделить два типа такого противостояния. Первое в рамках секулярного мышления, примером которого является творчество У. Фолкнера, Э. Хемингуэя и других классиков; второе – на пути к возвращению к некой «новой сакральности» путем

заимствования элементов восточных учений, яркими примерами которого является творчество Дж. Керуака и Дж. Сэлинджера.

Название одной из итоговых книг Э. Хемингуэя "Islands in the Stream" обычно переводят как «Острова в океане», однако буквально, как мы видим, она называется «Острова в стремнине». Это название весьма символично для того образа мира и человека, который создал этот всемирно известный писатель, сам ставший символом определенного типа человека – человека «в стремнине» бытия, внутренне свободного от этого мира. Как и в случае с вестернами, самой большой в мире популярностью Э. Хемингуэя была именно в СССР по сравнению с другими странами – даже в сравнении с самими США. И объясняется этот феномен тем же самым фактором общности менталитетов: для русского народа в условиях советского режима Хемингуэй стал символом той свободной жизни и «самостояния» человека, которая еще сохранялась в национальном характере русских, унаследованная от предков, но подавлялась и вырождалась в условиях советского XX века.

Тот же тип «внутреннего эскапизма» мы видим в главном герое этой книги – Томасе Хадсоне, явном alter ego автора. Книга наполнена длинными внутренними монологами главного героя – «хорошего художника, большую часть года проводившего за работой дома и на острове». Главная тема, вынесенная даже не на передний план, а на авансцену, – это одиночество, и «излечить его может только смерть, а все другое лишь притупляет и обезболивает». Изначально «Острова в океане» должны были иметь четыре части, и повесть «Старик и море» (противоборство людей и мира океана) как раз занимала место последней части. Вторая линия – это «возвращение в прошлое», конкретно – в Париж, со множеством мелких деталей, замечаний. В 1964 году в свет вышел «Праздник, который всегда с тобой» – воспоминания писателя о Париже, молодости, начале творчества. Обе эти темы на самом деле продолжают заложенную Г. Торо традицию духовного эскапизма уже в условиях XX века – века секуляризации и политизации жизни.

В свою очередь, Дж. Керуак продолжил там, где закончил Э. Хемингуэй. Его герой в романе «Бродяги Дхармы» говорит: «С самого детства не был я так счастлив, я наслаждался одиночеством и никуда не торопился» [20, с. 280]. Однако у Дж. Керуака мы уже находим новый феномен, характерный для XX века, – спонтанное возвращение к религиозности в результате разочарования в опустошенном секулярном мире и неизбывной внутренней потребности души в осознании своего Творца. Он вспоминает: «...приходила ночь, а с ней и горная луна, на озере лунная дорожка, я выходил и сидел в траве, медитируя лицом на запад, желая, чтобы во всей этой безличностной материи был Личностный Бог» [20, с. 281]. И далее: «...колокол медитации... мерещился мне здесь, на пике Заброшенности... Заброшенность, сколь многим я ей обязан, вечное спасибо тебе, что направил меня сюда, где я столькому научился. Предстоит печаль возвращения в города, я стал на два месяца старше, а там все это, человеческое, бары, комические шоу, упорная любовь, и все это вниз головой в пустоте, благослови их Бог, но Джефи, ведь мы-то с тобой знаем, мы знаем навеки, о вечно юные, о вечно рыдающие. Розовость небес отразилась в озере внизу, и я сказал: "Я люблю Тебя, Господи", и посмотрел в небо, и это было правдой. "Я полюбил Тебя, Господи. Заботься обо всех нас, так или иначе"» [20, с. 290].

Вместе с тем показательно и то, что духовный поиск Дж. Керуака тоже представляет собой эскапизм по отношению к западной традиции как таковой и поэтому он разворачивается как новое открытие восточных религиозных практик. Характерны в этом отношении его слова из «Сутры золотой вечности»: «Создал ли я это небо? Да, ведь если бы оно было чем-то иным, а не воззрением моего ума, я не смог бы сказать "Небо". И потому я – это золотая вечность. Здесь нет двоих, читателя и писателя, но только один, одна золотая вечность, Один-Который-Есть-Это, Тот-Кто-Есть-Всё» [21, с. 58]. Но слова эти характерны

и потому, что этом «восточном» опыте столь же ярко проступают и черты западного человека, фактически обожествляющего свое «Я».

В свою очередь Дж. Сэлинджер написал сборник «Девять рассказов», используя выработанные санскритской поэтикой категории, в частности, типы поэтических настроений – «раса» [10, с. 27]. И он был первым, кто обратился к православной традиции. Отсылка к Достоевскому в рассказе «Посвящается Эсме» (1950) и очевидное знакомство писателя с историей старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы» свидетельствуют об интересе Сэлинджера к духовной традиции, воплотившейся в учении оптинских монахов. Как отмечает Э.Ф. Осипова в статье «Сэлинджер, Достоевский и восточно-христианская традиция», в духовном мире сэлинджеровских героев особое место занимает книга анонимного русского автора «Откровенные рассказы Странника духовному своему отцу». Сэлинджер делает свою героиню Фрэнсис Гласс страстным адептом изложенных в этой книге идей, а ее брата Захарию наделяет тонким пониманием учения оптинских старцев («Фрэнни», 1955; «Зуи», 1957; «Фрэнни и Зуи», 1961) [27]. Это пример весьма показателен, поскольку является неким пророчеством о будущем. В настоящее время, как уже упоминалось, в США происходит массовое обращение к Православию.

Весьма характерно, что традиционная критика движения «битников» и «шестидесятников» в США старается истолковать их как результат развития потребительской цивилизации, как проявление инфантилизма, приобретающего более радикальный характер, но при этом парадоксальным образом выражающего себя в критике той цивилизации, которая его породила. В частности, уже само название книги Ю. Давыдова и И. Роднянской «Социология контркультуры. Инфантилизм как тип мирозерцания и социальная болезнь» (1980) [13] отражает такой взгляд. В свою очередь, К. Мяло в известной книге «Под знаменем бунта: Очерки по истории и психологии молодежного протеста 1950–1970-х годов» (1985) писала: «...подменив социальное действие игрой “раскованных” импульсов, усилием воображения опрокинув реальность» [24, с. 152].

Однако признавая относительную справедливость таких характеристик, следует все же сказать, что изначальный импульс – а именно, сопротивление потребительской, секулярной цивилизации, низводившей человека до уровня «социального животного», – был основным в этом движении. И именно поэтому он в конечном счете приводил к поиску сакральных оснований бытия и возвращению к сакральным традициям, пусть и не христианским, а заимствованным на Востоке. Сам «Восток», в данном случае традиция дзен-буддизма, становились тоже своего рода культурными символами трансценденции, максимального отстранения от той деградировавшей, секулярной, бессмысленной социальной среды, в которой формировались эти люди. Изначальный импульс этого движения был импульсом поиска сакральных оснований жизни: фактически, это было первое проявление постсекуляризма, о котором пишут сейчас, уже в XXI веке.

Внешний «инфантилизм» этих проявлений был обусловлен не изначальным импульсом, а теми условиями, в которых ему приходилось реализовываться. Порожденный как ответ на потребительское, технологическое общество, этот протест приобретал черты того самого общества, с которым боролся. Это парадокс, но парадокс вполне естественный. В свою очередь, следует отметить, что в движении «шестидесятничества» в США выразились и архетипические модели американской культуры и мысли, в частности, та самая модель «ухода в лес», которая была реализована Г. Торо, и тот поиск духовных оснований бытия, нового обращения к Богу на основе индивидуального внутреннего духовного опыта, который также был ярко представлен у Торо и вызвал такую восторженную реакцию Льва Толстого.

Главный теоретик этого движения Т. Роззак ставил радикальную цель «революции сознания», которую он определял как «смелый, радикальный разрыв с урбано-индустриализмом». В результате, писал Роззак, «появится все больше и больше

людей, которые будут отказываться жить, подчиняясь провозглашенным технократией целям, станут невосприимчивы к таким вещам, как карьера, богатство, мания потребления, технический прогресс, которые на низкую комедию подобных “ценностей” будут отвечать лишь грустной улыбкой и проходить мимо них» [34, с. 140].

В. Йонг в статье “Escapism in literature and life” (1976) определяет такой эскапизм как одну из основных ценностей американской культуры XX века [50]. Я.Д. Гиринская тоже отмечает, что американская литература в целом богата персонажами, которые пытаются в побеге от действительности найти себя и понять смысл жизни. Например, эскапизм романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» весьма радикален и выражается в самом путешествии Колфилда по Нью-Йорку. В результате этого путешествия он переживает своего рода духовную инициацию, которая выражается в обретении им смысла жизни – оберегать детей от этого мира, «ведь мир обмана, лицемерия, притворства – будто пропасть, в которую они могут упасть» [11, с. 40].

Такой тип сознания нашел отражение и в работах академических американских философов. Опубликованная в 1974 году книга Роберта Нозика «Анархия, государство и утопия» (“Anarchy, State, and Utopia”) связана с возрождением индивидуалистической анархистской традиции, основателем которой в американской культуре был Г. Торо. В отличие от своего гарвардского коллеги Стэнли Кейвля, возрождавшего в эти же годы давно дремлющую традицию Торо и трансцендентализма в «генеалогическом» ключе, Нозик первым превращает ее в свой программный дискурс. В противовес французской утопической традиции в стиле Шарля Фурье, сконцентрированной на понятии «идеального общества», Нозик предложил плюралистический анархизм, основанный на «сосуществовании различных социальных явлений в их потенциально мирном взаимодействии друг с другом» [8, с. 88]. Он определил свою доктрину как «индивидуалистический анархизм, и его первыми представителями были Генри Д. Торо и Михаил Бакунин. Для меня ближе вторая традиция, потому что она защищает плюрализм идеалов, а не миф об идеальном обществе. Она позволяет сохранить такие ценности, как частная собственность и личная инициатива» [8, с. 100].

Весьма близкие к этому взгляды развивает один из наиболее известных во всем мире авторов-антиглобалистов Ноам Хомский (Чомски, р. 1928). Между 1980 и 1992 годами Хомский был самым цитируемым из живущих ученых и восьмым по частоте использования источником для цитат вообще. Хомский является непримиримым оппозиционером к «корпоративно-государственному капитализму», практикуемому США и их союзниками. Он сторонник анархических идей М. Бакунина – еще один яркий пример влияния русского «духа» на американскую мысль. При этом он считает социализм в СССР похожим (в терминах «тоталитарного контроля») на капитализм в духе США, утверждая, что обе системы в сущности своей очень похожи, хотя и базируются на различных типах и уровнях контроля. В книге “For Reasons of State” Хомский отстаивал идею о том, что вместо капиталистической системы, в которой люди – «рабы зарплаты», и вместо социалистической авторитарной системы, в которой решения принимаются централизованно, общество может функционировать на основе некоего «прямого обмена». Среди других современных авторов, явно продолжающих традицию эскапизма, идущую от Г. Торо, стоит также назвать Луэллина Харрисона Роквелла (р. 1944), идеолога американского либертарианского анархо-капитализма, основателя и председателя Института Людвиг фон Мизеса. Его основные труды: «Против государства: Анархо-капиталистический манифест» (2014), «Фашизм против капитализма» (2013), «Наш враг – всегда государство» (2021).

Как отмечал В.В. Согрин, в США ортодоксальное течение консерватизма, «декларирующее верность... морально-религиозным основополагающим постулатам, все более становилось идеологическим обоснованием правого радикализма» [33, с. 223]. Самым яр-

ким из его представителей, безусловно, является Теодор Джон Качинский (также известен как Унабомбер, от англ. Unabomber – сокр. от “University and airline bomber”; 1942–2023) – математик, социальный критик, террорист, анархист, и неолуддит, известный своей кампанией по рассылке бомб по почте. В 1971 году ушел жить в хижину без электричества и водопровода в Линкольне (Монтана). На массовую рассылку бомб Качинский решился после того, как увидел, что вокруг его дома начали строительство дороги. С 1978 по 1995 год он отправил почтой 16 бомб, целями которых были университеты и авиалинии. В результате взрывов его посылок погибли три человека, 23 были ранены. 24 апреля 1995 года Качинский отправил анонимное письмо в «Нью Йорк таймс» и пообещал «воздержаться от терроризма», если «Нью-Йорк таймс» или «Вашингтон пост» опубликует его манифест. Он объяснял, что его бомбы были крайней мерой, необходимой для того, чтобы привлечь внимание к процессу уменьшения человеческой свободы в обществе из-за современных технологий. 19 сентября 1995 года «Вашингтон пост» и «Нью Йорк таймс» опубликовали его статью «Индустриальное общество и его будущее», известную также как «Манифест Унабомбера». По излагаемым в манифесте мыслям автора опознал младший брат, который и сдал его властям. В этом тексте Качинский, в частности, писал: «Индустриальная революция и ее последствия стали бедствием для человеческой расы. Они значительно увеличили среднюю продолжительность жизни тех из нас, кто живет в “развитых” странах, но они дестабилизировали общество, сделали жизнь бесполезной, подвергли людей унижению, привели к широкому распространению психического страдания», поэтому следует совершить мировую «революцию, направленную против индустриальной системы» [18, с. 4].

Сложно сказать, насколько реалистичной сам Качинский считал собственную идею. Он высказался об этом так: «Индустриально-технологическая система может продолжить существовать, а может и потерпеть крах. Если она уцелеет, то в итоге сможет добиться низкого уровня физического и психического страдания, но только пройдя через длительный и очень болезненный период адаптации, и только ценою постоянного превращения людей и многих других живых организмов в изделия машиностроительной промышленности и в простые шестеренки социального механизма. Если же система потерпит крах, последствия также будут крайне болезненными. И чем больше она вырастет, тем ужаснее будут последствия ее крушения, так что если она должна рухнуть, ей лучше рухнуть раньше, чем позже» [18, с. 5].

Сколь бы утопичной ни была теория Качинского, она все равно весьма полезна в качестве своего рода «интеллектуального инструмента» для анализа нынешнего состояния человечества. Кроме того, он выстраивает свою теорию общества на совершенно иных основаниях, чем это принято в современной социальной философии. Его мышление максимально отстранено от принятых в современной социальной мысли стереотипов. Топос его мысли – это своего рода современный руссоизм: он рассматривает человека и общество с точки зрения презумпции полной свободы от них. Однако у него эта свобода не опирается на изначальную духовную природу человека и не связана с его религиозным опытом. Т. Качинский рассматривает только «естественного человека», однако даже в этой естественности, он находит множество таких измерений, которые разрушаются и подавляются современной цивилизацией. Стоит отметить, что разделение жизни на полезную и «суррогатную» деятельность, лежащую в основе его социальной теории, фактически, полностью отрицает современную цивилизацию, поскольку эта цивилизация служит в первую очередь суррогатной деятельности, не связанной с экзистенциальными целями человека.

Трактовка человеческой свободы у Качинского тоже весьма нестандартна и оригинальна: он рассматривает человеческую свободу как возможность удерживаться от проявления деструктивной власти над другими людьми и природой, то есть свобода трактуется не через власть, а через отказ от нее. Такой подход в конечном счете весьма близок к

религиозному пониманию человека, даже несмотря на то, что сам Качинский на него не опирается, его мышление исключительно светское. Однако этим оно и показывает, что стереотипы христианского мышления настолько глубоко проникли в сознание многих американцев, что до сих пор составляет основу их мышления. В этом отношении Качинского тоже можно рассматривать как некий аналог русских мыслителей, у которых даже в светском, безрелигиозном варианте мы всегда находим множество моделей православного мышления.

Ключевое для Качинского понятие технологического рабства не является полностью оригинальным: рабство у технологии рассматривается в философии еще начиная с XIX века. Однако Качинский оригинален тем, что через понятие технологии как универсальной порабощающей силы он рассматривает всю жизнь человека и все социальные функции. Фактически вся мировая история рассматривается им в первую очередь как рост степени технологического рабства и подавления человеческой свободы путем принуждения человека к суррогатным видам деятельности, не связанным с его свободой и базовыми экзистенциальными целями. Поэтому модель антитехнологической революции – это фактически модель реконструкции человеческой свободы, но уже в тех условиях, в которых находится человек, ставший частью социального механизма [17, 19].

На индивидуальном уровне антитехнологическая революция вполне возможна – и в этом смысле работы Качинского могут рассматриваться как своего рода «интеллектуальный тренинг», имеющий вполне определенное практическое применение на уровне индивидуальной жизни. В этом смысле они вовсе не утопичны – это своего рода модель освобождения и той культуры свободы, которая еще возможна в секулярном обществе. Утопичен не сам механизм освобождения от рабства технологиям – при соответствующем волевом усилии он вполне реализуем на уровне индивидуальной жизни. Утопично здесь отсутствие религиозного основания, поскольку человек со светским мышлением обычно просто не видит технологического рабства как такового, а даже если и увидит, то не будет видеть необходимости освободиться от него. Современный человек, как правило, состояние технологического рабства воспринимает не только как норму, но даже как высшее проявление своей свободы. Представление об истории как росте степени человеческой свободы, традиционно идущей от Гегеля, находит свой апофеоз в современном, технологически порабощенном человеке. Современный человек считает себя свободнее какого-либо другого именно в силу своей технологической порабощенности, которая дает ему ощущение, пусть и иллюзорное, своего могущества, власти над природой и над самим собой. Именно против этого грандиозного самообмана и выступает Т. Качинский, и в этом смысле его концепция является чрезвычайно ценной как в экзистенциальном, так и в практическом смысле.

Интересен также и математический стиль мышления Качинского, связанный с его первой профессией: он строит своего рода аксиоматическую теорию общества и социального человека. Такой подход позволяет ему выделить некоторые универсальные аспекты социальности. Среди этих аспектов стоит выделить его понимание страдания как универсальной социальной категории и измерения уровня социального развития степенью страдания. Ключевой тезис его состоит в том, что история приводит к увеличению как физического, так и экзистенциального страдания человека – в силу его порабощения технологиями, уничтожающими его свободу. Чем больше человек становится манипулируемым, тем меньше у него возможностей для непосредственного состояния счастья, поскольку он становится полностью зависим от тех социальных и технологических процессов, в которые он включен. История как рост степени рабства здесь трактуется, естественно, не в примитивном смысле юридического или социального порабощения: технологическое рабство является наиболее утонченным и невидимым. Более того, как уже сказано, оно может восприниматься людьми и как высшее проявление их свободы.

Т. Качинский усматривает некоторые очень важные, но невидимые для внешнего наблюдения социальные феномены. Характерным для современного общества является, в частности, феномен, который он обозначил термином «хитрый трюк системы». Так он называет тот факт, что все протестные, в первую очередь «левые» движения полезны для укрепления системы, поскольку способствуют устранению ее мелких недостатков, совершенствуют ее в деталях и тем самым укрепляют ее как целое. Левые движения мотивированы и стремятся к уничтожению системы, как таковой, но в результате этого, наоборот, укрепляют ее, благодаря своей критике совершенствуя ее отдельные механизмы. Поэтому совершенно не удивительно, что левые движения не только не подавляются системой, хотя сделать это было бы совсем не трудно, но фактически стимулируются и поддерживаются ею, особенно в интеллектуальной и университетской среде.

Вторым аспектом анализа Т. Качинского, имеющим большое значение, является его точная характеристика самого «левацкого мышления» как экзистенциального феномена: он рассматривает его как крайнее проявление инфантилизма, индивидуализма и неспособности к свободе. Вопреки мнению «леваков» о самих себе как о «борцах за свободу» Качинский убедительно показывает, что эта идеология опирается на самый примитивный экзистенциальный тип человека, характеризующаяся глубоким инфантилизмом и неспособностью к самостоятельному мышлению и самостоятельной деятельности. Поэтому «левацтво» им рассматривается как прямое порождение современной цивилизации, а не как ее альтернатива.

Наконец, еще одним важным аспектом его анализа является характеристика традиционной и даже первобытной цивилизации: тот мифический «дикарь», который всегда рассматривался в западной мысли как некая изначальная модель человека, у Качинского, приобретают вполне конкретные черты на основе научных исследований антропологов современности. В этом отношении можно сказать, что «дикарь» и первобытная цивилизация у Качинского впервые становятся определенным философским концептом с глубоким научным обоснованием и утрачивают характер мифологемы, становясь инструментом социального анализа. «Дикарь», первобытный человек, рассматривается здесь не как идеал, а как наиболее естественная форма человеческого существования, по сравнению с которой все более поздние являются лишь отклонениями от нее, причем отклонениями в первую очередь деструктивного характера. Тем самым и понятие «прогресса», отождествляемого с технологическим прогрессом, полностью разрушается. Качинский показывает, что само это понятие ложно по существу и более того – сознательно создано для того, чтобы манипулировать сознанием людей, поработать их технологическому процессу и лишать естественной свободы.

Интересно также сопоставить концепцию Т. Качинского с европейскими радикальными «правыми» концепциями критики цивилизации. Хотя для поверхностного взгляда критика Качинского может быть похожа на критику Маркузе и внешне сблизиться с некоторыми элементами левой идеологии, однако основания ее, наоборот, глубоко традиционалистские, поскольку она опирается не на концепцию прогресса, а на концепцию порчи человека и его неуклонного порабощения цивилизацией. В этом отношении концепция Качинского весьма близка к концепциям немецких традиционалистов и метафизиков, в том числе М. Хайдеггера и Э. Юнгера. Если Хайдеггер рассматривает технику как «судьбу бытия», которая состоит в «поставе» (Gestell) наличного сущего как объективного обстоятельства человека, и с этим ничего невозможно поделать, то у Т. Качинского, этот процесс трактуется как рукотворный, который можно обернуть вспять.

Как уже было сказано, в практическом смысле это реализуемо только на уровне индивидуальной жизни, в социальном смысле это утопия, поскольку механизмы развития

технологий давно уже стали автономными и анонимными – им невозможно противостоять никакой организованной стратегией, поскольку теперь любая стратегия основана на этих самых механизмах, которые она уже как собственное основание уничтожить не может. Мудрый М. Хайдеггер назвал это «судьбой бытия» и определил его метафизическую структуру («постав»). Но Качинский мыслит по-ковбойски прямо и наивно и в этом смысле, как ни парадоксально, более продуктивно: для него все рукотворное как созданное человеком может быть и ликвидировано. Это справедливо по отношению к индивидуальному человеку, но несправедливо по отношению к обществу, так как там действуют свои автономные механизмы. Концепцию Качинского тем самым следует рассматривать как ценный интеллектуальный эксперимент анализа современного общества и интеллектуальный инструмент индивидуального освобождения человека в секулярном обществе.

В качестве параллели идеям Т. Качинского можно привести и знаменитую философу Э. Юнгера «уход в лес». Юнгер писал: «Кажется, что автоматизм играючи переламывает остатки свободной воли и что угнетение становится непроницаемым и всеобъемлющим, как стихия. Побег доступен лишь немногим счастливым и приводит обычно к худшему... Есть еще узкие проходы, горные тропы, открытые только тем, кто поднялся высоко. Перед нами новая концепция власти, в ее самой сильной и беспримесной концентрации. Чтобы выстоять перед ней, нужна новая концепция свободы, которая не может иметь ничего общего с теми поблекшими представлениями, что до сих пор были связаны с этим словом» [46, с. 35–36]. Фактически и Качинский, и Юнгер воспроизводят ту модель социального и культурного эскапизма, которая впервые в развернутом виде была апробирована Генри Торо, который действительно в самом буквальном смысле слова ушел в лес и реализовал модель лесного, эскапистского мышления. В России XX века этому типу весьма близок был подпольный «лесной» мыслитель М. Пришвин.

Кроме того, Юнгер и Хайдеггер усматривали возможность сохранения свободы человека в его включенности в соборное культурное сознание всех эпох: хотя социально человек подчинен технологиям, но человек не является только социальным существом. Человек в первую очередь существо духовное, наделенное бессмертной душой, и эта бессмертная душа в любую эпоху подвергается давлению и искушению внешнего, социального мира. Поэтому усиление технологического рабства в нашу эпоху не является чем-то радикально новым, и противостояние ему тоже требует не радикально новых способов действия, а, наоборот, актуализации старых и давно апробированных.

Как и М. Хайдеггер, Э. Юнгер усматривает в числе истоков смыслового развития личности погружение в глубины смыслов естественного языка. В отличие от так называемой аналитической философии, для которой язык является просто пустым инструментом, для традиционалистского мышления, язык – это сокровищница всех человеческих смыслов, в том числе сакральных. «К великим событиям, – писал Э. Юнгер, – относится поворот философии от научного познания к языку; это приводит дух в тесное соприкосновение с прафеноменом. Это важнее, чем все открытия физики. Мыслитель вступает в область, в которой, наконец, вновь становится возможным его союз не только с теологом, но и с поэтом» [46, с. 143].

Подводя общий итог проведенному анализу нашей темы, следует сделать два общих вывода. Первый касается специфики американской культуры: мотив эскапизма как основы возвращения к сакральным основаниям бытия и развития внутреннего духовного опыта – это одна из внутренних моделей американской культуры, которая проявляется как в художественной литературе, так и в социальных и политических доктринах. Эта модель находится в конфликте с господствующей идеологией так называемой американской мечты, то есть исключительно материальной социальной самореализации. Однако следует также признать, что обе эти модели взаимозависимы, они порождают друг друга.

Эскапистское, подвижническое движение, противостояние секуляризации и потребительскому обществу для американской культуры так же изначально и естественно, как и «американская мечта» внешней социальной самореализации.

Второй вывод касается параллелей с русской культурой. Действительно, в русской культуре мотив духовного подвига тоже связан с акцентированием эскапизма – бегства от общества в индивидуальный духовный путь. Эта общность определяется тем, что аналогом «американской мечты» в России всегда был процесс вестернизации и секуляризации по западному образцу. Для США это было не внешним влиянием, а внутренним состоянием, которое определяло развитие общества с самого его возникновения. В России же дистанцирование от секулярного общества всегда ассоциировалось также с дистанцированием от Запада как такового, который его символизировал и откуда этот тип общества пришел. В этом разница между Россией и США.

Но еще более фундаментальная разница состоит в различии религиозных традиций. В России эскапизм всегда связан с возвращением к аутентичному христианству, Православию. В США же такой духовный и социальный эскапизм, как правило, не приводит к укоренению в местной религиозной протестантской традиции, но движется либо к индивидуальной религиозности, как у Г. Торо, имеющей синкретический характер, включающий в себя восточное влияние, либо к экзотической религиозности и прямому обращению к восточным традициям, как это было у Дж. Керуака и других битников и шестидесятников.

Однако в любом случае эта общность имеет место: она, с одной стороны, позволяет нам лучше оценить американскую культуру как во многом родственную русской по своим движущим мотивам, а с другой стороны, и лучше понять достоинство русской культуры, которая несет в себе ту фундаментальную христианскую традицию, из которой не следует выходить, а к которой следует только возвращаться. Аналогия с США здесь тоже уместна, ибо она показывает то, что есть только в России, и то, чего нет у других.

Литература

1. *Адамова Н.Э.* Преодоление кризиса идентичности в сочинениях английских эмигрантов // Вестник Санкт-Петербургского ун-та: Научно-теоретический журнал. Серия 2: История. 2015. Вып. 1. С. 29–34.
2. *Адамс Г.* Воспитание Генри Адамса / пер. с англ. М.: Прогресс, 1988. 752 с.
3. *Алексеева Г.В.* Американские диалоги Льва Толстого (по материалам личной библиотеки Л.Н. Толстого). Тула: Изд. дом «Ясная Поляна», 2010. 256 с.
4. *Баталов Э.Я.* Социальная утопия и утопическое сознание в США. М.: Наука, 1982. 336 с.
5. *Бейлин Б.* Идеологические истоки Американской революции / пер. с англ. М.: Новое изд-во, 2010. 308 с.
6. *Белькович Р.Ю.* Анархо-индивидуализм в политико-правовой мысли США XIX – нач. XX века: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2009. 24 с.
7. *Белькович Р.Ю.* Предисловие // Рожденные контрреволюцией: Американский консерватизм / сост. Р.Ю. Белькович. СПб.: Владимир Даль, 2025. С. 3–70.
8. *Боррадори Дж.* Американский философ: Беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлем, МакИнтайром, Куном. 2-е изд., перераб. / пер. с англ. М.: Дом интеллектуальной книги; Гнозис, 1999. 208 с.
9. Бунт или нечто большее? Почему американцы массово переходят в православие [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20250624/church-2024903608.html>
10. *Галинская И.Л.* Загадки известных книг. М.: Наука, 1986. 128 с.
11. *Гуринская Я.Д.* Особенности художественного воплощения феномена эскапизма на примере романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Студенческая наука – инновационный потенциал будущего: сб. науч. ст. Международного форума студенческой науки. Минск: БГПУ, 2020. С. 38–42.
12. *Гусейнов А.Ш.* Специфика эскапизма в контексте протестной активности личности // Человек. Сообщество. Управление. 2013. № 3. С. 20–33.
13. *Давыдов Ю.Н., Роднянская И.Б.* Социология контркультуры: Инфантилизм как тип мирозерцания и социальная болезнь: Критический анализ. М.: Наука, 1980. 264 с.
14. *Джордж Г.* Общественные задачи / предисл. Л.Н. Толстого. М.: Посредник, 1907. VIII, 279 с.
15. *Илюшина М.* «Духовное убежище»: Семьи из западных стран устремляются в Россию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dzen.ru/a/aQsb1ckRk23LLME>
16. *Каримский А.М.* Революция 1776 года и становление американской философии. М.: Мысль, 1976. 296 с.
17. *Качинский Т.* Антитехнологическая революция: как и зачем. М.: Опустошитель, 2025. 388 с.

18. Качинский Т. Индустриальное общество и его будущее. М.: Опустошитель, 2023. 180 с.
19. Качинский Т. Технологическое рабство. М.: Тотенбург, 2025. 484 с.
20. Керуак Дж. Бродяги Дхармы. М.: АСТ, 2021. 288 с.
21. Керуак Дж. Основы спонтанной прозы / пер. с англ. Новосибирск: Напрасный труд, 2018. 76 с.
22. Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на православном Востоке / К.Н. Леонтьев // Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза. М.: Республика, 1996. С. 534–566.
23. Литинская Д.Г. Экзистенциальный эскапизм как социокультурный феномен современного общества: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2012. 24 с.
24. Мяло К.Г. Под знаменем бунта: Очерки по истории и психологии молодежного протеста 1950-1970-х годов. М.: Мол. гвардия, 1985. 287 с.
25. Осипова Э.Ф. Маргарет Фуллер и трансценденталисты // Вестник СПбГУ. Серия 9. 2012. Вып. 2. С. 68–74.
26. Осипова Э.Ф. «Смотритель ливней и снежных бурь...» (к 200-летию Генри Торо) // Литература двух Америк: историко-литературный журнал (К 100-летию русской революции специальный выпуск). 2017. № 3. С. 459–473.
27. Осипова Э.Ф. Сэлинджер, Достоевский и восточно-христианская традиция // Литература двух Америк. 2018. № 4. С. 184–194.
28. Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли: Америкаская литература со времени ее возникновения до 1920 г.: в 3 т. / пер. с англ. Т. 2. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 542 с.
29. Покровский Н.Е. Генри Торо. М.: Мысль, 1983. 188 с.
30. Покровский Н.Е. Ральф Уолдо Эмерсон: В поисках своей Вселенной. Конкорд: Центр американских исследований в Конкорде. 1995. 374 с.
31. Покровский Н.Е. Ранняя американская философия. Пуританизм. М.: Высш. шк., 1989. 246 с.
32. Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург [Из ранних редакций] / А.С. Пушкин // Полн. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Т. 7. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1978. С. 429–457.
33. Согарин В.В. Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX века. М.: Наука, 1995. 238 с.
34. Султанова М.А. Философия контркультуры Теодора Роззак (очерк филос. публицистики). М.: ИФРАН, 2009. 175 с.
35. Токвиль, Алексис де. Демократия в Америке / пер. с фр. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
36. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 52: Дневники и записные книжки: 1891–1894. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1952. 423 с.
37. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 54: Дневники и записные книжки: 1900–1903. М.: Худож. лит., 1935. 752 с.
38. Торо Г. О гражданском неповиновении. М.: АСТ, 2023. 192 с.
39. Торо Г.Д. Уолден, или Жизнь в лесу. 2-е изд. М.: Наука, 1979. 455 с.
40. Труфанова Е.О. Эскапизм: бегство в поисках смысла // Психология и психотехника. 2014. № 6. С. 597–608.
41. Труфанова Е.О. Эскапизм и эскапистское сознание: к определению понятий // Философия и культура. 2012. № 3. С. 96–107.
42. Фёгелин Э. Наука, политика и гностицизм // Рожденные контрреволюцией: Американский консерватизм / сост. Р.Ю. Белькович. СПб.: Владимир Даль, 2025. С. 3–70.
43. Эмерсон Р.У. Дела и дни // Складчина: Литературный сборник составленный из трудов русских литераторовъ въ пользу пострадавшихъ отъ голода въ Самарской губерніи. СПб., 1874. С. 5–22.
44. Эмерсон Р. Нравственная философия. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2001. 384 с.
45. Эмерсон Р. Сверхдуша // Вестник теософии. 2015. № 13. С. 2–7.
46. Юнгер Э. Уход в Лес / пер. с нем. М., 2014. 148 с.
47. Nock A.J. Our Enemy, the State. New York: William Morrow & Company, 1935. 232 p.
48. Voegelin E. Gnostic Politics (1952) // E. Voegelin. The Collected Works. Vol. 10. Published Essays 1940–1952. Columbia: University of Missouri Press, 2000. P. 223–240.
49. Voegelin E. From Enlightenment to Revolution. Durham (N.C.): Duke University Press, 1975. 328 p.
50. Young W.L. Escapism in literature and life [Электронный ресурс] // Neohelicon. 1976. Vol. 4. P. 377–380. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/BF02029240>

Аннотация. В статье рассматриваются созвучия американской и русской культуры в области моделей духовного возрождения. В обеих культурах мотив духовного подвига часто связан с акцентированием позитивного эскапизма – бегства от общества в индивидуальный духовный путь. Эта общность определяется тем, что аналогом «американской мечты» в России всегда был процесс вестернизации и секуляризации по западному образцу – и он также вызывал отторжение у людей с более тонкой душевной организацией. Для США это было не внешним влиянием, а внутренним состоянием, которое определяло развитие общества с самого его возникновения. В России же дистанцирование от секулярного общества всегда ассоциировалось также с дистанцированием от Запада как такового, который его символизировал. То, что в США порождало сначала трансцендентализм, а затем неконформизм XX века, в России порождало русское православное возрождение.

Ключевые слова: Россия, США, культура, эскапизм, духовный подвиг.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Поступила в редакцию 20 октября 2025. Принята к печати 24 октября 2025.

Vitaly Yu. Darensky, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Journalism, V. Dahl Lugansk State University. E-mail: darenski1972@rambler.ru

Escapism as American “Philosophy of Freedom”: from Thoreau to Unabomber

Abstract. The article examines the consonance of American and Russian culture in the field of spiritual revival models. In both American and Russian cultures the motive of spiritual achievement is often associated with the emphasis on positive escapism – escape from society into individual spiritual path. This similarity is determined by the fact that the analogue of the “American dream” in Russia has always been the process of Westernization and secularization according to the Western model – and it also caused rejection among the people with more subtle mental organization. For the United States, this was not external influence, but the internal state, which determined the development of society from its very beginning. In Russia, distancing oneself from secular society was always associated with distancing from the West itself, which symbolized it. What first gave rise to transcendentalism and then to nonconformism in the twentieth century in the United States, in Russia gave rise to the Orthodox Revival.

Keywords: Russia, USA, Culture, Escapism, Spiritual Achievement.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Received: October 18, 2025. Accepted: October 23, 2025

© Виталий Даренский, 2025

Трампизм как политическое явление. Идеология национал-максимализма и борьба за величие наций

Истоки и суть идеологии трампизма

Повторный приход в Белый дом Дональда Трампа оказался полной неожиданностью для глобалистов, чьи интересы выражает большая часть Демократической партии и часть неоконсерваторов в лагере республиканцев. Несмотря на два покушения и беспрецедентную диффамационную кампанию, развернутую в американских левых и либеральных СМИ, а также в странах Европы, Трампу удалось прорвать оборону идеологических противников и триумфатором войти в Белый дом.

Если в первый президентский срок его избрание большинством политологов воспринималось как некий сбой системы, то переизбрание Трампа заставило уже всерьез анализировать его феномен, пытаясь определить идеологемы и политические векторы. В настоящей статье авторы пытаются расшифровать определение идеологии Трампа и дать оценку первого года его пребывания у власти на втором президентском сроке. В качестве определения набора политий и идеологием Д. Трампа нами взят термин «национал-максимализм».

Национал-максимализм – идеология, ставящая во главу угла абсолютный приоритет национальных интересов, суверенитета и культурной идентичности. Ее ключевой лозунг – возвращение «утраченного величия» через отказ от глобалистских проектов, усиление границ и акцент на традиционные ценности, а также безусловное продвижение внешнеполитической повестки, зачастую не принимая во внимание интересы других государств¹.

Степень изученности проблемы

Сразу после прихода Дональда Трампа в Белый дом в 2017 году и тем более после его драматичной предвыборной кампании 2024 года и победы на выборах вышло большое число статей, были написаны целые книги, посвященные его феномену. К сожалению, подавляющее их число написаны его идеологическими противниками, в которых феномен трампизма представляется либо в алармистском ключе, либо его значимость и

¹ Не так давно госсекретарь Марко Рубио заявил, что сферой национальных интересов США является весь мир [6а].

Камкин Александр Константинович, кандидат философских наук, доцент Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: alexander.kamkin@yahoo.com

Сигачёв Максим Игоревич, кандидат политических наук, научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук. E-mail: maxsig@mail.ru

уникальность минимизируются. Так, Мими Янг в своей статье «Стена Трампа¹: культурная стена и культурная война» прямо проводит тезис, что Трамп ведет войну против либеральных ценностей, что приводит к расколу американского общества [21, р. 97]. Другой критично настроенный к Трампу исследователь, Линдси Ройс, в своей статье называет политику Трампа национал-реваншизмом, проводя аналогии с реваншизмом Франции после поражения в 1871 году. Политика Трампа считается им американской формой реваншизма: «Трампизм можно рассматривать как разновидность этой идеологии для белых американцев» [19, р. 56].

Богдан-Джодже Радулеску в статье “The Pathologies of Trumpism: A Study in Authoritarian Ideological Sources” в свою очередь проводит мысль о том, что «Трампизм – это не просто популистское отклонение, а постмодернистский идеологический коктейль, состоящий из синкретичных, противоречивых и изменчивых фрагментов» [18, р. 91]. Тем самым он считает трампизм случайным набором политических лозунгов, акторов и политий.

При этом, однако, Радулеску приводит в своей статье основательный анализ основных идеологов трампизма из команды американского президента – Рассела Воута² и Майкла Антона³. Автор статьи называет их центральными фигурами в идеологической плеяде трампистов, «которых нельзя свести к простым внешним комментаторам или абстрактным теоретикам, но которые на самом деле глубоко вовлечены в институциональную структуру администрации Трампа» [18, р. 94]. Кроме того, Радулеску приводит цепочку связей этих идеологов с Рупертом Мердоком, Кондолизой Райс, топ-менеджментом корпорации “Black Rock” и пр. [18, р. 96]. Это очень важный момент в понимании структуры и схем принятия решений в нынешней администрации США. Пытаясь выставить Трампа в негативном свете, его критики порой раскрывают реальные связи команды американского президента с центрами принятия стратегических решений.

Другой исследователь трампизма, Маркус Котцур, в своей статье “Europe’s quest for strategic autonomy in response to Trumpism” приходит к выводу, что «после первого президентства Дональда Трампа европейские лидеры совершили ошибку, посчитав его временным явлением» [16]. Объективности ради стоит отметить, что при первом сроке Трампа «трампизм» не был столь идеологически или стратегически силен, как в период его второй каденции.

Группа американских культурологов (Брэбзон, Редхэд, Чиваура), выпустившая в 2019 году книгу “Trump studies: an intellectual guide to why citizens vote against their interests”, рассматривает трампизм в свете учения Жана Бодрийяра о симулякрах. Они выдвигают тезис, что «трансформация популярной культуры под влиянием новых информационных

¹ Имеется в виду анонсированное в первый срок Д. Трампа строительство стены на границе с Мексикой.

² Рассел Тарлоу Воут – функционер Республиканской партии, директор Административно-бюджетного управления (2019–2021, с 2025). В 2025 году также назначен исполняющим обязанности директора Бюро финансовой защиты потребителя.

³ Майкл Антон – консервативный эссеист, спичрайтер и бывший руководитель частного акционерного капитала, должностное лицо по вопросам национальной безопасности в первой администрации Трампа. В декабре 2024 года избранный президент Трамп номинировал Антона на должность директора планирования политики в Государственном департаменте США. Является ключевым автором последней редакции Стратегии национальной безопасности США. В первой администрации Президента Трампа Антон занимал должность заместителя помощника Президента и заместителя советника по национальной безопасности по стратегическим коммуникациям в аппарате Совета национальной безопасности в Белом доме. До работы с Трампом он был спичрайтером Руперта Мердока, Рудольфа Джулиани и Кондолизы Райс, а также работал директором по коммуникациям в инвестиционном банке “Citigroup” и управляющим директором инвестиционной компании “Black Rock”.

технологий в виде социальных сетей как никогда повысила роль симулякров в современной политике и тем самым создала базу для трампизма» [15, р. 33–35]. Нам такое видение представляется несколько однобоким. Суть трампизма заключается в геополитике и геоэкономике, но механизм роста популярности Трампа и его идеологии авторами раскрыт в принципе верно. Вторичное упрощение в политике, говоря языком Константина Леонтьева, дало нам торжество соцсетей как «единого источника правды», который для обывателя подменяет серьезную аналитику.

Относительно взвешенно феномен трампизма оценивает американский исследователь Лэнгмэн в своем эссе “Donald Trump: morbid symptom of the interregnum Trump as trope”. Он пишет, что избрание Трампа в 2016 году было связано не столько с экономическими проблемами, сколько с его уникальной способностью мобилизовать три базовых элемента Республиканской партии, а именно представителей бизнес-элиты, христиан-евангелистов и белых националистов. По мнению Лэнгмэна, Трамп учитывал авторитарный характер мышления этих социальных групп, «боязнь потери привилегированного положения из-за расы, религии и/или пола, презрение к мигрантам, страх перед “закатом” нации, а также чувство враждебности к коррумпированной элите» [17, р. 124].

Следует отметить, что некоторые научные работы, посвященные анализу трампизма как идеологии, крайне предвзято оценивают роль президента США. Так, два пакистанских исследователя, Амна Рахим и Кашиф али Замин, проводят в своей статье “The World on Fire: The Role of Trumpism in Global Conflict” тезис, что именно политика Трапа в его первый президентский срок спровоцировала Россию начать СВО в 2022 году, якобы убедив российское руководство в расколе Запада и его неспособности занять консолидированную позицию [13, р. 578].

Нельзя пройти также мимо восторженных поклонников Трампа и его концепции. В этой связи мы считаем резонным упомянуть книгу Константина фон Хофмайстера «Эзотерический трампизм», в которой автор, используя понятийный аппарат и стилистику немецкого философа Освальда Шпенглера, дает свое видение трампизма как аналога аристократического цезаризма – системы государственного управления, призванной стать последней надеждой умирающей Европы.

Так, Константин фон Хофмайстер пишет о причинах, почему многие американцы связали свои надежды с Трампом и трампизмом: «Многие американцы понимают, что их нация ходит под ярмом нескольких корпоративных организаций и влиятельных магнатов» [10, с. 42]. Автор критикует искажение американских законов, служащих узкой группе лиц (имея в виду репрессии против штурмовавших Капитолий), говоря, что «последние законодательные меры напоминают... драконовские меры... тропических регионов» [10, с. 42–43]. После анализа глубины кризиса американского общества фон Хофмайстер восторженно приветствует духовное возрождение США: «Среди этих потрясений поднимаются решительные и недрогнувшие приверженцы Великой старой партии. Их поборник Трамп олицетворяет их коллективный дух... Они стремятся не только к политической победе, но и к источнику жизненной силы своей нации» [10, с. 43]. Такая полярная точка зрения распространена среди трампистов в Европе и отчасти в России, они смотрят на Трампа как на носителя традиционных ценностей, решительно борющегося с либеральным вашингтонским болотом. Но так ли это? В рамках данной статьи мы попробуем ответить на этот вопрос.

Зарождение в США трампизма как идеологии

Дональд Трамп, избранный президентом США в 2016 году, превратил лозунг MAGA (“Make America Great Again”) в символ своей консервативной революции. Его риторика апеллировала к ностальгии по эпохе промышленного доминирования США, критике «несправедливых»

торговых соглашений (существовавшая до 2018 года НАФТА) и борьбе с нелегальной иммиграцией. Трамизм стал реакцией на страх «потери идентичности» белого большинства, рост экономического неравенства и недовольство политическим истеблишментом.

С.Н. Шкель справедливо замечает, что «для науки Трамп интересен... как социальный феномен, анализ которого позволяет понять суть перемен в современном политическом мире» [11, с. 323]. Другой исследователь трамизма, Л. Соколыцкий, назвал радикализм частью нового американского политического дискурса [9].

Если в 2016 году Трамп шел на выборы как своего рода бунтарь против сложившейся системы, а его призывы сделать Америку снова великой воспринимались довольно скептически, то инициатива Трампа в 2025 году – экспансия во имя «величия Америки», – которую он выдвинул в союзе с технологической бизнес-элитой страны – Маском, Тилем, Бэзосом и др., уже представляла собой оформленное политическое течение, направленное в том числе на внешнюю аудиторию – консервативно и евроскептически настроенные политические силы в Европе.

Блестящая речь Джей Ди Вэнса на Мюнхенской конференции 2025 года, когда он подверг жесткой критике европейские политические элиты глобалистов за их преследование инакомыслящих, недопуск к выборам оппозиционных кандидатов, нарушение свободы слова и пр., заставило не только воспринимать трамизм всерьез, но и послужило стимулом для некоторой части российской консервативно настроенной аудитории воспринимать Трампа как идеологического союзника России как страны-цивилизации. Александр Дугин в своих статьях, посвященных возвращению Трампа в Белый дом, прямо говорил, что консерваторы в России надеялись на победу Трампа и ждали ее [3].

Возвращение Дональда Трампа в Белый дом 20 января 2025 года ознаменовалось радикальным усилением курса национал-максимализма. Воплощая лозунг MAGA 2.0, администрация Трампа объявила о ряде геополитических инициатив, направленных на расширение американского влияния и контроля над стратегическими территориями. Эти шаги, сочетающие экономическое давление, дипломатическую агрессию и популистскую риторику, вызвали шок как среди союзников США, так и в международном сообществе и заставили многих пересмотреть свое отношение к феномену трамизма.

Геополитические аспекты трамизма

Среди геополитических и геоэкономических шагов администрации Трампа за первый год его второго президентского срока следует выделить следующие.

1. Гренландия: «ледяной алмаз» в короне Америки

Еще в 2019 году Трамп выражал желание купить Гренландию у Дании, называя ее «большой недвижимой сделкой». В 2025 году эта идея переросла в открытую кампанию по «добровольному присоединению» острова к США. Среди методов давления администрация Трампа использовала следующие:

– санкции против работающих в Гренландии датских компаний под предлогом «нарушения экологических стандартов»;

– пропаганда через прокси-СМИ о «преимуществах американского гражданства» для гренландцев, чьи потребности, по словам Трампа, «игнорируются датскими колонизаторами»;

– военные учения США и НАТО у берегов Гренландии, подчеркивающие стратегическую важность острова для ПВО и контроля над Арктикой;

– демонстративные визиты американских политиков на остров (Трамп-младший, Джей Ди Вэнс и пр.), призванные подчеркнуть де-факто принадлежность острова к американскому большому пространству.

Реакция среди мейнстримных европейских политиков была крайне громкой и негативной. Дания и ЕС осудили действия США как неокOLONиализм. Китай и Россия призвали к экстренному заседанию Совбеза ООН, но вето США заблокировало резолюцию. Ряд европейских государств демонстративно направили символические военные контингенты на остров (11 солдат Бундесвера, 2 военнослужащих Нидерландов, 1 офицер из Финляндии). Однако ключевым политическим игроком, заставившим Трампа если не остановиться, то изменить тактику, стал Генеральный секретарь НАТО Марк Рютте, пожалуй, самый недооцененный и одновременно самый изворотливый политик в ЕС. На сегодняшний день вопрос Гренландии заморожен и отложен, но не снят с повестки.

2. Канада: «естественное расширение» или аннексия?

Идея интеграции Канады в состав США, исторически продвигаемая маргинальными группами, неожиданно стала частью официальной риторики Трампа. В феврале 2025 года он заявил, что Канада – ближайший друг США, но друзья должны делиться. Фактически это был намек на возможное поглощение Канады, который привел в ярость европейский (прежде всего британский) политический истеблишмент.

Администрацией Трампа был разработан план действий по интеграции Канады в единое североамериканское большое пространство, который включал следующие пункты:

- давление через USMCA (Соглашение между США, Мексикой и Канадой);
- требования о «гармонизации» энергетической и оборонной политики под предлогом «борьбы с кибератаками»;
- поддержка сепаратистских движений в Альберте и Квебеке, где антиоттавские настроения усилились из-за экономического спада последних лет;
- кибератаки на критическую инфраструктуру Канады, которые Белый дом назвал «предупреждением о уязвимости без американской защиты».

Ответом Канады стало заявление премьер-министра страны Джонатана Уилкинсона (либерал, избранный в 2024 году), в котором он назвал действия Трампа «недопустимым вмешательством», объявил о выходе из USMCA и обратился за поддержкой к ЕС. При этом Китай пообещал Канаде инвестиции в обмен на доступ к ресурсам.

Основной идеей Трампа в случае Гренландии и Канады является контроль над арктическим сектором и над Северо-Западным проходом, который в условиях постепенного таяния льдов позволяет осуществлять судоходство между Атлантикой и Тихим океаном. Это своего рода Северный морской путь Западного полушария. Помимо этого Арктика – это одна из последних нераспечатанных кладовых природных ресурсов, а одна из сверхзадач Трампа – сделать США державой, контролирующей большинство природных ресурсов планеты (критически важно для нового индустриального уклада, который потребует огромных энергетических ресурсов для новых видов вооружений и центров обработки данных для искусственного интеллекта).

3. Панамский канал: стремление вернуть под контроль США

Потеря контроля над Панамским каналом, переданным Панаме в 1999 году, давно раздражал американских национал-максималистов. В марте 2025 года Трамп заявил, что только США в состоянии гарантировать безопасность Панамского канала и объявил о пересмотре договора 1977 года.

В целях давления на правительство Панамы у ее берегов под предлогом «борьбы с наркотрафиком» были развернуты ВМС США. Также Панаме был выставлен ультиматум, который содержал требование о передаче управления каналом США на 99 лет, в противном случае Трамп грозил полной блокадой экономики. В качестве мягкого инструмента воздействия администрация Трампа обещала списать Панаме долги в обмен на уступки.

В результате Панама обратилась в Международный суд ООН. Китай и Россия направили военные корабли в регион, что повысило риск прямого столкновения. Мировые цены на нефть выросли на 30% из-за угрозы перекрытия канала.

4. Венесуэла и попытка смены режима

В рамках заявленной новой доктрины Монро (доктрина Донро, как ее полшутя называют в СМИ) Трамп осуществил, пожалуй, беспрецедентный шаг в новейшей истории. Под предлогом борьбы с наркотрафиком из Латинской Америки и требованиями в адрес Мадуро уйти в отставку США развернули морскую блокаду Венесуэлы, пиратские захваты танкеров с венесуэльской нефтью, апофеозом же военно-дипломатического давления на данную страну стала спецоперация американского спецназа по похищению президента Венесуэлы Николаса Мадуро и его супруги. Обоих вывезли на территорию США, бросили в тюрьму, в настоящее время идет судебный процесс против законно избранного президента Венесуэлы. В свою очередь администрация Трампа выступила с инициативой снять часть санкций с этой латиноамериканской страны, если ее правительство начнет проводить комплиментарную США и их нефтяным компаниям политику, прежде всего отдаляясь от России, Китая и Ирана.

5. Иран: поддержка протестов, военная интервенция, дипломатическое давление

Другим регионом, где национал-максимализм Трампа получил широкое распространение, стал Ближний Восток. Под нажимом израильского лобби в США летом 2025 года США участвовали в ударах по ядерным объектам Ирана, требуя, чтобы Иран отказался от своей ракетной и ядерной программ. В течение последующих месяцев последовали дипломатические качели, в ходе которых США последовательно то усиливали, то ослабляли давление на Исламскую Республику, используя масштабные протесты в стране, инициированные и управляемые в том числе извне. В настоящее время США и Иран вновь стоят на грани вооруженного столкновения, причем Трамп, по сути, загнал себя в безвыходную ситуацию. Не ударить по Ирану он не может, поскольку это будет имиджевым ударом, а масштабный удар по ИРИ может привести к взрывному росту цен на нефть, что приведет к росту цен на топливо в самих США до уровня 2023 года, что в свою очередь может окончательно добить рейтинг Трампа и Республиканской партии.

Международная реакция на действия Трампа и последствия их на мировой арене

В качестве ответа на жесткие силовые действия американской администрации наметилось размежевание в НАТО. Европейские союзники, включая Германию и Францию, отказались поддержать инициативы Трампа. Генсек НАТО заявил о «кризисе доверия», а Польша и Венгрия неожиданно выступили за право сильных наций защищать свои интересы. В этих условиях началось формирование условного антиамериканского блока, включающего в себя Китай, Россию, Иран и Турцию. Понимая, что одна из целей Трампа – разрушение альянса России и Китая, обе стороны усилили военно-техническое и экономическое взаимодействие, увеличив военную помощь Ирану на случай повторения военной агрессии США.

Силовые действия или их анонсирование со стороны США, в том числе отказ продлевать договор СНВ-3, подтолкнули некоторые государства к открытым дискуссиям о возможности создания своего ядерного оружия как последнего аргумента в споре с державой-гегемоном. Параллельно в качестве аргумента упоминалась и русская угроза (в случае Германии и Польши). К середине 2025 года, особенно после встречи В.В. Путина и Д. Трампа в Анкоридже, многие системные политики в ЕС даже говорили об альянсе США и России по удушению Европы.

Внутриполитический раскол в США: демократы обвинили Трампа в «измене принципам демократии», начав процедуру импичмента. Однако республиканский контроль над Конгрессом заблокировал ее. Митинги сторонников MAGA под лозунгом «Америка выше всех!» парализовали Вашингтон.

Новая эра имперского трампизма?

Экспансионистские инициативы Трампа в 2025 году стали логичным продолжением идеологии национал-максимализма, где национальное величие измеряется не экономическим ростом, а территориальным и геополитическим доминированием. Однако ставка на силу вместо диалога грозит превратить “*Pax Americana*” в эру перманентных конфликтов. Вопрос в том, сколько наций заплатят за нее цену.

Основные принципы трампизма

Исходя из вышесказанного, можно сформулировать ряд основных политических принципов трампизма.

1. Национализм и суверенитет

В рамках внутриамериканской повестки Трамп вывел США из Парижского климатического соглашения и ВОЗ, настаивая на приоритете американских интересов. Также были закрыты ряд глобальных неправительственных организаций и СМИ, обрабатывающих леволиберальную повестку, например USAID.

В самой Европе нашлось немало сторонников трампизма, в частности, Виктор Орбан в Венгрии стал еще активнее блокировать решения ЕС по квотам беженцев, а немецкая AfD вернулась к требованиям восстановления национальных валют вместо евро.

2. Протекционизм

Торговые войны Трампа с Китаем и ЕС, а также поддержка Brexit Фараджем отражают стремление к экономической автаркии. Европейские трамписты выступают против Трансатлантического торгового партнерства (ТТIP), на чем настаивала еще администрация Барака Обамы, видя в нем угрозу местным производителям.

3. Защита от массовой миграции как угрозы культурной идентичности

Строительство стены на границе с Мексикой и запрет на въезд из мусульманских стран (указ Трампа, принятый в 2017 году) стали символами борьбы с «чужими». По аналогии с политикой Трампа Венгрия при Орбане построила забор на границе с Сербией, а AfD в Германии требует депортации нелегальных мигрантов.

4. Традиционные ценности vs прогрессизм

Трамп поддерживал отмену права на аборт (отмена *Roe v. Wade*), а Виктор Орбан пропагандирует модель «традиционной семьи», ограничивая права ЛГБТ¹.

5. Критика элит и медиа

Риторика о «глубинном государстве» (*deep state*) в США и обвинения СМИ в «фейковых новостях» направлены на дискредитацию оппонентов. В Европе ЕС и мейнстримные партии изображаются как коррумпированные элиты, предавшие народ.

Идеологические треки трампизма

Трампизм как идеология и политическая практика реализуется нынешней американской администрацией по нескольким трекам. Выделим основные из них.

¹ Русское написание аббревиатуры из четырёх английских слов (*англ.* LGBT), применяемая для обозначения лиц, групп и сообществ нетрадиционных сексуальных ориентаций, для обозначения лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендерных людей. Пропаганда ЛГБТ на территории России запрещена с 02.12.2022 года.

Первый трек – изменение трактовки и подхода к защите прав человека. Госдепартамент США радикально меняет подход к правам человека. В 2025 году Госдеп утвердил новые инструкции для своих посольств. Теперь «нарушениями прав человека» считаются:

- борьба с ограничениями абортов;
- борьба с ограничениями гендерного перехода несовершеннолетних;
- государственное финансирование определенных медицинских практик;
- вопросы позитивной дискриминации;
- положения, касающиеся высказываний и речи.

Если раньше основной упор в отчетах о правах человека, которые ежегодно посольства и консульства США составляли по различным странам, делался на таких нарушениях, как пытки, физические преследования инакомыслящих, то при Трампе основной упор делается на идеологические и культурные аспекты, связанные с идентичностью и моральным обликом. Фактически помимо стратегии жесткой силы в виде политики силовой смены режимов Вашингтон теперь формирует собственный моральный кодекс и требует от других стран его безоговорочного принятия.

Второй трек – поддержка правых и суверенистских партий в Европе. Фундаментом этого трека была речь вице-президента Джей Ди Вэнса на конференции по безопасности в Мюнхене в феврале 2025 года. В ходе своего выступления он подверг критике власти ЕС за отсутствие демократии, преследование политических оппонентов, нарушение свободы слова. Впоследствии контакты представителей администрации Трампа с политиками-суверенистами стали значительно интенсивнее, а сами европейские сторонники Трампа даже сформировали неформальное движение MEGA (“Make Europe Great Again”), что является прямым отсылком к трамповской MAGA.

Среди ближайших европейских союзников Трампа следует выделить премьер-министра Венгрии Виктора Орбана с его концепцией нелиберальной демократии. Орбан укрепил власть через конституционную реформу 2011 года, получив возможность определять внутриполитическую повестку в стране. Его идея «Христианской Европы» противопоставляется либеральным ценностям ЕС.

В Германии основной протрамповской силой является «Альтернатива для Германии» (AfD). Основанная в 2013 году как евроскептическая партия сторонников возвращения к немецкой марке, AfD сместилась вправо, используя страх коренного населения перед исламизацией. Ее лидеры, такие как Алис Вайдель, требуют закрытия границ и выхода из зоны евро.

В Великобритании ценности трампизма разделяет Найджел Фарадж, лидер Партии независимости (UKIP). В последние годы Фарадж стал лицом кампании за выход из ЕС. Собственно Brexit (2016) рассматривается как победа национал-максимализма над глобализмом. Несмотря на ряд конфликтов с Трампом, Фарадж продолжает ассоциироваться как политик-трампист.

Третий трек – консолидация технологических визионеров и отраслей будущего (Маск, Тиль, Бэзос, Цукерберг). В рамках технологических лидеров бизнес-элиты происходят интуитивные поиски нового идеологического стержня – между технофашизмом и неофеодализмом. Интервью Питера Тили про антихриста и выступление Александра Карпа на экономическом форуме в Давосе наглядно показали идеологическую составляющую представителей индустрии будущего.

Четвертый трек – израильский подход. Министр войны Хэгсет, вице-президент Джей Ди Вэнс, сам Трамп – все они выступают за безоговорочную поддержку Израиля. По сути дела, Д. Трамп реализует в своей политике тотальной поддержки Израиля (перенос посольства США в Иерусалим, агрессия против Ирана, создание «Совета мира» по Газе и пр.) идею «Большого Израиля», о чем недавно прямо заявил посол США в Израиле.

Христианский сионизм трампистов сочетается с политическим сионизмом Нетаньяху – Смотрича.

Пятый трек – жесткий этатизм и примат государства над левым/правым уклоном. В качестве примера можно привести ввод Национальной гвардии в крупные города в начале 2025 года, работу депортационных рейдов, угрозы лишить Нью-Йорк госдотаций в случае победы Мамдани на выборах в 2025 году. Однако в итоге из-за судебной войны и саботажа губернаторов-демократов данный трек к концу 2025 года во многом сошел на нет и буквально захлебнулся в юридических баталиях.

Шестой трек – Украина. Что касается отношения Трампа к ситуации на Украине, то нужно понимать основополагающие различия в видении ситуации из Москвы и Вашингтона. Если для Трампа Украина актив, ресурс, для ястребов из Европы это прежде всего плацдарм для продолжения давления на Россию, то для Москвы этот конфликт прежде всего вопрос цивилизационного выживания. Условия мира (или скорее перемирия), предлагаемые Трампом, представляют собой именно условия последующей эксплуатации западными компаниями ресурсов на территории Украины при невмешательстве России. Условия в соответствии с духом Анкориджа для России унижительные и неприемлемые, при них Россия становится стратегически связанной по рукам и ногам, а США реализуют главную цель – под предлогом совместных экономических проектов Россия становится младшим партнером США и отходит от альянса с Китаем. Такое развитие событий может вызвать мощнейший внутривнутриполитический кризис в России и посеять взаимное недоверие между властью, армией и народом. Поэтому возлагать особые надежды на реализацию духа Анкориджа в средне- и долгосрочной перспективе не стоит.

Седьмой трек – экономический диктат и тарифные войны. Поскольку задачей Трампа является усиление позиций США по всем направлениям, в первую очередь в области экономики, тарифные войны стали характерной чертой трампизма. Идеологическим обоснованием для них Трамп и его единомышленники называют несправедливый перекося в торговых балансах в пользу ЕС, Китая и других торговых партнеров, что ведет к обнищанию среднего класса в США (основной электорат Трампа) и к сворачиванию производства в стране. Ключевая задача Трампа – возрождение промышленного потенциала и одновременно ослабление возможных конкурентов США. Тарифы во внешней торговле Трамп использует как инструмент политического давления. Стоит, однако, признать, что на этом треке у него много проблем, поскольку на протяжении 2025 года ему неоднократно приходилось смягчать свою позицию, кроме того, в самих США вокруг торговых тарифов в настоящее время тоже идет судебная война, которая грозит затянуться на многие месяцы и в итоге нивелировать усилия Трампа по этому направлению.

Будущее трампизма

В США трампизм остается доминирующей силой в Республиканской партии. Возвращение Трампа в 2025 году усилило конфронтацию с глобальными институтами. В Европе успех правых на выборах в Европарламент и дальнейший рост популярности евроскептиков и национал-патриотов может привести к созданию политического блока, требующего реформ Европейского Союза. Однако внутренние противоречия (например, между пророссийскими и проевропейскими фракциями в AfD) ограничивают их влияние [5, с. 221].

Опора Трампа на технофеодалов в виде Маска, Тилы и др. свидетельствует о его стремлении заложить долгие векторы своей политики, поскольку Трамп верит в технологическое лидерство США. Именно обеспечение этого лидерства на длительную перспективу

объясняет его стремление сделать США не только высокотехнологическим, но и энергетическим монополистом в мировом масштабе.

Для понимания философии трампизма важно понимать философию технологических феодалов, создавших не просто технологические империи, но целые экосистемы, включающие в себя аспекты геополитики, геоэкономики, культуры (или, точнее, культурной войны). Сочетание мягкой силы, жесткого силового воздействия и контроля над информационным пространством – это три кита нового мира, где корпорации нового технологического уклада являются не менее значимыми акторами в политике, чем привычные политические институты.

При этом в дискурсе о цивилизации сторонники трампизма и примкнувшие к ним интеллектуалы из Старого Света ведущую роль отводят именно США. Так, Дж. Фридман и М. Калдор в своей книге «Не по Клаузевицу. Особенности современной войны» прямо указывают, что США являются лидером западной цивилизации, которая в свою очередь включает в себя только протестантский и католический компоненты. Даже православной Греции, члену НАТО и ЕС, авторы не отводят места в западной цивилизации [12, с. 93]. Авторы выводят такую формулу цивилизации коллективного Запада: «Запад – это американские политические убеждения плюс западная культура... США и Европа должны сплотиться, как это было в период холодной войны» [12, с. 93]. Таким образом, трампизм в геополитике и в цивилизационной политике – это возврат к блоковому подходу, пусть и основанному на цивилизационной парадигме.

Для понимания технологической и индустриальной основ трампизма следует упомянуть книгу совладельцев известной компании “Palantyre” Александра Карпа и Николаса Замиски «Технологическая республика», в которой они обосновывают претензии США на мировое господство. Основная мысль авторов заключается в том, что искусственный интеллект (прежде всего в военной сфере) является атомной бомбой XXI века и именно США должны оставаться безусловным лидером в этой сфере. При этом Карп и Замиска весьма цинично рассуждают о том, что США должны получать плату от Европы и Японии за оборонный зонтик над этими регионами. Карп пишет: «Прочный мир существует лишь тогда, когда существует угроза реальной войны» [4, с. 49]. Требование к ЕС повысить оборонные расходы до 5% авторы также обосновывают тем, что США значительно больше тратят на оборону, чем европейские союзники. (Начиная примерно с 1960-х годов доля от ВВП на военные расходы у США в три раза выше, чем у Европы.) Авторы приводят весьма циничную мысль американского экономиста Томаса Шеллинга, работавшего еще в администрации Рейгана, относительно применения военной силы в мировом масштабе для продвижения политических интересов: «Чтобы насилие было действенным элементом принуждения, оно должно быть предсказуемым. Способность причинять боль – это козырь в переговорах. Использовать этот козырь – значит заниматься дипломатией» [4, с. 46].

Если добавить сказанное самим Карпом на Давосском экономическом форуме 2026 года, а также интервью Питера Тила об антихристе и его месте в новом мировом порядке, то вырисовывается жуткая картина новых темных веков в цифровом облинии. И это те люди, которые являются одним из столпов трампизма, наряду с сотрудниками ICE осуществляющими весьма жесткие антимиграционные рейды по американским городам. Поэтому трампизм – это гораздо более комплексное явление, чем его видят поклонники Трампа в Европе и России, с одной стороны, а также его идеологические противники из леволиберального лагеря – с другой. Трампизм не случайно появился на рубеже двух технологических и экономических укладов и знаменует собой также и смену политического уклада. Старая двухпартийная система в США, где у демократов и республиканцев был внешнеполитический консенсус, уходит в прошлое. Политическими реалиями становятся иные нарративы, очертания которых только начинают становиться понятными.

Заключение

Трампизм, воплощая национал-максимализм, стал ответом на вызовы глобализации, миграции и культурных трансформаций. Несмотря на различия между MAGA и MEGA, их объединяет стремление к ресакрализации национального государства. Однако баланс между защитой суверенитета и угрозой демократическим институтам остается главным вызовом для Запада в XXI веке.

По сути, трампизм, если отбросить вульгарное сведение этого феномена к расизму, национализму, фашизму и популизму, что любят делать противники Трампа из леволиберального лагеря, можно рассматривать как комбинацию внешне- и внутриполитических принципов и политий Трампа, которые включают в себя постоянный поиск ситуативных (экономически выгодных) союзов, постоянное «разделение мира на друзей и врагов, когда обострение отношений осуществляется ради достижения желаемого компромисса [7, с. 30], жесткое навязывание своей политической повестки. При этом фундаментальные основы американской политической модели не меняются.

При всем наличии национально ориентированных черт в политике на своем втором сроке Трамп, по мнению ряда исследователей, остается продолжателем неоконсерваторов во внешней политике, особенно рельефно это проявляется в его приверженности политике насильственной смены режимов (Венесуэла, Иран, Куба). Так, В. Согрин пишет: «...ставка на силовое утверждение американского миропорядка имела следствием появление доктрины “смены режимов”... Логически доктрина была выпестована в 1990-х гг.» [8, с. 229].

В начале 2025 года и особенно под впечатлением саммита лидеров США и России в Анкоридже многие российские политологи и политики высказывали мнение о новой эпохе в двухсторонних отношениях наших государств. Оптимизм в отношении Трампа высказывался и раньше. Так, известный российский журналист Игорь Прокопенко в своей книге «Дональд Трамп» приводит мнение председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по международным делам Андрея Климова: «Трамп будет верен собственным целям и интересам США... При Трампе возможны серьезные сдвиги в российско-американских отношениях, так как он более рационален и менее заточен на неолиберальных идеях» [6, с. 299].

Некоторые российские ученые выдвигали предположения о создании консервативного альянса правых сил Европы, Америки Трампа и России как носителей консервативной идеологии [1]. Однако на сегодняшний день эти надежды кажутся достаточно эфемерными. Несмотря на цивилизационное родство России, Европы и Америки или по крайней мере близость позиций консервативных идей в этих странах, «цивилизационной трансформации политического мироздания» [1], если она когда-нибудь наступит, препятствует непреодоленный неоконсерватизм (то есть следование в фарватере системы взглядов неоконсерватизма) и глобализм Трампа и его команды.

Подводя итог, можно сказать, что идеология национал-максимализма Трампа, или трампизм, является идеологией с американскими корнями, нацеленной на американское общество, призванной служить реализации внутри- и внешнеполитических целей США – глобальному доминированию в мировом порядке, используя все возможные конкурентные преимущества от географического положения до технологического лидерства. Эндемичный характер идеологии трампизма подтверждает тезис Н.Я. Данилевского об уникальности тех или иных черт каждого культурно-исторического типа. Трампизм – это порождение американского национального характера, некоторые его черты и политики совместимы с национальным характером и историческим воспитанием других цивилизаций, но в со-

вокупности он представляет собой яркое и уникальное политическое явление, которое зародилось и реализуется в рамках западной цивилизации.

Вести диалог с трампистами на межгосударственном уровне сложно, поскольку интересы США они ставят несоразмерно выше интересов своих партнеров по переговорам и интересов других стран и цивилизаций. Для успеха диалога с Америкой нового типа контрагент должен обладать сопоставимым потенциалом и готовностью задействовать его для отстаивания своей позиции. Мировая политика в сознании трампистов – это одновременно биржа и гладиаторская арена. В этом отношении представление о демократии как равных правах и равном удельном весе всех участников политического процесса в политике трампизма не работает. Эту политическую максиму необходимо принять и использовать в процессе принятия внешнеполитических решений.

Литература

1. *Артеев Сергей, Моисеев Дмитрий, Сигаев Максим, Скакун Павел.* Президентские выборы в США в контексте цивилизационного интегрализма и формирования поствестфальского мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/prezidentskie-vybory-v-ssha-v-kontekste-tsvilيزاتсионного-integralizma-i-formirovaniya-postvestfals/>
2. *Асатрян Г.Э.* Трампизм в Америке: Полдень консерватора. М.: АСТ, 2025. 357 с.
3. *Дугин Александр.* Победа Трампа – это мировая революция. Консервативная революция [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://samara.tsargrad.tv/articles/aleksandr-dugin-pobeda-trampa-jeto-mirovaja-revoljucija-konservativnaja-revoljucija_1078741?ysclid=mlyx0qy2mz36250893
4. *Карп, Александр; Замиска, Николас.* Технологическая республика: Жесткая сила, гибкие убеждения и будущее Запада. Ереван: Fortis Press, 2025. 256 с.
5. *Попов Н.П.* Дональд Трамп и избиратели: оценки основных проблем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 420–440; [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.1622>.
6. *Прокопенко И.* Дональд Трамп: Портрет противоречивого лидера: От первого президентского срока до сегодняшних дней. М.: ЭКСМО, 2024. 304 с.
- 6а. Рубио признался, что интересы США распространяются на весь мир [Электронный ресурс] РИА Новости. 28.01.2026. Режим доступа: <https://ria.ru/20260128/rubio-2070845450.html?ysclid=mmf2zxtjrj1511303159>
7. *Синдеев А.* Германия между Трампом и трампизмом // Обозреватель. 2021. № 2. С. 29–40. DOI: 10.48137/2074–2975_2021_2_29
8. *Согрин В.В.* Американская цивилизация / ФГБУН Институт всеобщей истории РАН. М.: Весь мир, 2020. 256 с.
9. *Соколыцкий Л.* Революция «трампизма»: радикализм как новая норма американской политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/political-life-of-usa/revolyutsiya-trampizma-radikalizm-kak-novaya-norma-amerikanskoy-politiki/>
10. *Хофмайстер, Константин фон.* Эзотерический трампизм. СПб.: Владимир Даль, 2024. 207 с.
11. *Шкель С.Н.* Трампизм: возвышение авторитарного популизма в цифровую эпоху (Рецензия) // Политическая наука. 2021. № 1. С. 322–332; [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.01.14>
12. *Фридман, Джордж; Калдор, Мэри.* Не по Клаузевицу: Особенности современной войны. М.: Родина, 2025. 224 с.
13. *Amna, Rahim; Kashif Ali Zamin.* The World on Fire: The Role of Trumpism in Global Conflict // Wah Academia Journal of Social Sciences. Vol. 4, Iss. 2. 2025. December. P. 571–592; [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.63954/WAJSS.4.2.28.2025>
14. *Arteev, Sergey; Moiseev, Dmitry; Skakun, Pavel; Sigachev, Maxim.* The U.S. Election and the Post-Westphalian World [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.arktosjournal.com/p/the-election-and-the-post-westphalian-world>
15. *Brabazon T., Readhead S., Chivaura R.S.* Trump studies: an intellectual guide to why citizens vote against their interests. Bingley, UK: Emerald Publishing Limited, 2019. 224 p.
16. *Kotzur, Markus.* Europe's quest for strategic autonomy in response to Trumpism // Global Public Policy and Governance (published online 2025); [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s43508-025-00133-9>
17. *Langman L.* Donald Trump: morbid symptom of the interregnum Trump as trope. Monitoring of Public Opinion // Economic and Social Changes. 2018. No 5. P. 124–146; [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.5.12>.
18. *Rădulescu B.-G.* The Pathologies of Trumpism: A Study in Authoritarian Ideological Sources // Perspective Politice. 2025. P. 91–103; [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.25019/perspol/25.18.7>
19. *Royce, Lindsey Jason.* The roots of Trumpism // Вісник Національного юридичного університету імені Ярослава Мудрого. 2018. № 4 (39). P. 53–64. DOI: 10.21564/2075-7190.39.151164
20. *Sanford F. Schram.* The Trajectory of Trumpism: Talking about Racism, Fascism, Civil War and Beyond. New York: Oxford University Press, 2026. 257 p. DOI: 10.1093/9780197827437.001.0001
21. *Yang, Mimi.* The Trump Wall: A Cultural Wall and a Cultural War // Lateral. 2017. 06.02,

Аннотация: Трампизм, возникший как политический феномен в США с приходом Дональда Трампа в Белый дом в 2016 году, трансформировался к 2025 году в идеологию национал-максимализма, центральным принципом которой является восстановление «величия нации». В Европе аналогичные тенденции, обозначаемые термином MEGA (Make Europe Great Again), нашли воплощение в политике таких фигур, как Виктор Орбан, Алис Вайдель, Бьорн Хекке (AfD), Найджел Фарадж, Марин ле Пен и др. В настоящей статье авторы исследуют истоки, принципы, ключевых представителей и последствия трампизма как глобального явления.

Ключевые слова: Дональд Трамп, Джей Ди Вэнс, трампизм, национал-максимализм, технофеодализм, евроскептицизм, суверенизм.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Поступила в редакцию 5 декабря 2025. Принята к печати 12 декабря 2025

Alexander K. Kamkin, PhD in Philosophy, Associated Professor, Financial University under the Government of Russian Federation. E-mail: alexander.kamkin@yahoo.com

Maxim I. Sigachev, PhD in Political Sciences, Scientific Associate, E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Russia. E-mail: maxsig@mail.ru

Trumpism as Political Phenomenon. The Ideology of National Maximalism and the Struggle for the Greatness of Nations

Abstract. Trumpism, which emerged as a political phenomenon in the United States with the arrival of Donald Trump in the White House in 2016, transformed by 2025 into the ideology of national maximalism, the central principle of which is the restoration of the "greatness of the nation". In Europe, similar trends, designated by the term MEGA (Make Europe Great Again), have been embodied in the politics of such figures as Viktor Orban, Alice Weidel, Bjorn Hecke (AfD), Nigel Farage, Marine le Pen, and others. In the present article the authors explore the origins, principles, key representatives, and consequences of Trumpism as global phenomenon.

Keywords: Donald Trump, JD Vance, Trumpism, National-Maximalism, Techno-Pheodalism, Euroscepticism, Sovereignism.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

Received: December 5, 2025. Accepted: December 12, 2025

Консерватизм президентства Дональда Трампа: идеология «здорового смысла» как основа республиканского движения в США до 2030-х годов

В ходе инаугурационной речи 20 января 2025 года новоизбранный 47-й президент Соединенных Штатов Америки Дональд Трамп провозгласил начало «революции здравого смысла», заявив: «...сегодня я подпишу серию исторических указов. Этим мы начнем полное восстановление Америки и революцию здравого смысла. Все это касается здравого смысла» [13]. В дальнейшем глава Белого дома регулярно использовал обозначенную мировоззренческую формулировку, чтобы обосновать свои действия, которые, по мнению сторонников Республиканской партии, направлены на восстановление закона и порядка, подорванного радикальными левыми, коррумпированным истеблишментом и глубинным государством [4].

Вернувшись в Овальный кабинет, лидер консерваторов объявил, что его первые указы призваны вернуть США к «золотому веку» и общему процветанию общества [31]. Для реализации декларируемых целей в рамках концепции «здорового смысла» Трамп подписал около сотни указов, которые санкционировали радикальное укрепление мер безопасности, в первую очередь в миграционной политике, для защиты суверенитета и сохранности южных рубежей. На практике они включали объявление режима чрезвычайной ситуации на границе с Мексикой, ужесточение контроля за нелегальными мигрантами, в том числе их принудительную высылку, а также дерегуляцию политики в климатической повестке, поддержку традиционной энергетики, борьбу с инфляцией и стимулирование внутреннего производства [7]. В социальной политике были провозглашены борьба с леворадикальными идеями, программами по инклюзивности и утверждение существования только двух биологических полов. Также в отношениях с зарубежными странами объявлено о возвращении к прагматизму вместо идеологического либерализма администрации предшествовавшего президента Д. Байдена. Провозглашен примат национальных интересов, что повлияло на взаимоотношение с Европейским Союзом и другими западными союзниками.

Примечательно, что введение в действие представленных мер сопровождалось повторением формулы «здорового смысла», которая в целом предполагает, что действующая администрация Д. Трампа принимает ясные и понятные широкому кругу граждан решения, которые соответствуют некой «общей логике вещей». Аналогичным образом обосновывалась необходимость получивших особое внимание со стороны общественности таких шагов, как объявление о том, что существует только два биологических пола [16], изменение официального статуса марихуаны [15], отмена возможности участия трансгендеров в женском спорте и необходимости использования бумажных трубочек в Белом доме [17].

Важно отметить, что столь частое апеллирование к формулировке «здоровый смысл» носит не случайный характер, а связано с традицией, которая уходит корнями

ми во времена основания США как государства в конце XVIII века. Можно сказать, что Д. Трамп обращается к сакральным основаниям американской политики, изложенным в одноименной брошюре философа Томаса Пейна (1737–1809) от 11 января 1776 года, которая стала одним из ключевых идеологических документов развития движения за независимость США.

В рамках данной статьи автор ставит цель рассмотреть влияние Т. Пейна на политику Д. Трампа с учетом современного политического контекста и исторической ретроспективы. Анализ основывается на дескриптивном и сравнительно-историческом методах. Гипотеза предполагает, что, используя принципы Томаса Пейна, администрация Дональда Трампа легитимизирует принятие собственных решений, а также пытается сформировать новую идеологическую основу для оформления консенсуса американских элит на период до 2030-х годов.

В первую очередь рассмотрим социально-культурный контекст и дадим общее определение ключевых понятий. Так, согласно Оксфордскому словарю, «здравый смысл» (англ. *common sense*) означает верное суждение в практических вопросах [30], а на уровне повседневной речи предполагает «самоочевидное для каждого». Американский социолог Д. Уоттс в книге «Все очевидно» предлагает следующее определение в гуманитарных науках: «Здравый смысл – это слабо структурированный набор фактов, наблюдений, опыта, идей и общепринятых представлений, которые каждый из нас накапливает на протяжении всей жизни, сталкиваясь с повседневными ситуациями, преодолевая их и извлекая из них уроки» [33, с. 8]. В данной трактовке особый акцент делается на возможности апробации тех или иных решений в повседневной жизни. В эпистемологическом измерении фактор доверия к здравому смыслу тесно связан с «очевидностью», то есть окружающий мир должен быть упорядоченным и восприниматься просто и понятно – «потолок белый, сахар сладкий» [10, с. 19]. Таким образом, здравый смысл можно определить как совокупность интуитивных, эмпирически подтвержденных и социально разделяемых представлений, позволяющих человеку ориентироваться в повседневной реальности и взаимодействовать с другими [1, с. 5]. Он обеспечивает самый короткий путь от мысли к действию, поскольку опирается на четкие и понятные ориентиры.

Однако здесь кроется некоторая ограниченность данного понятия, поскольку оно эффективно для объяснения простых вещей, но по мере усложнения социальных, экономических и технологических процессов интуитивные схемы могут оказаться недостаточными или даже вводящими в заблуждение. Один из рисков использования данной философской категории в политическом споре состоит в том, что апелляция к «очевидности» делает аргумент сильным, но полностью дискредитирует оппонента, поскольку это означает, что другая страна полностью «неразумна» и не разделяет мировоззрение адекватного большинства. Такой подход позволяет мотивировать сторонников разделяемых идей к проактивным действиям, но, в свою очередь, приводит к ужесточению поляризации с противоположным политическим лагерем.

В греческой философии Аристотеля «здравый смысл» обозначает целостное восприятие действительности через пять чувств человека (сенсорная система). Затем в римской и, соответственно, западноевропейской традиции данное понятие эволюционировало в чувство «общности», то есть это правильное решение, которое основано на понятной логике и учитывает мнение всех участников процесса или сообщества [1, с. 5]. В аналогичном ключе о необходимости стабильности и общности рассуждали М. Аврелий и Дж. Вико [10, с. 19]. Таким образом, для англосаксонских государств вообще и американского общества в частности «*common sense*» – это объединение корректного восприятия действительности и социального аспекта для принятия наиболее грамотного умозаключения, которое формирует всеобщий консенсус. В определенном значении здравый смысл –

это цивилизационный и консервативный порядок, прямым следствием которого выступают всеобщее согласие и процветание [19, с. 23].

В американской истории понятие «здравый смысл» приобрело дополнительное эмоциональное и идеологическое значение, поскольку именно с памфлета Т. Пейна началась массовая поддержка идей независимости в тринадцати английских колониях. Во многом данная философия сформировала основы политической идентичности рядовых американцев, пользующиеся популярностью и по сей день. Так, на момент начала восстания против Великобритании в Штатах при общей численности населения три миллиона человек масштаб распространения книги «Здравый смысл» составил порядка 75 тысяч экземпляров. Де-факто в конце XVIII века данное произведение выступало в качестве настольной книги практически в каждом доме [20, с. 5].

За вклад в достижение независимости Т. Пейна называют «крестным отцом США» [37, с. 10]. Будущий мыслитель родился в 1737 году в английском городе Тетфорде в семье ремесленника. В 1774 году по рекомендации американского философа Бенджамина Франклина эмигрировал в Северную Америку и уже после двух лет проживания в колониях стал ярким сторонником их независимости, несмотря на широкое представительство роялистов на континенте. Во время войны с Великобританией Т. Пейн работал по дипломатической линии и добивался увеличения помощи для колонистов из союзной Франции. В 1780 году, когда Дж. Вашингтон сообщил Конгрессу о критической нехватке ресурсов для продолжения борьбы, философ пожертвовал все свои деньги на снабжение армии и организовал дополнительный сбор средств. После окончания войны в 1789 году Т. Пейн вернулся в Англию, где стал пропагандировать идеи республиканизма и вступил в полемику с знаменитым английским консервативным философом Эдмундом Бёрком. Затем он переехал во Францию и принимал активное участие в работе Национального конвента. Из-за политики террора якобинцев был арестован и по счастливой случайности избежал казни на гильотине. В 1804 году философ при содействии третьего президента США Томаса Джефферсона вернулся в США, где и ушел из жизни в 1809 году. Широко известна его цитата: «...солнце никогда не светило над делом большей ценности, чем Американская революция... потому что американское дело – это дело всего человечества» [21].

Таким образом, Томас Пейн впервые для американской истории создал понятный язык, который пропагандировал идеи Просвещения и борьбы с Великобританией для широкой аудитории и в значительной степени сформировал политическую идентичность. Формула «здравого смысла» является настолько священной для общества США, что к ней на протяжении всей истории апеллируют практически все основные политические силы. Например, президент Авраам Линкольн говорил, что «он никогда не устает читать Т. Пейна» [27], президент Франклин Рузвельт тоже обосновывал свои антикризисные меры, объединенные в рамках Нового курса, именно «здравым смыслом» [21]. Особенно примечателен такой факт: в последней речи на посту главы государства Рональд Рейган сказал, что провозглашенная им «консервативная революция» сводилась к «переоткрытию наших ценностей и нашего здравого смысла» [25]. Среди демократов с позиции «здравого смысла» выступал Барак Обама, когда отстаивал политическую инициативу за ужесточение контроля над крупнокалиберным оружием [23], а современный популярный леворадикальный политик из Палаты представителей от штата Нью-Йорк Окасио-Кортес использует данный термин для необходимости «борьбы с олигархией» [32].

Рассмотрим идеи Т. Пейна в контексте современных проблем американского общества более подробно. Одним из ключевых положений философа в памфлете «Здравый смысл» является жесткое разграничение между обществом и государством. Так, социум, по мнению автора, возникает из естественных потребностей людей и направлен на формирование блага, а правительство, в свою очередь, выступает в качестве «необходимого

зла» для сдерживания пороков [3, с. 21]. Во многом именно такое представление о разграничении между гражданами и властью является одной из первооснов американского консерватизма, и оно стало источником для развития идей либертарианских сил, тесно связанных с трампизмом. В практической плоскости на современном этапе ограничение государственных институтов и сокращение расходов на содержание федерального бюрократического аппарата Д. Трампом нашло свое воплощение в деятельности Департамента эффективности правительства (DOGE), возглавляемого знаменитым бизнесменом И. Маском [2, с. 92]. В схожей логике принимались решения относительно Министерства образования США [9], упраздненного 21 марта 2025 года, и Агентства США по международному развитию (USAID), которое было закрыто 1 июля того же года.

Другим важным идеологическим концептом Т. Пейна является первостепенность республиканской формы правления над монархической. Так, он критикует наследственный принцип власти, рассматривая историю формирования государства с использованием идеи естественного состояния от протодемократий с представительными функциями до XVIII века. В свою очередь данные концепты заложили у американцев представление относительно неизбежности народовластия. Впоследствии это нашло отражение в мессианском стремлении США продвигать ценности «демократии» во всем мире. Примечательно, что в современном американском обществе противники трампизма также апеллируют к Т. Пейну и проводят протесты либерального толка под лозунгом «без королей» с требованием ограничений полномочий исполнительной ветви власти, исходя из текста Конституции США [26].

Идеи «Здравого смысла» стали актуальны и для перестройки внешнеполитического курса Соединенных Штатов. Так, согласно идеям Т. Пейна, «истинный интерес Америки» находится в избегании «европейских раздоров», поскольку «Европа густо засажена королевствами» и противостояние с ними приводит только к гибели американской торговли [3, с. 52]. Тем самым ключевым национальным приоритетом для США должно быть фокусирование на собственных территориях, сферах влияния и отстранение от конфликтов в Старом Свете. Данный тезис фактически полностью соответствует актуальной повестке Республиканской партии США. Так, сенатор Марко Рубио на слушаниях в Конгрессе по поводу своего назначения на должность госсекретаря в администрации Д. Трампа отмечал: «Американский национальный интерес ни в коей мере не заключается в изоляционизме. Это проявление здравого смысла, осознание того, что национальный интерес государств не является каким-то реликтом, отжившим свой век» [28]. В своей речи политик отстаивал концепцию для внешней политики США, в которой главным становится следование национальным интересам, снятие с себя лишних обязательств по защите глобального либерального порядка и фокусирование на вопросах Западного полушария [6, с. 54]. Также данная линия воплощается в более прагматичном отношении американского руководства к внешнеполитическим альянсам, например, с Японией и Республикой Корея, а также таким форматам как НАТО [18] и АУКУС [5]. Так, представители консервативной Республиканской партии на протяжении долгих лет требовали от союзников повышения военных расходов в целях сокращения затрат и вовлеченности США в защиту и безопасность в Европе и Юго-Восточной Азии, шантажируя резким уменьшением поставок вооружений. Политологи Дж. Миршмайер и С. Уолт, описывая данные процессы, предложили формулировку «офшорного балансирования», которое подразумевает стремление американских элит к фокусированию внимания на собственных интересах и поддержке только тех стран, которые в состоянии профинансировать обеспечение собственной безопасности [6, с. 67].

Отдельного внимания заслуживают тезисы Т. Пейна относительно обеспеченности США ресурсами и о необходимости развития внутреннего производства. Так, он пишет: «Мелкие, неспособные к самозащите острова – подходящий объект для взятия их

правительствами под свою защиту, но есть нечто абсурдное в предположении, что континент будет вечно находиться под управлением острова... Почти все необходимое для обороны есть у нас в изобилии... Наше железо превосходит железо других стран. Наше ручное оружие не уступит никакому в мире... Ни одна нация на земле не имеет такого преимущества». В свою очередь, Д. Трамп, используя тарифную политику и инструмент торгово-инвестиционных сделок с Европейским Союзом, Японией, Саудовской Аравией и другими государствами, стремится создать условия для роста внутреннего производства в таких ключевых секторах, как сельское хозяйство, автомобилестроение, производство высокотехнологической продукции (полупроводники), традиционная энергетика и авиастроение под лозунгом «сделано в Америке» [22]. Например, американская корпорация «Boeing» по итогам 2025 года заняла первое место в мире по числу заказов на гражданские самолеты, впервые за семь лет обогнав европейского конкурента «Airbus». Так, чистые заказы «Boeing» составили 1075 самолетов против 889 у «Airbus» [14].

Таким образом, идеи, сформулированные Пейном в «Здравом смысле», сохраняют актуальность в современном американском политическом дискурсе. Разграничение общества и государства, обоснование республиканизма и продвижения демократии во всем мире, установка на стратегическую и ресурсную автономию фактически является идеологической платформой как для консервативного, так и для либерального лагерей США. Независимо от партийной принадлежности все ключевые политические силы США пытаются обосновывать свои политические амбиции «здравым смыслом».

Примечательно, что задолго до начала политической карьеры Д. Трамп использовал концепцию «здорового смысла» для защиты собственных принципов ведения бизнеса. В книгах «Искусство сделки», «Америка, которую мы заслуживаем» он связывал предпринимательский успех и интуитивное понимание рынка с необходимостью ограничения государства для развития общества [21]. В ходе объявления о начале предвыборной гонки в Трамп-Таузере в 2015 году он также обосновывал «здравым смыслом» необходимость ограничения границы с Мексикой из-за наркоторговцев.

В российских политологических исследованиях «трампизм» рассматривается через призму массового протестного движения против истеблишмента страны ради восстановления справедливости [11, с. 70]. Затем он укрепился за счет начала противостояния с леворадикальным «woke»-движением. Несмотря на поражение в президентских выборах в 2020 году и события 6 января за Д. Трампом сохранилась широкая поддержка его якорного электората в республиканских штатах. Однако в результате электорального цикла 2024 года республиканцам удалось не только победить в кампании за Белый дом, но и обеспечить большинство мандатов в обеих палатах Конгресса. Это предопределило качественную трансформацию всего консервативного движения. «Трампизм» с идеологией «здорового смысла» окончательно оформился в ядро Республиканской партии. По факту на смену «Консервативной революции» Рональда Рейгана пришла новая эпоха в консервативном движении США, в базисе которого находятся вопросы суверенитета, антибюрократизм, либертаринство и культурный популизм. Тем самым Трамп выходит за рамки традиционного конфликта «консерваторов» и «либералов» в США и расширяет электоральную базу Республиканской партии за счет привлечения молодых мужчин с либертарианскими взглядами и часть этнических комьюнити, в первую очередь латиноамериканцев, которые скептически относятся к прогрессивной левой повестке.

В стремлениях оформить внутриэлитный консенсус соратники Д. Трампа активно подхватили линию «здорового смысла». Так, кандидат в вице-президенты Джей Ди Вэнс в ходе дебатов 2024 года, основываясь на обозначенной концепции, подверг критике мнения авторитетных экспертов, на которых базировалась риторика его оппонента, губернатора-демократа Т. Уолтца [12]. В аналогичном ключе выступают министр

здравоохранения Р.Ф. Кеннеди [24], другие американские чиновники [34], политики [35] и представители бизнеса [36]. Министр войны П. Хегсет в официальном обращении к высшему руководству армии США в сентябре 2025 года, призывая начать реформы, говорил следующие: «За всей этой “woke”-чепухой скрывается более глубокая и важная проблема, которую мы решаем и решаем быстро. “Здравый смысл” вернулся в Белый дом, поэтому внесение необходимых изменений на самом деле довольно просто. Президент Трамп этого ожидает» [29]. Революция «здравого смысла» совпадает с празднованием 250-летия независимости США, что приобретает отдельную значимость для американского общества. Это находит отражение в призывах к возвращению принципов отцов-основателей и их воплощению в виде таких символических шагов, как создание памятников – например, Триумфальной арки в Вашингтоне и др.

При этом революция «здравого смысла» нередко подвергается критике как со стороны демократов, так и республиканцев, именно с позиции соответствия провозглашаемых принципов предпринимаемым шагам [8]. Массовое увольнение опытных государственных служащих повлекло ослабление экспертизы при принятии решений и реализации государственной политики. Кроме того, Трамп зачастую выходит за рамки традиционной политической дискуссии. Так, после покушения на него летом 2024 года он стал говорить, что его «спас Бог, чтобы снова сделать Америку великой», а значит его мнение, или «здравый смысл» не может быть оспорено никем из его сторонников. Либеральная критика усматривает в этом тенденцию к персонализации политического дискурса.

В заключение следует сказать, что революция «здравого смысла» сочетает в себе несколько элементов. Это в первую очередь антиэлитарная риторика и критика «глубинного государства». Также это совпадает с активным консервативным контрреформистским движением в отношении “woke”-идеологии, программ разнообразия, расширения гендерных и расовых программ, а также отражает реакцию на социальную радикализацию либеральной повестки. Отдельно важно подчеркнуть риторику против зеленой энергетики. Важным элементом данного тренда является провозглашение необходимости следования национальным интересам и пересмотра международных обязательств США из-за отсутствия необходимости защиты либерального мирового порядка. Это, в свою очередь, трансформируется в торговый протекционизм, рост тарифов, охлаждение трансатлантических отношений, а также фокусирование на противостоянии с Китайской Народной Республикой.

В обозримой перспективе «здравый смысл» становится идеологическим каркасом для американской политической действительности, подобно тому, как Т. Пейн закрепил идеи независимости в своем памфлете. В перспективе это означает дальнейшую институционализацию «трампизма» через формирование сетей лояльных губернаторов, сенаторов и молодого поколения политиков с правоконсервативными либертарианскими взглядами. Но подобные изменения оставляют открытым вопрос о преодолении внутриполитического кризиса в стране по отношению к левым силам, поскольку апелляция к «очевидности» может только усилить дальнейший конфликт и поляризацию с ними.

Литература

1. *Кравченко А.И.* Здравый смысл и Common sense: сходство и различие // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 9. С. 382–388.
2. *Осипов А.В., Осипов В.А.* Революция в системе государственного управления экономикой США // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2025. № 2 (111). С. 86–97.
3. *Пейн Т.* Здравый смысл / пер. с англ. Ф.Ф. Вермель / Т. Пейн // Избранные сочинения / под ред. М.П. Баскина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 21–64.
4. *Романов Р.* Как Трамп начал войну против левых после убийства Чарли Кирка [Электронный ресурс] // Ведомости. 2025. 17 сентября. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/09/17/1140057-kak-tramp-nachal-protiv-levih> (дата обращения: 02.03.2026).

5. Свиридов В. АУКУС хотят превратить в ИПТО [Электронный ресурс] // Звезда. 2025. 18 сентября. Режим доступа: <https://zvezdaweekly.ru/news/202598836-8WaJG.html> (дата обращения: 02.03.2026).
6. Смирнов П.Е. Второе президентство Д. Трампа: национальный интерес или «порядок, основанный на правилах»? // Вестник Московского ун-та. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2025. Т. 17. № 3. С. 38–79.
7. Так решил Трамп: Первые указы и поручения нового президента США [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2025. 21 января. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7444530> (дата обращения: 02.03.2026).
8. Такер Карлсон после критики Трампа посетил его встречу с нефтяниками [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2026. 10 января. Режим доступа: <https://ria.ru/20260110/karlson-2067062904.html> (дата обращения: 02.03.2026).
9. Трамп подписал указ об упразднении Министерства образования [Электронный ресурс] // ТАСС. 2025. 20 марта. Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23461905> (дата обращения: 02.03.2026).
10. Чукин С.Г. Поиски очередного «изма»: к вопросу о философской идентификации современной эпохи // Парадигмы управления, экономики и права. 2025. Т. 6. № 1 (15). С. 7–24.
11. Шариков П.А. «Траманизм» как доминирующее движение в Республиканской партии США в 2020-е годы // Вестник Московского ун-та. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 4. С. 70–94.
12. Шитов А. «Сердечные» дебаты кандидатов в вице-президенты США: чистая ничья? [Электронный ресурс] // ТАСС. 2024. 2 октября. Режим доступа: <https://tass.ru/opinions/22023603> (дата обращения: 02.03.2026).
13. «Я буду просто ставить Америку на первое место»: Инаугурационная речь 47-го президента США Дональда Трампа // Коммерсантъ. 2025. 21 января. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7444418> (дата обращения: 02.03.2026).
14. Boeing добилась рекордных поставок самолетов с 2018 года и обошла Airbus по заказам [Электронный ресурс] // Forbes. ru. 2026. 14 января. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/553497-boeing-dobilas-rekordnyh-postavok-samoletov-s-2018-goda-i-obosla-airbus-po-zakazam> (дата обращения: 02.03.2026).
15. Broadwater L., Southall A. Trump Signs Order to Ease Restrictions on Marijuana [Электронный ресурс] // The New York Times. 2025. 18 December. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2025/12/18/us/politics/trump-marijuana-reclassify-order.html> (дата обращения: 02.03.2026).
16. Defending Women From Gender Ideology Extremism And Restoring Biological Truth To The Federal Government: Executive Order of January 20, 2025 [Электронный ресурс] // The White House. 2025. 21 января. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/defending-women-from-gender-ideology-extremism-and-restoring-biological-truth-to-the-federal-government/> (дата обращения: 02.03.2026).
17. Fact Sheet: President Donald J. Trump Ends the Procurement and Forced Use of Paper Straws [Электронный ресурс] // The White House. 2025. 11 February. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/02/fact-sheet-president-donald-j-trump-ends-the-procurement-and-forced-use-of-paper-straws/> (дата обращения: 02.03.2026).
18. Jakes L., Erlanger S. As Trump Demands More Military Spending, NATO Reconsiders What Counts [Электронный ресурс] // The New York Times. 2025. 23 May. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2025/05/23/world/europe/nato-spending-trump-5-percent.html> (дата обращения: 02.03.2026).
19. Jennings S. A Revolution of Common Sense: How Donald Trump Stormed Washington and Fought for Western Civilization. New York: William Morrow, 2025. 288 p.
20. Loughran T. The Republic in Print: Print Culture in the Age of U.S. Nation Building, 1770–1870. New York: Columbia University Press, 2009. 568 p.
21. Lozada C. Trump Is on the Border Between Common Sense and Nonsense [Электронный ресурс] // The New York Times. 2025. 25 February. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2025/02/25/opinion/trump-common-sense-paine.html> (дата обращения: 02.03.2026).
22. Made in the USA: President Trump's Vision is Revitalizing American Industry [Электронный ресурс] // The White House. 2025. 30 May. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/articles/2025/05/made-in-the-usa-president-trumps-vision-is-revitalizing-american-industry/> (дата обращения: 02.03.2026).
23. Obama B. Remarks by the President on Common-Sense Gun Safety Reform, January 05, 2016 [Электронный ресурс] // The White House President Barack Obama. Режим доступа: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/01/05/remarks-president-common-sense-gun-safety-reform> (дата обращения: 02.03.2026).
24. Polter J. Why Does Robert F. Kennedy Jr. Love the Phrase "Common Sense"? [Электронный ресурс] // Sojourners. 2025. August. Режим доступа: <https://sojo.net/magazine/august-2025/why-does-robert-f-kennedy-jr-love-phrase-common-sense> (дата обращения: 02.03.2026).
25. Reagan R. Farewell Address to the Nation. 1989. January 11 [Электронный ресурс] // Ronald Reagan Presidential Library & Museum. Режим доступа: <https://www.reaganlibrary.gov/archives/speech/farewell-address-nation> (дата обращения: 02.03.2026).
26. Rezek J. The Pamphlet That Has Roused Americans to Action for 250 Years [Электронный ресурс] // The New York Times. 2025. 17 December. Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2025/12/17/books/review/thomas-paine-common-sense-anniversary.html> (дата обращения: 02.03.2026).
27. Rosen J. The most elusive founder, whose pamphlet fired up a revolution [Электронный ресурс] // The Washington Post. 2026. 16 January. Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/opinions/interactive/2026/thomas-paine-common-sense-heretic/> (дата обращения: 02.03.2026).
28. Secretary Marco Rubio with Megyn Kelly of The Megyn Kelly Show [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. 2025. 30 January. Режим доступа: <https://www.state.gov/secretary-marco-rubio-with-megyn-kelly-of-the-megyn-kelly-show> (дата обращения: 01.10.2025).
29. Secretary of War Pete Hegseth Addresses General and Flag Officers at Quantico, Virginia [Электронный ресурс] // U.S. Department of War. 2025. 30 September. Режим доступа: <https://www.war.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/4318689/secretary-of-war-pete-hegseth-addresses-general-and-flag-officers-at-quantico-v/> (дата обращения: 02.03.2026).
30. Oxford Dictionary of English. 3rd ed. / Stevenson A., ed. Oxford: Oxford University Press, 2010. 2069 p.
31. The First 100 Hours: Historic Action to Kick Off America's Golden Age // The White House. 2025. 24 January. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/01/the-first-100-hours-historic-action-to-kick-off-americas-golden-age/> (дата обращения: 01.03.2026).

32. Trump uses 'common sense' to make a political point. It has populist appeal [Электронный ресурс] // NPR. 2025. 22 October. Режим доступа: <https://www.npr.org/2025/10/22/nx-s1-5581554/trump-common-sense>
33. *Watts D.J.* Everything Is Obvious: Once You Know the Answer. New York: Crown Business, 2011. 352 p.
34. What They Are Saying: President Trump Stops Radical Environmentalism to Generate Power for the Columbia River Basin [Электронный ресурс] // The White House. 2025. 13 June. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/articles/2025/06/what-they-are-saying-president-trump-stops-radical-environmentalism-to-generate-power-for-the-columbia-river-basin/> (дата обращения: 02.03.2026).
35. What They Are Saying: President Trump's Masterclass Before Congress [Электронный ресурс] // The White House. 2025. 5 March. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/articles/2025/03/what-they-are-saying-president-trumps-masterclass-before-congress/> (дата обращения: 02.03.2026).
36. What They Are Saying: Trump Administration Puts Real Food First in Dietary Guidelines [Электронный ресурс] // The White House. 2026. 8 January. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/articles/2026/01/what-they-are-saying-trump-administration-puts-real-food-first-in-dietary-guidelines/> (дата обращения: 02.03.2026).
37. *Woodward W.E.* Tom Paine: America's Godfather, 1737–1809. New York: E.P. Dutton & Company, 1945. 359 p.

Аннотация. В статье рассматривается формирование идеологии «здорового смысла» президента США Д. Трампа в качестве консервативного движения в американском обществе. Автор рассматривает влияние Т. Пейна (1737–1809) на политику Д. Трампа с учетом современного политического контекста и исторической ретроспективы. Используя принципы Т. Пейна, администрация Д. Трампа легитимизирует принятие собственных решений, а также пытается сформировать новую идеологическую основу для оформления консенсуса американских элит на период до 2030-х годов. На основе официальных текстов демонстрируется связь между принципами философов Войны за независимость США и политическими действиями консервативной республиканской партии с 2015 по 2026 год. В заключение делается вывод о том, что революция «здорового смысла» состоит из антибюрократизма, культурного популизма, прагматизма и идей невмешательства в европейские конфликты.

Ключевые слова: консерватизм, американский консерватизм, США, элиты США, здоровый смысл.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Поступила в редакцию 3 мартв 2026. Принята к печати 5 марта 2026.

Roman A. Antonov, Master of Political Science. E-mail: Vakypen@yandex.ru

Conservatism of the Trump Presidency: "Common Sense" Ideology as the Cornerstone of the Republican Movement in the USA up to the 2030s

Abstract. The article examines the formation of the "common sense" ideology of the 45th and 47th U.S. President D. Trump as a conservative movement in American society. The author considers the influence of T. Paine on D. Trump's policies, taking into account the modern political context and historical retrospective. The hypothesis suggests that, by using T. Paine's principles, Trump administration legitimizes its own decisions and also attempts to form a new ideological basis for shaping a consensus among American elites for the period up to the 2030s. On the basis of official texts the author demonstrates the connection between the principles of the philosophers of the American War of Independence and the political actions of the conservative party from 2015 to 2026. The conclusion states that the "common sense" revolution consists of anti-bureaucratism, cultural populism, pragmatism, and the idea of non-interference in European conflicts.

Keywords: Conservatism, American Conservatism, USA, U.S. Elites, Common Sense.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Received: March 3, 2026. Accepted: March 5, 2026

Американская цензура в период Гражданской войны

В периоды военных конфликтов, которые США вели в XIX веке, предпринимались попытки разного по интенсивности цензурного давления на прессу. Такие случаи были в ходе Англо-американской войны 1812–1815 годов, или так называемой Второй войны за независимость, – одного из первых крупных военных конфликтов после образования США [3, р. 101]. Во время этой войны были случаи так называемой цензуры толпы – нападения на редакции со стороны лиц, недовольных публикациями газет.

Война с Мексикой (1846–1848) – один из самых известных военных конфликтов США в XIX веке, итоги которого позволили присоединить к США северные мексиканские земли, также сопровождался военной цензурой. Военное руководство применяло цензуру по своему усмотрению. Осуществлялось давление на прессу, и было закрыто как минимум пять газет, на другие нелояльные газеты оказывался прессинг для изменения редакционной политики [3, р. 144]. Последовавшая вскоре после американо-мексиканской войны Гражданская война в США (1861–1865) была сопряжена со значительными противоречиями внутри американского общества и привела к более масштабному применению цензурных инструментов.

Гражданская война в США была первым военным конфликтом, в котором государство стало предпринимать попытки организовать процесс цензурного контроля за прессой. Власти США не пошли тогда на принятие законодательных решений, однако появился целый ряд ведомственных нормативных актов, обеспечивающих цензуру и контроль за публикациями газет. Использовались как достаточно открытые, так и скрытые методы цензуры. Обе стороны конфликта применяли схожие методы для контроля информационного пространства на своих территориях.

Цензуру периода Гражданской войны в США можно разделить на четыре направления. К первому относился контроль за почтой и телеграфом, ко второму – удаление корреспондентов от линии фронта или из действующей армии, закрытие военным командованием нелояльных газет и аресты редакторов. Третьим направлением была самоцензура редакторов и журналистов значительной части газет, в первую очередь поддерживающих действия властей. Четвертым инструментом стали нападения и разгромы газет недовольными толпами. Часто такие толпы состояли из солдат, а подозрения в организации погромов падали на военное руководство. Погромы иногда были настолько ужасающими, что после них редакции газет больше уже не открывались.

Выделяются три фазы применения цензуры со стороны государства во время Гражданской войны. Первая фаза – это неразбериха первого года войны, когда цензурные указания шли одновременно от разных органов власти. Цензурой руководили и Государственный

департамент, и военное ведомство, одновременно газетам предлагалось самостоятельно ограничивать себя. В 1862 году регулирование цензуры передали от Госдепартаamenta в военное ведомство, требования упорядочили, материалы корреспондентов с фронтов перед отправкой по телеграфу передавались на утверждение представителям военного ведомства. Это второй этап организации цензуры. Третьей фазой стал период окончания войны, когда военное руководство смогло дисциплинировать корреспондентов в армиях и пресса в целом начала сотрудничать с командованием [3, р. 168–169].

Стороны гражданского противостояния были разделены в конфликте не только линией фронта, и с одной, и с другой стороны применялись меры подавления тех, кто симпатизировал противоположному мнению. Использовались разные инструменты цензуры прессы, в американской научной литературе принято характеризовать их как ситуативную цензуру без системных нормативных решений [4, р. 103–104, 336]. В то же время радикализация общества в период Гражданской войны привела к применению цензуры и подавлению прессы обеими сторонами в масштабах, с которыми страна ранее не сталкивалась [6, р. XI], в том числе принимались и нормативные акты, вводящие цензуру на телеграфе, и назначались ведомства, ответственные за ее соблюдение.

Главной общей нормой по ограничению распространения информации в американском законодательстве того времени можно считать Военный кодекс, который был принят в 1806 году и продолжал действовать в период Гражданской войны. В нем содержалась статья 57, которая устанавливала наказание за поддержание связи с противником или передачу ему разведанных [2, р. 17]. Норма предусматривала наказание в виде смертной казни или иного наказания по усмотрению военного суда за ведение переписки с врагом или за прямую или косвенную передачу разведанных врагу. Это была достаточно расплывчатая формулировка, под которую могли попадать и публикации в газетах. Однако к прессе она широко не применялась, известно как минимум об одном таком случае.

В Гражданскую войну корреспонденты сталкивались в первую очередь с трудностями передачи информации по телеграфу с линии фронта, а также с препятствиями для доступа в действующие армии. В южных штатах был принят даже закон, разрешающий президенту вводить цензуру на телеграфе, что и было сделано – на телеграф были внедрены специальные цензоры и предусмотрено наказание в виде штрафа или тюремного заключения за передачу вредных для правительства Юга сообщений [6, р. 85]. Также на Юге была введена почтовая цензура.

Цензура телеграфа была введена и в северных штатах. Соответствующее указание телеграфным компаниям в июле 1861 года дал командующий армиями Севера при одобрении военного ведомства. Можно было отправлять только правительственные телеграммы, телеграммы же с информацией о военных действиях и информацией, наносящей вред правительству, были запрещены [6, р. 84]. Это объяснялось борьбой со шпионажем, передачей ценной информации противнику и в целом противодействием утечкам чувствительной информации с фронта. Военный министр Эдвин Стентон создал службу полевых цензоров, которые набирались из офицеров.

Например, цензоры на телеграфе в 1863 году запретили корреспондентам предавать в Нью-Йорк информацию о проигрыше армии северян в сражении при Чанселорсвилле, корреспонденты поехали в редакции самостоятельно, однако несмотря на это газеты «Нью-Йорк геральд» и «Нью-Йорк трибюн» не стали публиковать эту новость сразу, первой решилась ее опубликовать «Нью-Йорк таймс», после чего в скором времени общий цензурный запрет на публикацию новости о проигранном сражении был снят [6, р. 81].

Государство контролировало имевшиеся уже тогда телеграфные линии. Цензурные полномочия в северных штатах переходили несколько раз от одного ведомства к другому. Сначала эти полномочия находились в финансовом ведомстве, затем в военном, затем

были переданы в Государственный департамент, после чего снова возвращены в военное ведомство [6, р. 84]. Был назначен специальный официальный цензор, который отвечал за контроль над телеграфными линиями. Вслед за военным ведомством осенью 1861 года «цензор Тайер получил указание от госсекретаря Сьюарда не допускать публикации всех телеграфных сообщений из Вашингтона, касающихся “гражданских или военных операций правительства”» [5, р. 303–304]. После такого распоряжения цензуре подвергались сообщения как с полей сражений, так и о работе правительства.

Каких-либо последовательных централизованных актов, регулирующих непосредственно деятельность газет во время военных действий, не издавалось, давление оказывалось через косвенные инструменты, такие как закрытие доступа газетам к телеграфу.

Были случаи как раскрытия в газетах важной информации о войсках и их передвижениях, так и случаи самоцензуры корреспондентов и редакторов. При самоцензуре журналисты убрали из новостей все подробности, которые могли быть полезны противоположной стороне конфликта [4, р. 337].

Одновременно в период Гражданской войны было отмечено еще одно явление, вытекающее из самоцензуры, – журналисты, освещавшие военные действия, в попытках наладить неформальные отношения с военным руководством зачастую заходили в этом так далеко, что на первое место ставили интересы своих источников и больше были похожи на пресс-секретарей или пиар-агентов военного руководства, чем на журналистов [4, р. 338].

При этом армейские генералы в период Гражданской войны неоднократно обвиняли газеты в публикации сведений, которые приводили к военным неудачам и дополнительным потерям. Предпринимались попытки заключать соглашения между военным руководством и газетами о том, что можно освещать, а о чем следует умалчивать. Соглашение о добровольной цензуре предложил газетам в первый год войны командующий Потомакской армией Джордж Макклеллан. Однако это соглашение оказалось нежизнеспособным, в том числе из-за противоречий между госсекретарем, который выступал за более жесткую цензуру, и военным ведомством. Корреспонденты продолжили добывать и передавать в редакции информацию, как только могли.

Наиболее действенным методом цензуры во время Гражданской войны было простое выдворение корреспондентов из армейских подразделений [4, р. 338]. К таким решениям прибегали генералы как с одной, так и с другой стороны. Кроме того, целый ряд нелояльных газет, особенно в прифронтовых штатах, был закрыт военным руководством обеих сторон. Например, один из самых известных генералов севера Уильям Шерман в первый же год Гражданской войны сразу выслал всех журналистов из вверенной ему армии, его примеру последовали большинство остальных генералов Севера [4, р. 338]. В конце войны он арестовал одного из корреспондентов за раскрытие чувствительной информации, после чего в целом корреспонденты стали сотрудничать с военными и не раскрывали передвижений войск [3, р. 169]. Усилиями Шермана появился институт аккредитации корреспондентов при армии как инструмент отсеивания неприемлемых для военного командования журналистов.

Одним из способов контроля материалов с фронта были указания печатать статьи только под настоящими именами корреспондентов. Так, генерал армии Севера Джозеф Хукер издал приказ, в соответствии с которым все корреспонденты, находящиеся в его армии, должны публиковать материалы под собственными именами [6, р. 20]. Были случаи, когда армейское командование препятствовало публикации информации о своих неудачах.

Активно использовалась практика закрытия в северных штатах газет, симпатизирующих южанам. Например, в северном штате Мэриленд власти закрыли газеты «Дейли эксчендж» и «Юг», а редакторы были арестованы и отправлены в тюрьму [6, р. 96].

По северным штатам в период Гражданской войны прокатилась волна закрытия властями нелояльных газет. В штате Индиана военными властями было закрыто одиннадцать газет только за полтора месяца 1863 года, газеты закрывались в штатах Огайо, Айова, Иллинойс, а также в пограничных штатах Кентукки, Миссури. В пограничном Миссури чистки лояльной Югу прессы со стороны командования северян были одними из самых масштабных [6, р. 97]. Редакторов арестовывали и обвиняли в нелояльности к действующей власти и действиям армии. Часто закрытие газет производили военные, в редакцию приходили солдаты, и работа газеты прекращалась [6, р. 98]. Только в Нью-Йорке в первый год войны было закрыто пять оппозиционных газет [6, р. 100].

Цензурное давление со стороны официальных властей на газеты заставляло прессу контролировать свои публикации. Так, например, в 1864 году президент Авраам Линкольн, который избирался от Республиканской партии, распорядился арестовать редакторов двух газет и закрыть редакции из-за новости, пришедшей через агентство «Ассошиэтед пресс», о том, что президент издал указ о дополнительном призыве в армию. Сообщение оказалось впоследствии недостоверным, но его успели опубликовать два издания, симпатизирующие Демократической партии, политическим конкурентам А. Линкольна, – «Нью-Йорк джорнал оф коммерс» и «Нью-Йорк уорлд». А. Линкольн расценил это как помощь врагу, поскольку эта новость показывала слабость действующих сил северян. Он лично распорядился арестовать редакторов и закрыть газеты. Автором же подделки приказа оказался Джозеф Ховард, журналист и редактор городской газеты «Бостон игл», республиканец по взглядам, который рассчитывал привлечь таким образом внимание к газете, увеличить аудиторию и получить дополнительную прибыль [6, р. 102].

Еще одним способом цензуры во время Гражданской войны было давление толпы – прямые нападения и погромы редакций неугодных газет или угрозы таких нападений. В северных штатах погромщики неоднократно осаждали и громили газеты, которые были лояльны или поддерживали отделение южных штатов. Кроме городских ремесленников участниками таких погромов были и солдаты действующей армии, которые тоже читали газеты и выражали таким образом свое недовольство.

Этот способ давления на газеты был известен в США еще со времен Американской революции и Войны за независимость, когда «цензура толпы» использовалась политическими активистами и элитами для подавления газет с отличающейся точкой зрения. Взбудоражить толпу не представляло никакой трудности в реалиях культуры американской прессы, которой были свойственны жесткие, зачастую бездоказательные, обвинения оппонентов с использованием оскорбительных высказываний, а периодически и прямые фальсификации. Большинство газет после такого посещения со стороны агрессивно настроенной толпы либо закрывались, либо меняли свою риторику, смягчали ее. Это был действенный механизм цензурного давления на газеты.

Разгромы редакций лояльных конфедератам газет в северных и восточных штатах, находившихся также под контролем союзных северных штатов, происходили в основном в начале и в конце Гражданской войны. Историк американской прессы Ф.Л. Мотт приводит данные, в соответствии с которыми в 1861 году в основном в восточных штатах толпами было разгромлено около шести редакций газет, симпатизирующих южным штатам, а в 1864–1865 годах в северных и восточных штатах были «десятки случаев» [4, р. 359] насилия против газет, которые под конец войны сменили риторику поддержки южных штатов на риторику достижения мира любой ценой. Смена риторики не спасла их от погромов. Некоторые газеты укрепляли здания редакций и пытались отбиться от нападений толпы, в том числе и силой оружия, однако подавляющее большинство газет ничего не могло противопоставить нападениям, которые порой происходили по несколько раз подряд.

В научных исследованиях не приводится точного количества лояльных Югу газет, редакции которых были разгромлены в союзных штатах Севера. При этом есть только отрывочные данные по некоторым штатам, например, «полдюжины» редакций было разбито неизвестными лицами в штате Огайо (штат на так называемом Среднем Западе США), столько же в Орегоне (штат на западном, тихоокеанском побережье). В 1865 году после убийства президента Авраама Линкольна разъяренная толпа разгромила минимум пять редакций лояльных Югу газет в Сан-Франциско [4, р. 359].

В ежегодном сборнике наиболее важных событий за 1864 год [8, р. 389–394] можно найти перечень газет, которые подверглись нападению толпы или редакторы которых были арестованы и отправлены в тюрьму: «Конституция» и «Союз» [тут и далее название газет. – Ф.Ш.], <...> штат Айова, разгромлена 18 февраля 1864 года. «Крауфорд демократ», <...> Пенсильвания, окружена толпой 5 февраля 1864 года, спасены защитой редактора. «Нортумберленд демократ» <...>, Пенсильвания. Разгромлена толпой 7 февраля 1864. «Фольксблатт», <...> штат Миссури, разгромлена во второй раз, 18 мая 1864. «Демократ», <...> Пенсильвания, окружен толпой 18 января 1864, редакция разгромлена, собственность украдена. «Игл», <...> штат Огайо, окружена толпой 3 февраля 1864, частично разгромлена. «Мэхонинг сентинел», <...> штат Огайо, окружена толпой 28 января 1864, покушение на убийство редактора, офис полностью разрушен. «Кризис», <...> штат Огайо, находился под угрозой 15 февраля 1864, спасен благодаря наличию вооружения. «Стейтсмен», <...> штат Огайо, находился под угрозой 15 февраля 1864, спасен благодаря наличию вооружения. <...> «Дейтон эмпайр», <...> штат Огайо, полностью разгромлен 3 марта 1864. «Пикет гард», <...> штат Иллинойс, полностью разгромлена 20 августа 1864. <...> «Демократ», <...> штат Иллинойс, редакторы схвачены и заключены в тюрьму, 19 августа 1864 года. «Кризис», <...> штат Огайо, редактор схвачен и заключен в тюрьму 10 мая 1864...» [8, р. 393]. Всего в этом списке за один только год собрано 32 подобных случая. Также указывается, что в этом же году из прифронтового штата Кентукки, который находился под контролем северян, были изгнаны все газеты, поддерживающие Демократическую партию. То же самое произошло и почти со всеми продемократическими газетами города Мемфис в южном штате Теннесси, который к 1864 году также был занят войсками северных штатов.

Такие же отчеты о нападении толп были и в предыдущие годы войны. В ежегодном сборнике наиболее важных событий за 1861 год [7, р. 328–330] подробно описываются нападения на газеты и закрытие изданий генералами. Во второй половине конфликта в отчете за 1863 год [8, р. 423–425] указывалось на организованный характер погромов, в том числе с участием солдат.

В качестве примера применения политической цензуры в форме «цензуры толпы» можно привести историю погрома в 1863 году редакции газеты «Кризис», которую издавал Сэмюэл Медари в северном штате Огайо. Он был политиком, сторонником Демократической партии, и одновременно издавал несколько газет, в том числе и «Кризис». По сути, это была партийная газета, которая использовалась для поддержки и продвижения взглядов владельца. С. Медари был политиком федерального уровня, за свою политическую карьеру назначался президентом США губернатором двух будущих штатов – территории Миннесота и территории Канзас. В своей газете «Кризис» Медари выступал против военного противостояния с южными штатами, поддерживал другие подвергающиеся цензуре газеты. В толпе, которая разгромила редакцию «Кризиса» в 1863 году, были и солдаты из военного лагеря «Кэмп-чейз», который совмещал в себе военную базу северян и концлагерь для военнопленных конфедератов. С. Медари обвинил в подстрекательстве и организации нападения своих политических противников из республиканской партии, в том числе в подвозе погромщикам спиртных напитков [6, р. 100]. Затем в 1864 году Медари на

федеральном уровне было предъявлено обвинение в заговоре против правительства, его заключили под стражу, но выпустили под залог, ему стало плохо на одном из судебных заседаний и спустя несколько дней он умер [6, р. 100]. В приведенной выше выдержке о преследовании газет есть и сухое упоминание газеты «Кризис» и ареста его редактора в мае 1864 года. Такие методы цензуры подавления политических конкурентов были распространенным явлением в период Гражданской войны.

Кроме всего прочего, по отношению к ряду северных газет, поддерживающих южные штаты, был введен запрет на использование почты для распространения тиража. Такое распоряжение издал генеральный почтмейстер. Были случаи изъятия тиражей таких газет. Цензурное давление приводило к остановке выпуска газет, смене редактора или смягчению редакционной политики. При этом некоторые подобные газеты принадлежали действующим политикам, которые находились в оппозиции к президенту Линкольну. К оппозиционным газетам на Севере стали применять уничижительное прозвище «медноголовые», а на Юге – «крикуны союза» [4, р. 367].

В южных штатах на начало Гражданской войны издавалось гораздо меньше газет, чем в северных. С началом войны и введением блокады против конфедератов южные штаты столкнулись с острой нехваткой всех необходимых условий для выпуска газет – от профессиональных редакторов до бумаги и чернил. Цены на газеты взлетели, и многие южные газеты закрылись, а те, что держались на плаву, подвергались цензурным ограничениям, и их тиражи не покрывали спрос аудитории.

Генералы войск конфедератов, так же как и военное руководство Севера, старались убрать корреспондентов из прифронтовой зоны. При этом цензура южан была более организованной, а газеты – менее информативными по сравнению с газетами северян. Так же как и на Севере, в южных штатах были и газеты, которые в целом выступали с критикой руководства южных штатов и с призывами к миру. Приход сил северян в южные штаты не улучшил ситуацию, и многие южные газеты после Гражданской войны и в период реконструкции Юга подвергались цензурному давлению победившей стороны.

Таким образом, Гражданская война в США стала периодом, когда власти приняли попытку более системно подойти к организации цензуры во время военного конфликта. В войнах, которые США вели до этого, цензура была скорее ситуативной и во многом зависела от решений военного руководства. Статья 57 о передаче противнику разведанных Военного кодекса 1806 года в период Гражданской войны уже не соответствовала реалиям развития прессы и на практике почти не применялась. Рост количества газет и их тиражей во второй половине XIX века стал одной из причин для поиска новых цензурных механизмов. На практике было определено четыре цензурных инструмента, которые были наиболее эффективны во время боевых действий: контроль путей передачи информации – почты и телеграфа; удаление корреспондентов с фронта и закрытие газет в районах расположения армий; самоцензура корреспондентов и редакторов; «цензура толпы» – физическое принуждение к смене риторики через нападение и уничтожение редакций, отправка редакторов оппозиционных газет в тюрьмы. Цензурная практика периода Гражданской войны выявила несколько направлений и способов осуществления цензуры военного времени в США – этот опыт был востребован позднее при организации цензуры в США во время Первой и Второй мировых войн.

Литература

1. *Щипков В.А.* Генеалогия секулярного дискурса. М.: МГИМО, 2024. 755 с.
2. *Articles of War, Military Laws, and Rules and Regulations for the Army of the United States.* Washington: E.De Krafft, 1818.
3. *Emery E., Emery M.C.* The Press and America: an Interpretative History of the Mass Media. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1978. 574 p.
4. *Mott F.L.* American Journalism. A History: 1690–1960. New York: The Macmillan Company, 1965. 901 p.
5. *Randall J.G.* The Newspaper Problem in its bearing upon Military Secrecy during the Civil War // The American Historical Review. 1918. Vol. 23. P. 303–323.
6. *Risley F.* Civil War Journalism. Santa Barbara, CA: ABC-Clío/Praeger, 2012. 184 p.
7. *The American Annual Cyclopædia and Register of Important Events of the Year 1861.* New York: D. Appleton and Company, 1862.
8. *The American Annual Cyclopædia and Register of Important Events of the Year 1863.* New York: D. Appleton and Company, 1864.
9. *The American Annual Cyclopædia and Register of Important Events of the Year 1864.* New York: D. Appleton and Company, 1865.

Аннотация. В работе рассматриваются особенности функционирования цензуры в США в период Гражданской войны. Прослеживаются четыре формы осуществления цензуры в отношении американской прессы со стороны политической и экономической элиты, военных, конкурентов и организованных толп. К первой форме цензуры относится контроль за почтой и телеграфом, ко второму – удаление корреспондентов от линии фронта или из действующей армии, закрытие нелояльных газет и аресты редакторов, к третьей – самоцензура значительной части газет, к четвертой – так называемая цензура толпы, нападения и разгромы редакций газет недовольными горожанами.

Ключевые слова: США, цензура, Гражданская война, пресса, почта, телеграф, цензура армии, самоцензура, цензура толпы.

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Поступила в редакцию 1 мартв 2025. Принята к печати 3 марта 2025.

Philipp A. Shchipkov, Political Scientist, Journalist. E-mail: ship3@yandex.ru

American Censorship During the Civil War

Abstract. The article examines the specifics of the censorship functioning in the United States during the Civil War. The author singles out four forms of censorship of the American press by the political and economic elite, the military, competitors in the newspaper market and organized mobs. The first form of censorship includes the control of the mail and telegraph, the second – the removal of correspondents from the front line or from the army, closure of disloyal newspapers and arrest of editors; the third – the self-censorship of a significant part of newspapers, the fourth – the so-called mob censorship, that realized in attacks and destruction of newspapers by disgruntled citizens.

Keywords: USA, Censorship, Civil War, Press, Post Office, Telegraph, Army Censorship, Self-censorship, Mob Censorship.

Disclosure statement.

No potential conflict of interest was reported by the author.

Received: March 1, 2025. Accepted: March 3, 2025

Цензура в США в период Первой мировой войны

В период Первой мировой войны в США была сформирована смешанная гражданско-военная система цензуры. При этом основную роль играла гражданская цензура, организованная государством, действовавшая на территории страны и представлявшая собой пропагандистско-цензурную государственную систему. Военная цензура носила вспомогательный характер и обеспечивала информационный контроль на фронте. Это был новый для США опыт организации эффективной и работоспособной государственной гражданской цензуры в стране.

Гражданская цензура отвечала за информационное пространство внутри США, военная – за цензуру информации в районах ведения боевых действий. Гражданскую цензуру осуществляли гражданские органы власти и специалисты, военной занималась армейское руководство. Для координации цензуры внутри государственного управления президент США Вудро Вильсон учредил Цензурный совет, в который входили представители разных ведомств [7, р. 44].

Впервые в США была создана централизованная государственная система гражданской цензуры – сбора и фильтрации информации для прессы. Этой работой занимался Комитет публичной информации, созданный с санкции президента США. Система цензуры Комитета была выстроена по модели большого государственного СМИ, которое служит посредником между органами власти и американской прессой, предоставляя для перепечатки верифицированную государством информацию. Многие сотрудники отдела информации Комитета публичной информации были бывшими журналистами, они направлялись как доверенные репортеры в органы власти, где готовили репортажи с правильной информацией. Для сохранения видимости свободы прессы Комитет публичной информации подготовил Кодекс добровольной цензуры, принимая который СМИ формально сами соглашались публиковать только полученную от Комитета выверенную информацию.

Цензура носила «добровольно-принудительный характер», то есть декларировалась как добровольная, на практике же обеспечивалась методами принуждения. Однако у СМИ не оставалось выбора, присоединяться или нет к системе государственной цензуры, так как было принято несколько законов, которые вводили наказания вплоть до смертной казни за распространение несанкционированной информации, касающейся военной и оборонной сферы. Риск подпасть под уголовное преследование был настолько велик, что газеты поневоле подключались к системе государственной цензуры. Другим инструментом принуждения СМИ к цензуре было ограничение почтовых привилегий, что практически автоматически означало прекращение распространения газет и их закрытие. Многие неояльные газеты были закрыты именно при помощи этих двух цензурных механизмов.

В Первую мировую войну США вступили 6 апреля 1917 года. Комитет публичной информации был создан в первые же недели войны, в его задачи входила организация цензуры и пропаганды на период войны. Он проработал с 1917 по конец 1919 года. Единое централизованное цензурно-пропагандистское ведомство было создано в США впервые с момента образования государства. О высоком статусе в системе власти и важности задач, которые стояли перед Комитетом, говорит то обстоятельство, что он был создан решением главы государства, президента Вудро Вилсона. Главой Комитета был назначен бывший журналист с опытом работы в полиции Джордж Крил.

Ключевая особенность цензуры в США в период Первой мировой войны заключалась в том, что она носила гражданский характер. Основную работу осуществляло гражданское ведомство, в котором работали гражданские специалисты. Военная цензура дополняла гражданскую и осуществлялась на фронте в зоне боевых действий, за ней следили армейские специалисты, в первую очередь речь шла о контроле за военными корреспондентами на фронте и о блокировании чувствительной для военных действий информации. Сам Дж. Крил говорил о цензуре в период Первой мировой войны как о гражданской цензуре [11, р. 16].

Комитет разработал Кодекс добровольной цензуры прессы, содержащий ряд требований. Прессе предлагалось отказаться от публикации материалов, которые раскрывали бы чувствительную для страны информацию. Приводился список секретной информации: о передвижении и численности войск, о расположении военных баз и сил на фронте, местах высадки, о концентрации войск в портах, о количестве военных судов США, в том числе строящихся, о судах любой другой страны, находящейся в состоянии войны с Германией, о береговой и противовоздушной обороне, о минировании и о навигационном оборудовании, об авиационных силах, о любом новом экспериментальном оборудовании, о передвижении должностных лиц, о боеприпасах или военных материалах. Запрещалось публиковать как тексты, так и фотографии, которые раскрывали бы такую информацию [12, р. 10–12]. В кодексе указывалось, что соблюдение этих правил – добровольное дело самой прессы, а правительство будет благодарно газетам, которые проявляют патриотизм и соблюдают их. Многие американские газеты присоединились к Кодексу добровольной цензуры.

Опыт прошлых войн, в первую очередь Испано-американской войны 1898 года показал, что для осуществления предварительной цензуры требуются большие ресурсы, и в Первую мировую войну США избрали другой механизм – государство стало источником, а не контролером информации. Схема цензуры в США в Первую мировую войну заключалась в следующем: Комитет координировал выдачу прессе всех новостей по военной тематике, поступающих от разных ведомств. Он стал единым окном, монополистом предоставления информации для прессы. Это были новости от армии, от министерств и даже от администрации президента США. В каждом ведомстве присутствовал представитель Комитета публичной информации.

Функции единого монопольного окна подготовки информации для прессы выполнял в Комитете отдел новостей. Его гражданские сотрудники были главными цензорами гражданской цензуры периода войны. Именно этот отдел был центром фильтрации самой важной и чувствительной информации. Сам Дж. Крил писал в своих мемуарах насколько этот механизм оказался удобным для цензуры: газеты в одном месте могли получить всю информацию, без того чтобы направлять своих корреспондентов по разным ведомствам [2, р. 74]. По его словам, сохранение военных секретов нельзя было доверить газетам, работающим в мирное время [2, р. 71].

Кроме новостного подразделения в Комитете были подразделения, занимающиеся кинопроизводством, выпуском официального бюллетеня тиражом 118 тыс. экз., фото-

служба, выставочный отдел, бюро карикатур, направление по патриотической работы с эмигрантами. Также в состав Комитета входили подразделения по работе с национальностями: Скандинавское бюро, Польское, Украинское, Литовское, Чехословацкое, Немецкое, Венгерское, Итальянское, Русское и Югославское бюро. Все эти бюро занимались пропагандистской работой в среде национальных общин в США, готовили материалы для прессы на языках этих диаспор, выпускали брошюры, пропагандирующие американские ценности, ездили с выступлениями по этим национальным группам. Всего в этой масштабной работе было задействовано до 150 тыс. американцев. Структура Комитета постоянно росла, и руководству приходилось постоянно расширяться и снимать новые помещения, один раз был снят жилой дом, где в какой-то момент работники размещались в подвалах, коридорах, на кухне и в каморках на чердаках.

Был учтен опыт погони за сенсациями и эксклюзивами во время Испано-американской войны 1898 года, когда корреспонденты пытались опубликовать любую информацию с фронта, которая привлечет читателя, чем активно занимались газеты Джозефа Пулицера и Уильяма Хёрста. Подход Дж. Крила был другим, он рассматривал военные новости как общую, а не эксклюзивную информацию, которая требует и общего равного распространения всеми СМИ.

Крил создал систему фильтрации официальной информации о войне из государственных органов. В каждом органе власти, который был связан с военными действиями, находился представитель Комитета, часто из бывших журналистов. Эти прикрепленные сотрудники вместо корреспондентов собирали и готовили информацию с точки зрения интересов государства. На выходе одобренную информацию получали СМИ.

Одновременно Комитет осуществлял и функцию предварительной цензуры. Многие СМИ, опасаясь нарушить запреты и подпасть под санкции, перед публикацией отправляли свои материалы на согласование в Комитет. Также в Комитете на постоянной основе находились представители информационных агентств для быстрой передачи получаемых новостей на свои ленты.

Добровольность присоединения к системе цензуры была символической, в реальности газеты и агентства не могли отказаться от этого предложения властей. Позднее в американских исследованиях ей давали обтекаемую характеристику «технически добровольной» цензуры, с которой газеты смирились [7, р. 11]. Присоединение к системе цензуры было подкреплено рядом законов, которые жестко карали тех, кто не принял правила игры и не подчинился системе. Цензурное законодательство состояло из трех законов: в июне 1917 года был принят закон о шпионаже, в октябре 1917 года – закон о торговле с врагом и в мае 1918 года – закон о подстрекательстве к мятежу как поправки к закону о шпионаже. Эти законы были наследниками актов об иностранцах и подстрекательстве к мятежу 1798 года, которые более ста лет назад вводили скрытую законодательную цензуру для оппозиционных газет. В условиях Первой мировой войны властями США было принято решение использовать уже имеющийся опыт применения скрытой законодательной цензуры.

Закон о шпионаже от 15 июля 1917 года определял наказание за сбор любой информации, касающейся национальной обороны, которая могла быть использована во вред США. Подозрение в такой деятельности каралось штрафом 10 тыс. долларов или двумя годами тюрьмы, или тем и другим вместе. Наказание увеличивалось до двадцати лет тюремного заключения за передачу иностранному государству такой информации или за подстрекательство к передаче. Но самое суровое наказание устанавливалось для таких деяний во время войны – смертная казнь или тюремное заключение до тридцати лет. На принуждение к цензуре СМИ был нацелен раздел 3 этого закона, он устанавливал наказание в виде штрафа до 10 тыс. долл. или тюремного заключения на срок до 20 лет, либо и то и другое одновременно за передачу ложных сообщений или утверждений, которые будут

препятствовать успеху американской армии или способствовать успеху врага. Под норму о ложном сообщении или утверждении, заявлении, которые могут способствовать успеху врага США или вызвать нелояльность властям, могли подпасть практически любые статьи СМИ, касающиеся войны. Этот закон также содержал и норму о наказании за подстрекательство к мятежу, или отказу от службы, или за критику призыва [13].

Закон о торговле с врагом от 6 октября 1917 года определял, что президент США может подвергать цензуре¹ любое сообщение, передаваемое любым средством связи между США и любым другим государством, или сообщение, доставляемое на судне [14, р. 42]. Также закон содержал параграф 19 «Публикации на иностранных языках», в котором устанавливалась обязанность предоставлять начальнику почтового отделения переводы на английский язык любых печатных материалов, касающихся правительства США, других стран, участвующих в войне, а также любых вопросов, связанных с войной. Верность перевода в соответствии с законом должна быть подтверждена под присягой, а в случае ложной присяги определялся штраф в виде 500 долларов и одного года тюрьмы [14, р. 63–64]. Также под запрет попадали материалы на иностранных языках, запрещенные законом о шпионаже. Этот закон вводил предварительную цензуру для публикаций на любом иностранном языке в США, где нет официального государственного языка.

Закон о подстрекательстве к мятежу от 16 мая 1918 года несмотря на свое название ничего не изменил в наказании за подстрекательство к мятежу, которое уже было установлено законом о шпионаже 1917 года. Однако он ввел другую важную новеллу: прямую уголовную ответственность за публикацию и произнесение любых нелояльных или оскорбительных выражений в адрес формы правления в США, вооруженных сил и Конституции США, флага и даже униформы солдат. Также вводилось наказание за выступление словом или делом против интересов США и за поддержку интересов страны, с которой США находятся в состоянии войны. За такие нарушения предусматривался штраф до 10 тыс. долл. или тюремное заключение на срок до 20 лет, или то и другое одновременно [9]. Еще этот закон содержал норму о таком же наказании за препятствия в продаже облигаций США или предоставлении штатам займов.

Все эти три закона предусматривали наказание за несоблюдение добровольной цензуры [10, р. 480], конвертируя ее, таким образом, в обязательную. Они вводили суровое уголовное наказание за те же самые ограничения, которые предлагалось газетам взять на себя добровольно Кодексом добровольной цензуры. И добавляли к ним прямое наказание для газет за критику правительства. Риск сделать ошибку в передаваемой информации и получить наказание в виде 20–30 лет тюрьмы, а в некоторых случаях и смертной казни, обеспечивал принудительный характер цензуры.

Помимо законов косвенное давление на издания оказывал сам журналистский цех американских СМИ. В случае нарушений одним из изданий правил цензуры и публикации какого-либо материала, от публикации которого воздержались другие издания, соблюдавшие эти правила, последние выдвигали претензии к Комитету и своим коллегам с требованием следить за равным соблюдением цензуры всеми СМИ. Например, агентство «Ассошиэйтед пресс» однажды нарушило правила цензуры о том, что пресса не дает информацию о высадке в Европе американского десанта, состоявшего из нескольких групп, пока последний солдат благополучно не сойдет на берег, однако агентство дало информацию сразу после высадки первой группы. На это отреагировало конкурирующее информационное агентство «Юнайтед пресс», которое направило Дж. Крилу протест против нарушения цензуры со стороны коллег [11, р. 17]. Такая ситуация давала Комитету способы давления на прессу для соблюдения цензуры.

¹ В тексте закона в данном случае употребляется термин «цензура» (censorship).

Таким образом, добровольность цензуры в США в Первую мировую войну была рекламным приемом. Сам Дж. Крил, которого пресса во время войны называла главным цензором, а его Комитет – органом цензуры, после войны в своих мемуарах неоднократно пытался опровергнуть сложившееся мнение [2, р. 27]. Он любил характеризовать свою работу как рекламу США, при этом признавая колоссальную эффективность цензурного механизма, который был выстроен США в период Первой мировой войны [1, р. 317–318].

Цензуру по законам о шпионаже, торговле с врагом и подстрекательстве к мятежу осуществляла американская почта. Генеральный почтмейстер имел право ограничивать отправку любой корреспонденции, газет, книг, которые противоречат закону о шпионаже. Еще с конца XIX века по так называемому Почтовому закону, или Закону о классификации почтовых отправлений 1879 года газетам была предоставлена льгота для рассылки тиражей, которые в этот период стремительно росли. Специально для газет был создан «второй класс» отправлений с очень дешевым тарифом. Генеральный почтмейстер в случае выявления каких-либо нарушений мог лишить любую газету или журнал права на этот дешевый тариф, что автоматически означало закрытие издания.

Подавлялись пресса и общественные деятели, которые не проявили лояльность к правительству в вопросе войны с Германией. В первую очередь это были меньшинства в лице немецкоязычной и социалистической прессы, а также общественные лидеры этих групп. Эти издания лишались почтовых привилегий, теряли возможность рассылки и закрывались. Например, пожилой редактор немецкоязычной газеты в штате Висконсин, не подавший перевод статьи с критикой вакцинации военных против оспы, был осужден по закону о торговле с врагом и умер в тюрьме, где отбывал, назначенный ему один год лишения свободы [11, р. 18]. Тиражи немецкоязычной прессы в США в результате цензурных ограничений сократилась в два раза, как и количество самих газет.

Только к середине 1918 года Генеральный почтмейстер использовал право на отзыв почтовых привилегий по отношению к 75 газетам [11, р. 17] – в итоге 44 газетам было отказано в распространении, а еще 30 газет под угрозой повышения тарифов согласились больше ничего не писать о войне в обмен на сохранение почтовых привилегий, чтобы сохранить возможности рассылать тираж и не закрываться [3, р. 256].

Всего по законам о шпионаже и подстрекательстве к мятежу было арестовано более 2 тыс. чел., половина из которых была осуждена [3, р. 260]. В тюрьмы стали попадать лидеры социалистов. Эти события в американской научной литературе получили название «красной паники». На волне борьбы с социалистами и анархистами в 1919 году 249 русских эмигрантов, включая лидеров анархистов, были посажены на корабль и отправлены из США в Россию. Этот корабль получил название «Советский ковчег».

Современников этих законов удивляла непоследовательность их применения. Законодательные ограничения не применялись, например, к одной из самых крупных и влиятельных газетных империй того времени – сети У. Хёрста, который не был сторонником участия США в Первой мировой войны и затем на протяжении многих лет последовательно выступал за партнерство с Германией. В этой связи экс-президент США Теодор Рузвельт публично задавал вопрос о том, почему газеты Хёрста в период Первой мировой войны не были лишены почтовых привилегий и не ограничивались в распространении¹.

Военная цензура, то есть цензура в армии, носила второстепенный характер. В сравнении с опытом испано-американской войны 1898 года были введены ограничения на доступ корреспондентов на фронт. Основной объем работы пришелся на европейские бюро американских информационных агентств и газет, материалы, которых контролирова-

¹ Противники У. Хёрста из числа республиканцев высказывали мнение, что он избежал цензурных ограничений, поскольку был сторонником демократов, представитель которых Вудро Вильсон занимал в это время пост президента [3, р. 257].

ли военные цензоры из Службы военной разведки. Возглавлял отдел по работе с прессой и фактически осуществлял цензурный контроль Фредерик Палмер, который прежде работал в «Ассошиэйтед пресс».

Комитет Дж. Крила был расформирован в конце 1919 года, заложив основы, которые были использованы для организации цензуры в следующей большой войне. Одним из главных выводов практики организации цензуры в Первую мировую войну стала идея о том, что цензура во время участия США в войнах должна носить гражданский характер.

В ходе Первой мировой войны в США на государственном уровне была создана централизованная система гражданской цензуры. Информация готовилась в одном центре, отфильтровывалась и предоставлялась прессе. Формально цензура была провозглашена добровольной, но на законодательном уровне были приняты санкции вплоть до длительных тюремных сроков и смертной казни, которые принуждали прессу к соблюдению установленных правил.

Литература

1. *Collins R.F.* World War I: Primary Documents on Events from 1914 to 1919. Westport, Conn.: Greenwood Press, 2008. 411 p.
2. *Creel G.* How We Advertised America; the First Telling of the Amazing Story of the Committee on Public Information that Carried the Gospel of Americanism to Every Corner of the Globe. New York and London: Harper & Brothers, 1920. 466 p.
3. *Emery E.* The Press and America: an Interpretative History of the Mass Media / E. Emery, M.C. Emery, N.L. Roberts. Boston: Allyn and Bacon., 2000. 698 p.
4. *Engelman R.* A Century of Repression: The Espionage Act and Freedom of the Press / R. Engelman, C. Shenkman. Chicago: University of Illinois Press, 2022. 336 p.
5. *Hyde C.C.* The Espionage Act // The American Journal of International Law. 1918. Vol. 12. P. 142–146.
6. *Lebovic S.* State of Silence: The Espionage Act and the Rise of America's Secrecy Regime. New York: Basic Books, 2023. 464 p.
7. *Mock J.R.* Words that won the war; the story of the Committee on Public Information, 1917–1919 / J.R. Mock, C. Larson. Princeton: Princeton University Press, 1939. 372 p.
8. *Newton-Matza M.* The Espionage and Sedition Acts: World War I and the Image of Civil Liberties. New York: Routledge, 2017. 156 p.
9. Sedition act of May 16, 1918 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://academic.brooklyn.cuny.edu/history/johnson/espionageact.html>
10. *Sumpter R.S.* "Censorship liberally administered": Press, U.S. military relations in the Spanish-American War // Communication Law and Policy. 1999. Vol. 4. P. 463–483.
11. *Sweeney M.S.* Secrets of Victory: the Office of Censorship and the American Press and Radio in World War II. Chapel Hill, North Carolina: The University of North Carolina Press, 2001. 288 p.
12. The Creel Report: Complete Report of the Chairman of the Committee on Public Information, 1917: 1918: 1919. New York: Da Capo Press, 1972. 290 p.
13. The Espionage Act of June 15, 1917 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://academic.brooklyn.cuny.edu/history/johnson/espionageact.html>
14. Trading with the Enemy: Act Approved October 6, 1917. New York: Guaranty Trust Company of New York, 1917.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования цензуры в США в период Первой мировой войны. Организованная на государственном уровне решением президента, она впервые носила системный характер и была доверена гражданским лицам. Подчинение прессы государственной цензуре позиционировалось как дело добровольное, государство только предлагало присоединиться к Кодексу добровольной цензуры. На практике же цензура носила принудительный характер: в 1917–1918 годах был принят ряд законов, вводивших длительные тюремные сроки и смертную казнь за нелояльность к правительству США и нарушение правил добровольной цензуры, а также лишавших неугодные государству СМИ возможности рассылать свои тиражи по почте, что автоматически приводило к закрытию изданий.

Ключевые слова: США, цензура, Первая мировая война, пресса, почта, гражданская цензура, военная цензура.

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Поступила в редакцию 3 марта 2025. Принята к печати 5 марта 2025.

Philipp A. Shchipkov, Political Scientist, Journalist. E-mail: ship3@yandex.ru

Censorship in the United States during the First World War

Abstract. The article examines the specifics of the censorship functioning in the United States during the First World War. For the first time censorship in the United States was systemic and organized at the state level by the decision of the president and was entrusted to civilians. Submission to state censorship was positioned as voluntary matter of the press itself, the state only offered to join the Code of Voluntary Censorship. In practice, it was of compulsory nature: in 1917–1918, laws on espionage, trade with the enemy, and sedition were passed. Those laws imposed long prison terms and even death penalty for disloyalty to the U.S. government and violation of the rules of voluntary censorship. The 1879 Law on the Classification of Postal Items made it possible to deprive the unwelcome for the state media of the opportunity to send their circulations by mail, which automatically led to the closure of newspapers and magazines.

Keywords: USA, Censorship, World War I, Press, Civil Censorship, Military Censorship.

Disclosure statement.

No potential conflict of interest was reported by the author.

Received: March 3, 2025. Accepted: March 5, 2025

© Филипп Щипков, 2025

Размышления о прочитанном

{ Раздел четвертый }

*В.Л. Близнеков
Идея Москва – Третий Рим: смысл и значение великой русской религиозно-политической доктрины. Рецензия на книгу И.С. Вевюрко «Третий Рим. 500 лет русской имперской идеи»*

*А.А. Тесля
Об одной исторической публикации III отделения*

Идея Москва – Третий Рим: смысл и значение великой русской религиозно-политической доктрины

**Рецензия на книгу И.С. Вевюрко «Третий Рим.
500 лет русской имперской идеи»**

Пред иконой Вседержителя тает сумрак восковой,
Словно Храм Христа Спасителя в белой дымке над Москвой.
Он взметнулся над болотами, над чащобой лесной,
Удивляет позолотою, восхищает белизной...
Вечен Храм Христа Спасителя в белой дымке над Москвой.

Александр Цветков «Храм Христа Спасителя»

Из разнообразных научных и философских трудов о концепции «Москва – Третий Рим», вышедших с начала прошлого столетия как в России, так и на Западе, безусловно, вызывает интерес книга известного современного российского религиоведа и философа Ильи Сергеевича Вевюрко «Третий Рим. 500 лет русской имперской идеи», изданная в 2025 году в Москве в издательстве «Эксмо» в серии «Религии, которые правят миром» [1]. Данная работа примечательна прежде всего оригинальностью авторского подхода к анализу концепции «Москва – Третий Рим», который сам автор называет «введением в историю идеи», так определяя задачу своего исследования: «...взять идею в ее первоизданном виде, как она вышла из-под пера старца Филофея, и проследить именно ее историю в различных обстоятельствах времени» [1, с. 7]. Использование герменевтического метода для анализа генезиса идеи «Москва – Третий Рим» в различные периоды истории России позволяет автору попытаться неангажированно и объективно исследовать тему, которая в трудах большинства его предшественников была по умолчанию чрезмерно идеологизирована и политизирована.

Впервые идея «Москва – Третий Рим» появляется в начале XVI века, точнее в 1524 году, в послании монаха псковского Елеазарова монастыря Филофея псковскому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину¹, которое в современной исторической науке большинством ученых признано совершенно достоверным, а также в менее достоверном с научной точки зрения, но также не отвергаемом многими учеными послании Филофея великому князю московскому Василию III². Самая известная цитата из первого текста: «...два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» [цит. по: 2, с. 345]. В первом послании Филофея Москва упоминается всего один раз, но важно то, что Филофей прямо упоминает Москву именно в контексте данной цитаты, так что не остается

¹ Оригинальное название данного текста «Послание о злых днех и часех».

² Оригинальное название данного текста «Послание к великому князю Василию, в немъже о исправлении крестного знамения и о содомском блуде». Оба данных текста впервые были опубликованы в России в журнале «Православный собеседник» в 1861–1863 годах.

сомнения, что Третий Рим есть в буквальном смысле Град Москва¹. И.С. Вевюрко в рецензируемой книге представляет оригинальный концептуальный и текстологический анализ послания Филофея к дьяку Михаилу Мисюрю-Мунехину, особенно подчеркивая исторический и религиозный контекст появления данного сочинения.

1524 год – время правления в Москве великого князя Василия Ивановича III, сына великого князя московского Ивана III Великого и Софьи Палеолог, племянницы последнего императора Византии Константина XI Палеолога. В правление Василия III в 1510 году прекратила свое существование и была присоединена к Москве Псковская вечевая республика (самоназвание – Псковское господарство) – независимое средневековое государство на территории Руси, возникшее в XIII веке и просуществовавшее около 300 лет. Псковская вечевая республика была родиной монаха Филофея, ее постигла участь соседней Новгородской республики (самоназвание – Господин Великий Новгород) – мощного русского средневекового государства, главного политического конкурента Москвы, существовавшего с 1136 по 1478 год, завоеванного московским великим князем Иваном III и полностью вошедшего в состав Русского государства со столицей в Москве.

Европа в 1524 году переживает мощный политический и религиозный кризис, связанный с появлением нового религиозного движения – протестантизма, откровенно враждебного по отношению к Римско-католической церкви, политическое и религиозное влияние которой на свою европейскую паству было к тому времени уже серьезно подорвано ренессансным пантеизмом и антропоцентризмом. Такое положение дел заставляет Римско-католическую церковь усилить свой натиск на Восток, прежде всего на покорение православной Русской Церкви, отказавшейся по примеру византийской Константинопольской православной церкви в 1439 году заключить с Римско-католической церковью Флорентийскую церковную унию.

Именно завуалированным прозелитизмом и пропагандой церковной унии со стороны Римско-католической церкви И.С. Вевюрко объясняет появление на Руси астрологического прогноза от проживавшего в это время в Москве немецкого католического эмиссара, дипломата и врача Николауса Бюлова, прозванного русскими Николаем Булевым, о скором наступлении в 1524 году бедствий всемирного масштаба в виде апокалиптического потопа в Европе [1, с. 23–24]. Астрологический прогноз немецкого ученого-католика сильно напугал московскую политическую элиту того времени, что послужило причиной обращения псковского дьяка Мисюря-Мунехина за советом к авторитетному старцу Филофею.

Почему высокопоставленный государственный муж Руси обратился за разъяснением о доверии популярному предсказанию именно к старцу, то есть авторитетному монаху, вполне объяснимо благочестивой русской церковной традицией – по всем духовным вопросам миряне должны были обращаться за советом к священнослужителям и монахам. Данный астрологический прогноз, безусловно, относился к разряду духовных вопросов, поскольку мог ввести верующих в духовный соблазн, хотя, очевидно, представлялся для русских людей Булевым в качестве научного, а не эзотерического предсказания, – под влиянием культуры Ренессанса астрология не отвергалась европейской наукой как оккультное знание, и сам католический интелlectual Булев, вероятно, верил в истинность распространяемого им в Москве апокалиптического прогноза [1, с. 23–24].

Старец Филофей в ответном письме дьяку Мисюрю-Мунехину не только отверг значение предсказания Булевым нового мирового потопа по причине его астрологического

¹ «О сих убо преуспокоивше слово, мала некаа словеса изречем о нынешнем православном царствии пресветлейшего и высокостолнейшего государя нашего, иже в всей поднебесной единого христианом царя и броздодръжателя святых Божиих престол, святых вселенских апостолских церкви, иже вместо римской и константинопольской, иже есть в богоспасном граде Москве святого и славного Успения пречистые Богородица, иже единая в вселенной паче солнца светится» [цит. по: 2, с. 345].

характера, но и сделал на основе данного факта вывод об апостасии и еретичности Римско-католической церкви, или Первого Рима. Филофей опровергает истинность астрологического прогноза в качестве западного языческого суеверия, а затем переходит к религиозной антиуниатской полемике, призывая дьяка и всех православных христиан отвергнуть католическую идею церковной унии, не только дискредитировавшую в 1439 году Константинопольскую православную церковь, но и во многом духовно и политически поспособствовавшую гибели Византийской империи в 1453 году в результате османского завоевания Константинополя [2, с. 339–345].

Автор рецензируемой книги объективно и точно воспроизвел для читателей контекст посланий Филофея. Но вслед за этим необходимо ответить на вопрос, почему именно Москва, а не другой город Руси или иной мировой центр христианского царства вправе стать Третьим Римом? Для ответа на данный вопрос существуют два наиболее значимых концепта, которые мы рассмотрим ниже.

Третий Рим как *translatio imperii*

В средние века в Европе существовала концепция о переходе мирового царства или центра мировой империи из страны в страну, что на латыни называлось *translatio imperii* (переход империи). Эта идея возникла на основе толкования библейского пророчества из апокалиптической ветхозаветной Книги пророка Даниила о четырех мировых царствах – вавилонском, мидо-персидском, греческом и римском, последовательно сменяющих друг друга в мировой истории (Дан. 7). Позднее эта концепция дополнилась в христианской эсхатологии миллениаристской идеей «тысячелетнего царства Божия на земле», которая получила особенно широкое распространение в Европе в протестантских религиозных общинах.

На идее *translatio imperii* в Византии было основано убеждение о духовной и политической преемственности Константинополя, ставшего в прямом смысле Новым Римом, после гибели Западной Римской империи со столицей в Риме в 476 году и Великой схизмы 1054 года, расколовшей единую вселенскую христианскую церковь на Римско-католическую и Константинопольскую православную церковь. Название «Византия» никогда не употреблялось ее гражданами – это поздний исторический неологизм, граждане Византии называли свою империю Римской, а себя римлянами (ромеями)¹, хотя большинство из них общалось между собой на греческом языке и не владело латынью – языком древних римлян, ставшим *lingua franca* в античной Римской империи.

Византия в отличие от античной Римской империи, жестоко преследовавшей христиан на протяжении почти трех веков, с момента возникновения в 395 году и до своей гибели в 1453 году, несомненно, являлась исключительно христианским царством и, просуществовав более тысячи лет, даже в некотором смысле вписывалась в миллениаристскую концепцию тысячелетнего христианского царства на Земле.

Византийцы понимали идею *translatio imperii* в виде вектора, направленного с Запада на Восток, от Рима, в конце V века, утратившего имперский статус, в Новый Рим – Константинополь, новую столицу Восточной Римской империи, сумевшей в отличие от Западной Римской империи защитить свой государственный суверенитет. Причем идея переноса империи для византийцев была настолько естественной, что они почти забыли о своей национальной, преимущественно греческой идентичности, подчеркивая своим самоназванием – римляне (ромей) – собственную гражданскую политическую римскую идентичность.

¹ В популярной греческой песне о падении Константинополя «Θά 'ρθεις στὸν ἀστράτην» римским императором назван последний византийский император Константин XI Палеолог Драгаш, погибший во время штурма Константинополя турками 29 мая 1453 года [7].

Необходимо отметить также, что в Западной католической Европе идея *translatio imperii* существовала в виде противоположного вектора, направленного из Константинополя в Священную римскую империю, которая была основана в 962 году королем Германии Оттоном I [3, S. 17]. Но, как подчеркивается в современной западной историографии, Священная римская империя не была ни священной, ни римской [4, S. 332], она не являлась даже государством в полном смысле слова, а лишь надгосударственным союзом разных европейских народов, где власть императора была скорее номинальной, а идея ее создания принадлежала папе Иоанну XII в целях формального возрождения погибшей в V веке Западной Римской империи. Образование Священной римской империи было политическим и идеологическим ударом Запада и Римско-католической церкви по Византии, что во многом способствовало церковному расколу 1054 года.

Но на Руси в начале XVI века во времена Филофея идея *translatio imperii* никак не могла быть напрямую связана ни с Западной Римской империей, ни со Священной римской империей, поскольку Русь приняла христианство от Византии, являвшейся для раздробленной средневековой Руси образцовым христианским царством, поэтому идея перехода империи могла быть воспринята на Руси только от Византии. В православном мире после гибели Византии и Флорентийской унии должен был быть поставлен вопрос о направлении вектора перехода империи. Но только в начале XVI века, особенно после правления великого князя московского Ивана III и его женитьбы на племяннице последнего императора ромеев – Софье Палеолог, ответ на данный вопрос стал для православного мира очевидным: христианское царство из Византии перешло в Москву.

Идея Москвы как Третьего Рима не вызвала у другого адресата монаха Филофея – Государя и Великого князя всея Руси Василия III – сына Ивана III Великого и Софьи Палеолог, потомка византийских императоров, хотя и по материнской линии, – ни малейшего возражения. Но обоснована эта концепция могла быть только религиозной аргументацией, поскольку после Флорентийской унии и разрыва отношений с Константинополем Москва не могла являться политическим союзником Византии и претендовать на какое-либо политическое преемство от византийских императоров.

В посланиях монаха Филофея идея Москвы – Третьего Рима аргументирована не политическими, а религиозными причинами. Как отмечает И.С. Вевюрко, оба великих града – Рим и Константинополь – «пали не как города: оба стояли на тот момент и выглядели намного внушительнее Москвы во всех отношениях» [1, с. 20]. Но какой в этом толк, считает Филофей, если жители этих величественных в прошлом имперских городов по причине впадения в ересь утратили чистоту христианской веры.

Идея Москва – Третий Рим носила не идеологический, а религиозный характер и выражала, как отмечает выдающийся современный российский историк Александр Николаевич Боханов, новое национально-государственное самосознание русского народа, являясь идеей русского религиозного мессианизма, воспринимавшего Русь Богоизбранной землей [5, с. 192].

Сильная сторона концепции «Третий Рим как *translatio imperii*» состоит в ее реалистическом характере. Реализм заключается в том, что Москва является Третьим Римом как очевидность или исторический факт в православной религиозной парадигме начала XVI века, поэтому Русь не должна никому доказывать, почему она заслужила такую честь. Несмотря на это, концепция «Третий Рим как *translatio imperii*» в подходе автора не является приоритетной, она лишь косвенно упоминается автором, наряду с другими важными идеями в реконструкции библейского богословского контекста посланий Филофея [1, с. 40–41].

Третий Рим как Катехон

Иначе обстоит дело с другой не менее известной концепцией «Третий Рим как Катехон», которую преимущественно рассматривает и анализирует автор рецензируемой книги. И.С. Вевюрко исходит из понимания идеи Третьего Рима как Катехона: «Итак, Рим – это “мы”, христианское государство, с уничтожением которого на земле наступит небывалая всемирная монархия обожествленного правителя, ведущего этот мир к гибели» [1, с. 30].

Вначале необходимо пояснить, что означает понятие «Катехон». Буквально понимание слова «Катехон» (ὁ κατέχων) в переводе с древнегреческого языка означает «противостоящий», «удерживающий», «препятствующий») – это греческое причастие настоящего времени в активном залоге. В Новом Завете это слово присутствует во Втором послании апостола Павла к Фессалоникийцам и традиционно переводится на русский язык как «удерживающий»¹, что означает буквально «противостоящий» Антихристу или «удерживающий, препятствующий» его пришествию.

Катехон как богословское или религиозно-политическое понятие имело в христианской традиции большое количество толкований, одно из самых популярных восходит к Отцам Церкви Иоанну Златоусту и Феофилакту Болгарскому, которыми оно толковалось как Рим или Римская Империя. Смысл «удерживающего» в данном толковании состоит в том, что Рим как мировая империя, хотя и изначально языческая и даже жестоко преследующая ранних христиан, тем не менее противостоит силой государственной власти наступлению «тайны беззакония», то есть приходу Антихриста. Данное толкование отождествляет Рим с христианским государством и прямо указывает на необходимость союза Церкви с государственной властью.

Концепция «Третий Рим как Катехон» не вытекает непосредственно из идеи «Третий Рим как *translatio imperii*», а представляет собой ее альтернативу. Кроме того, данная концепция в высшей степени лояльна Риму как первоначальному символу христианского государства. Важное отличие обеих концепций состоит в том, что Катехон в отличие от *translatio imperii* имеет не объективно исторический, а субъективно религиозно-политический характер. Государство – претендент на роль Катехона для всемирной христианской Церкви на конкретном историческом этапе, во-первых, может быть только одним, во-вторых, должно перманентно демонстрировать Церкви свои заслуги перед ней и, в-третьих, не может на какое-то время устраниваться от своей миссии Удерживающего, поскольку в таком случае это означало бы непосредственное пришествие Антихриста. Концепция Катехона предполагает не только объяснение, почему и за что Москва и Русь есть Третий Рим, но и доказательство права на сохранение за собой этого высокого духовного статуса. В данном обстоятельстве заключается потенциальная проблемность толкования Катехона как единственного в данный исторический момент христианского царства.

Автор выбрал для анализа именно концепцию Катехона, вероятно, по причине того, что именно она исторически доминировала в русской православной эсхатологии. В соответствии со своим замыслом он прослеживает в данной книге развитие идеи Третьего Рима как Катехона в ходе всей последующей российской истории, как церковной, так и государственной.

И.С. Вевюрко увлекательно описывает в своем труде как победные взлеты идеи Третьего Рима как Катехона в российской истории (например, возникновение Русского царства в 1547 году, учреждение патриаршества на Руси в 1589-м, создание Российской

¹ «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес.2:7).

империи в 1721-м, чудесная победа России над Великой армией Наполеона в 1812 году), так и трагические падения данной идеи в истории России (Смутное время и гибель первой царской династии Рюриковичей, раскол Русской православной церкви в XVII веке, гибель Российской империи и второй царской династии – Романовых в результате двух российских революций в 1917 году, создание богоборческой «Красной империи»¹ и распад страны под названием СССР в 1991 году).

Автор прямо называет падением идеи Третьего Рима отказ советского государства от идеи Катехона и замену миссии христианского царства на идею построения на земле справедливого коммунистического общества, объясняя причину данного трагического положения дел, согласно старцу Филофею, наказанием свыше за нераскаянные нравственные грехи народа [1, с. 240]. Тем не менее в книге нет ответа на логичный вопрос: как Удерживающий может на несколько десятилетий официально отказаться от собственной религиозно-политической миссии и тем не менее не происходит предсказанных апокалиптических событий, так что Катехон может снова восстановить свой духовной статус?

Несмотря на величественность идеи Третьего Рима как Катехона, она является слишком идеализированной, и вера в нее иногда приводила в российской истории к драматичным социальным конфликтам и расколам, что особенно ярко проявилось во время раскола Русской Церкви при патриархе Никоне в XVII веке и глубокого социального раскола российского общества после свержения российской монархии и прихода в 1917 году к власти в России партии большевиков.

Ярким примером тотального искажения идеи Третьего Рима как Катехона вследствие ее произвольно субъективной идеализации является толкование идеи Москвы – Третьего Рима русским философом Серебряного века Николаем Бердяевым, который в поздний период своего творчества, будучи убежденным противником советского режима, объяснял происхождение большевистского секулярного мессианизма из идеи «Москва – Третий Рим». Бердяев полагал, что идея русского мессианизма как Третьего Рима, возникнув изначально в XVI веке в религиозной форме Катехона проходит через всю русскую историю, трансформируясь в начале XX века в идеологию большевизма, – форму русского мессианизма в секулярной марксистской оболочке. Русский народ, по Бердяеву, отказался от своей религиозной христианской миссии в угоду государственной имперской идеологии «Москва – Третий Рим», что и привело к победе большевизма в России [7, с. 117–118].

Поэтому можно говорить об определенной недооценке автором книги идеи «Третий Рим как *translatio imperii*», которая, очевидно, присутствует в текстах посланий Филофея, также как и идея Катехона отражает русский религиозный мессианизм, но в отличие от последней не является идеализированной или политически ангажированной.

При знакомстве с книгой автора рецензии также несколько озадачило практически полное отсутствие в тексте книги выражения «Москва – Третий Рим», хотя, как было отмечено выше, в оригинальном тексте монаха Филофея Москва в контексте «Третьего Рима» прямо упомянута. И.С. Вевюрко очень часто пишет просто «Третий Рим», опуская упоминание града Москвы. Это можно было бы объяснить случайностью, но обратила на себя внимание следующая необычная фраза в контексте чудесного явления Тихвинской иконы Божией Матери: «...пришествие Рима на Русь (не просто в Москву, но именно на Русь, на пустынный берег Тихвинки)...» [1, с. 84].

Непонятно, чем мотивировано желание автора разделить Москву и Русь и отождествить Третий Рим скорее с Русью, чем с Москвой, ведь Филофей в тексте своих посланий говорит именно о переходе Рима в Москву, а не на берег реки Тихвинки в бассейне Ладожского озера. Поэтому духовное значение Москвы как русского мессианского града,

¹ Так называется одна из глав книги [1, с. 249].

которое в российской истории несопоставимо ни с одним иным городом, явно недооценено автором данной работы. Несмотря на это, данная книга, безусловно, заслуживает внимания прежде всего историков, философов, религиоведов и богословов, и ее выход в свет в 2025 году был значимым событием в российской интеллектуальной жизни.

Литература

1. Вевюрко И.С. Третий Рим: 500 лет русской имперской идеи. М.: Эксмо, 2025.
2. Симицына Н.В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.
3. Le Goff J. Die Geburt Europas im Mittelalter. 2 Auflage. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2008.
4. Heather P. Die Wiedergeburt Roms. Päpste, Herrscher und die Welt des Mittelalters. Stuttgart: Klett-Cotta, 2014.
5. Боханов А.В. Русская идея. М.: Проспект, 2025.
6. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
7. Θά 'ρθεις σαν αστραπή [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rutube.ru/video/ef9c2c502d2facaf9ce6b1346a877482/>

Аннотация. В статье исследуется история развития идеи Москва – Третий Рим в религиозном и политическом контексте. Делается вывод о приоритетном значении концепции «Третий Рим как *translatio imperii*» для понимания смысла данной идеи в российской истории.

Ключевые слова: Москва, Третий Рим, Катехон, царство, империя, церковь.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Поступила в редакцию 1 октября 2025. Принята к печати 9 октября 2025.

Vladimir L. Bliznekov, PhD in Philosophy, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: vbliznekov@gmail.com

“Moscow – Third Rome” Idea: the Meaning and Significance of the Great Russian Religious and Political Doctrine. Review of the Book “Third Rome. Five Hundred Years of Russian Imperial Idea” by I.S. Vevjurko

Abstract. This article examines the development of “Moscow as the Third Rome” idea in religious and political contexts. As the result, the author concludes that the concept of the “Third Rome as *translatio imperii*” is crucial for understanding the meaning of this idea in Russian history.

Keywords: Moscow, Third Rome, Katechon, Kingdom, Empire, Church.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Received: October 1, 2025. Accepted: October 9, 2025

Об одной исторической публикации III отделения

«Записки покойного князя Петра Долгорукова» [1], думается, один из наиболее известных русских исторических текстов, оставленных XIX веком. Известности его способствовало многое: и скандальное содержание «Записок...», и повествование о временах, до того в самой России практически изъятых из обсуждения, а опубликованные к тому времени заметки иностранцев не вызывали зачастую особенного доверия к их точности и осведомленности авторов, в отличие от кн. Долгорукова, при всей сомнительности его репутации, заслуженно пользовавшегося славой большого знатока русского прошлого, в особенности генеалогической стороны дела (предмета неизменно щекотливого). Но, пожалуй, в дальнейшем, уже сильно после смерти князя, никогда не отличавшегося крепким здоровьем, особенный интерес к ним вызвало похищение его архива, организованное III отделением, – об этом в 1920-х годах обстоятельно рассказал Р.М. Кантор (занятый, впрочем, преимущественно другой стороной той же операции – стремлением императорского правительства арестовать С.Г. Нечаева), а уже в 1970-х, с интересом именно к историческому содержанию «Долгоруковых бумаг», – Н.Я. Эйдельман.

Словом, «Записки...» – произведение, представляющее интерес независимо от исторической ценности своих «предметных» сообщений. Они важны и как яркий памфлет, написанный на историческом материале (где слухи и догадки переплетены с достоверным знанием, а последнее подаваемо сквозь призму симпатий и антипатий автора, его умения умалчивать об одном, обстоятельно излагая соседнее), и как памятник направленности исторического внимания, одновременно выразительно представляющий то, что с точки зрения властей следовало предать молчанию (и тем самым поясняющий эту лакуну – и предмет опасений).

Политический эмигрант с 1859 года, исполненный желчи по отношению к существующему порядку, но при этом если и сошедший на один момент с кругом Герцена и Огарева, то лишь по указанной причине – неприязни к положению вещей в России, ни на одно мгновение не согласный с социально-политическими устремлениями издателей «Колокола», недолголюбивающий, говоря мягко, Романовых – от того, что считал себя намного родоулюбивее их и на этом основании имеющим больше прав на престол... Долгоруков весь свой ум и вечно ущемленное честолюбие выместил на страницах как «Петербургских очерков», где повествовал об известной ему подноготной стороне современности, так и в своих исторических разысканиях¹. Впрочем, появляются эти исторические очерки уже в

¹ По сей день наиболее информативный очерк о Долгорукове – статья С.В. Бахрушина, открывающая сборник «Петербургских очерков» [2, с. 5–102].

Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель; НОЦ «Центр исследований русской мысли» Института образования и гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени И. Канта (Калининград), E-mail: mestr81@gmail.com

то время, когда большая часть их содержания – затрагивая многие знатные русские фамилии – в общем плане большого удивления не вызывала. Тем примечательнее история, связанная с первой публикацией «второго тома».

«Записки князя Петра Долгорукова» вышли в русском переводе (А.Ю. Серебрянниковой) в 2007 году, а в 2024-м состоялось второе, исправленное и дополненное их издание. И вот уже в этом году вышел русский перевод книги, которая в 1871 году появилась под именем «Записки покойного князя Петра Долгорукова. Том II. Выпуск первый». Тем самым можно сказать, что наконец в России появилось полное издание «Записок...», таких, какими они оказались к 1870-м годам. Об истории «Записок...» подробно рассказывает С.Н. Искюль в предисловии к основному тому – и специально останавливается на истории своеобразного первого выпуска второго тома в предисловии к нему. Не пересказывая содержание этих обстоятельных статей, напомним лишь ключевые моменты. Появление первого тома «Записок...» и в особенности обещание продолжения, относящегося ко временам, более близким (в первом томе изложение останавливалось на временах Анны Иоанновны), вызвало серьезное беспокойство в Петербурге, а вскоре последовавшая смерть князя и переход архива к Станиславу Тхоржевскому (владельцу книжной лавки, в предшествовавшие годы помогавшему Герцену и Огареву в работах по изданию «Колокола», к этому времени прекратившемуся) ставила со всей остротой вопрос о дальнейшей судьбе бумаг, тем более что конкретное содержание архива оставалось неизвестным. В результате III отделением было поручено одному из его лучших агентов, К.-А. Романну, приложить все усилия к получению архива. Как известно, он с этим прекрасно справился – и в итоге бумаги оказались в Петербурге. Однако так как миссия Романа (действовавшего под именем Постникова – ему были выданы документы штаб-ротмистра Н.В. Постникова, без вести пропавшего во время Крымской войны в 1855 году) была еще отнюдь не завершена и ему надлежало и дальше возвращаться в эмигрантских кругах, пытаясь схватить Нечаева, то надлежало продемонстрировать, что купленные бумаги действительно «идут в дело», – этим и стал первый выпуск второго тома.

Издание, теперь вышедшее в русском переводе/сборке под именем «Записки покойного князя Петра Долгорукова. Материалы ко второму тому», интересно тем, какое именно прошлое к этому моменту (1871) представало в глазах III отделения «безопасным». Собственно, логику отбора текстов по крайней мере отчасти легко понять – в издание в первую очередь вошли те материалы из архива Долгорукова, которые к этому времени уже были опубликованы (к тому же в более полном и исправном варианте) в России: это записки герцога Бирона, написанные им в начале царствования императрицы Елизаветы Петровны (в первую очередь с целью оправдать себя в глазах новой власти, свергнувшей тех, кто были виновниками его падения и ссылки) и записки Якова Штелина о Петре III.

Здесь необходимо сказать, что вышедшая книга не является переводом издания 1871 года, или, точнее, не является лишь им: названные выше записки Бирона и Штелина даны, во-первых, не в переводе с франкоязычного издания, а по русским публикациям (уже потому, что сами эти записки были писаны по-немецки, и перевод их с издания 1871 года оказался бы вторичным переводом), во-вторых, даны целиком – с обозначением купюр, которые были сделаны в женевской публикации. Впрочем, сами эти купюры любопытны тем, что по содержанию не носят политического характера, так что, по всей вероятности, восходят действительно к выпискам, подготовленным самим кн. П.В. Долгоруким фрагментам.

Остальные три главы весьма несхожи. Во-первых, это заметки, относящиеся к царствованию Анны Иоанновны, продолжающие, а отчасти и повторяющие сказанное в первом томе. Во-вторых, краткие заметки, относящиеся к царствованию Екатерины II и помеченные как написанные «по воспоминаниям деда князя Петра Долгорукова» (С.Н. Искюль резонно полагает, что в основе этой главы могли лежать записанные внуком мемуарные

рассказы деда). В-третьих, перечень с биографическими и генеалогическими заметками «главных фаворитов Екатерины II».

Этот ворох старых заметок, написанных если не исключительно, то в первую очередь для «своих», в смысле – своего круга, для кого все эти персонажи истории XVIII столетия были дедушками и бабушками, их когдатощными любовниками и любовницами или смертельными врагами, чтобы затем, на следующем повороте, оказаться в свойстве или родстве. Неприглядная сторона истории – впрочем, век был страстный, молодой, покинувший одни приличия и еще не обзаведшийся другими, не привыкший ни сдерживаться, ни особенно скрывать.

Но Долгоруков если обычно и не напоминает, то вместе с тем и не забывает, что это именно сторона истории: великие дела если вершились, то вот так, в смеси нелепых страстей, сплетении гордыни и раболепства, посреди позолоты и грязных скатертей. Повествуя о перипетиях избрания Бирона (которого он последовательно именует Биреном, отказывая ему в притязаниях на родство с французскими Биронами) на курляндский престол, он в конце концов отмечает:

«Историческая правда вынуждает нас отметить, что эти претензии Бирона полностью совпадали со стремлениями нашего правительства, которое желало иметь в лице герцога Курляндского человека, верного России и полностью от него зависимого» (с. 36) – и которые к концу века приведут к юридическому включению Курляндии в состав Империи.

Публикация III отделения показательна меняющимся отношением к прошлому – сами по себе весьма нелюбимые характеристики двора и императрицы как уже вошедшие в разряд «общих мест», хотя и без некоторых красочных подробностей, сообщаемых Долгоруковым, оказывались терпимыми, пусть и в зарубежном издании. Прошлое перестает быть столь «непосредственно актуальным», оберегаемыми оказываются уже скорее те тайны и подробности, которые могут болезненно задеть ныне живущих – скорее в личном плане, чем в политическом. Политическое уже достаточно дистанцировано от сферы частной – есть многое, что еще не принято называть и что закрыто цензурным порядком в Империи, вроде обстоятельств кончины императора Павла Петровича. И не случайно отмена этих запретов в 1905 году вызовет взрыв любопытства, но принципиально ничего не изменит в представлении о прошлом: это скорее тень «старого порядка», где государственное и семейное тесно переплетено, но именно тень, уже заметно светлеющая, – свидетельством чему и сама санкция III отделения на такого рода издание.

Литература

1. Записки покойного князя Петра Долгорукова. Материалы ко второму тому / под общ. ред. А.А. Крутских; пер. с фр. А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. С.Н. Исколюя; примеч. А.А. Крутских. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2026. 192 с.
2. Бахрушин С.В. «Республиканец-князь» Петр Владимирович Долгоруков // Долгоруков П.В. Петербургские очерки: Памфлеты эмигранта. 1860 – 1867 / собрал и приготовил к печати П.Е. Щеголев; дополнил и снабдил введением и примечаниями С.В. Бахрушин. М.: Кооперативное изд-во «Север», 1934.

Аннотация. «Записки покойного князя Петра Долгорукова. Том II. Выпуск 1», вышедшие в Женеве в 1871 году, являются одним из прелюбопытнейших русских заграничных изданий. Достаточно сказать, что они выпущены на средства и по инициативе III отделения уже после того, как в 1869 году архив покойного князя оказался в Петербурге, – благодаря операции, осуществленной агентом III отделения К.-А. Романном. Опасения Петербурга, связанные с архивом кн. Долгорукова и публикацией им первого тома «Записок...» в 1867 году, косвенным образом отражаются в 1-м выпуске II тома, высвечивая то прошлое, которое в глазах властей уже стало «безопасным», и позволяют увидеть, как движется граница политически значимого. Выпуск этой книги завершает русское издание «Записок...», начатое в 2007 году, давая возможность широкой публике составить полное представление об этом знаменитом издании и его истории.

Ключевые слова: русская зарубежная печать XIX века; «Колокол» Герцена и Огарева; III отделение; русская зарубежная агентура XIX века

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Поступила в редакцию 1 октября 2025. Принята к печати 9 октября 2025.

Andrey A. Teslya, PhD in Philosophy, Senior Researcher, Scientific Adviser, Russian Thought Research Centre, Institute of Humanities, Kant Baltic Federal University (IKBFU). E-mail: mestr81@gmail.com

On One Historic Publication of the Third Department

Abstract. “Notes of the late Prince Petr Dolgorukov. Volume II. Part 1” published in Geneva in 1871, can be viewed as one of the most intriguing Russian book foreign editions. It’s enough to say that the “Notes” were published on the initiative and with the funds of the Third Department after 1869 when the archives of the late Prince were returned to St. Petersburg, - as the result of the operation carried out by the Third Department agent K.A. Romann. The concerns of St. Petersburg officials related to Prince Dolgorukov archives and the publication of the “Notes...” first volume in 1867, were indirectly reflected in the first edition of the second volume, highlighting the past that according to the authorities had become “safe” and allowing to see how the scopes of politically significant issues were shifted. This book publication completes the Russian edition of the “Notes”, started in 2007. It allows the general public to form the idea of this famous edition and its history.

Keywords: Russian Foreign Editions of the 19th Century, the “Bell” Magazine of Herzen and Ogarev, the Third Department, Russian Foreign Agents in the 19th Century.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

Received: October 1, 2025. Accepted: October 9, 2025

Альманах
Тетради по консерватизму
№ 4 2025

Редактор
Е.М. Кострова

Художественное оформление
В.И. Кучмин

Компьютерная верстка
А.В. Талалаевский

<http://www.essaysonconservatism.ru/>
tetradipokonservatizmu@gmail.com

Подписано в печать 26.03.2026. Формат 60х90 1/8. Усл. печ. л. 33.75
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282 Москва, Полярная ул., д. 31В, стр. 1.
Тел. 8 (495) 685-93-18

